

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

МАТЕРИАЛЫ III МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Москва, 16-19 марта 2015 г.



МОСКВА 2015

УДК 902/903
ББК 63.4
Н76

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Подготовка и издание сборника осуществлены при поддержке РГНФ, проект «Организация и проведение III Международной конференции молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования»», № 15-31-01503 г1

Рецензенты:

д.и.н. Л.А. Беляев, к.и.н. А.Н. Ворошилов, к.и.н. О.М. Ворошилова, к.и.н. В.А. Гаиров, к.и.н. Л.А. Голофаст, А.В. Григорьев, к.и.н. С.В. Демиденко, д.и.н. М.В. Добровольская, к.и.н. И.Е. Зайцева, д.и.н. Э.Д. Зиливинская, А.А. Карпухин, к.и.н. А.А. Клещенко, к.и.н. В.Ю. Коваль, д.и.н. С.Н. Корневский, к.и.н. Д.С. Коробов, к.и.н. Г.Г. Король, к.и.н. Н.А. Кренке, И.Н. Кузина, к.и.н. С.В. Кузьминых, д.и.н. И.Л. Кызласов, к.и.н. Е.В. Леонова, д.и.н. А.А. Медынцева, В.С. Нефедов, д.и.н. А.М. Обломский, к.и.н. О.В. Орфинская, к.и.н. И.А. Сапрыкина, А.Н. Федорина, д.и.н. Ю.Б. Цетлин

Ответственный редактор и составитель
к.и.н. В.Е. Родинкова

Новые материалы и методы археологического исследования:
Н76 **Материалы III Международной конференции молодых ученых.** – М.: ИА РАН, 2015. – 208 с.: илл.
ISBN 978-5-94375-178-3

В сборник включены материалы к докладам, прочитанным молодыми учеными на III Международной научной конференции «Новые материалы и методы археологического исследования», прошедшей в Институте археологии РАН 16–19 марта 2015 г. Тематика охватывает широкий спектр проблем современной археологии.

Книга предназначена археологам, историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей.

УДК 902/903
ББК 63.4

В оформлении обложки использована иллюстрация к статье М.А. Юшковой

ISBN 978-5-94375-178-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2015
© Авторы статей, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРАЗИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОЧНИКИ И ПОСЛЕДНИЕ ОТКРЫТИЯ

Александрова О.И. Результаты трасологического анализа каменного инвентаря верхнепалеолитического слоя навеса Чыгай на Северо-Западном Кавказе	8
Бессуднов А.А. Исследование III культурного слоя Костенок 21 в ходе спасательных работ 2013–2014 гг.	10
Волокитина Н.А. Мезолитическая стоянка Пезмогты 6 на Вычегде	12
Денисова А.Н. К вопросу о бивневых браслетах из погребений стоянки Сунгирь (из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника)	13
Дога Н.С. К вопросу о возникновении производящего хозяйства в Нижнем Поволжье	15
Доронищева Е.В. Среднепалеолитические стоянки-мастерские Северо-Западного Кавказа	17
Епишев А.В. К вопросу о миграционных процессах на территории Юго-Восточной Прибалтики в позднем неолите	18
Еськова Д.К. Гравировки на камне верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2	20
Кандыба А.В. Каменный век Юго-Восточной Азии: материалы пещерного комплекса Зиём (Вьетнам)	22
Козликин М.Б. Новые данные по каменным индустриям среднего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры	23
Куличков А.А. Эволюция орнаментальных элементов на ямочно-ребенчатой неолитической керамике стоянки Долгое	25
Митрошин Е.Н. Комплексный анализ орудий с острым концом (острий) с памятников позднего каменного века Пермского Предуралья	27
Недомолкин А.Г. О некоторых тенденциях в развитии пластинчатой технологии в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа (по материалам Мезмайской пещеры)	29
Ожерельев Д.В. Археологические исследования на стоянках эпохи олдована Мухкай II, слой 80 и Мухкай IIIa (Внутренний Дагестан)	31
Павленок Г.Д. Техника скола в каменной индустрии стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье)	33
Павленок К.К., Кандыба А.В., Козликин М.Б. Материальный комплекс нижней пачки отложений стоянки Биоче (Черногория)	34
Плохенко Б.Г. Использование результатов белкового анализа при изучении культурного слоя верхнепалеолитических стоянок (на примере стоянки Каменная Балка II)	37
Солдатова Т.Е. Костяная индустрия памятника Костёнки 14/II: предварительные результаты исследования	39
Степанова К.Н. Терминологический аспект изучения немодифицированных каменных орудий верхнего палеолита, или Как объять необъятное?	41
Ткачева М.И. Неолитическая керамика Белорусского Посожья на примере материалов с памятника Рудня 1	43

Хрусталева И.Ю. Особенности расположения древних стоянок в долине р. Сертейки в Смоленской области (по результатам археологических разведок 2010 и 2014 гг.)	44
Чеха А.М. К проблеме дефляции каменного материала палеолитических местонахождений Северного Приаралья	46
Чеха А.Н. Вопросы изучения комплексов неолита – бронзового века Северного Приангарья (на материалах Усть-Кутарейского археологического микрорайона)	47
Шнайдер С.В. Туткавальская линия развития в мезолите Памиро-Алая	49
Юрецкий С.С. К проблеме типологии керамики культур лесного неолита Белорусского Понеманья	51

СЕВЕРНАЯ ЕВРАЗИЯ ЭПОХ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ:

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НОВЫХ НАХОДОК

Бахшиева (Фазрахманова) А.К. История изучения гончарных технологических традиций срубной культуры Южного Урала	53
Вальков И.А. Костяная индустрия поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука	54
Купцова Л.В. К вопросу о характеристике раннего этапа срубной культуры (по материалам некрополей Западного Оренбуржья)	56
Марьенкина Т.А. Особенности погребального обряда племен поздняковской культуры	57
Минакова Е.В. К истории изучения деревянной посуды срубной культурно-исторической общности	60
Новосёлова Е.В. Верховная власть в державе Уари: новые археологические данные	61
Поляков Ф.А. Находки каменных орудий на территории Уваровского района Тамбовской области	63
Попов А.С. К историографии каменной индустрии хвалынской культуры	65
Рахимжанова С.Ж., Зеленко М.Г. Новые данные о гончарной технологии ботайской культуры	67
Селин Д.В. Стратиграфическая позиция курганов и орнамент керамического комплекса эпохи поздней бронзы могильника Старый Сад (Барабинская лесостепь)	68
Сёмин Д.В. Характеристика каменных изделий из коллекции селища Муранка в Самарской области (экспериментально-трассологический анализ)	70
Спиридонов И.А. О некоторых новых металлических предметах эпохи бронзы лесостепного Притоболья	71
Тимушева И.М. Кремнеобрабатывающие мастерские на европейском Северо-Востоке	73
Файзуллин А.А. Выделение элит в обществе ямной культуры Волго-Уралья	75
Файзуллин И.А. Бытовые памятники эпохи поздней бронзы на территории Западного Оренбуржья	76
Федорук О.А. Украшения андроновской культуры как половозрастной маркер (по материалам памятников степного и лесостепного Алтая)	79
Фомичев А.В. Горно-металлургические комплексы на северной периферии Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра	80
Шорина А.А. Первые результаты исследования памятника черкакульской культуры Кордон Миассово 1 в Челябинской области	82

АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ: СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Бусова В.С. Кожаные изделия скифского времени из могильника Холаш: технологический анализ и реставрация	84
Головченко Н.Н. Роль предметного комплекса одежды в реконструкции костюма населения Верхнеобского региона эпохи раннего железа.....	85
Иванов А.В. К вопросу о западной границе расселения меотов Кубани (конец VI – начало III в. до н.э.).....	87
Капустина Е.П. Боспорские керамические сосуды с ручками в виде птицы: особенности иконографии.....	89
Кукина Д.А. Культурно-историческое соотношение памятников скифского времени Тувы	91
Мамедов Э.В. О месте расположения античного города Кавказской Албании Самуниса (Мингечаура).....	92
Молотилев Л.Б. Фракийские ритуальные комплексы Болгарии: классификация признаков	94
Мустафаев Л.Х. Административные постройки на территории Шамкирско-Караджамирлинского памятника периода Ахеменидов (археологические раскопки 2006–2014 гг.)	95
Олейник Т.В. О чем расскажут стены эллинистической усадьбы на Масляной горе?	97
Самойлова И.В. Столица Бактрии (в письменных источниках и по данным археологических исследований).....	99
Сейтов А.М. Случайные находки бронзовых котлов на территории Костанайской области (Северный Казахстан).....	102
Тихонов Р.В. «Варварское» подражание монете Гелиокла с городища Дабиль-курган в Северной Бактрии	104
Ушакова К.С. Новая находка керамического штампа из раскопок на хоре Херсонеса Таврического	106
Чурбанов М.О. Каменный оселок с тамгами с Темерницкого городища (Ростов-на-Дону).....	108
Шапцев М.С. Портретные эмблемы римского времени на доньях краснолаковых сосудов из Крыма	110

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:

ВЕЩИ И ИДЕИ

Артамкин А.Н. Средневековый керамический материал города Зубцова Тверской области из раскопа 2013 г.	112
Балашов А.А. К вопросу о взаиморасположении городищ Днепро-Донского междуречья в конце I тысячелетия н.э.	114
Баранов Н.А. Комплекс предметов личного благочестия с селища Скрипино 1 ..	115
Васильева Е.Е. Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: время бытования некрополя и типология выявленных погребальных сооружений (деревянных гробов).....	119
Веретюшкина М.В. Агрικультура славянского населения Бесединского археологического комплекса	121

Григорьева Н.В. Вещи славянской культуры в материалах Ладожского поселения последней четверти IX в. (из раскопок в южной части Земляного городища)	123
Григорьева О.В. Важность точной фиксации сфрагистических находок в распаханном слое древнерусских поселений (по материалам Новгородского городища)...	125
Дулебова Н.А. Реконструкция питьевого рога из Брянского клада	127
Зозуля С.С. О «дружинных» захоронениях в Петровском	130
Исмаилова А.З. О некоторых затопленных и утерянных средневековых городах на Каспийском побережье Азербайджана (по материалам Национального музея истории Азербайджана).....	132
Каравашкина Е.А. Глиняная посуда прикамского типа на селище Подгоры I в Самарской области.....	133
Кокорина Н.А. Комплекс нательных крестов из раскопок позднесредневекового кладбища в Суздале.....	135
Колонских А.Г. Поселенческая структура населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья: анализ пространственных данных	136
Королева А.М. Анализ сюжетных рисунков-граффити на предметах X–XV вв. из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника.....	138
Королева М.С. Ранние находки тканей древней мордвы III–VI вв.	139
Кузнецова В.Н. «Человек между двумя конями» (об одной разновидности двуглавых подвесок)	142
Курлович-Белявская П.С. Стекланные изделия XVI–XIX вв.: постановка проблемы и методы ее решения (по материалам городов Северной и Центральной Беларуси)	144
Микич И.Ж. История исследований некрополей Виминациума.....	145
Моряхина К.В. Предварительные результаты металлографического исследования перстней со средневековых памятников Пермского Предуралья	148
Мызгин К.В. Готские войны III в. в свете нумизматических источников с территории Восточной Европы.....	151
Нуретдинова А.Р., Валиулина С.И. Экспериментальное моделирование одной алхимической процедуры: к вопросу о назначении сфероконических сосудов.....	153
Проценко А.С. К проблеме мифологизации в археологической науке на Южном Урале на современном этапе	155
Суханов Е.В. Амфоры Ржевского могильника салтово-маяцкой культуры в контексте вопроса о хронологии амфорной тары хазарского времени	157
Трубникова В.Б. Сяньбийская изобразительная традиция как индикатор присутствия сяньбэй (сяньби) в Южной Сибири	159
Фатьков А.М., Федонин Р.А. Средневековые монеты селища Большое Саврасово-2.....	160
Халмуминов У.Р. Металлургическое производство Среднеазиатского Междуречья в эпоху средневековья	163
Ховалыг У.Т. Новые рунические надписи наскального памятника Алаш II	165
Юшкова М.А. Комплекс находок римского времени из могильника Малли в Ленинградской области (раскопки 2010–2013 гг.).....	167

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД: ОЖИДАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Антонов Е.Е. Стратиграфия «цитадели» Кара-Тобе и возможности применения «матрицы Харриса»	170
Борисов А.В., Чернышева Е.В. Проблемы и перспективы использования методов почвенной микробиологии на археологических памятниках	171
Долгих А.В., Мацковский В.В., Воронин К.В. Сравнительное радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование средневековых объектов русской живописи	173
Каданцев Д.М. 3D реконструкция кургана на примере курганного могильника Темясово-1	175
Кириченко Д.А. Антропологические исследования в Азербайджане в XX в.	177
Колосов В.П. Опыт статистического анализа вариаций формы архитектурных деталей методами геометрической морфометрии (на примере триглифов античного времени)	179
Мананкова Е.С. Проектирование базы данных археологических памятников Удмуртского Прикамья для последующего пространственного моделирования	181
Никитина А.В. Традиции изготовления форм глиняной посуды оседлого населения Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов	183
Никулина А.В. Использование ГИС-методов для пространственного анализа археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи	185
Новиков В.В., Галеев Ф.С., Каинов С.Ю. Методика 3D-реконструкции ландшафта и визуализации археологических объектов на примере Большого кургана из раскопок В.И. Сизова в Центральной группе Гнёздовского археологического комплекса	187
Острирова Е.С. Палеоклиматические и палеогеографические данные в изучении доколумбовых цивилизаций Андского региона Южной Америки	189
Пахунов А.С. Примеры использования современных фотографических методов фиксации археологических объектов	191
Столярова Д.А. Химический состав металла украшений из Тарского (Октябрьского) могильника	193
Сумманен И.М. ICP-MS анализ древней керамики: возможности и ограничения метода	195
Тарасова А.А. Геометрическая морфометрия как метод сравнительного количественного анализа формы археологических объектов	196
Требелева Г.В., Хондзия З.Г., Юрков Г.Ю. Великая Абхазская (Келасурская) стена. Новые открытия	198
Трошина А.А. Эволюция ландшафтов в округе Щуровского могильника в I тыс. н. э.	200
Холкина М.А. Анализ состава формовочной массы керамики памятника Подолье-1 (Южное Приладожье)	202
Щербаков В.Л. Некоторые технологические особенности сельскохозяйственного инструментария центральных районов Северо-Восточной Руси	204
Список сокращений	207

КАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРАЗИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОЧНИКИ И ПОСЛЕДНИЕ ОТКРЫТИЯ

О.И. Александрова

*Институт археологии РАН, Москва
adamena@mail.ru*

РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ НАВЕСА ЧЫГАЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Трасологическому анализу была подвергнута коллекция каменных изделий, происходящих из верхнепалеолитического культурного слоя навеса Чыгай на Северо-Западном Кавказе. Возраст слоя предварительно определен в диапазоне 16–14 тыс. л.н. (Леонова и др., 2014. С. 325). Коллекция каменного инвентаря насчитывает чуть более 3000 артефактов. Среди орудий присутствуют концевые скребки, резцы, острия различных форм, пластинки и микропластинки с притупленным краем и скошенным концом, прямоугольники и пластинки со скребковидным окончанием (Леонова и др., 2013. С. 373).

В задачи трасологического анализа входило изучение следов на поверхности орудий на макро и микроуровне с целью установления выполняемых ими функций, кинематики работы орудиями. Исследование осуществлялось с использованием бинокулярного микроскопа МБС-2 и металлографического микроскопа Olympus с увеличением в диапазоне 50–500 крат, а также зеркального фотоаппарата Canon EOS 1100D. К работе привлекалась выборка из 600 изделий из камня. Она включала все артефакты с признаками вторичной обработки (484 ед.), группу нуклевидных, а также часть пластинчатых заготовок и отщепов без признаков вторичной обработки.

Поверхность ряда каменных изделий покрыта известковыми натёками, что затрудняло либо делало невозможной диагностику следов на них. Среди повреждений поверхности присутствует люстраж, происхождение которого связывается с постдепозиционными процессами в слое. На поверхности 19 изучаемых артефактов зафиксированы остатки, предположительно, органического происхождения (рис. 1а). Ближайшие аналогии им по форме, облику, характеру расположения можно найти на каменных изделиях соседнего с навесом Чыгай многослойного памятника пещера Двойная (Александрова и др., 2014).

Следы утилитарного износа удалось зафиксировать на 198 изделиях (33% от выборки). В зависимости от вида выполняемой работы и типа обрабатываемого материала каменные предметы были объединены в функциональные группы (рис. 1б).

Процентное распределение орудий по функциональным группам демонстрирует преобладание изделий с признаками износа, характерными для обработки твердых органических материалов (кости/рога, дерева), в общей сложности составляющих 63 % от всех предметов со следами. Группа орудий по обработке кости/рога включает скобели, резцы, пилки (всего 61 ед.). Более половины этой группы – скобели, резцы и орудия, на которых зафиксированы сочетания следов скобления и резания кости. В коллекции присутствуют два изделия из кости: обломок острия и иголка с прорезным ушком (Леонова и др., 2013. С. 373).

Функциональная группа орудий по обработке дерева включает изделия, связанные со строганием, резанием, скоблением, пилением (всего 52 ед.). Абсолютно преобладают функции скобления и строгания дерева.

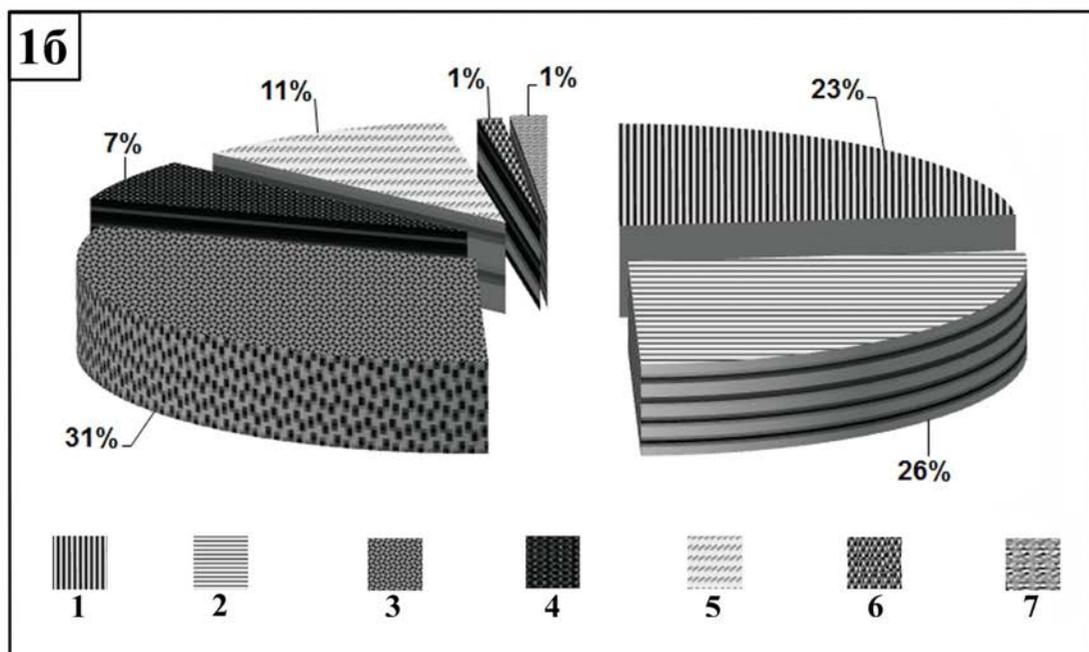
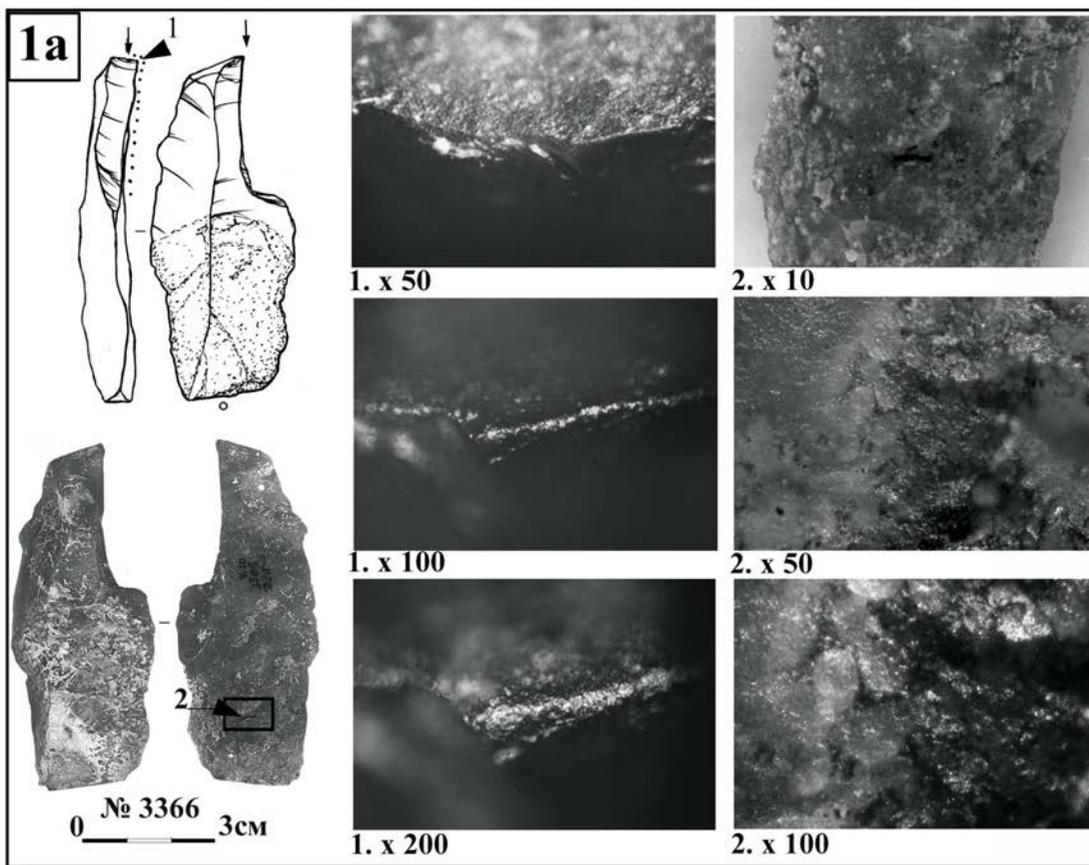


Рис. 1. Навес Чыгай, верхнепалеолитический слой.

1а: 1 – резец на сломе пластины с микроизносом, характерным для резания кости; 2 – остатки, предположительно, органического происхождения на вентральной поверхности аккомодационной части орудия;

1б – процентное соотношение функциональных групп каменных орудий: 1 – орудия охоты и разделки охотничьей добычи; 2 – орудия для обработки дерева; 3 – орудия для обработки кости/рога; 4 – орудия для обработки неопределимого твердого материала; 5 – орудия для обработки шкур и кожи; 6 – полифункциональные орудия; 7 – орудия для обработки камня.

В составе группы охотничьего вооружения и орудий разделки добычи (всего 46 ед.) наиболее многочисленна серия цельных симметричных наконечников стрел, представленных остриями и их обломками, а также несколькими экземплярами пластинок и микропластинок с притупленным краем, микропластинкой с ретушью, прямоугольником. Вкладыши составного вооружения представлены прямоугольниками, а также единичными МППК и микропластинкой с ретушью и определены в качестве вкладышей по наличию диагностирующих макроповреждений. Орудия для разделки охотничьей добычи – ножи на пластинчатых заготовках без признаков вторичной обработки.

Орудия, связанные с обработкой шкур/кожи (всего 21 ед.), представлены морфологически выраженными скребками со следами скобления. К этой группе относятся также пластинчатые заготовки без признаков вторичной обработки со следами резания шкуры/кожи. В качестве проколов использовались приостренные сломы пластинки и отщепы без вторичной обработки.

Орудия, связанные с обработкой камня, представлены тремя ретушерами из нуклеусов. Поверхности и грани таких предметов несут на себе следы многочисленных смятий, звездчатой забитости.

Группу полифункциональных орудий составляют два изделия: морфологически выраженный резец, который использовался в качестве резца по кости и ретушера, и концевой скребок по шкуре, который впоследствии был переоформлен в резец по кости.

Следы аккомодации выражены в виде истирания граней орудий в зоне их крепления в рукоять, а также морфологически – в виде намеренно нанесенных выломов, забитостей, выемок, участков ретуши, подтесок и пр.

Процентное соотношение функциональных групп на стоянке демонстрирует весь спектр деятельности, связанной с охотой и выполнением бытовых операций по изготовлению орудий из органических материалов, обработкой шкур. Подобное распределение характерно для неспециализированных стоянок с охотничьей направленностью.

Александрова О.И., Киреева В.Н., Леонова Е.В., 2014. Опыт исследования остатков веществ органического и неорганического происхождения на поверхности каменных орудий из мезолитического слоя пещеры Двойная // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. № 4 (60). С. 2–12.

Леонова Е.В., Александрова О.И., Антипушина Ж.А., Сердюк Н.В., Спиридонова Е.А., Тесаков А.С., 2013. Комплексные исследования многослойных памятников каменного века в Губском ущелье // Труды VIII Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 373–375.

Леонова Е.В., Антипушина Ж.А., Сердюк Н.В., Спиридонова Е.А., Тесаков А.С., 2014. Культурная адаптация древнего человека и реконструкция среды обитания в предгорьях Северо-Западного Кавказа в конце плейстоцена – начале голоцена (по материалам из раскопок в пещере Двойная и навеса Чыгай) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 324–327.

А.А. Бессуднов

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
bessudnov_a22@mail.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ III КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ КОСТЕНОК 21 В ХОДЕ СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ 2013–2014 ГГ.¹

В 2013–2014 гг. силами Костенковской археологической экспедиции ИИМК РАН проводились спасательные работы на двух разрушающихся участках стоянки Костенки 21, обнаруженных в обнажении правого берега р. Дон. На месте первого участка (2013 г.) была произведена небольшая расчистка. Она зафиксировала практически полностью разрушенный слабонасыщенный культурный слой, состоявший из расщепленных кремней,

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 14-06-31134-мол_а.

костей мамонта и углистого пятна, который продолжался в сторону коренного берега. В ходе осмотра обнажений берега в следующем году культурные остатки на месте расчистки 2013 г. и рядом с ней не обнаружены.

В 2014 г. в 35 м к СЗ от первой расчистки обнаружена еще одна разрушающаяся линза культурного слоя III, на месте которой произведена зачистка с глубины 5,5 м от современной поверхности террасы (7 м над урезом воды), примыкавшая восточной частью к линии обрыва.

На вскрытом в 2014 г. участке прослежена типичная для стоянки стратиграфия. В верхней части разреза западной стенки фиксируется тонкая субгоризонтальная прослойка гумусированного сильно опесчаненного суглинка (верхняя погребенная почва (Лазуков, 1982)). К ней приурочены находки двух осколков цветного моренного кремня, относящихся к культурному слою II. Культурные слои II и III разделяет стерильная пачка тонкослоистых горизонтально-волнистых прослоек песка и суглинка с включениями линз меловой крошки, мощность которой достигает 1 м. Основной горизонт находок III культурного слоя залегает в средней части гмелинской почвы, насыщенной карбонатами и сильно ожелезненной. В ходе работ зафиксированы два горизонта генераций мерзлотных трещин, одна из которых начиналась с уровня культурного слоя II, вторая – с верхней части гмелинской почвы. Уровень залегания находок III культурного слоя разбит этими трещинами, при зачистке поверхности образующими полигональную сетку.

Культурные остатки III слоя встречены на всей вскрытой площади, однако наибольшая их концентрация прослежена на площади около 2 кв. м на высоте 5 м над урезом воды. Основной горизонт залегания находок включает преимущественно расщепленные кремни, мелкие фрагменты костей (3–4 см), единичные комочки красной охры и кусочки древесных углей. Скопление не имело резких границ, какие-либо конструктивные элементы не обнаружены. Разброс находок по вертикали – 7–10 см, однако часть кремневых предметов (преимущественно больших размеров) находилась ниже основного уровня залегания в заполнении клиньев. Наибольший отрыв находок в мерзлотных трещинах от уровня культурного слоя достигает 40 см, при этом большинство кремневых предметов, обнаруженных в заполнении трещин, залегают на ребре или стоят вертикально. Ниже основного горизонта залегания находок на 10–20 см обнаружены фаунистические остатки, в основном представленные костями мамонта. Здесь, в отличие от основного яруса залегания материалов, встречены только крупные кости. Лишь несколько из них имеют субгоризонтальное положение, большая часть фиксировалась наклонно под большими углами. Особо следует отметить целое ребро мамонта на кв. 102, практически стоящее вертикально. Отрыв костей от основного уровня залегания находок и характер их расположения, а также вертикальная сортировка кремневого инвентаря (в заполнении клиньев обнаружены преимущественно крупные предметы) свидетельствуют о значительных мерзлотных процессах, частично деформировавших культурный слой. В то же время принадлежность основного горизонта кремневых находок и горизонта костей к одному культурному слою не вызывает сомнений.

Кремневая коллекция из расчистки 2013 г. насчитывает менее 50 экз., в то время как количество предметов из раскопа 2014 г. превышает 400 единиц. Существенных различий в кремневом инвентаре различных участков не наблюдается. Преобладают чешуйки и мелкие отщепы, также многочисленны резцовые сколы и микропластинки без обработки. Обнаружены три нуклеуса – два торцовых и один дисковидный, изготовленный из местного кремня. Среди изделий со вторичной обработкой абсолютное большинство принадлежит резцам. Все они двугранные, иногда многофасеточные, тесно примыкающие к категории вторичных ядрищ. Не встречено ни одного резца, изготовленного на ретушной площадке. Среди единичных находок – долотовидное изделие, три микропластинки с притупленным краем, одно микроострие и концевой скребок. В целом облик коллекции не противоречит ранее полученным данным о кремневой индустрии стоянки. Исследованные здесь в 1950–1980-е годы комплексы значительно отличались между собой как по процентному содержанию находок разных категорий, так и типо-

логическому набору каменного инвентаря, что объяснялось различной функциональной направленностью участков памятника (Праслов, Иванова, 1982; Иванова, 1985). Исследования 2014 г. позволили обнаружить новый «производственный» комплекс, преимущественно связанный с деятельностью по изготовлению и переоформлению резцов, а также производству мелких пластинчатых заготовок.

Таким образом, работы 2013–2014 г. на стоянке Костенки 21 выявили новые участки концентрации III культурного слоя, ранее считавшегося полностью исследованным. Следует обратить внимание, что работы на памятнике никогда не были плановыми и всегда носили характер спасательных (Праслов, 1985). Несмотря на значительную исследованную площадь основного культурного слоя (более 500 кв. м), изучение новых участков позволяет еще раз затронуть вопрос о различиях в функциональной направленности участков стоянки, а также уточнить структуру обширного поселения. Немаловажными представляются и проблемы наличия отложений позднеледникового максимума в Костенках и воздействия мерзлотных процессов на характер культурного слоя, способствовать решению которых будет всестороннее изучение генераций мерзлотных трещин.

Иванова М.А., 1985. Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 17 с.

Лазуков Г.И., 1982. Характеристика четвертичных отложений района // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Под ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. Л.: Наука. С. 13–37.

Праслов Н.Д., Иванова М.А., 1982. Костенки 21 (Гмелинская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Под ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. Л.: Наука. С. 198–210.

Праслов Н.Д., 1985. Гравированные изображения животных в Гмелинской позднеледниковой стоянке (Костенки 21) // Млекопитающие Северной Евразии в четвертичном периоде. Труды Зоологического института. № 131. С. 114–118.

Н.А. Волокитина

*Сыктывкарский государственный университет
anjis@rambler.ru*

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПЕЗМОГТЫ 6 НА ВЫЧЕГДЕ

Памятник Пезмогты 6 расположен в окрестностях с. Пезмог Корткеросского района Республики Коми, в 0,75 км к югу от современного русла р. Вычегда на небольшом дюнообразном всхолмлении высотой около 2 м, приуроченном к западному краю песчаного останца террасы. Это отличает стоянку от других памятников у оз. Пезмогты, расположенных по восточному краю останца. Стоянка была открыта в 2005 г., исследовалась с 2007 по 2009 г. Общая вскрытая площадь составляет 94 кв. м.

На памятнике наблюдается обычная для «боровых террас» последовательность отложений: растительная подстилка, белесый подзол и желтый иллювиальный горизонт. Он осложнен многочисленными нарушениями, связанными с ветровалом, когда корни падающей сосны переместили горизонты почвы. Культурные остатки зафиксированы как в подзоле, так и в смешанном, и в иллювиальном горизонтах.

Коллекция стоянки Пезмогты 6 состоит из 5742 предметов, в том числе 5669 изделий из кремня, 64 – из некремневых пород камня и 19 фрагментов кальцинированных костей. Предметы из некремневых пород представлены осколками, отщепами и обломками плиток кварцитопесчаника и сланца, присутствуют щебень и обломки галек.

Кремневый инвентарь включает пластины и орудия из них (2878 экз.), отщепы и орудия из отщепов (1233 экз.), отщепки резцовые (8 экз.), чешуйки (1298 экз.), куски (5 экз.), осколки (189 экз.), плитки (4 экз.), осколки и отщепы термические (33 экз.). Нуклеусов и их фрагментов встречено 23 экз., имеются заготовки нуклеусов (3 экз.).

Технологические сколы представлены ребристыми (179 экз.), сколами поджигания и подработки площадки нуклеуса (122 экз.), первичными (49 экз.), сколами удаления проблемных участков (5 экз.), оформления фронта нуклеуса (2 экз.), обработки ребра нуклеуса, переформления и подправки фронта нуклеуса (2 экз.). Среди нуклеусов необходимо отметить наличие карандашевидных (2 экз.). Можно предположить, что памятник представляет собой кратковременную неспециализированную стоянку-мастерскую. Все нуклеусы – в неактивной стадии расщепления, имеют последние короткие, неудачные снятия. Кремнеобработка на памятнике заключалась в оформлении нуклеусов, их утилизации и получении сколов-заготовок. Вместе с тем выявлено достаточное количество готовых и утилизированных орудий.

Графики распределения пластин по ширине имеют выраженный пик узких пластинок. Это так называемый «камский тип» распределения (Волокитин, Косинская, 1995).

Орудийный набор включает 364 изделия. Это резцы (68 экз.), вкладыши составных орудий (63 экз.), пластины с ретушированными и усеченными концами (40 экз.), пластины и их обломки с ретушью и ретушью утилизации (71 экз.), долотца (43 экз.), отщепы с ретушью (16 экз.), острия (11 экз.), скребки и микроскребки (16 экз.), ножи (2 экз.), выемчатые орудия (6 экз.), орудие с выступом, пластинки с притупленным краем (3 экз.), пластины с резцовым сколом (12 экз.). Подавляющее число орудий (336 экз.) изготовлено на пластинах и лишь 21 – на отщепах.

В коллекции представлен наконечник стрелы иволистной формы. Такие наконечники в рассматриваемом регионе характерны для памятников эпохи бронзы. В урочище Шойнаяг к эпохе бронзы относится кремнеобрабатывающая мастерская Пезмогты 2, расположенная на расстоянии 300 м к югу от описываемой мезолитической стоянки.

Для материалов стоянки характерна высокая степень микролитизации при наличии карандашевидных нуклеусов. Ограниченный набор морфологически выраженных орудий, присутствие в орудийном наборе «долотец», вкладышей составных орудий позволяют отнести памятник Пезмогты 6 к приуральской традиции мезолита региона и датировать VIII тыс. до н.э.

Топография памятника имеет свои особенности по сравнению с другими стоянками Пезмогского микрорайона. Он располагается на гривистом всхолмлении и приурочен к краю останца, обращенному к пойменному сегменту.

На данный момент стоянка представляет собой первый мезолитический памятник в долине среднего течения р. Вычегда, при изучении которого основная масса находок фиксировалась в трех плоскостях, а грунт просеивался. Последнее необходимо для адекватного представления о микролитической кремневой индустрии. Полученные данные позволяют отнести стоянку Пезмогты 6 к опорным памятникам мезолита европейского Северо-Востока.

Волокитин А.В., Косинская Л.Л., 1995. К проблеме культурогенеза мезолита Европейского Северо-Востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье: Сыктывкар. С. 25–44. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 13.)

А.Н. Денисова

*Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Владимир
Bizeva33@gmail.com*

К ВОПРОСУ О БИВНЕВЫХ БРАСЛЕТАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СТОЯНКИ СУНГИРЬ (ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

На стоянке Сунгирь пластинчатые браслеты были обнаружены в погребении мужчины и парном детском погребении, открытых в 1964 и 1969 гг. (Бадер, 1978). Всего, по данным музейной описи, в коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника

находятся 7 целых, 10 почти полной формы (у них утрачен один или оба конца) и 196 обломков браслетов из бивня мамонта. Судя по всему, многие фрагменты – части одних и тех же предметов. Это видно по ширине, толщине пластин, их цвету, но обломки не составляют между собой из-за множественных утрат. В процессе работы были выделены 5 целых и 30 предполагаемых (состоящих из множества фрагментов, принадлежащих одному предмету) браслетов из захоронения мужчины и 2 целых и 35 предполагаемых браслетов из детского погребения.

Сунгирские браслеты изготавливались из тонких пластинок бивня мамонта, имеющих в сечении вытянутую миндалевидную форму. Сверление отверстий проводилось, в зависимости от толщины пластинки, с одной или двух сторон. Двухстороннее сверление преобладает на браслетах из мужского погребения (5 экз. из 9 рассмотренных), пластинки которых немного толще, чем у браслетов в детском захоронении. На одном экземпляре около отверстия имеется высверленная ямка – начатое, но не законченное по какой-то причине отверстие.

Для систематизации браслетов использовалась типология, предложенная А.Н. Муравьевой. Она была разработана на основе разницы в размерах (ширине) пластин и особенностей обработки концов браслетов (Муравьева, 2001. С. 86–92). I тип составляют широкие браслеты с шириной пластины от 21 до 10 мм (13 экз.). II тип – узкие браслеты с шириной пластины менее 10 мм (16 экз.)

В I типе выделены 2 подтипа по наличию отверстий на концах браслета.

1 подтип – браслет с двумя отверстиями (1 экз.) Оба конца имеют подчетыреугольную форму. На каждом из них просверлены по два отверстия для продевания шнура или нити. При реставрации на внутренней и внешней поверхностях обнаружен точечный орнамент из круглых ямочек-сверлин.

2 подтип – браслеты с одним отверстием на концах (12 экз.). По форме концов в данном подтипе выделяются виды:

А) браслеты с подчетыреугольными концами (7 экз.);

Б) браслеты со скругленными концами (3 экз.);

В) браслеты с разной формой концов (2 экз.).

Все браслеты II типа имеют по одному просверленному отверстию на каждом конце. Здесь по форме концов могут быть выделены четыре вида:

А) браслеты с подтреугольными концами (5 экз.).

Б) браслеты с подчетыреугольными концами (6 экз.).

В) браслеты со скругленными концами (4 экз.).

Г) браслеты с концами разной формы (1 экз.).

Есть три примера, когда концы одного целого браслета оформлены по-разному. У двух экземпляров из погребения мужчины один конец имеет подтреугольную форму, а другой – подчетыреугольную. В детском захоронении у одного браслета подтреугольный и скругленный концы. Возможно, это было сделано для ускорения процесса отделки пластин.

Цвет браслетов различен – от желтоватого до темно-коричневого. На поверхности многих браслетов сохранились следы охры.

Маленькие размеры некоторых браслетов заставляют задуматься о способах их ношения. Некоторые из них найдены в составе так называемых широких браслетов (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь..., 1998. С. 89). Скорее всего, они располагались поверх одежды. Известны изображения таких украшений на антропоморфных статуэтках (Абрамова, 1960. С. 133). Другие же, скорее всего, были надеты прямо на руку (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь..., 1998. С. 89). Длина браслетов, однако, не связана со способом их ношения. Самая короткая целая пластина имеет длину 8 см. Этот браслет располагался под правым плечом мальчика. Диаметр пластины слишком мал (ок. 2,5 см); даже детская рука в обхвате гораздо больше 3 см. Возможно, концы браслета стягивались шнурами не сильно, или пластина могла быть пришита к одежде, как и низки бусин из бивня мамонта. Тогда она не обхватывала всю руку, а располагалась на

внешней (видимой со стороны) ее части. Еще один целый браслет из детского погребения имеет длину 11,9 см (диаметр – 3,8 см). Он располагался на локтевой кости девочки и мог надеваться на голое запястье.

Браслеты с Сунгирской стоянки являются частью погребального инвентаря, поэтому можно предположить, что они были не просто украшением, а указывали на определенное социальное положение их обладателей и имели важное символическое значение.

Сейчас в фондах музея находятся 7 целых браслетов (с двумя сохранившимися концами) 6 браслетов почти полной формы (с одним сохранившимся концом) и 28 фрагментов браслетов с сохранившимися отверстиями или следами их сверления. Однако О.Н. Бадер определял количество браслетов в 47 штук, следовательно, их концов должно быть минимум 94. Очевидно, многие фрагменты не попали в музей. Возможно, они были утрачены при разборке монолитов погребений.

Абрамова З.А., 1960. Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека эпохи верхнего палеолита в Европе и Сибири. М. (МИА. № 79.)

Бадер О.Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука,

Муравьева А.Н., 2001. Браслеты из погребения мужчины со стоянки Сунгирь // Материалы исследований Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир.

Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда), 1998. М.

Н.С. Дога

*Поволжская социально-гуманитарная академия, Самара
natalidoga@yandex.ru*

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В административно-территориальном смысле Нижнее Поволжье включает в себя Астраханскую, Волгоградскую, Саратовскую области и Республику Калмыкию. Неолит и энеолит здесь развивался в атлантический период голоцена. В это время на территории Нижнего Поволжья по данным споро-пыльцевого анализа доминировала степная растительность (Иванов, Васильев, 1995). Возникновение производящего хозяйства в степном Поволжье исследователи относят к эпохе неолита. Нижнее Поволжье является контактным регионом между Кавказом и Средней Азией, где производящее хозяйство сформировалось достаточно рано. На этом базируется мнение, что домашние животные в Прикаспии появляются еще в раннем неолите. Так, П.М. Кольцов утверждает, что наличие домашнего скота у обитателей поселения Джангар не вызывает сомнений (1984). В более поздней работе он конкретизирует, что «первые свидетельства принципиально нового этапа в развитии местного первобытного общества отмечены в верхнем слое, где зафиксированы кости овцы, быка и лошади, близкие к домашним особям» (Кольцов, 2004). О доместикации в позднем неолите писал А.И. Юдин на основании изучения Варфоломеевской стоянки. В частности, в слое 2А первоначально были определены кости одной особи овцы, что свидетельствует о начале перехода к производящему хозяйству. К верхнему слою наблюдается сокращение численности лошади, и А.И. Юдин связывает это с началом процесса одомашнивания (Юдин, 2012). Однако, по определениям остеологов, на прикаспийских неолитических памятниках обнаружены кости лишь диких животных (Кузьмина, 1988). В этой связи примечательна информация П.М. Кольцова о том, что в верхнем слое поселения Джангар встречена воротничковая керамика с накольчатый орнаментом и двусторонне обработанные наконечники, трапеция со струганной спинкой (Кольцов, 2005). Такое сочетание присуще раннеэнеолитическому периоду. Учитывая этот факт, можно предположить, что кости домашних животных относятся к указанному времени. Что касается Варфоломеевской стоянки, то, по устному сообщению П.А. Косинцева, лошадь из неолитических памятников нельзя включать в состав домашних животных, так как нет надежных морфологических признаков, позволяющих различать

костные останки диких и домашних лошадей в период неолита – раннего энеолита. Изучение коллекции позволяет с уверенностью говорить об отсутствии даже зачатков животноводства у населения Варфоломеевской стоянки, поскольку наличие костей домашней овцы не подтвердилось (Косинцев и др., 2008).

В отличие от неолитических стоянок, в остеологических комплексах которых представлены только дикие виды, в энеолитическом хвалынском материале появляются кости овцы (Барынкин, 2003). Эпоха энеолита в Северном Прикаспии представлена такими памятниками, как Курпеже-Молла, Кара-Худук, Кызыл Хак. На них отмечены находки костей овцы и лошади (Кузьмина, 1988). Опираясь на памятник Курпеже-Молла не совсем корректно, так как на нем не сохранился культурный слой, а находки относятся к разным эпохам. На стоянке Кара-Худук культурный слой сохранился относительно хорошо, комплекс гомогенный (Барынкин, Васильев, 1988). Останки овцы с этого памятника составили 6% от общего числа костей (Кузьмина, 1988).

По утверждению А.И. Юдина, энеолит в степях Нижнего Поволжья знаменуется прочным установлением производящего хозяйства. Вместе с тем в зимнее время выпас скота здесь, в отличие от Прикаспия, был невозможен, что привело к появлению модели отгонного животноводства (Юдин, 2012). Эти данные, однако, относятся к хвалынской культуре развитого энеолита. Для прикаспийской культуры раннего энеолита таких данных в настоящий момент нет. По устному сообщению А.И. Юдина, «чистые» памятники прикаспийской культуры и стоянки со смешанным культурным слоем не содержат фаунистических остатков. Вопрос о наличии производящего хозяйства в раннем энеолите Нижнего Поволжья до недавнего времени оставался открытым.

Сейчас ситуация кардинально изменилась. В 2014 г. продолжилось исследование однослойной стоянки прикаспийской культуры Орошаемое I в Александровгайском районе Саратовской области. Кроме керамики и кварцитового инвентаря раннего энеолита здесь обнаружен остеологический материал. П.А. Косинцевым определены кости кулана, сайги и других диких животных. Кроме того, найдены останки овцы и козы, домашняя принадлежность которых бесспорна. Таким образом, стоянка Орошаемое I – уникальный памятник прикаспийской культуры, для которого установлено наличие домашних животных.

- Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев. С. 123–142.
- Барынкин П.П., 2003. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара. С. 47–61.
- Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почва Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект. 258 с.
- Кольцов П.М., 1984. Поселение Джангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев. С. 79–91.
- Кольцов П.М., 2004. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф. 155 с.
- Кольцов П.М. 2005. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: ГЖО «Воскресенье». 352 с.
- Косинцев П.А., Гасилин В.В., Саблин М.В., 2008. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевка в степном Поволжье // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург. С. 25–101.
- Кузьмина И.Е., 1988. Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев. С. 173–183.
- Юдин А.И., 2012. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга. 212 с.

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ-МАСТЕРСКИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА¹

Разные типы стоянок: сезонные лагеря, места забоя животных, стоянки активного обитания, кратковременные стоянки, а также стоянки-мастерские и мастерские позволяют судить о сложной социальной организации в эпоху среднего палеолита. Памятники на месторождениях сырья с сохранившимся культурным слоем представляют большой интерес для решения вопросов хозяйственного облика, способов организации добычи, обработки каменного сырья, его использования и транспортировки.

На Северо-Западном Кавказе известно пять памятников среднего палеолита, которые можно определить как стоянки-мастерские: Монашеская (Беляева, 1999) и Баракаевская (Любин, Аутлев, 1994) пещерные стоянки, стоянки открытого типа Хаджох-2 (Дороничева, 2013), Бесленевская-1 (Голованова, Дороничев, в печати) и, видимо, Ильская II слой 3 (Щелинский, 2005). Все памятники являются многослойными и расположены непосредственно на источниках сырья.

Стоянки-мастерские активного обитания. К этому типу памятников относятся мустьерские слои (2, 3а, 4) Монашеской пещеры и слой 2 Баракаевской. Основу сырьевой базы неандертальцев здесь составлял кремьень Губского ущелья (Любин, Аутлев, 1994).

Состав коллекции Монашеской пещеры подтверждает, что весь процесс расщепления местного кремня осуществлялся на стоянке (Беляева, 1999. С. 71. Табл. 2). Процент нуклеусов в коллекции достаточно низкий: от 0.5% в горизонтах 1–2 слоя 3А до 1.4% в слое 2 Монашеской и только 0.3% в Баракаевской пещере. Важной чертой этого типа стоянок-мастерских является полисырьевая база индустрий. Приносные виды сырья преимущественно представлены орудиями (Беляева, 1999. С. 72).

Расчет количества сколов на количество нуклеусов показал следующие результаты: 63,5 скола на нуклеус в слое 2, 167,3, 134,7 и 88,4 соответственно в горизонтах 1, 2 и 3 слоя 3А, 59 в слое 4 Монашеской пещеры и 33,2 скола на нуклеус в слое 2 пещеры Баракаевская. Большое количество сколов может быть связано с тем, что кроме местного сырья на стоянках имеются сколы и орудия из приносного кремня. Кроме того, значительное число сколов оставляли на стоянке, частично их использовали. Процент орудий на стоянках-мастерских активного обитания выше, чем на кратковременных стоянках-мастерских: от 4,2% в слое 4 до 3,6% в слое 2 Монашеской пещеры и 3,7% в слое 2 Баракаевской.

Возможно, к типу стоянок-мастерских относится и 3-й слой стоянки открытого типа Ильская-II. В нем В.Е. Щелинский предполагает существование мастерской по обработке доломита (2005), из которого изготовлено большое количество отщепов, пластин и треугольных острий. К сожалению, количественные данные по категориям находок для этого памятника пока не опубликованы.

Кратковременные стоянки-мастерские. К этому типу можно отнести стоянки-мастерские Хаджох-2 (слои 6 и 7) и Бесленевская-1 (слои 3 и 4). Важной их особенностью является то, что практически все изделия – из местного сырья. Для индустрий характерны низкие показатели количества сколов на один нуклеус, что позволяет предполагать, что лучшие сколы и орудия уносились. Отмечается еще более низкое процентное содержание орудий.

Для памятника Бесленевская-1 имеются только предварительные данные (Голованова, Дороничев, в печати). В коллекциях 3-го (67 экз.) и 4-го (11 экз.) среднепалеолитических слоев преобладают продукты первичного расщепления: нуклеусы, отщепы, чешуйки, осколки. Сколы с ретушью единичны. В подъемном материале представлено бифасиальное скребло, имеющее аналогии в индустриях восточного микока.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 14-31-01209а2 «Функциональная вариабельность среднепалеолитических памятников на Северо-Западном Кавказе. Комплексное исследование стоянки Хаджох-2».

Изучение стоянки-мастерской Хаджох-2 началось в 2008 г. (Дороничева, 2013). Слои 1–3, 4В и 5 не содержали археологических находок. В слоях 4А и 4С обнаружено небольшое количество кремневых артефактов. Наиболее многочисленные коллекции происходят из нижних культурных слоев 6 (889 экз.) и 7 (1719 экз.). Доминируют отходы первичного расщепления: нуклеусы, сколы, осколки, фрагменты расколотых желваков и чешуйки. Процентное содержание нуклеусов здесь выше, чем на стоянках-мастерских активного обитания: 5,6 % в слое 6 и 9,1% в слое 7.

Во время формирования слоя 6 человек мог находиться на стоянке более длительное время. Больше количество сколов оставалось на месте: ок. 9,98 экз. сколов на нуклеус. В слое 7 сохранилось в среднем 5,8 скола на нуклеус. Вероятно, большая часть сколов была унесена. Кроме того, в слое 6 больше пластинчатых сколов и ретушированных орудий. Здесь также более активно изготавливались бифасиальные орудия.

Процент орудий ниже, чем в Монашеской и Баракаевской пещерах. В слое 6 он составляет только 0,8%, а в слое 7 – 1,1%. Выделена серия бифасиальных форм, характерных для индустрий восточного микока.

Проведенные исследования показали, что месторождения кремня были хорошо известны неандертальцам и активно ими использовались. Так, кремень из долины р. Средний Хаджох (шаханское месторождение) обнаружен в слоях среднего палеолита в Мезмайской пещере (на расстоянии 30–40 км) и пещере Матузка (ок. 30 км). Транспортировка сырья осуществлялась преимущественно в виде сколов и орудий. Изучение образцов кремня Губского ущелья позволило выделить это сырье в материалах пещеры Мезмайская (ок. 50 км). Цветные кремни бесленеевского месторождения обнаружены в материалах пещер Мезмайская (50–60 км), Матузка (80–90 км) и стоянки открытого типа Баранаха-4 (ок. 70 км).

Только комплексное исследование всех типов стоянок древнего человека, проведение естественнонаучных анализов образцов сырья из коллекций стоянок и месторождений, изучение вариантов его транспортировки и использования позволяют получать новые данные об освоении ресурсов, мобильности, территории обитания, разнообразии хозяйственной деятельности древнего населения в среднем палеолите Северо-Западного Кавказа.

Беляева Е.В., 1999. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб: Петербургское Востоковедение. С. 212.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., (в печати). Исследование многослойных памятников среднего и позднего палеолита на Северо-западном Кавказе // АО 2010–2013 гг.

Дороничева Е.В., 2013. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб. 26 с.

Любин В.П., Аутлев П.У., 1994. Каменный инвентарь мустьерского слоя // 21. Неандертальцы Гупского ущелья. Майкоп: Меоты. С. 99–141.

Щелинский В.Е., 2005. О стратиграфии и культурной принадлежности Ильской стоянки // Четвертая кубанская археологическая конференция. Краснодар: Символика. С. 309–316.

А.В. Епишев

*Балтийский федеральный университет им. Э. Канта, Калининград,
aleksej-epishev@mail.ru*

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ В ПОЗДНЕМ НЕОЛИТЕ

Культурно-историческая общность шнуровой керамики (КШК) появляется в Центральной Европе в начале III тыс. до н.э. Возникновение первых таких сообществ в Юго-Восточной Прибалтике, территория которой входит в Циркумбалтийский макрорегион КШК, можно отнести к периоду не ранее первой трети III тыс. до н.э. (Матушевска, 2014. С. 65). Данная работа посвящена рассмотрению, предположительно, нескольких миграционных волн КШК, которые на протяжении первой половины III тыс. до н.э. проникали на территорию Юго-Восточной Прибалтики (Girininkas, 2002. P. 86, 87).

Первая волна миграции связана, по всей видимости, с отдельными группами КШК, оставившими после себя одиночные курганные погребения. В Юго-Восточной Прибалтике это, прежде всего, Кауп, Бабенты Малы и Кенсоче (Зальцман, 2010. С. 18). Курганные погребения – характерная черта «старших» КШК (Матушевска, 2014. С. 63). Каменная либо деревянная конструкция под земляной насыпью, ров, скорченное положение умерших и ограда вокруг них – наиболее показательные элементы данного погребального обряда (Зальцман, 2010. С. 18). Также иногда встречается каменный покров над курганом. Перечисленные особенности находят аналогии среди курганных погребений в Циркумбалтийском макрорегионе КШК. В Юго-Восточной Прибалтике они появляются, вероятно, из Малопольши или Юго-Восточной Европы (Матушевска, 2014. С. 63, 64).

В Восточной Прибалтике вышеописанные элементы курганного погребального обряда для рассматриваемого периода не выявлены. Свойственная юго-западной области Циркумбалтийского региона КШК тенденция уменьшения курганных погребений на восток и возрастания роли грунтовых захоронений, возможно, прослеживается и на материале Юго-Восточной Прибалтики (Матушевска, 2014. С. 62). На территории Восточной Прибалтики преобладают одиночные грунтовые погребения и грунтовые погребения в могильниках. В них прослеживается возрастание роли местного элемента, выражающееся в увеличении количества костяного погребального инвентаря и мезокранном антропологическом типе (Zukauskaitė, 2007. P. 72–78). Изменения в характере погребений говорят об изменениях, происходивших с пришлым населением под влиянием местных племен.

Точно датировать вторую миграционную волну не представляется возможным, но имеющиеся косвенные данные позволяют предполагать, что интервал между первой и второй волнами был небольшой (Girininkas, 2002. P. 87). В восточных регионах Юго-Восточной Прибалтики она проявляется, прежде всего, в материалах неолитических поселений, в верхней части культурного слоя с местной керамикой – Цедмар Д, Утиное болото (Тимофеев, 2003. С. 119–125). На побережье наблюдается взаимопроникновение пришлых и местных элементов. Не исключено, однако, что эти миграционные волны могли носить характер военной экспансии (Клейн, 1999. С. 70; Gimbutas, 1979. P. 127–130).

Предполагаемые миграции, вероятно, внесли свой вклад в образование новых культурных общностей на территории Юго-Восточной Прибалтики – приморской культуры и мазурской группы КШК. Генезис и хронология этих общностей пока неясны (Зальцман, 2010. С. 85–89). В Восточной Прибалтике новые культурные импульсы также повлекли за собой изменения в жизни местных племен (Крайнов, Лозе, 1987. С. 56–57).

Дальнейшее изучение миграционной концепции развития Юго-Восточной Прибалтики, выяснение культурных особенностей и направлений миграционных потоков напрямую связано с решением проблемы индоевропеизации восточной части Балтийского региона.

Зальцман Э.Б., 2010. Поселения культуры шнуrowой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. М.

Клейн Л.С., 1999. Миграция: археологические признаки // STRATUM plus. № 1. С. 52–72.

Крайнов Д.А., Лозе И.А., 1987. Культуры шнуrowой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. С. 51–56.

Матушевска А., 2014. Культура шнуrowой керамики в южно-балтийской области // Проблемы балтийской археологии. Вып. 2 / Отв. ред Э.Б. Зальцман. Калининград: Смартбукс. С. 62–78.

Тимофеев В.И., 2003. Памятники культуры шнуrowой керамики восточной части Калининградской области (по материалам исследований 1970–1980-х гг.) // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб. С. 119–133.

Gimbutas M., 1979. The three waves of the Kurgan people into Old Europe, 4500–2500 B.C. Archives suisses d'antropologie generale. 43, 2. Geneve. P. 113–137.

Girininkas A., 2002. Migraciniai procesai rytu pabaltijyje velyvajame neolite vervelines kermikos kultura // Lietuvos Archeologija. T. 23. P. 73–91.

Grasis N., 2007. The skaistkalnes Selgas double burial and The Corded Ware/Rzucewo Culture: a model of the culture and the development of burial practices // Lietuvos Archeologija. T. 31. P. 39–70.

Zukauskaitė J., 2007. Vervelines Keramikos Kulturas kapai Rytu Baltijos Regione // Lietuvos Archeologija. T. 31. P. 71–90.

ГРАВИРОВКИ НА КАМНЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ХОТЫЛЕВО 2

Орнаментальные композиции, выгравированные на корке некоторых кремневых изделий, – одна из ярких особенностей материальной культуры стоянки восточного граветта Хотылево 2. На настоящий момент единственной работой, посвященной рассмотрению данной категории предметов, является статья Ф.М. Заверняева (1981). В ней автор приводит обобщенную типологическую характеристику орнаментальных композиций, встречающихся на орудиях из кости, бивня и камня.

Основная цель данного исследования – попытка выявления значения гравировок на известковой корке кремневых изделий. Ее достижение потребовало решения следующих задач: выявление всех каменных предметов с гравировками на известковой корке; классификация элементов орнамента, встречающихся на меловой корке; определение типа сырья, из которого изготовлены предметы с гравировкой; установление категориальной принадлежности предметов с гравировками; определение этапа цикла расщепления, на котором наносились гравировки.

Исследование базируется на изучении коллекции Хотылево 2 (пункт А), полученной в результате раскопок Ф.М. Заверняева 1969–1981 гг. Коллекция Хотылево 2 А достаточно репрезентативна с количественной точки зрения: она насчитывает 20005 кремневых предметов, собранных с исследованной раскопками площади в 576 кв. м. При этом она неполна – отсутствует большая часть отходов расщепления (отщепов, осколков, обломков), которые не были взяты автором раскопок на музейное хранение (Гаврилов, 2008. С. 16).

Тщательное изучение всей коллекции позволило выявить 268 кремневых изделий с гравировками, нанесенными на меловую корку. У всех видов кремня, на которых встречены гравировки, мягкая известковая корка, иногда достигающая значительной толщины (более 1 см). Эти свойства, вероятно, делали поверхность, покрытую коркой, чрезвычайно удобной для нанесения орнамента при помощи гравировки.

Типологический анализ позволил выделить следующие орнаментальные элементы: ритмичные параллельные насечки, как правило, скошенные относительно длинной оси, парные параллельные насечки, «елочка» из параллельных косых насечек, крестики, косая решетка, пересечение трех и более прямых линий под углом друг другу, отдельные прямые линии (как правило, вертикальные относительно длинной оси предмета), множество хаотично пересекающихся волнистых линий. Все выявленные Ф.М. Заверняевым элементы орнамента, встречающиеся на костяных и бивневых предметах, кроме «рельефных зигзагов, образованных врезными треугольниками» (Заверняев, 1981. С. 142–154), были выявлены также в изученной нами совокупности каменных предметов с гравировками на известковой корке.

Следует отметить, что, как и на костяных и бивневых предметах, различные элементы орнамента на известковой корке зачастую сочетаются друг с другом, образуя достаточно сложные композиции. Также на некоторых предметах выявлено последовательное наложение одних элементов орнамента (и их сочетаний) на другие.

Наиболее часто используемыми видами первичного сырья на стоянке Хотылево 2 (пункт А) являются: меловой полупрозрачный серый плитчатый кремль (93,7%), матовый черный плитчатый кремль (5,6%), матовый пятнистый серый кремль (0,53%). Гравировки выявлены на известковой корке предметов, изготовленных из всех перечисленных видов первичного сырья. Наиболее часто гравировки встречаются на предметах из матового черного плитчатого кремня (167; 63%), достаточно велика доля предметов с гравировками из полупрозрачного серого кремня (100; 36,7%), всего один предмет с гравировкой изготовлен из серого пятнистого кремня (0,3%). Если выходы мелового полупрозрачного

Табл. 1. Распределение по категориям предметов с гравировками на известковой корке из плитчатого серого полупрозрачного и плитчатого матового черного кремня.

Категория	Кол-во предметов с гравировками из серого полупрозрачного кремня	%	Кол-во предметов с гравировками из черного матового кремня	%
Преформы нуклеусов	1	1%	0	0%
Нуклеусы	6	6%	6	3,5%
Отщепы	2	2%	1	0,6%
Осколки	0	0%	2	1,1%
Пластины	37	37%	52	31,1%
Пластинки	2	2%	13	7,7%
Пластинчатые отщепы	3	3%	6	3,5%
Орудия на отщепах/осколках	0	0%	2	1,1%
Орудия на пластинах	49	49%	84	50%
Сколы оживления орудий	0	0%	1	0,6%
Всего:	100	100%	167	100%

серого кремня находятся в ближайших окрестностях стоянки, то места выходов других видов кремня на данный момент неизвестны (по устному сообщению А.К. Очередного).

Анализ всей совокупности предметов в коллекции показал, что гравировки встречаются не только на пластинах и орудиях, изготовленных на них, но и на преформах, нуклеусах, осколках, отщепах и пр. (табл. 1). Между тем, половина предметов с гравировками (49% для серого полупрозрачного кремня и 50% для черного матового) относится к орудиям на пластинах.

Среди орудий с гравировками наиболее часто встречаются резцы, скребки, пластины с ретушью, пластины с выемками и комбинированные орудия. Как правило, доля различных категорий и типов орудий с гравировками соответствует их доле в орудийном наборе в целом (как для черного, так и для серого кремня). Однако среди орудий с гравировками доля комбинированных орудий, тронке, пластин с резцовым сколом, пластин с ретушью (только для серого кремня), пластин с ретушью утилизации (только для черного кремня) больше, чем в орудийном наборе в целом.

Большая часть гравировок (возможно – все) была нанесена на первом этапе цикла расщепления – до или после изготовления преформ нуклеусов. Об этом свидетельствуют следующие факты: наличие гравировок на корке преформ, нуклеусов и предметов, относящихся к «отходам расщепления» – осколков и отщепов; ремонт кремневых сколов (в том числе орудий) с гравировками. Кроме того, анализ дорсальной поверхности большей части орудий и пластин с гравировками позволяет сделать вывод о том, что негативы, «разрушающие» гравировку на корке, были оставлены сколами, снятыми до, а не после скалывания пластин.

В наибольшей степени выявленные закономерности объясняет гипотеза о связи гравировок со стратегией экономии сырья. Орнамент, нанесенный на известковую корку, вероятно, мог служить маркировкой ценного первичного сырья. Отдельного объяснения требует тот факт, что среди предметов с гравировками половина является орудиями. Возможно, речь идет об особо бережном и экономном отношении к заготовкам, сколотым с подобным образом маркированных преформ.

Гаврилов К.Н., 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М.: Таус. 256 с.

Заверняев Ф.М., 1981. Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. № 4. С. 141–158.

КАМЕННЫЙ ВЕК ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: МАТЕРИАЛЫ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА ЗИЕМ (ВЬЕТНАМ)¹

На территории Северного Вьетнама получены археологические и геохронологические данные, свидетельствующие о непрерывном существовании здесь единой технологической традиции в обработке камня в позднеплейстоценовое–раннеголоценовое время. Одним из объектов, подтверждающий данный тезис, является открытая в 2012 г. пещера Зиём.

Пещера Зиём расположена на территории провинции Тханьхоа на высоте 100 м над уровнем моря и обращена выходом на северо-восток. Раскоп 2013–2014 гг. был заложен на месте разведочного шурфа 2012 г., его площадь – 9 кв. м. В ходе исследований выделено три крупных культурно-литологических подразделения.

Первое культурно-литологическое подразделение (слой 1) залегает в толще пепельно-серой супеси. Археологическая коллекция насчитывает 429 артефактов, из них 15 экз. галек. Первичное расщепление представлено колотыми гальками в количестве 7 предметов и 2 нуклеидными обломками. Индустрия сколов насчитывает 365 экз.

Орудийный набор состоит из 2 предметов. Фрагментированный топор миндалевидной в плане формы создан на окатанном куске известняка. Также найден обломок унифасиального орудия, предположительно топора.

В коллекции присутствует 39 фрагментов керамики, орнаментация которой создана путем зигзагообразного прерывистого протаскивания гребенки. Культурная принадлежность данного типа керамики позволяет определить хронологический интервал накопления слоя 1 и соотнести его с неолитической культурой Дабут (7000–4000 л.н.). Антропологический материал представлен скоплением человеческих костей, принадлежащих предположительно одному индивиду, сильная обугленность и раздробленность которых затрудняет более подробную характеристику.

Второе культурно-литологическое подразделение (слой 2) соотносится с красновато-буро-коричневой супесью. Коллекция насчитывает 1011 артефактов, из них 4 гальки. К первичному расщеплению отнесено 10 предметов, из них 8 колотых галек и 2 нуклеидных обломка. В коллекции присутствует двуплощадочный бифронтальный нуклеус с удлинённым телом ядрища. Индустрия сколов насчитывает 996 экз.

Орудийный набор составляют 14 предметов. Исходным сырьём для четырех выпуклых скребел являются окатанные плитки известняка. По одному представлены отщеп листовидной формы с вентральной подтеской и отщеп с ретушью. Два чоппера созданы на гальках округлой формы первоначально оббивкой, а затем оформлены постоянной чешуйчатой крутой ретушью. Большая группа орудий фрагментирована. Два обломка предположительно являются фрагментами выпуклых скребел. Исходными типами орудий четырех фрагментированных предметов были суматролиты. Отметим также два обломка топора и один – тесла. В коллекции имеется костяное орудие типа шила, созданное путем строгаания, и украшение из гематита трапецевидной в плане формы с прорезанным и просверленным насквозь отверстием. Также в слое присутствовали небольшие куски охры.

В слое 2 обнаружено погребение человека. Костные останки были раздроблены, но воздействию огня, как в предыдущем случае, в слое 1, не подвергались. Мощный глыбовый горизонт, находящийся в данном литологическом подразделении и свидетельствующий о значительном землетрясении, а также полное отсутствие керамики, позволяют отнести данное культурное подразделение к раннеголоценовому времени (10 тыс. л.н.).

Третье культурно-хронологическое подразделение (слой 3) связано с коричнево-желтой супесью, местами сильно травертинизированной, с мощными включениями жиль-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-12008 офи-м.

ного кварца. Данное литологическое подразделение залегает непосредственно на скальном основании. Археологический материал, приуроченный к кровле слоя, насчитывает 757 экз., из них 23 целые гальки. Первичное расщепление представлено 25 предметами, из них 10 колотых галек и 12 нуклеидных обломков. В коллекции присутствует также одноплощадочный монофронтальный нуклеус с поперечной ориентацией скальвания и два обломка нуклеусов, предположительно радиальной системы расщепления. Индустрия сколов насчитывает 709 экз.

Орудийный набор состоит из 6 предметов. Среди них концевой скребок на отщепе и скребло с рабочим лезвием на $3\frac{1}{4}$ периметра. Шиповидное орудие выполнено на кварцевом обломке трапециевидной в плане формы. Единственная проколка изготовлена на мелком коротком отщепе. Интересно костяное орудие типа шила, созданное из кончика ребра путем строгания. В коллекции также присутствуют обломок скребла, два отщепа с эпизодической вентральной ретушью и два обломка галек с ретушью.

В кровле слоя обнаружено погребение женщины. Костные останки располагались в анатомическом порядке. Умершая была уложена на боку с поджатыми коленями и ориентирована головой вглубь пещеры. Для погребения получена радиоуглеродная дата: 11240 ± 120 л.н.

Два нижних культурно-литологических подразделения соотносятся с культурой Хоабинь. Антропологический материал свидетельствует о проживании в пещере людей современного анатомического вида, однако их технология первичной и вторичной обработки камня мало чем отличалась от индустрии, типичной для других стоянок каменного века Вьетнама (Дервянко и др., 2012).

Дервянко А.П., Кандыба А.В., Цыбанков А.А., 2012. Древнейшие этапы освоения человеком Юго-Восточной Азии: археологические и палеоэкологические данные // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН. С. 27–30.

М.Б. Козликин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Алтайский государственный университет, Барнаул
Kmb777@yandex.ru*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННЫМ ИНДУСТРИЯМ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ¹

Комплексные работы по изучению плейстоценовых отложений в Денисовой пещере на протяжении последних нескольких лет проводятся в восточной галерее. В ходе раскопок получен многочисленный археологический материал. Технично-типологическое исследование каменных артефактов из нижней части разреза (литологические слои 15–12) позволило уточнить культурно-хронологическую схему развития каменных индустрий Денисовой пещеры в период среднего палеолита.

Сравнительный анализ коллекций артефактов из слоев 15–12 демонстрирует неоднородность каменной индустрии данных стратиграфических подразделений. Достаточно четко можно выделить два комплекса: первый, объединяющий материалы из слоев 15 и 14, и второй, включающий материалы из слоя 12. Однозначная интерпретация находок из слоя 13 в настоящее время затруднительна из-за их малочисленности и невыразительности.

Каменная индустрия из слоев 15 и 14 насчитывает около 15 тыс. экз. Первичное расщепление характеризуется использованием ядрищ, утилизируемых исключительно в радиальной системе. Удельный вес сколов не превышает 40%. Отщепы имеют преиму-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-12002-офи-м) и гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

щественно укороченные и короткие пропорции, доля удлиненных заготовок не выходит за пределы 10%. Анализ остаточных ударных площадок отщепов показывает, что преобладают экземпляры с гладкой или естественной площадкой без подправки карниза. Единичные экземпляры пластин, вероятнее всего, являются случайным продуктом при радиальном расщеплении. Изделия с вторичной обработкой насчитывают около 1% от всей индустрии. Заготовками для орудий служили короткие и укороченные отщепы. Преобладающим приемом вторичной обработки является ретушь – преимущественно дорсальная, краевая, крутая или полукрутая, чешуйчатая, крупнофасеточная, средне- или сильномодифицирующая. В наборе типологически выраженных орудий наиболее представлен зубчато-выемчатый компонент – 44%. На долю шиповидных форм, скребел и ножей приходится 29%, 18% и 7% соответственно, единичны транкированно-фасетированные орудия и изделия с подтеской.

Коллекция каменных изделий из слоя 12 насчитывает около 7 тыс. экз. В первичном расщеплении на фоне доминирования радиальных ядрищ отмечены различные типы плоскостных параллельных и подпризматический нуклеусы. Последние, как правило, имеют тщательно ретушированную ударную площадку. Центральный объем фронта поддерживался латеральными подправками и снятиями с основания ядрища. Удельный вес сколов составляет половину от индустрии. По-прежнему преобладают экземпляры коротких и укороченных пропорций, однако процент удлиненных заготовок увеличивается вдвое по сравнению с индустрией из слоев 15 и 14. Вместе с тем среди отщепов в индустрии из слоя 12 возрастает доля экземпляров с фасетированной, двугранной, линейной и точечной площадками. Удельный вес площадок с подправкой карниза доходит до 13%. Использовалась преимущественно обратная редукция. Выразительную серию образуют пластины, на долю которых приходится почти 2%. Для пластин характерен высокий удельный вес экземпляров с фасетированной и линейной остаточной ударной площадкой. Около половины пластин – с подправкой карниза площадки, преобладает обратная редукция. Орудийный набор составляет 2% от индустрии. Заготовками для орудий служили преимущественно отщепы, на пластине выполнено 10% изделий. Основным приемом вторичной обработки является ретушь. Использовалась, как правило, дорсальная, краевая или захватывающая, крутая или полукрутая, чешуйчатая или субпараллельная, крупнофасеточная, средне- или сильномодифицирующая ретушь. Встречены изделия с подтеской, резцовым сколом и намеренной фрагментацией. Основу набора типологически выраженных орудий составляет зубчато-выемчатый компонент – 37%. Представительную группу образуют различные формы скребел – 32%. Орудия, характерные для верхнего палеолита (ретушированные пластины, резцы), насчитывают 7%. Одним экземпляром представлено леваллуазское острие. На долю остальных орудий (ножи, транкированно-фасетированные, шиповидные, усеченные) приходится 23%.

Каменная индустрия из слоя 13 насчитывает около 1 тыс. экз. С одной стороны, набор нуклеусов представлен только радиальными ядрищами, среди орудий преобладают зубчато-выемчатые формы, как в комплексе из слоев 15 и 14. С другой стороны, в индустрии сколов достаточно высок удельный вес удлиненных сколов, отщепов с точечной и линейной площадками, изделий с подправкой карниза площадки, встречены орудия на пластине, во вторичной обработке распространена субпараллельная ретушь, что, в свою очередь, характерно для комплекса из слоя 12.

Материалы из слоев 13 и 12 в восточной галерее находят аналогии в среднепалеолитических коллекциях из центрального зала и предвходовой площадки пещеры (Природная среда..., 2003). Комплекс из слоев 15 и 14 обладает рядом специфических черт, ранее не отмеченных в палеолите Денисовой пещеры. Различия между среднепалеолитическими комплексами на разных участках памятника могут быть обусловлены как степенью сохранности культуросодержащих отложений, так и спецификой организации жилого и производственного пространства обитателей пещеры в древности. Более определенно объяснить это явление позволят дальнейшие полевые исследования стоянки.

А.А. Куличков

*Липецкий государственный педагогический университет
kulichckov.aleks@yandex.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НА ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ СТОЯНКИ ДОЛГОЕ

Долговская стоянка – один из наиболее значимых неолитических памятников Верхнего Подонья, в особенности для изучения ямочно-гребенчатой керамики (далее ЯГК). Находится она на правом берегу Дона, близ одноименного села. Открыта Верхне-Донским отрядом ЛОИИМК АН СССР под руководством В.П. Левенка в 1959 г. Раскопки памятника проводились в 1960 и 1962 гг. (Левенок, 1959; 1960; 1962).

В процессе раскопок было установлено, что культурный слой плотный, отчетливо слоистый и достаточно мощный. В нем выделены три горизонта. Наиболее мощный из них, средний, в свою очередь, был разделен на два яруса – нижний и верхний. В нижнем и среднем горизонтах залегала ЯГК. Стратиграфические наблюдения позволили В.П. Левенку соотнести эти материалы с двумя этапами: ранним и поздним (Левенок, 1965).

В предлагаемой работе изучению подверглись элементы орнамента керамики нижнего и среднего горизонтов. Всего проанализированы 2414 фрагментов от 138 сосудов. Из них к нижнему горизонту относятся 991 фрагмент от 56 сосудов, к нижнему ярусу среднего горизонта – 512 фрагментов от 29 сосудов, к верхнему ярусу этого же горизонта – 911 фрагмент от 52 сосудов. Керамика нижнего горизонта и нижнего яруса среднего горизонта принадлежат к раннему этапу развития культуры, а посуда верхнего яруса среднего горизонта – к позднему.

На ЯГК Долговской стоянки выделено 23 элемента орнамента (табл. 1), которые образуют семь типов, пять из которых разделяются на подтипы (рис. 1).

I тип. Отпечатки гребенчатого штампа. Наиболее широко распространен узкий прямоугольный, размерами 10–15 (очень редко 8–10) x 1–2 мм; доля его со временем увеличивается почти в два раза. Количество отпечатков широкого прямоугольного штампа (размерами 10–15 x 5–6 мм), напротив, уменьшается, и уже в верхнем ярусе среднего слоя становится совсем незначительным. Отпечатки линзовидной формы, размерами 10–15 x 1–2 мм, достаточно широко распространены на керамике нижнего горизонта и верхнего яруса среднего горизонта, при этом полностью отсутствуют на керамике нижнего яруса среднего горизонта. Широкий прямоугольный, длинный штамп, имеющий размеры 25–30 x 4–5 мм, использовался только при орнаментации керамики нижнего горизонта; доля его мала.

II тип. Отпечатки гладкого прямоугольного штампа использовались для орнаментации керамики нижнего горизонта и нижнего яруса среднего горизонта, и полностью отсутствовали на керамике верхнего яруса среднего горизонта. Их число минимально, за исключением отпечатков длинного штампа с гладким основанием, размерами 12–18 x 2–3 мм. Доля последнего в нижнем ярусе среднего горизонта возрастает до 7,6%. Использовались также короткий с гладким основанием (размерами 6–10 x 1–2 мм) и лунчатый с гладким ложем (длиной 9–11 мм) штампы.

III тип. Нарезки. Доля их также мала. При орнаментации керамики нижнего горизонта использовались широкие, размерами 8–10 x 3–4 мм, а в нижнем ярусе среднего горизонта – тонкие (7 x 1–2 мм).

IV тип. Ямочные вдавления. Овальные с округлым дном, размерами 3 x 5 мм, использовались достаточно широко на всем протяжении существования ЯГК. Отмечается лишь

Табл. 1. Использование элементов орнамента на ямочно-гребенчатой керамике Долговской стоянки.

Элементы орнамента		Нижний горизонт	Нижний ярус среднего горизонта	Верхний ярус среднего горизонта
I	1	8,81%	13,27%	14,2%
	2	10,36%	7,59%	4,16%
	3	8,28%	-	10,74%
	4	3,33%	-	-
II	1	1,55%	1,52%	-
	2	3,1%	7,6%	-
	3	2,08%	1,9%	-
III	1	-	2,49%	-
	2	3,1%	-	-
IV	1	8,28%	12,28%	7,96%
	2	3,1%	4,06%	2,08%
	3	1,55%	4,46%	4,16%
	4	27,41%	15,46%	7,62%
	5	4,65%	8,86%	18,72%
	6	2%	-	-
	7	-	11,4%	12,48%
	8	-	1,26%	7,62%
	9	-	-	2,08%
	10	-	1,9%	-
V		-	1,9%	-
VI	1	12,4%	-	-
	2	-	-	4,18%
VII		-	4,05%	4%
Всего элементов		56 (100%)	29 (100%)	52 (100%)

незначительное увеличение доли их в нижнем ярусе среднего горизонта. Круглые вдавления с плоским дном диаметром 5 мм встречаются сравнительно редко, как и округлые мелкие, диаметром 2–3 мм. Круглые (беленитные) ямки диаметром 5 мм являлись одним из доминирующих элементов орнамента керамики нижнего горизонта, но со временем их доля сократилась почти в четыре раза. Доля же округлых, нанесенных под небольшим наклоном к поверхности (диаметром 4–5 мм), наоборот, увеличилась. Узкие удлиненные ямки (2 x 5 мм) использовались в единичных случаях и только при орнаментации сосудов нижнего горизонта.

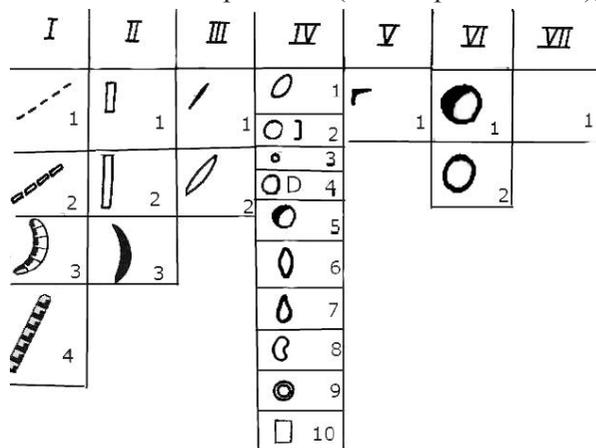


Рис. 1. Элементы орнамента ямочно-гребенчатой керамики Долговской стоянки.

Каплевидные вдавления появляются на керамике из нижнего яруса среднего горизонта, количество их со временем растет. Почковидные, с плоским дном, размерами 12–15 x 5–7 мм, фиксируются на посуде среднего горизонта, в верхнем горизонте их доля значительно увеличивается. Кольцевые вдавления диаметром 5–6 мм отмечены лишь на керамике верхнего яруса, а прямоугольные, размерами 5 x 7 мм, – на сосудах нижнего яруса среднего горизонта.

V тип. Треугольные наколы незначительно представлены в орнаментации ЯГК нижнего яруса.

VI тип. Ногтевые и пальцевые вдавления. Первые весьма часто присутствуют на керамике нижнего горизонта, а вторые, хотя и в меньшей степени - на ЯГК верхнего яруса среднего горизонта.

VII тип. Зоны без орнамента. Появляются на сосудах в среднем ярусе, но доля их мала.

Рассмотрение элементов орнамента нижнего и среднего горизонтов Долговской стоянки позволило проследить эволюцию орнаментальных традиций ЯГК в данных комплексах. Благодаря хорошо читаемой стратиграфии памятник по праву заслуживает статус опорного в изучении древностей этого круга. Комплексный подход позволит расширить сделанные наблюдения не только на Верхнее Подонье, но и на более широкую территорию Восточной Европы.

Левенок В.П., 1959. Отчет о работе Верхне-Донского экспедиционного отряда Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР и Липецкого областного краеведческого музея (1959 г.). Архив ИА РАН.

Левенок В.П., 1960. Отчет о работе Верхне-Донской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1960 г. Архив ИА РАН.

Левенок В.П., 1962. Отчет о работе Верхне-Донской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1962 г. Архив ИА РАН.

Левенок В.П., 1965. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. / Под ред. П.И. Борисковского. М.-Л.: Наука. С. 223–251 (МИА № 131).

Е.Н. Митрошин

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
mitroshindjon@yandex.ru*

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ОРУДИЙ С ОСТРЫМ КОНЦОМ (ОСТРИЙ) С ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Под остриями в данной статье понимаются орудия, которые использовались для проделывания отверстий. Из-за особенностей почв изделия, изготовленные из органических материалов, на территории Пермского Предуралья не сохраняются, поэтому речь пойдет исключительно об орудиях, сделанных из камня.

Среди каменных острий можно выделить три типа орудий: сверла, наконечники и проколки. Сверло – орудие с выраженным приостренным узким концом, режущий инструмент с вращательным движением резания и осевым движением подачи, предназначенный для выполнения отверстий в сплошном слое материала. Наконечник – боевая часть метательного орудия (стрелы, дротика или копья), которая предназначена для нанесения раны, проникновения в тело жертвы с целью ее физического уничтожения. К каменным проколкам мы относим орудия с приостренным заглаженным концом, использовавшимся для прокалывания мягких предметов – кожи, шкуры.

Под комплексным анализом мы понимаем сочетание таких методов, как типологический и трасологический.

Для анализа были использованы материалы шести памятников, относящихся к трем различным культурам. Это стоянка Хуторская, поселения Чернушка и Чашкинское Озеро Ша, относимые к камской неолитической культуре (Бадер, 1970. С. 157–171; Мокрушин, Лычагина, 2003. С. 31–40; Лычагина, 2013), стоянки Чашкинское Озеро IV и VI, относимые к волго-камской неолитической культуре (Лычагина 2008а. С. 76–79), и стоянка

Чашкинское Озеро I, относимая к новоильинской энеолитической культуре (Лычагина 2008б. С. 177–184).

При сравнении итогов типологического и трасологического анализов видно, что количество и соотношение орудий отличаются (табл. 1). На основе трасологического анализа выделены следующие категории орудий: сверла по кости, сверла по дереву, сверла по камню (керамике), наконечники, проколки. Остановимся на каждой категории подробнее.

Сверла. Существенные различия в заготовках сверл различных групп не выявлены, поэтому они характеризуются в целом по категории. Для изготовления сверл в основном использовался кремнь различных цветов. В качестве заготовок применялись отщепы мелких и средних размеров (40%), пластины (31%), часть орудий представлена обломками (29%). Большинство изделий не имели вторичной обработки (48%), чуть меньшее количество орудий имели краевую ретушь (45%) и совсем небольшое – бифасиальную обработку (7%). Сверла поселения Чашкинское Озеро VI отличаются тем, что большинство их изготовлено на отщепах, в то время как на других памятниках заготовками служили пластины средних и крупных размеров.

Наконечники. Для производства наконечников использовался исключительно кремнь. В качестве заготовок применялись отщепы средних размеров (70%), остальные наконечники были изготовлены либо на пластинах (15%), либо на плитках (15%). Большинство орудий (85%) имело бифасиальную обработку всей поверхности. Различия между наконечниками, происходящими с разных памятников, не выявлены. Возможно, это связано с незначительной численностью данной группы материала.

Проколки. Основой для изготовления проколов служили мелкие и средние пластины (60%), мелкие отщепы (27%) и плитка (13%). Большинство изделий не имело вторичной обработки (86%). Особенностью данной категории орудий является то, что они часто изготавливались на обломках других орудий. В основном это мясные (рыбные) ножи без ретуши и фрагменты наконечников с бифасиальной обработкой. Отсутствие каменных проколов на стоянке Чашкинское Озеро I может быть связано с ее принадлежностью к более поздней, энеолитической эпохе, когда основой для проколов служили кости животных и рыб. Косвенное свидетельство в пользу этого предположения – наличие большой группы орудий для обработки кости на данном памятнике (Лычагина, 2008б. С. 177–184).

Подводя итог, можно отметить следующее. Выбор сырья не зависел от категории орудия. Для изготовления большинства острий использовался серый кремнь различных оттенков. В качестве заготовки для сверл чаще всего использовались отщепы (40%) и пластины (31%). Наконечники же в основном производились на отщепах (70%) и пла-

Табл. 1. Острия с памятников позднего каменного века Пермского Предуралья. Соотношение результатов типологического и трасологического анализа.

Название памятника	Типологический анализ			Трасологический анализ				
	Свёрла	Наконечники	Проколки	Сверла по кости	Сверла по дереву	Сверла по камню (керамике)	Наконечники	Проколки
Чашкинское Озеро IV (ВКК)	2	5	1	1	2	-	4	4
Чашкинское Озеро VI (ВКК)	6	2	3	1	12	7	1	4
Чернушка (КК)	-	1	1	-	1	1	1	1
Хуторская (КК)	3	1	4	1	4	1	1	1
Чашкинское Озеро IIIa (КК)	1	4	-	1	3	1	4	5
Чашкинское Озеро I (НК)	-	5	2	2	4	-	2	-

стинах (15%). При этом все орудия имели какую-либо ретушь. Основой для проколов служили обломки орудий либо пластины без ретуши.

Таким образом, применение комплексного анализа позволяет выделять орудия, которые типологически не определяются или определяются иначе, а также расширяет наши представления об основных формах заготовок и вторичной обработке, использовавшихся для их изготовления.

Бадер О.Н., 1970. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / Отв. ред. А.А. Формозов. М.: Наука. С. 157–171. (МИА. № 166.)

Лычагина Е.Л., 2008а. Каменный век Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ. 118 с.

Лычагина Е.Л., 2008б. Стоянка Чашкинское Озеро I – новый памятник новоильинской культуры в окрестностях г. Березники Пермского края // Региональные, социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Березники. С. 177–184.

Лычагина Е.Л. Отчет о раскопках стоянки Чашкинское Озеро III в окрестностях г. Березники Пермского края в 2013 г. Архив ЛАЭИ ПГПУ.

Мокрушин В.П., Лычагина Е.Л., 2003. Новые исследования поселения Чернушка // Труды КАЭЭ. Вып. 3. С. 31–40.

А.Г. Недомолкин

*Национальный музей Республики Адыгея, Майкоп
nedomolkinandrey@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ ПЛАСТИНЧАТОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КAVКАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЗМАЙСКОЙ ПЕЩЕРЫ)

Традиционно верхнепалеолитические индустрии Северо-Западного Кавказа связывают с территорией Ближнего Востока (Замятин, 1951; Формозов, 1959; Бадер, 1984; Амирханов, 1986; Любин, 1989; Голованова, 2000; Голованова, Дороничев, 2012). Для памятников эпохи верхнего палеолита этого региона характерна пластинчатая технология расщепления каменного сырья, использование которой позволяло получать преимущественно пластики и микропластинки: до 70–80% всех пластичатых сколов (Голованова, 2000).

Самая подробная последовательность отложений эпохи верхнего палеолита на Северо-Западном Кавказе в настоящее время выявлена в Мезмайской пещере, которая расположена на территории Апшеронского района Краснодарского края, в долине р. Сухой Курджипс. На памятнике выявлено семь слоев среднего и восемь – верхнего палеолита. Пачка отложений эпохи верхнего палеолита в настоящее время датируется от 39 до 12 тыс. л.н. (Голованова и др., 1998; Голованова, Дороничев, 2012; Golovanova et al., 2006; 2014).

Изучение пластинчатой технологии верхнепалеолитических слоев Мезмайской пещеры с использованием общепринятого разделения пластинчатых заготовок на категории по ширине (пластины: >10 мм; пластинки: 5–10 мм; микропластинки: 2–5 мм) показывает постепенное уменьшение количества пластин (от 17,1% до 13,8%) в слоях верхнего палеолита (1С–1А-1) в интервале от 39 до 20 тыс. л.н. (Голованова, 2000; 2013). Но в эпипалеолитическом слое 1–3 количество сколов, попадающих в группу пластин, увеличивается до 39,4% (коллекция 2014 г.).

Целью данного исследования было изучение пластинчатых заготовок слоя 1–3 (раскопки Л.В. Головановой, 2014 г.) с использованием метода естественного распределения. Серия радиоуглеродных дат показывает, что слой 1–3 накапливался на протяжении длительного периода: от 16 до 12 тыс. л.н. (Golovanova et al., 2014; Голованова и др., в печати). Автором обработана коллекция из горизонтов 1–5 слоя 1–3. В составе коллекции 1761 предметов, сколов – 701, из них пластин, пластинок и микропластинок – 587 (83,7%). При анализе не учитывались некоторые категории орудий (сегменты, пластинки

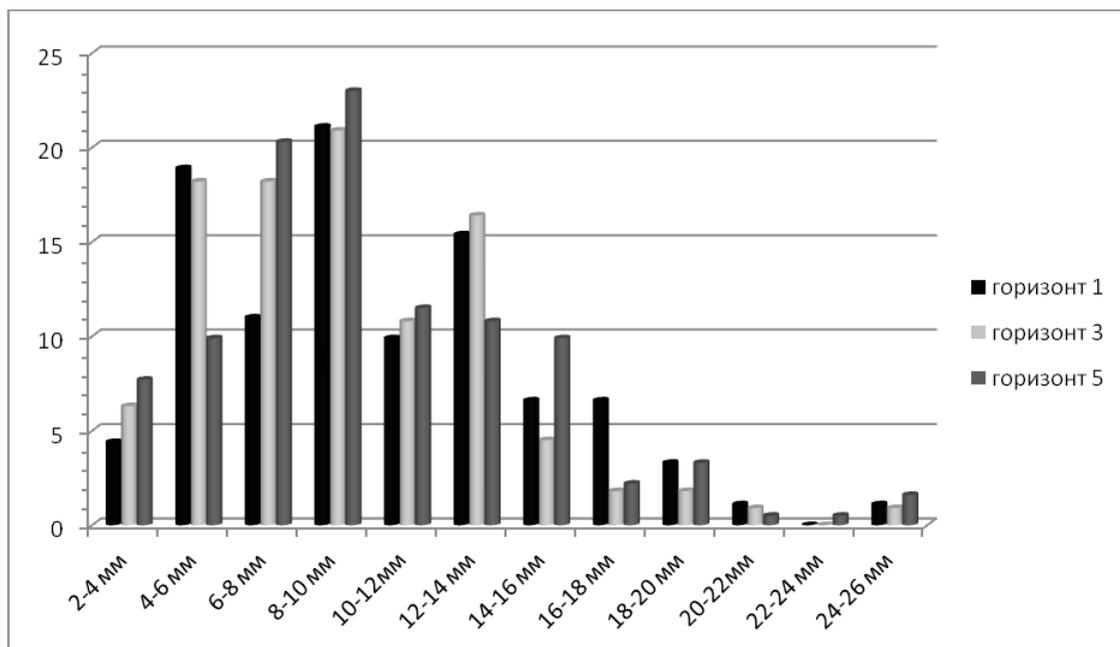


Рис. 1. Мезмайская пещера. Слой 1–3. Коллекция 2014 г. Соотношение групп пластинчатых сколов по ширине в горизонтах 1, 3, 5.

с притупленным краем, острия), так как при их изготовлении продольный край заготовки обрабатывался крутой либо полукрутой ретушью.

Детальный анализ эпилепалеолитического материала слоя 1–3 выявил колебания ширины заготовок между горизонтами, от нижних к верхним (рис. 1). Из диаграммы (из-за ограниченного объема публикации приводятся данные только для горизонтов 1, 3, 5), показывающей распределение ширины пластинчатых сколов, видно, что во время формирования горизонта 5 (наиболее раннего) основной частью пластинчатых заготовок были пластинки шириной 6–8 (20,3%) и 8–10 (23%) мм. Общее количество этих сколов составляет 43,3%. Группы микропластинок шириной 2–4 и 4–6 мм достаточно малочисленны (7,7% и 9,9% соответственно), среди пластин абсолютно преобладают заготовки шириной 10–16 мм (32,2 %). Крупные пластины шириной 16–26 мм единичны.

В горизонте 3 доля микропластинок шириной 4–6 мм значительно возрастает (18,2%), количество пластинок шириной до 10 мм немного сокращается (39,1%), а среди пластин преобладают заготовки шириной 12–14 мм (16,4%). Количество пластин увеличивается по сравнению с нижним горизонтом 5.

Относительно горизонта 1 (самого позднего) слоя 1–3 фактически можно говорить о преобладании трех типов заготовок: микропластинок шириной 4–6 мм (18,9 %), пластинок шириной 8–10 мм (21,1%) и пластин шириной 12–14 мм (15,4%). Также увеличивается доля пластин шириной 16–18 (6,6%) и 18–20 мм (2,7%).

В целом, анализ археологического материала слоя 1–3 Мезмайской пещеры показал, что пластинчатая технология эпилепалеолитического периода была направлена на получение длинных и узких заготовок (пластинок и микропластинок); в группе пластин также преобладали узкие (шириной преимущественно до 16 мм) сколы. Крупные пластины шириной более 20 мм во всех горизонтах единичны. Одновременно можно говорить об определенной тенденции к увеличению количества пластин, начиная с 3-го горизонта. В процессе формирования слоя 1–3 произошло выделение трех типов пластинчатых сколов, которые, возможно, были предназначены для разных форм орудий.

Амирханов Х.А., 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М. 113 с.

Бадер Н.О., 1984. Поздний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М. С. 272–301. (Археология СССР)

Голованова Л.В., 2000. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // Stratum plus. № 1. С. 158–177.

- Голованова Л.В., 2013. Поздний верхний палеолит Северо-Западного Кавказа // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 84–87.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2012. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А. Сорокина. М. С. 59–102.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Спасовский Ю.Н., в печати. Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры // РА.
- Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П., 1998. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987–1995 гг.) // РА. № 3. С. 85–98.
- Замятин С.Н., 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнейшее расселение человечества. Труды ИЭ. Т. 16. М. С. 89–152.
- Любин В.П., 1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л. С. 8–142.
- Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.: АН СССР. 124 с.
- Golovanova L., Doronichev V., Cleghorn N., Burr G., Sulergizkiy L., Hoffecker J., 2006. The early Upper Paleolithic in Northern Caucasus (new data from Mezmaiskaya cave, excavation 1997) // Eurasian Prehistory. Vol. 4 (1–2). P. 45–81.
- Golovanova L., Doronichev V., Cleghorn N., Koulikova M., Sapelko T., Shackley S., Spasovskiy Yu., 2014. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum // Quaternary International. Vol. 337. P. 189–224.

Д.В. Ожерельев

*Институт археологии РАН, Москва
dim_as_oj@mail.ru*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТОЯНКАХ ЭПОХИ ОЛДОВАНА МУХКАЙ II, СЛОЙ 80 И МУХКАЙ IIa (ВНУТРЕННИЙ ДАГЕСТАН)

Комплекс памятников эпохи раннего палеолита был обнаружен в 2005–2007 гг. в среднегорной зоне Внутреннего Дагестана экспедицией ИА РАН под руководством Х.А. Амирханова. В административном отношении это Акушинский район Республики Дагестан. Среди обнаруженных памятников – стоянки Айникаб I–IV, Мухкай I–II, Гегалашур I–III. Памятники связаны с многометровой раннеплейстоценовой толщей, покрывающей водораздел рр. Акуша и Усиша. Толща эта имеет мощность до 80 м (в районе стоянки Мухкай II) и представляет собой чередующиеся суглинки и галечники.

В 2008–2014 гг. на стоянке Мухкай II проводились систематические исследования. Работы велись в двух основных направлениях. Во-первых, осуществлялись разведочные раскопки. Для этих целей на стоянке была заложена траншея в виде врезки в склон. Различными ее участками удалось вскрыть до материка 73 м культуросодержащих отложений и получить полный стратиграфический профиль памятника. Выделены 129 литологических слоев, в 35 из которых обнаружен археологический материал. В трех слоях найдены и палеонтологические останки раннеплейстоценовых млекопитающих. Археологические исследования существенно дополняются данными палеогеографии, геологии, палеомагнитологии, палеопочвоведения и палеонтологии. Разрез многослойной стоянки Мухкай II можно признать стратотипическим для континентальных раннеплейстоценовых отложений Северо-Восточного Кавказа. Этот результат имеет большое научно-исследовательское значение и будет в дальнейшем конкретизироваться и уточняться.

Другое направление связано с изучением базовых стоянок с находками каменных изделий и костей млекопитающих *in situ* в едином стратиграфическом контексте. На данный момент работы ведутся на двух таких стоянках – Мухкай II, слой 80 и Мухкай IIa.

Стоянка Мухкай II, слой 80 открыта в 2010 г. на глубине 33,50–34,18 м от условного нулевого репера памятника. За три года (2010–2012 гг.) вскрыта ее центральная часть общей площадью 44 кв. м. Удалось проследить древний рельеф участка стоянки, связанного с углублением, заполненным кремневыми находками и костными останками животных. Изу-

чение планиграфии в комплексе со стратиграфическими наблюдениями позволило определить тип памятника в слое 80 и воссоздать в некоторой степени картину хозяйственной деятельности на нем. Коллекция каменных находок на стоянке в целом составила 892 экз. Общие показатели коллекции стоянки в слое 80 указывают на преобладание в инвентаре мелкоразмерных изделий (скребки, ножи, микропроколки, долотовидные изделия, орудия с выемками, отщепы с ретушью). Характерно наличие техники ретуширования отщепов, обломков и изготовление функциональных орудий. Маркирующее культурно-хронологическое положение в коллекции занимает технокомплекс чоппера и пика.

Помимо кремневых находок на стоянке обнаружены 305 единиц костей млекопитающих. Из них до вида определены 181 единица (определения М.В. Саблина, ЗИН РАН). Видовой состав раннеплейстоценовой фауны стоянки Мухкай II, слой 80 представлен следующими животными: этрусский волк (*Canis etruscus*), мелкая лисица (*Vulpes alopecoides*), саблезубая кошка (*Megantereon cultridens*), древняя гиена (*Pliocrocuta perrieri*), южный слон (*Archidiskodon meridionalis*), древний жираф (*Palaeotragus priasovicus*), Стеноновая лошадь (*Equus (Allohippus) stenorhis*), сложнорогий олень (*Eucladoceros cf. Senezensis*) винторогая антилопа (*Gazellospira torticornis*), горалоподобная антилопа (*Gallogoral meneghini*). Животные приведенного списка являются обитателями открытых и полуоткрытых пространств. Данный фаунистический комплекс может датироваться в пределах 2,1–1,76 млн. л.н. Выявленный материал имеет огромное значение как с археологической точки зрения, так и для создания палеогеографических реконструкций региона в апшеронскую эпоху раннего плейстоцена.

Другая схожая стоянка – Мухкай IIa – обнаружена в 2012 г. Раскопки здесь начаты в 2013 г. Общая площадь исследований в 2013–2014 гг. составила 28 кв. м. Культурные отложения стоянки Мухкай IIa вскрывались на глубинах 34,5–39,0 м от условного нулевого репера. Общая мощность раскопанной толщи составила 4,3–4,5 м. Выявлено шесть культурных слоев. Три слоя (номенклатурные номера 2013–1, 2013–2, 2013–3) обнаружены в пачке суглинка, подстилающего крупнообломочную пачку на глубинах 37,7–39,0 м. Слои разделены стерильными в археологическом плане суглинками. Находки в них слоях не переотложены, каждый слой представляет собой древний уровень обитания первобытного человека, причем каждый из этих уровней запечатлел единовременное либо ограниченное по времени пребывание здесь древнего Homo. Общая коллекция кремневых находок относительно невелика, насчитывает 220 предметов. Среди находок – единичные чопперы, желваки и обломки со сколами, орудия с ретушью, отщепы, обломки, чешуйки. В планиграфии всех трех слоев выявлена схожая структура, анализ которой позволяет объяснить организацию хозяйственной деятельности и, вероятно, жилого пространства первых Homo. Так, древний человек обитал здесь на берегу небольшого (около 1 м шириной) водотока со слаботекущей или стоячей водой. Водоток этот являлся, возможно, одним из притоков (старицей, меандром) более крупной реки либо впадал в небольшое озеро. В каждом из слоев обнаружены две главные зоны: участок водотока-промоины, определяющийся как вытянутое углубление, и прибрежные участки. Структурное и стратиграфическое единство этих двух участков стоянки не вызывает сомнений. Обе зоны содержат археологические материалы. Углубление водотока заполнено многочисленными костями древних млекопитающих – останками расчленения туш животных. Человек, безусловно, обладал охотничьими навыками, однако не исключено и добывание им мясных ресурсов в роли падальщика. Наличие костей хищников говорит о жесткой пищевой конкуренции человека с плотоядными животными. Фаунистическая коллекция находится в стадии изучения, на данный момент насчитывает свыше 500 целых и фрагментированных костей крупных млекопитающих.

Таким образом, стратиграфическое положение, характер, планиграфические особенности позволяют напрямую сопоставлять стоянки Мухкай IIa и Мухкай II, слой 80 как близкие в хронологическом и культурном плане. Археологическая датировка стоянки Мухкай IIa – эпоха олдована раннего палеолита. Комплекс же естественнонаучных данных (палеомагнитная датировка, датировка по фауне крупных и мелких млекопитающих) указывает, что время ее бытования ограничивается рамками 2,1–1,9 млн. л.н.

Полученный материал имеет большое значение для дальнейших сравнительных исследований и создания исторических и палеогеографических реконструкций. Важно, что базовые стоянки с находками *in situ* (Мухкай II, слой 80, Мухкай IIa) функционировали фактически одновременно либо близко по времени на небольшом (30–50 м) расстоянии друг от друга в сходных ландшафтных условиях. В этой связи открывается перспектива обнаружения подобных стоянок и групп стоянок как на Мухкае II, так и на других памятниках мухкай-гегалашурской группы.

Г.Д. Павленок

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Алтайский государственный университет, Барнаул
lukianovagalina@yandex.ru*

ТЕХНИКА СКОЛА В КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ УСТЬ-КЯХТА-3 (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)

Исследование техники скола предполагает определение инструментария и способов приложения силового импульса к каменному сырью на разных стадиях расщепления. Ранее при изучении этого вопроса как в отечественной, так и в зарубежной науке к анализу привлекались исключительно артефакты из кремневого или обсидианового сырья. Таким образом, основной массив материалов сибирских палеолитических памятников оставался за пределами исследований.

Двуслойная стоянка Усть-Кяхта-3 относится к числу наиболее информативных объектов рубежа плейстоцена и голоцена на юге Западного Забайкалья. Материалы памятника стратифицированы, имеются радиоуглеродные даты: 11 505±100 л.н. (СО АН – 1552) и 12 595±150 л.н. (СО АН – 1553) для первого и второго культурного слоя соответственно. Кроме того, на памятнике зафиксирована высокая концентрация археологического материала, что является редким случаем для синхронных памятников региона.

Технологический контекст индустрии определяется сочетанием крупных плоскостных и объемных нуклеусов для изготовления пластин и, реже, отщепов, а также клиновидных нуклеусов для микропластин. Петрографический анализ каменных артефактов показал, что сырьевая база стоянки была достаточно однообразной. В нее входили только окремненные осадочные породы – окремненный песчаник, окремненный алевролит и окремненный алевропелит, которые являются продуктами окремнения единой толщи, но разных ее прослоев. Поставщиком сырья этого типа является русловой галечник р. Селенги в непосредственной близости от стоянки.

Применение оригинальной комбинации 23 признаков при атрибутивном анализе индустрии сколов (Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2013; 2014) позволило определить инструментарий, использовавшийся при получении сколов-заготовок в данной индустрии.

На применение техники прямого удара твердым отбойником указывают следующие признаки. Ударные площадки в основном гладкие с минимальными показателями следов обработки; они имеют максимальные для индустрии размеры. Также для проксимальной зоны изделий характерно преобладание крупных выраженных ударных бугорков, часто с кольцевым ободком, нечастое присутствие карниза. Половина всех изъянцев, присутствующих на сколах, может быть отнесена к глубоким. Сами сколы чаще являются нерегулярными, массивными. При этом характерно малое количество фрагментированных сколов и наиболее высокие для индустрии показатели продольной фрагментации. Все перечисленные элементы морфологии сколов характерны для первичных и вторичных отщепов различных размеров. Кроме того, для крупных отщепов (длина ≥ 50 мм), которые также могли быть получены лишь на ранних этапах утилизации, в дополнение к уже отмеченным признакам наблюдается доминирование бугорков с «усиками» и трещинами, а также максимальные показатели непрямых профилей и незаостренных дистальных окончаний.

Ударные площадки сколов, полученных с помощью техники прямого или опосредо-

ванного удара мягким отбойником, чаще имеют характеристики линейных и точечных с максимальными показателями следов прямой редуции. Также в проксимальной зоне они характеризуются крупными ударными бугорками выраженных и расплывчатых форм с четкими вентральными карнизами. Отмечается малое количество сколов с «усиками» и трещинами на ударном бугорке, а также полное отсутствие снятий с кольцевыми ободками. Среди изделий с изъянцами последние чаще имеют плоские и распространенные формы. Сколы обладают удлинёнными пропорциями с отношением длины к ширине до 1:3 у основного массива изделий. Доля регулярных снятий составляет более половины. Профиль подобных сколов в половине случаев является искривлённым, а дистальное окончание, как правило, перообразное. Кроме того, фиксируется высокая степень фрагментации, но продольная практически отсутствует. Подобная морфология сколов наиболее типична для сколов-заготовок с пропорциями пластин и пластинок.

Среди ударных площадок сколов, полученных техникой отжима, абсолютно доминируют линейные и точечные типы с обязательным редуцированием рабочей кромки, причем среди способов подработки появляется такой яркий элемент, как абразивная и отжимная редуция. Также она характеризуется наличием в проксимальной зоне мелких, «компактных» ударных бугорков и очень редким присутствием выраженных бугорков. «Усики» и трещины на ударном бугорке фиксируются исключительно редко, а снятия с изъянцами и кольцевыми ободками отсутствуют вовсе. Сами сколы отличаются максимальными показателями трапецевидных сечений и большой степенью регулярности, а также максимальными в контексте индустрии значениями удлинённости – соотношение длины к ширине достигает показателя 1:9. Снятия чаще демонстрируют прямой профиль и абсолютное преобладание перообразных дистальных окончаний. Им свойственно максимальное количество фрагментированных изделий с высокой долей медиальных фрагментов. Подобное сочетание признаков демонстрируют микропластины, полученные с клиновидных нуклеусов.

Результаты проведенного исследования не только детализируют общий технологический контекст индустрии стоянки Усть-Кяхта-3, но и указывают на то, что морфологические признаки, традиционно используемые для определения техник скола при расщеплении кремневого и обсидианового сырья, могут служить четкими индикаторами и при анализе артефактов из кремневых пород.

Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2013. Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. С. 28–37.

Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2014. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 13. Вып. 5: Археология и этнография. С. 26–37.

К.К. Павленок, А.В. Кандыба, М.Б. Козликин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет
pavlenok-k@yandex.ru*

МАТЕРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НИЖНЕЙ ПАЧКИ ОТЛОЖЕНИЙ СТОЯНКИ БИОЧЕ (ЧЕРНОГОРИЯ)¹

С 2010 г. (Деревянко и др., 2010) международной экспедицией ИАЭТ СО РАН ведется исследование опорного палеолитического памятника Восточной Адриатики – скального навеса Биоче (Черногория). Целью изысканий является уточнение особенностей развития материальной культуры этого географически изолированного региона на поздней стадии среднего палеолита (OIS 3).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-31-01200-а2).

Скальный навес расположен по левому борту долины р. Морача у подножия известнякового массива, на высоте около 40 м над современным урезом воды. Толща отложений была разделена первым исследователем стоянки Л. Дуричич на три стратиграфические серии (I–III). Вся каменная индустрия стоянки признавалась однотипной и соответствующей характеристикам региональной микромустьерской фации среднего палеолита (Ђуричић, 2006). Ей присущи доминирование отщеповой леваллуазской техники и преобладание мелких скребел, мустьерских острий, рокклетов и скребков в орудийном наборе. К этой же фации были отнесены комплексы слоев 11–18 скального навеса Црвена Стена в Черногории, а также материалы стоянки Муйна Печена в Далмации (Хорватия) (Црвена Стијена, 1975; Вакovic et al., 2008; Karavanić, 2007).

Исследованный раскопом 2010–2014 гг. участок располагается в глубине скального навеса, что обеспечило хорошую сохранность культурных отложений. Они были вскрыты на всю мощность вплоть до скального основания. В литолого-стратиграфической колонке мощностью 4 м выделено семь основных подразделений (слои 1–7, слой 1 дополнительно разделен на шесть отдельных подслоев), которые условно можно разделить на три пачки, в целом соответствующие «стратиграфическим сериям» Л. Дуричич (Ђуричић, 2006).

Верхняя пачка включает все подслои слоя 1, которые представлены средними и легкими суглинками разных оттенков и разной степени насыщенности гумусом и щебнистым материалом. К слою 2 отнесены все культурные отложения за пределами основного раскопа, нарушенные поздним антропогенным вмешательством. Средняя пачка включает слои 3–4, представленные сероцветными мелкозернистыми супесями, в слое 4 обогащенными щебнисто-дресвянистым материалом.

Характеристику нижней пачки слоев (слои 5–7) дадим более развернуто.

Слой 5. Суглинок тяжелый, светло-коричневый с красным оттенком, одресвяненный, насыщенный щебнистым материалом в верхней части и с включением единичных мелких глыб в нижней части.

Слой 6. Пачка тяжелых суглинков коричневых цветов, с многочисленными включениями выветрелых натечных образований среднещебнистой и мелкощебнистой размерности.

Слой 7. Глины красновато-коричневые, плотные, с единичными включениями дресвы и мелкого щебня известнякового состава.

Артефакты распределены по слоям крайне неравномерно, демонстрируя снижение численности коллекций слоев вниз по разрезу. Основная часть находок (около 85 %) приурочена к средней части и основанию слоя 1. Материалы средней пачки уступают им по численности более чем в 10 раз. Вся нижняя пачка ранее считалась стерильной в археологическом отношении. На новом этапе исследований установлено, что в слоях 5 и 6 во «взвешенном» состоянии присутствуют редкие каменные изделия.

В индустрии из этих слоев запечатлен этап «привыкания» к местной сырьевой базе, о чем говорит разнообразный петрографический состав (в основном за счет включения в него низкокачественной известковой породы). Более трех четвертей археологического материала представлены мелкими отщепами и неопределимыми фрагментами. В первичном расщеплении, базирующемся на галечном сырье, видимо, использовались максимально простые схемы. Немногочисленные нуклеусы в основном одноплощадочные однофронтальные плоскостные. Ортогональные, дисковидные и ядрища встречного скалывания представлены единичными изделиями. Целью расщепления было получение некрупных, достаточно широких и массивных отщепов с прямым профилем, часто укороченных пропорций. Доминирующей категорией орудийного набора (рис. 1) являются одно- и двулезвийные скребла, включая заготовки лимасов. Атипичные скребки, шиповидные, зубчато-выемчатые орудия и отщепы с нерегулярной ретушью единичны. Все категории инвентаря представлены в вышележащих слоях, что, возможно, указывает на схожую специализацию стоянки на всем протяжении ее функционирования.

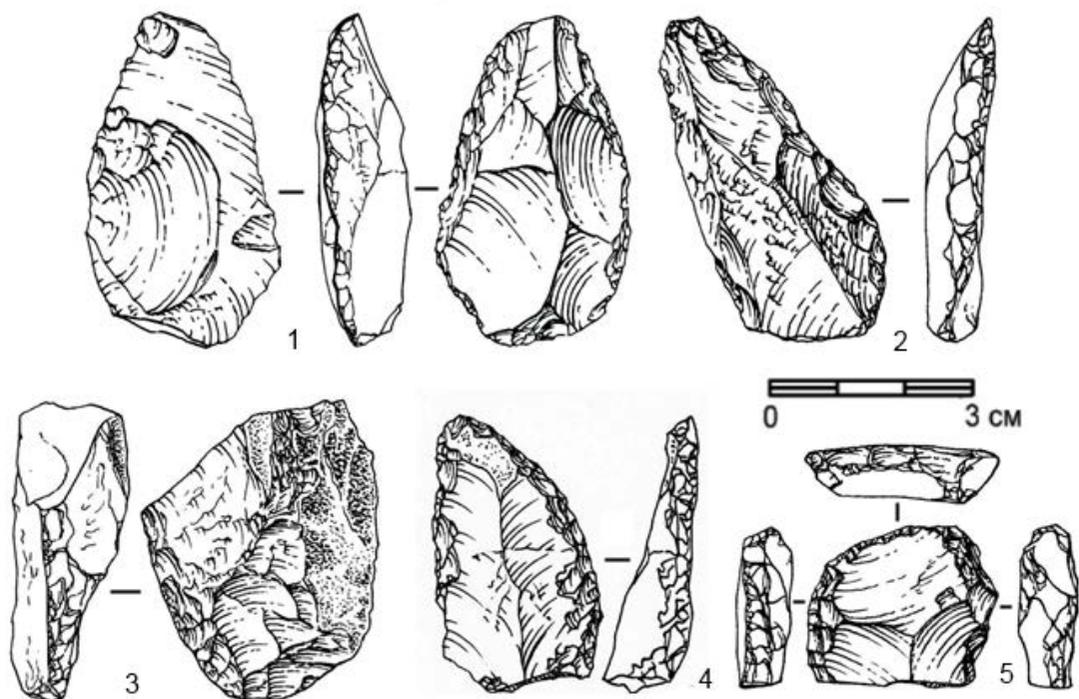


Рис. 1. Орудия из нижней пачки отложений стоянки Биоче.

1 – скребло с ретушью на 3/4 части периметра (мелкозернистый песчаник-алевролит); 2- диагональное выпуклое скребло (кремень); 3 - продольное прямое скребло с естественным обушком (кремень); 4 - двойное продольное выпуклое скребло (кремень); 5 – атипичный боковой скребок (кремень).

Выявленные характеристики позволяют соотнести данную индустрию с технологической традицией, прочно закрепившейся в региональном среднем палеолите (Црвена Стијена, 1975; Bakovic et al., 2008). Ее специфические особенности (использование низкокачественного сырья, упрощенность схем расщепления, отсутствие свидетельств техники леваллуа), видимо, объясняются не культурными, а функционально-адаптивными аспектами (кратковременность посещения, непривычная сырьевая база). Однако полученные результаты ставят под сомнение правомерность сделанного ранее заключения о полном сходстве каменных индустрий всех слоев стоянки Биоче.

Дервянко А.П., Булатович Л., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Кривошапкин А.И., Бакович М., 2010. Исследования скального навеса Биоче (Черногория) в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 52–57.

Црвена Стијена. Зборник радова, 1975. Никшић.

Bakovic M., Mihailovic B., Mihailovic D., Morley M., Vusovic-Lucic Z., Whallon R., Woodward J., 2008. Crvena Stijena excavations 2004–2006, preliminary report // Eurasian Prehistory. Vol. 6 (1/2). P. 3–31.

Đuričić L., 2006. A contribution to research on Bioče Mousterian // Journal of the Serbian Archaeological Society. Vol. 22. P. 179–196.

Karavanić I., 2007. Le Moustérien en Croatie // L'Anthropologie. Vol. 111. P. 321–345.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ БЕЛКОВОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК
(НА ПРИМЕРЕ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II)**

Стоянка Каменная Балка II – трехслойный памятник верхнего палеолита каменно-балковской культуры, расположенный в Нижнем Подонье. В настоящей работе использованы результаты исследований основного слоя (даты после калибровки – около 17100–17300 л.н., не калиброванные – около 14557–16643 л.н.). Подробное описание материалов стоянки Каменная Балка II приведено в работах Н.Б. Леоновой (Леонова и др., 2006. С. 133–240).

Для материалов рассматриваемого памятника проведен большой объем естественно-научных исследований (Леонова и др., 2006. С. 13–124, 264–277).

Одним из перспективных направлений является белковый анализ грунта, который был сделан для участка основного слоя раскопа 1990–1991 гг. (рис. 1) в геологической лаборатории ЛГУ в 1991 г. Результаты этого анализа до настоящего момента не были опубликованы и не рассматривались в контексте изучения скоплений культурных остатков на данном участке.

Белковый анализ (частный вид аминокислотного анализа) позволяет определить наличие белков животного происхождения (кровь, мясо, костный мозг) на конкретном участке и, таким образом, весьма информативен при выявлении мест, связанных с обработкой пищевых ресурсов (Сычева и др., 2004. С. 98–109).

На раскопанной в 1990–1991 гг. площади выделяются два скопления культурных остатков – в западной и восточной части. На них были выявлены два микрогоризонта находок, видимо, отражающие два эпизода использования участка. Характер этих скоплений, содержащих кремневые орудия труда, продукты первичного расщепления кремня вкупе с многочисленными фрагментами костей животных, позволил исследователям интерпретировать их как мастерские по обработке кремня и косторезному делу. На костеобрабатывающую специализацию указывает присутствие определенных категорий орудий (резцы и скребки массивных форм), которые, как считается, применялись в работе с костью.

Анализ контрольных проб показали, что естественное содержание белка в суглинке составляет максимум 35,3 мкг/г. Следовательно, показатели белка выше 35,3 мкг/г позволяют говорить о наличии «кухонной» деятельности.

В западной части участка (линии 8'–14') (рис. 1) располагались два очага (кв. З,Ж–9', 10' и Е,Д–11'), которые, по мнению исследователей, использовались в период формирования как нижнего, так и верхнего микрогоризонтов основного слоя. Наиболее высокие показатели белка зафиксированы в зонах скоплений фрагментированных костей и кремня рядом с очагами. Для верхнего и нижнего горизонтов на этом участке показатели белка разнятся, а высокое содержание обнаружено лишь на нескольких участках приоткажья.

Для территории, прилегающей к очагу на кв. З,Ж–9', 10', наибольшее содержание белка зафиксировано только в квадрате З–9' (юго-восточнее очага), относится к нижнему микрогоризонту и составляет 173,0 мкг/г. В верхнем микрогоризонте показатели содержания белка меньше, но обнаружены на большем количестве квадратов: Ж–10' сектор D, северо-западнее очага – 53,0 мкг/г; Ж–9' сектор В – 45,8 мкг/г; Е–9' сектор D, северо-восточнее очага – 44,1 мкг/г; И–11' сектор А, юго-западнее очага – 49,4 мкг/г. На остальных квадратах, прилегающих к очагу, показатели белка находятся в пределах нормы. Исходя из этого, можно предположить, что в период формирования нижнего микрогоризонта «кухонная» деятельность осуществлялась только в юго-восточной части приоткажья, на

кв. 3–9', а во время накопления верхнего микрогоризонта – на большей площади.

Вокруг очага на кв. Е,Д–11' наибольшие показатели белка зафиксированы для верхнего микрогоризонта: на кв. Д–11' – 83,0 мкг/г; западнее, на кв. Е–12'–45,8 мкг/г. В нижнем микрогоризонте на кв. Е–10' содержание белка составляет 58,2 мкг/г. На кв. Е,Д–13' выделяется скопление фрагментированных костей и кремня, в котором были

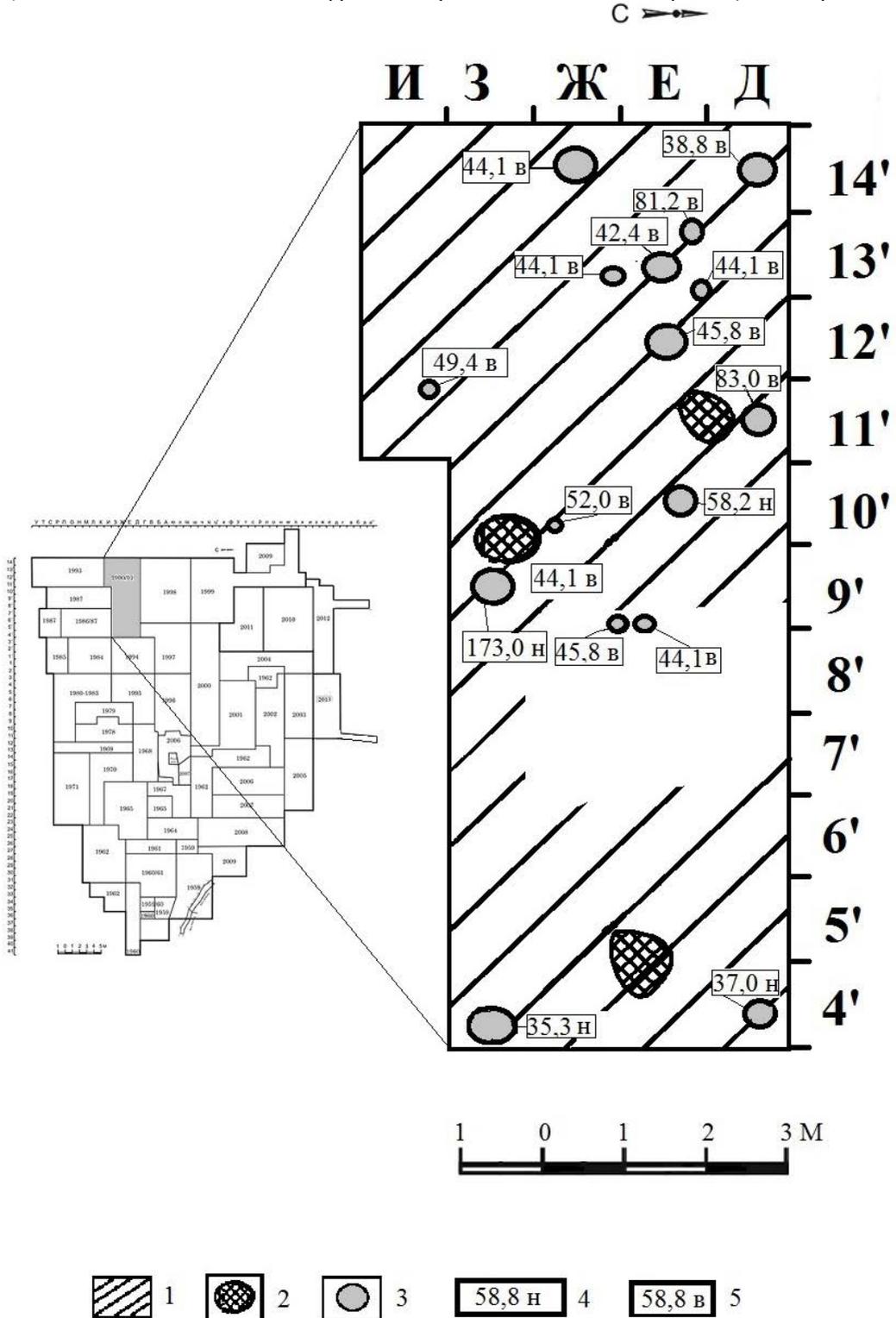


Рис. 1. Стоянка Каменная Балка II. План распределения наибольших показателей белка в раскопе 1990–1991 гг.

1 – находки кремня и кости; 2 – очаг; 3 – места отбора грунта; 4 – показатели белка в нижнем микрогоризонте; 5 – показатели белка в верхнем микрогоризонте.

обнаружены осколки сланцевых плиток (наковаленки). Показатели белка в верхней части слоя этого скопления и на прилегающей к нему территории значительно выше нормы, в нижней части – в пределах нормы. Таким образом, можно говорить о кухонной деятельности вблизи данного очага преимущественно в период формирования верхней части слоя. Особенно интересно скопление на кв. Е,Д–13': учитывая высокие показатели белка и состав находок (Леонова и др., 2006. С. 198–204), можно предположить, что это место использовалось как разделочная площадка.

Восточный производственный центр представлен в раскопе 1990–1991 гг. лишь малой частью скопления кремня и кости с одним очагом. Большая его часть была раскопана в 1994 г. Анализ вмещающей породы вблизи очага на кв. З,Ж–5',4' показал, что на этом участке содержание белка в основном не превышает нормы, максимально высокий показатель (кв. Д–4') – 37,0 мкг/г. Большое количество фрагментированных костей здесь может быть связано с косторезной деятельностью, на что также указывает достаточно высокое содержание орудий (до 20%), среди которых 44 резца.

Подводя итоги, стоит сказать, что скопления фрагментированных костей могут быть связаны как с пищевой утилизацией, так и с работой по кости. В случаях плохой сохранности фаунистического материала, как на стоянке Каменная Балка II, необходимость проведения белкового анализа очевидна, поскольку он достаточно информативен при интерпретации скоплений фрагментированных костей – одного из продуктов охотничьей деятельности.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Научный мир. 360 с.

Сычева С.А., Леонова Н.Б., Александровский А.Л., Водяницкий Ю.Н., Гольева А.А., Зазовская Э.П., Карфу А.А., Каздым А.А., Ковалюх Н.Н., Курочкин Е.Н., Маркова А.К., Николаев Н.И., Пустовойтов К.Е., Рысков Я.Г., Седов С.Н., Скрипкин В.В., Скрипникова М.И., Сычевская Е.К., Чепалыга А.Л., Чичагова О.А., 2004. Естественно-научные методы исследования культурных слоев древних поселений. М.: НИИ-Природа. 162 с.

Т.Е. Солдатова
staiss@yandex.ru

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ ПАМЯТНИКА КОСТЁНКИ 14/II: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом представленного исследования являются изделия из кости и бивня верхнепалеолитической стоянки Костёнки 14/II.

Первые работы на памятнике Костёнки 14 были проведены П.П. Ефименко в 1928 г., затем – А.Н. Рогачёвым. С 1999 г. археологические изыскания здесь возобновлены под руководством А.А. Сеницына и продолжаются по сей день.

Слой II Костёнок 14 относят к городцовской культуре (Аникович и др., 2007; Григорьев, 1970; Сеницын, 1982). Имеющиеся для него радиоуглеродные даты располагаются в диапазоне от 29,5 до 28,4 тыс. л.н., 34–32,4 Cal ka (Сеницын, 2014). Фаунистические остатки представлены в основном лошастью (*Equus* sp.), зайцем (*Lepus* sp.), северным (*Rangifer tarandus*) и благородным (*Cervus elaphus*) оленем, носорогом (*Rhinocerotidae* sp.), волком (*Canis lupus*), мамонтом (*Mammuthus primigenius*), туром (*Bos primigenius*) или бизоном (*Bison bison*), птицами (Верещагин, Кузьмина, 1977. С. 107).

Изделия на памятнике производили из кости и бивня. Сохранность предметов хорошая, встречаются незначительные тафономические повреждения поверхности, только несколько артефактов имеют неудовлетворительную сохранность.

Для кости использовалась в основном ударная обработка — разбивание или разламывание с подработкой полученных осколков скоблением, а также поперечное членение по предварительному пропилю. Отсутствие заготовок из бивня не позволяет сделать

вывод о способах первичной обработки данного вида сырья; для вторичной обработки использовалось скобление.

Изученная на настоящий момент коллекция насчитывает 139 изделий из кости. Среди них можно выделить следующие орудия: 2 шила из локтевых костей небольших животных со следами использования на рабочем конце (рис. 1: 2, 3); 4 шила из трубчатых костей с оставленным эпифизом (рис. 1: 4); 2 шила/булавки (?) с сохраненным эпифизом, дистальный конец одного обломан, на поверхности фиксируется орнамент в виде насечек; 1 шило/булавка с утолщенным концом, дистальный конец обломан, на поверхности фиксируется орнамент в виде небольших нарезок, расположенных по всей окружности предмета; 1 фрагмент трубчатой полой кости с насечками, возможно, от изделия, аналогичного «булавкам»; 81 обломок шильев или игл; 1 ретушер (?) из фрагмента трубчатой кости; 1 фрагмент изделия из ребра (?); 1 целая лопаточка городцовского типа; 1 рукоять лопаточки городцовского типа; 1 фрагмент рабочей части лопаточки городцовского типа; 1 нижняя часть рукояти лопаточки городцовского типа; 5 фрагментов лоцил/лопаточек, два из них с выраженной ручкой, рабочие поверхности заполированы от использования, на одной из ручек фиксируется зональный орнамент в виде поперечных и косых линий; 1 небольшой фрагмент рабочей части лоцила/лопаточки, рабочая поверхность заполирована от использования; 2 фрагмента уплощенных изделий из кости, предположительно лоцил/лопаточек.

К категории «заготовки» отнесены 14 предметов: 7 фрагментов ребер с обработкой, на 5 из которых хорошо прослеживаются следы поперечного членения по предварительному пропилю, а также попыток такого членения, на двух ребрах присутствует орнамент в виде зигзага и насечек по боковым граням (рис. 1: 1, 5–8); 6 фрагментов продольно расчлененных ребер, на 3 из них прослеживаются явные следы поперечного деления по предварительному пропилю, на двух зафиксирован орнамент линейный и в виде зигзага; 2 фрагмента, предположительно, заготовки одного наконечника.

Отходы производства представлены 3 фрагментами продольно расчлененных ребер; 1 большим фрагментом трубчатой кости со следами сколов.

К неопределимым осколкам и обломкам отнесены 1 фрагмент плоской кости с хаотичными надпилами (?); 11 осколков кости; 2 небольших фрагмента кости с двумя пропиленными линиями.

Среди предметов искусства можно назвать 2 небольших фрагмента одного изделия из ребра животного с орнаментом в виде зигзага и 1 подтреугольную подвеску из кости.

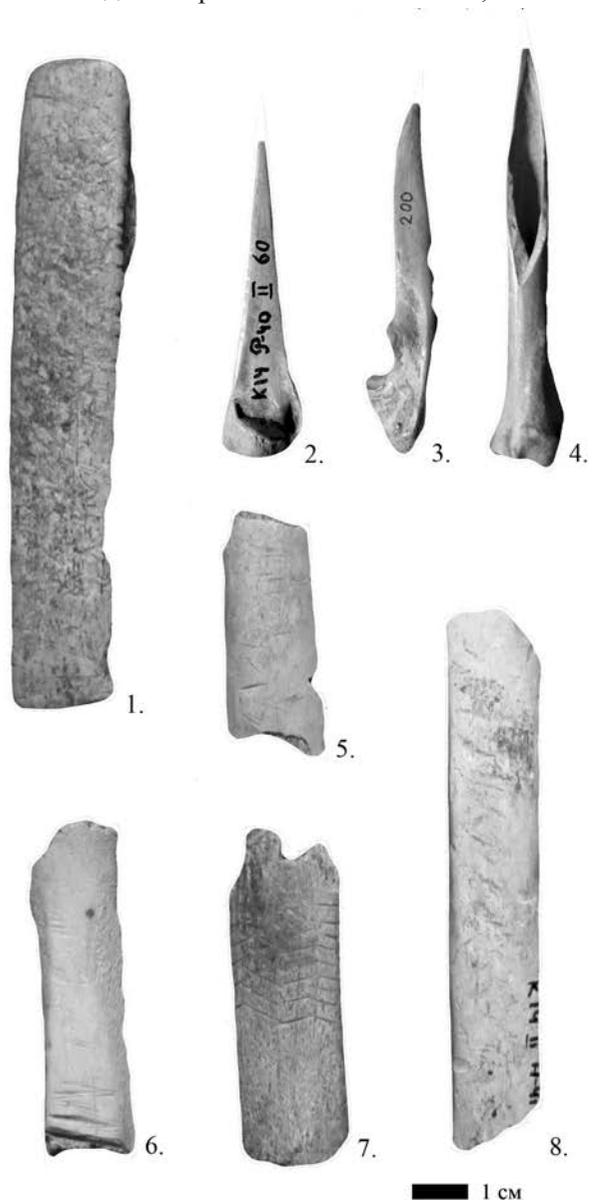


Рис. 1. Костяная индустрия памятника Костёнки 14/II.

Из бивня изготовлены 1 уплощенное изделие с нарезками, 2 подвески (?), 2 бусины, 2 обломка изделий с орнаментом в виде насечек.

Можно заключить, что коллекция костяных изделий на памятнике Костёнки 14/II относительно разнообразна, а количество предметов для обработки шкур животных и изготовления одежды (шилъя, остря, иглы, ложилообразные орудия и лопаточки) намного превышает количество находок других категорий. Возможно, это связано со спецификой хозяйственного освоения раскопанной территории памятника.

Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Отдела палеолита ИИМК РАН, к.и.н. Андрею Александровичу Сеницыну за возможность ознакомиться с коллекцией и оказанную неоценимую помощь в работе.

- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б., 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту // ТКБАЭ ИИМК РАН. СПб.: Нестор-История. Вып. 5. 335 с.
- Верещагин Н.К., Кузьмин И.Е., 1977. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок Дона и Верхней Десны // Труды Зоологического института. Т. 72. С. 77–110.
- Григорьев Г.П., 1970. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. М.: АН СССР. С. 43–63. (МИА. № 166.)
- Сеницын А.А., 1982. Городцовская позднепалеолитическая культура и ее место в палеолите Русской равнины. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л. 18 с.
- Сеницын А.А., 2014. Прерывистость и преемственность в палеолите Костёнок // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ». С. 66–76.

К.Н. Степанова

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
ksstepan@gmail.com*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НЕМОДИФИЦИРОВАННЫХ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА, ИЛИ КАК ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ?

Под «немодифицированными каменными орудиями» понимаются орудия, которые не были преднамеренно изготовлены человеком, их форма – это форма отдельности сырья со следами использования и иногда подправки. Приведенное определение мы используем, чтобы отделить рассматриваемый круг артефактов от изделий (или формальных орудий), которые выступают как основной источник в археологии палеолита. Поскольку такие орудия, как отбойники, наковальни, ложила, абразивы, терочники, песты и т.п. не играют явной культуроразличающей роли, они часто лишены внимания исследователей. Те, кто обращался к ним, отмечают, что терминология и методы их исследования не разработаны (Beaune, 1989. Р. 27; Кучугура, 2003. С. 311; Гричан, 2006. С. 10). По всей видимости, именно с неразработанностью познавательных возможностей данного источника связано стремление рассматривать составляющие его орудия совокупно, хотя таким образом оказываются сведены воедино очень разные функциональные категории предметов. Попытки определить одним словом или словосочетанием столь широкий круг объектов заведомо безуспешны, так как всегда требуют оговорки. При знакомстве с тематической литературой мы сталкиваемся также с тем, что разные авторы при выборе терминологии используют разные основания.

Например, интересующий нас массив предметов описывается некоторыми авторами через сырье: «некремневый компонент каменной индустрии» (Beaune, 1993. Р. 163; Svoboda, Přichystal, 2005. Р. 148), «орудия из разных пород камня» (Кротова, 2007), «изделия из неизоморфных пород» (Кучугура, 2003). Однако кремневые гальки, нуклеусы и массивные отщепы нередко имеют следы работы ими как отбойниками или ретушерами, а «неизоморфность» не относится к существенным признакам строения пород, отдельности которых использованы в качестве рассматриваемых орудий. Если обращать

внимание на структуру, то корректно говорить о крупно-, средне- и мелкозернистых, а также кристаллических породах камня.

В основе еще одного варианта определения лежит внешнее отличие интересующих нас объектов от формальных орудий, например: «атипичный» каменный инвентарь/материал/артефакт, галечные орудия/изделия (Гричан, 2006), макролитический инвентарь (Donnart, 2010) и даже «тяжеловесные орудия», «heavy-duty implements» в оригинале (Svoboda, Přichystal, 2005. P. 148). Однако «атипичными» принято называть изделия в рамках определенной категории, которые не вполне соответствуют параметрам выявляемых типов. Говорить об «атипичном инвентаре» в целом как о чем-то, не поддающемся типологизации, некорректно. Определение «макролитический» также не вполне удачно, поскольку не всегда отбойники, ретушеры, терочники и абразивы превосходят в размерах и весе предметы из расщепленного камня, даже в верхнепалеолитических индустриях. Кроме того, в отечественном палеолитоведении существует параллельная традиция называть макроорудиями артефакты нижнепалеолитического облика. То, как по-разному могут быть восприняты термины «макроорудие» и «макролитический инвентарь» в русском языке, подвигает отказаться от их использования в рассматриваемом контексте. То же самое относится и к определению «галечные орудия», которое имеет совершенно конкретную традицию употребления.

Можно отметить также встречающийся в литературе ряд смысловых ошибок, которых следует избегать. Например, называть рассматриваемую группу орудий «изделиями» и «поделками» уместно, лишь когда следы формообразования действительно присутствуют. В противном случае лучше остановиться на нейтральном термине «артефакты».

Наиболее удачным, с нашей точки зрения, является наименование, исходящее из того, что основной признак данного круга источников – следы использования, а сознательное изменение человеком природной формы отсутствует либо минимально: «галки (или плитки) со следами использования» («galets/plaquette utilisés»), «приспособления» (Beaune, 1989), «немодифицированные каменные орудия» (В.Е. Щелинский, устное сообщение). Эти определения приняты нами как отражающие наиболее существенную характеристику рассматриваемых предметов. Но нужно признать, что и они небезупречны.

Во-первых, утверждение, что обсуждаемые орудия не несут следов обработки и придания им формы, не всегда справедливо. При работе с археологическими коллекциями мы можем видеть не только примеры подправки формы несколькими сколами, но и самые настоящие изделия (ретушеры Костенок 4, пест Костенок 11, Северный пункт и др.). Во-вторых, спорен и сам термин «немодифицированные»: если орудие имеет следы использования, значит, оно претерпело изменения и может быть названо модифицированным.

А.А. Сеницыным было предложено (в устной форме) называть интересующие нас артефакты орудиями абразивно-пикетажного воздействия. Такое определение вполне уместно, поскольку отражает образ использования разных категорий предметов и требует минимум специальных оговорок. Остается подытожить, что терминология еще окончательно не разработана и должна быть скорректирована в будущем. Наиболее вероятное направление решения проблемы – выделение описательных схем для каждой функциональной категории в самостоятельный предмет исследования. Тот факт, что в настоящий момент все они объединяются в довольно аморфную общность, отражает современный этап изучения этой части каменных индустрий палеолита.

Гричан Ю.В., 2006. Новые аспекты палеоэкономики в позднепалеолитических памятниках Забайкалья (по материалам поселения Варварина Гора) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии / Отв. ред. А.П. Деревянко, Т.И. Нохрина. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 9–16.

Кротова О.О., 2007. Знання з різних порід каменю на епіграветських стоянках Північно-Східного Приазов'я // Человек в истории и культуре / Отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса; Тернополь: Друк. С. 46–51.

- Кучугура Л.И., 2003. К вопросу о типологии изделий из неизоморфных пород в верхнем палеолите // Археологический альманах. № 13. С. 308–314.
- Beaune S.A., de, 1989. Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique // Gallia Préhistoire. Fouilles et monuments archéologiques en France Métropolitaine. Vol. 31. P. 27–64.
- Beaune S.A., de, 1993. Nonflint Stone Tools of the Early Upper Paleolithic // Before Lascaux: The complex record of the Early Upper Paleolithic / Eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White. Boca Raton: CRC Press. P. 163–191.
- Donnart K., 2010. L'analyse des unités techno-fonctionnelles appliquée à l'étude du macro-outillage néolithique // L'Anthropologie. Vol. 114. P. 179–198.
- Svoboda J., Přichystal A., 2005. Chapter II.4. Nonflint and heavy-duty industries // Pavlov I Southeast: A window into the Gravettian Lifestyle / Ed. J.A. Svoboda. Brno: Institute of Archaeology at Brno. P. 148–166. (The Dolní Věstonice Studies. Vol. 14.)

М.И. Ткачева

*Институт истории НАН Беларуси, Минск
tkachova.maryia@gmail.com*

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА БЕЛОРУССКОГО ПОСОЖЬЯ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ С ПАМЯТНИКА РУДНЯ 1

Многокультурный памятник Рудня 1 находится на надпойменной террасе левого берега р. Сож в 0,6 км северо-западнее одноименной деревни в Климовичском районе Могилевской области. Выявлен В.Ф. Копытиным в 1994 г. В 2006 г. А.В. Колосов провел на памятнике поверхностные сборы, а в 2007–2008 гг. – археологические раскопки. В ходе работ вскрыто 350 кв. м (Копытин, 1998. С. 23; Колосов, 2007. С. 21; 2008. С. 23–28; 2009а. С. 10–16; 2009б. С. 58–72). Получено большое количество артефактов, которые частично опубликованы А.В. Колосовым. Однако автор акцентировал внимание на кремневых изделиях, керамический же материал в публикациях представлен недостаточно полно (Колосов, 2009б. С. 69–72). По этой причине следует еще раз обратиться к данному археологическому источнику.

На памятнике выделяются три группы керамики. Первая представлена фрагментами 25 закрытых слабопрофилированных сосудов с удлиненным туловом. Тесто пористое с большим количеством органической примеси. Толщина стенок 0,3–0,9 см. По внутренней поверхности прослеживаются глубокие следы выравнивания гребнем либо пучком травы. В орнаментации преобладают отпечатки прямого косо поставленного гребня, которые образуют частые горизонтальные ряды, покрывающие всю поверхность сосуда.

Вторая группа представлена фрагментами 37 горшков закрытых форм либо со слегка отогнутыми венчиками. В тесте присутствует органика и разнoзернистая дресва. Толщина стенок 0,7–1,1 см. На внутренней поверхности в большинстве случаев фиксируется штриховка. Расчески встречены на фрагментах пяти сосудов. Среди элементов орнамента имеются оттиски косо поставленного прямого и выгнутого гребня, реже – наколы и лапка. Элементы объединяются в горизонтальные, вертикальные и диагональные ряды. Часть фрагментов украшена наколами либо лапкой, отпечатки которой нанесены в шахматном порядке. Кроме того, в коллекции присутствует сосуд с орнитоморфными изображениями (Колосов, 2009б. С. 70–72, 246. Рис. 50: 2, 3).

Третья группа объединяет 26 сосудов закрытых форм либо со слегка отогнутыми венчиками. В тесте присутствует примесь разнoзернистой дресвы. Толщина стенок 0,3–0,8 см. На внутренней поверхности в большинстве случаев имеется штриховка либо расчески. Внутренняя поверхность фрагментов 9 сосудов гладкая. Среди элементов орнамента встречаются оттиски косо поставленного прямого и выгнутого гребня и наколы. Элементы образуют горизонтальные и диагональные ряды. Часть фрагментов не орнаментирована.

В керамическом комплексе рассматриваемого памятника присутствуют фрагменты сосудов, объединяющие в себе черты первой и второй групп. К таким сосудам принадлежит широкогорлый закрытый горшок с органической примесью в тесте, орнаментированный лапкой по всей поверхности.

Охарактеризованные группы керамики имеют аналогии среди древностей верхнеднепровской культуры с других памятников Белорусского Посожья (Гронов 2–3 и др.).

В коллекции выявлен сосуд с большим количеством органики в тесте, толщина стенок которого составляет 0,7–0,8 см. На его внутренней поверхности прослеживается штриховка. В качестве основного элемента орнамента использовался круглый глубокий накол, образующий горизонтальные ряды либо треугольные фигуры. Округлое днище снаружи полностью покрыто горизонтальными рядами круглых наколов. Такая традиция декорирования сосудов характерна для культур ямочно-гребенчатой керамики и, скорее всего, проникла в Белорусское Посожье из Волго-Окского междуречья через Подесенье.

О контактах местного населения с носителями среднеднепровской культуры свидетельствует присутствие на рассматриваемом памятнике пяти сосудов с такими характерными для указанной культуры чертами, как примесь песка в тесте, венчик с отогнутым наружу краем и с утолщением в верхней части, паркетный орнамент.

Таким образом, результаты исследований свидетельствуют о наличии на памятнике Рудня 1 (Белорусское Посожье) нескольких традиций изготовления сосудов в эпоху неолита, однако говорить о хронологическом и генетическом соотношении выделенных групп керамики можно лишь предварительно. Только дальнейшие исследования позволят в полной мере охарактеризовать особенности культурной ситуации в Восточной Беларуси в эпоху неолита.

Автор выражает благодарность А.В. Колосову за предоставленную возможность ознакомиться с материалами его исследований.

Колосов А.В., 2007. Отчет об археологических работах 2006 г. в Могилевском Посожье. ААНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». № 2370.

Колосов А.В., 2008. Отчет об археологических работах 2007 г. на территории Могилевского Посожья. ААНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». № 2509.

Колосов А.В., 2009а. Отчет об археологических работах 2008 г. в бассейне р. Сож (Могилевская Область). ААНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». № 2603.

Колосов А.В., 2009б. Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиции 2002–2008 гг.). Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова». 264 с.

Копыгин В.Ф., 1998. Археологические памятники Климовичского района Могилевской области. Могилев: Могилевский гос. ун-т. 110 с.

И.Ю. Хрусталева

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
irinakhrustaleva@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ДРЕВНИХ СТОЯНОК В ДОЛИНЕ Р. СЕРТЕЙКИ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК 2010 И 2014 ГГ.)

В 2010 и 2014 гг. Сертейским отрядом в составе Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (начальник – А.Н. Мазуркевич) проводились разведки в долине р. Сертейки, незначительного притока р. Западная Двина (Велижский район Смоленской обл.). Русло Сертейки прорезает Нивниковскую озерную котловину, к которой приурочены выявленные здесь памятники каменного века. Работы заключались в сплошном обследовании левого берега Сертейки вдоль лесной дороги, связывающей д. Рудня и д. Сертея. Его целью был поиск, в первую очередь, стоянок каменного века на участке вдоль тропы сезонных миграций зверей (Mazurkevich, Dolbunova, 2011). Собран немногочисленный подъемный материал, по ходу всего маршрута заложены серии шурфов на наиболее удобных в топографическом отношении участках.

С самого начала, с 70-х годов XX в., в работах Северо-Западной экспедиции наметилась тенденция изучения не только самих культур в рамках этнокультурных общностей, но и археологических микрорайонов, поскольку это давало возможность наилучшим образом разработать хронологию памятников (Микляев, 1971. С. 2, 3). Один из таких микрорайонов – Сертейский. За годы исследований установлено, что он насыщен разновременными памятниками каменного века, представленными как небольшими временными стоянками, так и долговременными поселениями с остатками построек, кострищ и т.д. В настоящее время работы здесь сосредоточены на реконструкции системы расселения человека в неолите.

До недавнего времени активные археологические изыскания были сосредоточены на правом низком берегу Сертейки. Попытки поиска памятников на левом берегу также предпринимались. В ходе этих работ был исследован крутой террасированный склон, на котором выявлены незначительные местонахождения каменного века, представленные небольшими скоплениями кремневого материала. Левый берег Сертейки был признан бесперспективным, работы там прекратились. В 2010 г. было решено дообследовать данную территорию, чтобы окончательно определить ее роль в системе расселения людей в неолите.

В результате исследован участок длиной около 4 км и шириной 0,3–0,6 км между бортом Нивниковской озерной котловины и понижениями к западу и юго-западу от нее, между д. Сертея и д. Рудня (Хрусталева, 2013). Методика работ включала визуальный осмотр местности, сбор подъемного материала, закладку разведочных шурфов. Учитывались топографические особенности ландшафта, определяющие выгодное положение памятника. Общая площадь вскрытия не превышала 20 кв. м на каждом памятнике. Для определения географических координат всех шурфов использовались GPS-приемники.

Сплошное обследование территории позволило выявить 11 стоянок каменного века. В основном это небольшие по площади местонахождения без культурного слоя, представленные скоплениями отходов кремнеобработки и редкими орудиями: наконечниками и скребками (Сертея LI, LV, LVI, LVII, LVIII; Рудня I, II; Нивники II). Лишь три стоянки (Сертея LII, LIII и LIV) имели выраженный культурный слой, в котором зафиксированы западины и ямы со скоплениями не только кремневого материала, но и фрагментов глиняных сосудов раннего неолита с накольчатой орнаментацией. Анализ топографического положения выявленных памятников позволяет выделить зону концентрации стоянок каменного века протяженностью около 1 км. Они расположены на небольших возвышениях или мысах, в значительном отдалении от борта Нивниковской озерной котловины. Все найденные стоянки приурочены к песчаным почвам.

Памятники каменного века не обнаружены при приближении к р. Западная Двина, здесь собран материал лишь на средневековом селище при городище, расположенном на месте современного кладбища в д. Сертея. Территория к югу и юго-востоку (по направлению к д. Рудня) от открытых стоянок находится на более низком гипсометрическом уровне, вероятно, эти места не были пригодны для проживания. Важно также отметить зональность расположения материалов каменного века и средневековья. Указанные зоны не накладываются друг на друга, что еще раз подчеркивает разный подход к выбору мест для поселения (стоянки) в разные исторические эпохи.

Неолитические стоянки с выраженным культурным слоем и развалами глиняных сосудов расположены на мысах на открытых возвышенных площадках. Местонахождения, представленные небольшими скоплениями кремневых сколов и отщепов, рассеяны по исследованной площади, в их расположении нет жесткой привязки к особенностям ландшафта. Находки с вновь выявленных стоянок аналогичны материалам ранее исследованных памятников каменного века в этом микрорайоне. Немногочисленность материалов эпохи камня на левом берегу р. Сертейки говорит о том, что в указанный период здесь лишь изредка устраивались временные стоянки (Сертея LII, LIII и LIV). Вероятнее всего, они были оставлены небольшими группами охотников, которые курсировали вдоль борта Нивниковской озерной котловины, периодически останавливаясь в лесу и поджидая или выслеживая добычу у тропы, по которой проходили сезонные миграции лося и кабана.

- Микляев А.М. 1971. Памятники каменного века и периода бронзы в бассейне верхнего течения Западной Двины (по материалам Невельской экспедиции). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л. 24 с.
- Хрусталева И.Ю. 2013. Отчет Сертейского отряда Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа о проведении археологических разведок в Велижском районе Смоленской области в 2010 г. СПб.
- Mazurkevich A., Dolbunova E. 2011. Reconstruction of the Early and Middle Neolithic Settlement Systems in the Upper Dvina Region (NW Russia) // Go Your Own Least Cost Path. Spatial technology and archaeological interpretation. Proceedings of the GIS session at EAA 2009, Riva del Garda. BAR International Series 2284. Archaeopress. P. 25–32.

А.М. Чеха

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
chekhandrej@yandex.ru*

К ПРОБЛЕМЕ ДЕФЛЯЦИИ КАМЕННОГО МАТЕРИАЛА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИАРАЛЬЯ

Преобладание в течение всего плейстоцена аридных условий на территории Западного Казахстана обусловило крайне скудное осадконакопление, в результате чего у подавляющей части палеолитических памятников этого региона нет стратифицированного культурного слоя, и их разновозрастные артефакты имеют одинаковое поверхностное залегание. Палеолитические местонахождения здесь дислоцируются, как правило, либо у водных источников различного типа, либо вблизи выходов каменного сырья, пригодного для изготовления артефактов. Сочетание первого и второго факторов способствовало тому, что представители древнейших популяций в течение длительного времени многократно заселяли одно и то же место; ценность таких местонахождений исключительно велика (Деревянко и др., 1998).

На местонахождениях с поверхностным залеганием артефактов каменный инвентарь является единственным источником получения информации. Обычно для обоснования хронологического деления каменных материалов в подобных смешанных комплексах используется степень сохранности поверхности артефактов (дефляция), зависящая от длительности воздействия на них факторов выветривания.

Для обозначения степени и характера внешней сохранности каменных артефактов рядом исследователей использовались общие, условные термины типа «патина» (Коробков, 1971; Астахов, 2008) «дефляция» (Деревянко и др., 2000), «коррозия» (Медведев, Несмеянов, 1988; Медведев, 2001). В зависимости от степени сохранности все подъемные материалы предлагается делить на четыре группы (в некоторых случаях допустимо и большое количество групп): а) сильнодефлированные; б) среднедефлированные; в) слабодефлированные; г) недефлированные (Деревянко и др., 2000; 2001). Различия между группами определяются такими характеристиками, как заглаженность краев, расплывчатость границ между негативами сколов, отчетливость следов мелкой отделки артефакта.

Проведенный петрографический анализ изделий с палеолитического местонахождения поверхностного залегания артефактов Арал-1 ставил целью ответить на вопрос, насколько правомерно использование степени сохранности поверхности каменных изделий как основного критерия периодизации (Чеха, Кулик, 2014).

Каменное сырье, использованное на памятнике Арал-1, имеет наиболее близкий к кварцитам вид, однако отсутствие типичных для кварцитов структур перекристаллизации обломочного материала сохраняет за ними название кварцитовидных песчаников. Среди них отчетливо выделяются две разновидности, петрофизические различия между которыми – общий вид породы, ее цвет, характер скалывания и выветривания – определяются размером зерен обломочного кварца, т.е. зернистостью породы, минеральной формой и структурой цемента. При этом обе разновидности представляют собой каменное сырье высокого качества, и, по-видимому, предпочтение той или иной из них (в

большей степени) зависело от преимущественной распространенности каждой на месте памятника.

В результате тщательного осмотра под бинокулярной лупой всех артефактов пункта Арал-1 установлено, что очень часто на одном и том же артефакте проявляется разная степень дефляции, причем не только поверхностей с разных сторон артефакта, но иногда в пределах одной и той же сколотой плоскости. Это означает, что степень выветривания, в том числе степень дефляции, артефактов из серого кварцитовидного песчаника на местонахождении Арал-1 не может быть использована для их возрастной стратификации (Чеха, Кулик, 2014. С. 69).

Следует отметить, что деление по степени дефляции поверхности является самостоятельной для каждого комплекса характеристикой подъемного материала. Это объясняется специфическими природно-климатическими условиями, ландшафтной обстановкой окружающей местности, типом сырья и др.

Астахов С.Н., 2008. Палеолитические памятники Тувы. СПб.: Нестор-История. 180 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., 1998. Методика изучения и информативность палеолитических памятников поверхностного залегания в аридной зоне Центральной Азии // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий / Отв. ред. З.К. Исабеков. Туркестан. С. 165–196.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Исакаев Г.Т., 1999. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 46–50.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А., 2000. Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 438 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К., 2001. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 136 с.

Коробков И.И., 1971. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // Палеолит и неолит СССР. Т. 6. Л.: Наука. С. 61–99. (МИА. № 173.)

Медведев Г.И., Несмеянов С.А., 1988. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири / Отв. ред. Р.С. Васильевский, Ю.П. Холушкин. Новосибирск: Наука. С. 113–142.

Медведев Г.И., 2001. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения / Отв. ред. А.П. Деревянко, Г.И. Медведев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 267–272.

Чеха А.М., Кулик Н.А., 2014. Каменное сырье палеолитических местонахождений Северного Приаралья (по материалам пункта Арал-1) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 5: Археология и этнография. С. 63–72.

А.Н. Чеха

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Cheha.anna@yandex.ru*

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ НЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (НА МАТЕРИАЛАХ УСТЬ-КУТАРЕЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА)

В ходе широкомасштабных археологических работ, связанных с возобновлением строительства Богучанской ГЭС на территории Северного Приангарья, весьма интересные материалы были получены при изучении стратифицированных памятников неолита и эпохи палеометалла в Усть-Кутарейском археологическом микрорайоне (левобережье р. Ангара в среднем ее течении, правый приток р. Кутарей).

Памятники Северного Приангарья в археологическом и историческом плане исследуются с начала XVIII в. С конца 1960-х годов проводятся регулярные разведки и раскопки. С начала 1970-х годов применяется комплексный подход к изучению памятников неолита и бронзового века. Именно в рамках этих работ открыто большинство археологических объектов Усть-Кутарейского микрорайона. В последнее время (2008–2011 гг.) исследование памятников проводилось ИАЭТ СО РАН (Савин, 2011. С. 23).

Одним из наиболее дискуссионных остается вопрос о хронологии и периодизации неолита и бронзового века Северного Приангарья. Начиная с 1950-х годов, эта тема широко обсуждалась в работах А.П. Окладникова, М.М. Герасимова, Б.Э. Петри, Л.П. Хлобыстина, Н.А. Савельева и Г.И. Медведева, В.В. Свирина, О.И. Горюновой, И.В. Асеева (Гришин, 2000). Культурно-хронологическая интерпретация объектов затруднена смешением в одном слое материалов неолита и бронзового века, характерным для большинства памятников региона. Это вызвано так называемым «компрессионным» характером напластований, как правило, без стерильных разделяющих прослоек, и вскрытием всей толщи культурного слоя условными горизонтами. В данном случае относительным культурным и датирующим маркером может служить керамика.

Новые исследования керамических комплексов бронзового века Енисейского Приангарья проводятся рядом специалистов. П.В. Мандрыка (2008) выделяет на рассматриваемой территории несколько культурных традиций: комплексы с гладкостенной керамикой и гребенчато-пунктирной орнаментацией (бобровский тип), комплексы с «тонкошнуровой» керамикой (усть-шилкинский тип), переходный комплекс (с утолщенными краями венчика и орнаментацией сеткой под венчиком), самоделкинский и шепилевский комплексы. Н.П. Макаров (2013) изучает материалы культурных горизонтов 4 и 5 стоянки Усть-Карабула, содержащих артефакты неолитического облика, А.Н. Савин (2010) – материалы многослойного поселения Парта. Особенно актуальны в контексте анализа проблем хронологии новые данные по усть-бельской керамике (по материалам стоянки Сергушкин-1), которые позволяют отнести ранний период бытования усть-бельского комплекса к концу VI – началу V тыс. до н.э. (Герман, Леонтьев, 2013. С. 151).

При исследовании памятников Усть-Кутарейского микрорайона (Устье реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей) обнаружено более 30 тыс. артефактов. Рекогносцировочные работы позволили выявить участки с четкой стратиграфией, где были проведены раскопки сплошной площадью. Наиболее перспективным в рассматриваемом контексте представляется изучение материалов стоянки Устье реки Кутарей. Она располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от с. Кежда, на правом берегу р. Кутарей, в ее устье. Первоначально памятник был определен как стоянка эпохи неолита (IV–III тыс. до н.э.), но в результате работ 2010 г. на нем выявлено три культурных горизонта от неолита до средневековья. Массовые археологические комплексы из слоев 3 и 4 включают в основном каменную индустрию (технологически неолитическая индустрия не отличается от индустрии бронзового века) и керамику, сопоставимую с материалами Прибайкалья, Нижней Ангары; четко фиксируется группа посольской и усть-бельской посуды. Стратиграфическая отчетливость напластований на памятниках Усть-Кутарейского микрорайона и связь с ними керамических комплексов дают возможность датировать сопутствующие материалы, а в дальнейшем позволяют внести существенный вклад в построение единой хроностратиграфической шкалы археологических памятников среднего течения Ангары.

Герман П.В., Леонтьев С.Н., 2013. Комплекс археологических материалов с Усть-Бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Георхеология. Этнология. Антропология». №1 (2). Иркутск. С. 133–156.

Гришин Ю.С., 2000. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. М.: Старый сад. 128 с.

Макаров Н.П., 2013. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий / Отв. ред. Л.Л. Карнаухова. Красноярск: Изд-во Красноярского краеведческого музея. С. 130–175.

- Мандрыка П.В., 2008. Степь и тайга: проблема взаимоотношений племен раннего железного века (по материалам Енисейского Приангарья) // Журнал Сибирского Федерального университета. Красноярск. С. 261–269.
- Савин А.Н., 2010. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI: Матер. итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 582–587.
- Савин А.Н., 2011. Отчет об археологических раскопках стоянки Устье Реки Кутарей 2010 г. (Кежемский район Красноярского края) в 6-ти томах. Т. I. Новосибирск. 175 с. Архив ИАЭТ СО РАН. Ф.1. Оп.1. Д. № 557.

С.В. Шнайдер

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Алтайский государственный университет, Барнаул
sveta.shnyder@gmail.com*

ТУТКАУЛЬСКАЯ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ В МЕЗОЛИТЕ ПАМИРО-АЛАЯ¹

До настоящего времени мезолит Памиро-Алая воспринимался как дискретное явление, состоящее из нескольких не связанных между собой этапов (культур). Генезис раннего мезолита связывался исключительно с миграциями с территории Ближнего Востока, а позднего – с развитием локальных галечных верхнепалеолитических культур под влиянием миграций/диффузии идей с территорий Ближнего и Среднего Востока (Коробкова, 1989; Ранов, Каримова, 2005; Филимонова, 2007).

На новом этапе изучения проведен технико-типологический анализ ключевых мезолитических комплексов региона (Туткаул (гор. 2а, 3), Оби-Киик), в результате которого получены данные, свидетельствующие о значительном сходстве между указанными индустриями. Сходство проявляется в выявленных общих чертах в первичном расщеплении, орудийных наборах, а также в особенностях применения техник вторичной обработки. В целом, у этих индустрий прослеживаются общие тенденции в развитии каменного производства. Зафиксированные процессы свидетельствуют о поступательном развитии и трансформации рассматриваемых комплексов в рамках одной линии развития.

На основании технико-типологических характеристик комплексов, а также их стратегического положения выделены два генетически связанных между собой этапа туткаульской линии развития (ранний и поздний), которые маркируют индустрии Туткаула, гор. 3 и Туткаула, гор. 2а соответственно. Между ранним и поздним этапами выделяется переходная индустрия, представленная материалами памятника Оби-Киик.

Расщепление на раннем (Туткаул, гор. 3) этапе основывается на утилизации исключительно кремневого сырья. В первичном расщеплении отмечается преобладание продольного однонаправленного скалывания, при этом выделяется значительная доля кареноидного расщепления (рис. 1: 8). В орудийных наборах отмечается доминирование геометрических микролитов (прямоугольников) (рис. 1: 1–4). Помимо этого среди орудий отмечаются такие яркие формы, как пластинки с притупленным краем, пластины с альтернативной ретушью (рис. 1: 5) и высокие микроскребки (рис. 1: 6, 7).

Для переходной индустрии памятника Оби-Киик характерно использование также исключительно кремневого сырья. Первичное расщепление комплекса характеризуется однонаправленными кареноидными (рис. 1: 15) и торцовыми ядрищами для пластинок. При этом в индустрии отмечается присутствие единичных ярких маркеров применения для производства пластинок как ударной, так и отжимной техники скола. В орудийном наборе преобладают сегменты (рис. 1: 9–11) и выемчатые орудия (рис. 1: 13), отмечается наличие негеометрических микролитов – пластинок с притупленным краем и остроко-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-12039 офи_м.

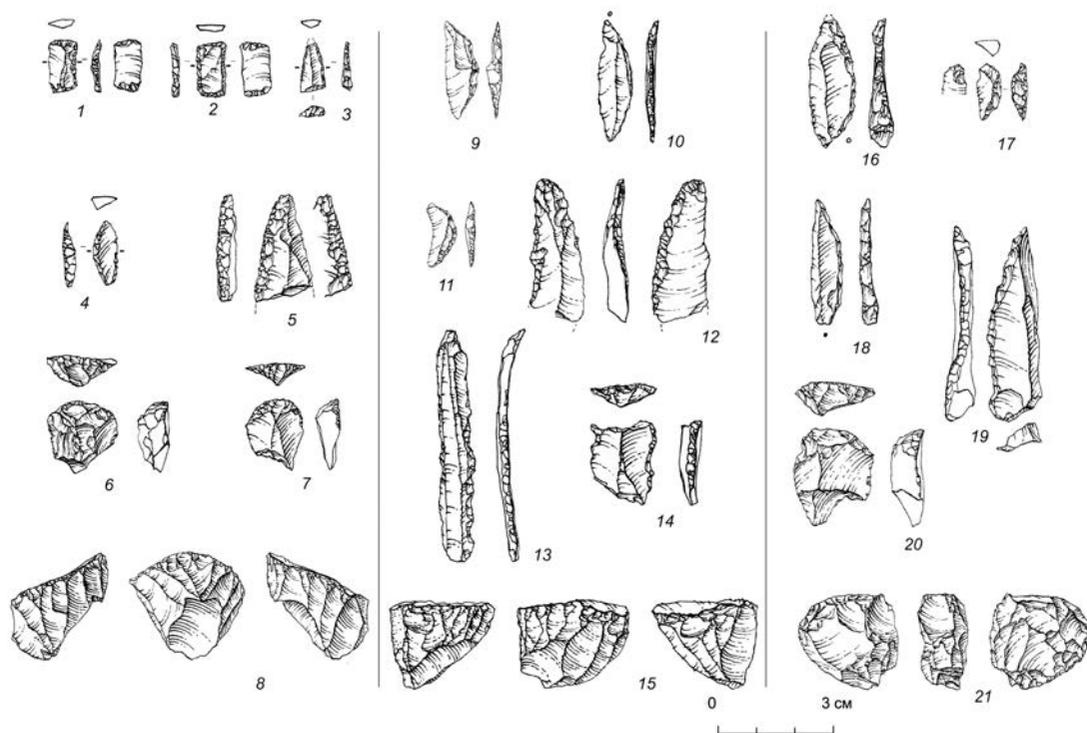


Рис. 1. Каменные артефакты мезолитических комплексов памятников Туткаул и Оби-Киик.

1–8 – каменные артефакты гор. 3 памятника Туткаул; 9–15 – каменные артефакта памятника Оби-Киик; 16–21 – каменные артефакты гор. 2а памятника Туткаул.

нечных пластинок с притупленным краем, а также пластин с альтернативной ретушью (рис. 1: 12) и шиповидных изделий (рис. 1: 14).

На позднем этапе (Туткаул, гор. 2а) отмечается использование более широкой сырьевой базы за счет утилизации эффузивных пород, направленной преимущественно на получение крупных сколов (отщепов, пластин). Мелкопластинчатое производство в большей степени представлено на утилизации кремневых пород в рамках объемной и торцовой стратегии расщепления (рис. 1: 21), при этом отмечается отказ от кареноидной технологии для получения мелкопластинчатых заготовок. В орудийном наборе доминируют сегменты (рис. 1: 16, 17), острия туткаульского типа (рис. 1: 18, 19) и концевые скребки различных модификаций (рис. 1: 20).

На территории Памиро-Алая имеется ряд индустрий (Чиль-Чор-Чашма, Задиан 2, 3, 6, пункт 424 а, б), синхронных вышеописанным, в комплексах которых представлены яркие типы орудий, прежде всего прямоугольники, сегменты и высокие микро-скребки, аналогичные орудиям из индустрий раннего этапа туткаульской линии развития. С материалами позднего этапа туткаульской линии развития на основе общих черт в первичном расщеплении и орудийных наборах проведенные корреляции позволяют сопоставлять индустрии Истыкской пещеры (гор. 3–4) и Дарай-Шура (Памиро-Алай). Получение крупных сколов (отщепов и пластин) реализовывалось преимущественно с эффузивных ядрищ в рамках плоскостной стратегии расщепления. Пластинки и микропластины получали в большей степени в рамках объемного и торцевого расщепления с кремневых ядрищ. Среди орудийных комплексов индустрий прослеживаются аналогии по наличию сегментов, острий туткаульского типа, концевых скребков различной морфологии, а также аналогичных выемчатых и шиповидных изделий.

Таким образом, в настоящий момент в мезолите Памиро-Алая предлагается выделять туткаульскую линию развития. В ней прослеживаются два этапа – ранний и поздний, в индустриях которых на уровне первичного расщепления и орудийного набора фиксируются изменения, свидетельствующие о поступательном развитии.

- Коробкова Г.Ф., 1989. Мезолит средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. С. 149–174. (Археология СССР.)
- Ранов В.А., Каримова Г.Р., 2005. Каменный век афгано-таджикской депрессии. Душанбе: Деваштич. 252 с.
- Филимонова Т.Г., 2007. Верхний палеолит и мезолит афгано-таджикской депрессии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе. 24 с.

С.С. Юрецкий

*Институт истории НАН Беларуси, Минск
stasyandro@gmail.com*

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ КЕРАМИКИ КУЛЬТУР ЛЕСНОГО НЕОЛИТА БЕЛОРУССКОГО ПОНЕМАНЯ

На территории Белорусского Понеманья на современном этапе исследований фиксируется ряд культур (припятско-неманская и неманская), которые в восточноевропейской археологической традиции принято идентифицировать как общности «лесного неолита» (Ошибкина, 1996. С. 6). Отличительные характеристики неманской культуры были сформулированы М.М. Чернявским в 1960–1970-е годы (Чарняўскі, 1979. С. 47–67). Дальнейшее изучение источников, в первую очередь керамики, позволило тому же исследователю в начале 2000-х годов обосновать выделение раннего этапа неманской культуры в отдельную припятско-неманскую раннеолитическую культуру (Чарняўскі, 2003).

Необходимо отметить, что основные особенности указанных общностей определены преимущественно на керамическом материале. Так, припятско-неманская культура характеризуется керамикой типа Дубичай (Чарняўскі, 1979. С. 50–55; 2003). В развитии неманской культуры выделяются два этапа, представленные керамикой типов Лысая Гора и Добрый Бор (Чарняўскі, 1979. С. 55–67; 2011).

В настоящее время возникла необходимость верификации источниковедческой базы по керамике, относящейся к указанным культурам, которая обусловлена рядом причин. Во-первых, не всегда удается точно описать керамический материал, основываясь на упомянутой схеме. Это приводит, например, к появлению так называемых переходных лысогорско-доброборских форм. Во-вторых, решение основных проблем в изучении местных древностей лесного неолита связано, главным образом, с анализом керамики.

Важны и дальнейшие исследования по выработке общих культурных идентификаторов для неолитических древностей Центральной и Восточной Европы, на что уже обращалось внимание в литературе (Koško, Szymt, 2004. S. 91). Общность и взаимосвязанность археологических таксонов на данной территории делает необходимыми более тесные контакты белорусских специалистов с учеными из соседних стран. В первую очередь это относится к представителям польской археологии, ведь культурная близость территорий современных Западной Беларуси и Польши в различные археологические эпохи бесспорна. Следует обращать внимание и на достижения российских ученых.

Для изучения керамики лесного неолита Белорусского Понеманья было решено прибегнуть к схеме, созданной в Познаньском археологическом центре. Одной из ее особенностей является опора на качественно-количественную информацию. Соответственно, для проведения такой работы необходимы формализация и десубъективизация данных. Исследование керамики проходит на основе анализа технологической и стилистической подсистем (орнаментация и морфология) (Czebreszuk et al., 2006. S. 39; см. также литературу, цитируемую в этой работе). Следует отметить, что первоначально познаньская схема была выработана для анализа древностей центральноевропейских культур неолита–бронзового века. Впоследствии она была адаптирована и для работы с керамикой лесного неолита (Józwiak, 2003. S. 95–145; Wawrusiewicz, 2012. S. 61–66; см. также литературу, цитируемую в этих работах).

Применение такого подхода к материалам лесного неолита Белорусского Полесья на современном этапе исследований привело к следующим результатам. Керамические коллекции неманской культуры свидетельствуют о преобладании технологических типов III макроцикла технологической группы М используемой классификации. Анализ стилистических особенностей керамики позволяет проследить влияние культур воронковидных кубков, шаровидных амфор и шнуровой керамики, преимущественно с западных и северо-западных территорий. Несколько иначе обстоит дело с керамикой припятско-неманской культуры. Ряд выделенных для нее типов пока трудно сопоставить с существующей терминологией познаньской схемы. Причина в том, что изучение посуды припятско-неманской культуры с помощью данного метода ранее не проводилось. Однако интенсификация изучения этой культурной общности на территории Польши, а также сотрудничество с коллегами из соседних стран должно привести к решению проблемы.

- Ошибкина С.В., 1996. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. Москва: Наука. С. 6–9.
- Чарняўскі М.М., 1979. Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск: Навука і тэхніка. 144 с.
- Чарняўскі, М.М., 2003. Да пытання вылучэння прыпяцка-нёманскай ранненеалітычнай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 18. Мінск: Беларуская навука. С. 25–33.
- Чарняўскі, М.М., 2011. Нёманская неалітычная культура ў Беларусі: генезіс і эвалюцыя // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu / Pod red. U. Stankiewicz i A. Wawrusiewicz. Białystok: Instytucja kultury województwa Podlaskiego. S. 77–86.
- Czebreszuk J., Koško A., Szmyt, M., 2006. Zasady analizy źródeł ceramicznych z okresu późnego neolitu oraz interstadium epok neolitu i brązu na Kujawach // Opatowice. Wzgórze Prokopiaka. T. I. Studia i materiały do badań nad późnym neolitem Wysoczyzny Kujawskiej / Red.: A. Koško, M. Szmyt. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie. S. 39–64.
- Koško A., Szmyt M., 2004. Problem wschodniej rubieży kultury neolitycznych Nizów Środkowoeuropejskiego: VI–III tys. BC // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa: Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. S. 80–98.
- Józwiak B., 2003. Społeczności subneolitu wschodnioeuropejskiego na Niziu Polskim w międzyrzeczu Odry i Wisły. Poznań: Instytut Prahistorii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. 449 s.
- Wawrusiewicz A., 2013. Osadnictwo społeczności kultury niemieńskiej w Jeronikach, stanowisko 2, gm. Choroszcz w województwie podlaskim // Studia i materiały nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu. T. II. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 49–94.

СЕВЕРНАЯ ЕВРАЗИЯ ЭПОХ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НОВЫХ НАХОДОК

А.К. Бахшиева (Фазрахманова)

*Башкирский государственный университет, Уфа
oriole_13@mail.ru*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОНЧАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА

Изучение традиций позволяет понять механизм культурных трансформаций. Представленный в данной работе опыт анализа истории изучения гончарных технологических традиций срубной КИО показывает роль этих исследований в осмыслении процессов, проходивших на территории Южного Урала в эпоху поздней бронзы.

Условно можно говорить, что методы исследования керамики срубной КИО на территории Южного Урала реализуют два основных подхода: эмоционально-описательный и историко-культурный (Цетлин, 2012. С. 30–38). Первый характеризуется изучением признаков керамики на эмоциональном и визуальном уровнях, при втором анализируются гончарные традиции «как результат действия определенных навыков труда» (Цетлин, 2012. С. 35).

Наиболее подробное описание южноуральской срубной керамики в рамках эмоционально-описательного подхода дано К.В. Сальниковым (1967), М.Ф. Обыденновым и Г.Т. Обыденновой (1991), Н.Г. Рутто (2003). Во всех трех работах утверждается, что в качестве пластичного исходного сырья отбиралась глина, в которую при составлении формовочной массы в основном добавлялся шамот. Меньшую роль играли примеси песка, толченой раковины и извести. Кроме того, К.В. Сальников считает, что в некоторых случаях в глину добавлялись дресва и галька. М.Ф. и Г.Т. Обыденновы отмечают растительные добавки и кварц. Все авторы определяют раковину как индикатор раннего этапа срубной КИО.

О способе конструирования упоминают только М.Ф. Обыденнов и Г.Т. Обыденнова, утверждая, что он был ленточным.

Относительно обработки поверхности мнение всех исследователей совпадает. Они описывают обработку пучком травы либо зубчатым штампом. Н.Г. Рутто также предполагает наличие на поверхности сосудов следов обработки щепой. К.В. Сальников упоминает о редких случаях фиксации следов лощения.

Что касается обжига, то М.Ф. Обыденнов и Г.Т. Обыденнова указывают, что он производился в костре. К.В. Сальников фиксирует глиняные черепки двух вариантов окраски. В первом случае черепок полностью черный, как с внешней и внутренней стороны, так и в изломе. Из этого можно сделать вывод, что горшки данного типа обжигались в восстановительной среде. Во втором случае цвет внешней поверхности керамики желтый, желто-бурый или кирпичный, а внутренней – черный, тогда в изломе фрагмент двухслойный. Такой вариант окраски описывают и М.Ф. и Г.Т. Обыденновы. Они отмечают, что цвет поверхности сосудов коричневый с различными оттенками, а в изломе черепок черный, коричневый или серый, иногда двух- или трехслойный. Следовательно, во втором случае мы можем сказать, что обжиг проводился в окислительной среде.

В рамках историко-культурного подхода керамику срубной КИО Южного Урала (в основном по памятникам Восточного Оренбуржья) как часть крупного массива материала Урало-Поволжского региона расселения срубных племен изучала Н.П. Салугина. Данные, полученные в результате этих исследований, представлены ею в совместной с

И.Н. Васильевой работе (2010). Срубную керамику с той же территории анализировал В.И. Мухаметдинов (2012; 2014).

Рассмотрим полученные ими данные по стадиям системы гончарного производства, выделенным А.А. Бобринским (1978. С. 14).

Подготовительная стадия. На раннем этапе срубной культуры в качестве пластичного исходного сырья отбирались илы, илистые глины и ожелезненные глины. А в качестве непластичного исходного сырья – шамот, органика и дробленая раковина. На развитом этапе, по мнению всех исследователей, носителя срубных традиций отбирали ожелезненные глины разной степени запесоченности и добавляли в них шамот и органику (навоз или органический раствор). Реже в качестве примеси использовались дробленые кость, шлак, сухая глина, а также песок.

Созидательная стадия. Основной способ конструирования сосудов на обоих этапах – спирально-жгутовой или лоскутный спиралевидный налепы по донно-емкостной либо донной программе. Поверхность сосудов чаще заглаживалась гребенчатым штампом, тканью, кожей. Помимо этого фиксируются заглаживание щепой, каменной галькой, пальцами и редкие случаи лощения.

Закрепительная стадия. И.Н. Васильева и Н.П. Салугина указывают, что обжиг сосудов проводился в кострищах или очагах в окислительной среде при кратковременном воздействии температур. В то же время В.И. Мухаметдинов отмечает наличие горшков, обожженных в восстановительной среде.

Таким образом, можно заключить, что результаты технико-технологического анализа по методике А.А. Бобринского дополняют, а часто и корректируют данные, полученные на визуальном уровне. Использование широкого спектра приемов для решения одинаковых функциональных задач указывает на неоднородность населения, что позволяет поставить вопрос об истоках инокультурных традиций.

- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 273 с.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., 2010. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.Н. Кузнецова. Самара: ООО «Офорт». С. 135–154.
- Мухаметдинов В.И., 2012. Техничко-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 101–112.
- Мухаметдинов В.И., 2014. Техничко-технологический анализ керамики Покровского поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург: ООО «ИПК Университет». С. 196–200.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1991. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во Самарского филиала Саратовского ун-та. 176 с.
- Рутто Н.Г., 2003. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем. 212 с.
- Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 408 с.
- Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.

И.А. Вальков

*Алтайский государственный университет, Барнаул
valkow92@mail.ru*

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА¹

По количеству и типологическому составу орудий и изделий из кости среди памятников эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья заметно выделяется поселение елунинской

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культуры на территории Северной Азии».

культуры Березовая Лука. Исследования показали, что большинство орудий труда здесь изготовлено из костей животных (Кирюшин и др., 2005. С. 135). Изучение материалов данного памятника, таким образом, позволяет получить информацию о косторезном деле и других сферах экономики и жизни населения елунинской культуры, в которых использовались предметы из кости.

На отдельных аспектах изучения костяной индустрии поселения Березовая Лука останавливались ряд исследователей (Кирюшин и др., 2005; 2011; Грушин, 2008; 2013; Гончаров, 2002). Однако результаты этих работ могут быть существенно дополнены путем применения комплексного подхода, включающего трасологический, типологический, технологический методы.

Что касается технологической стороны изучения костяной индустрии, то по материалам поселения Березовая Лука можно судить о различных этапах процесса обработки кости: от выбора сырья и производства заготовок до оформления готового изделия (Грушин, 2008. С. 27). В качестве сырья использовались главным образом кости домашних (КРС, МРС, лошади) и диких животных. В процессе микрометрического изучения поверхности предметов и сравнения с экспериментальными образцами было установлено, что, несмотря на использование металлических орудий, в косторезном деле елунинской культуры широко применялись и каменные орудия. Это можно интерпретировать, очевидно, как сохранение архаичных (традиционных) способов обработки кости в эпоху ранней бронзы. При изготовлении значительной части орудий учитывалась естественная форма кости, что обуславливало отсутствие необходимости дополнительной обработки. Однако больших трудозатрат и косторезных навыков требовало изготовление наконечников стрел, гарпунов.

Вторым важным направлением в изучении костяной индустрии является анализ функций изделий, специфики их использования в различных сферах жизни людей. Данные для подобных реконструкций предоставляет сравнение типологических построений и результатов трасологического исследования костяного инвентаря. Костяная индустрия обеспечивала, как уже отмечалось, различные сферы жизни, в связи с чем можно разделить находки Березовой Луки на несколько групп, включающих различные типы предметов: 1) орудия кожевенного дела (тупики, скребки, ложила, проколки, двуручные струги из ребер, шлифованные астрагалы МРС); 2) орудия гончарного дела (орнаменты, шлифованные астрагалы МРС, ложила); 3) орудия охоты (наконечники стрел); 4) орудия рыболовства (гарпуны); 5) бытовые, игровые и культовые предметы (игольники, игральные кости из астрагалов МРС с нанесенными насечками и орнаментом, гофрированные трубки, украшение в виде подвески из клыка, рукоять для крепления бронзового кинжала).

Наиболее многочисленны орудия кожевенного производства, что можно объяснить как его ведущим местом в хозяйстве, так и тем, что полировка кожей обеспечила лучшую сохранность предметов. Кроме того, на поселении присутствуют полифункциональные орудия (струги-ложила) и изделия, назначение которых трудно определить (например, копьевидные орудия из расщепленной трубчатой кости КРС). Типологически сходные предметы, вероятно, могли применяться в различных отраслях хозяйства (как, например, шлифованные астрагалы), но для подтверждения этого предположения требуются дополнительные эксперименты.

Таким образом, можно прийти к выводу, что изделия из кости широко применялись в хозяйственной деятельности и быту населения, оставившего памятник Березовая Лука. При их изготовлении использовались в основном кухонные остатки (кости домашних и диких животных), а приемы обработки кости соединяли как традиционные черты предыдущих эпох, так и прогрессивные (использование металлических орудий). Распределение находок по группам отражает применение костяных орудий, главным образом, в кожевенном и гончарном деле. Некоторые однотипные орудия (например, шлифованные астрагалы МРС) использовались, очевидно, в разных отраслях хозяйства.

- Гончаров А.В., 2002. Косторезное дело в системе производительных сил общества эпохи ранней бронзы // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 16–18.
- Грушин С.П., 2008. Поселение эпохи бронзы Березовая Лука: реконструкция системы жизнеобеспечения // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул. № 4/2. С. 22–35.
- Грушин С.П., 2013. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э. / Автореф. дис. ... д.и.н. Барнаул. 55 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2005. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул. 288 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2011. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул. 171 с.

Л.В. Купцова

*Оренбургский государственный педагогический университет
orelin.84@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАННЕГО ЭТАПА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЕЙ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ)¹

Для срубной культурно-исторической общности разработана подробная периодизация. На сегодняшний день общепринятой считается точка зрения, что в истории срубной культуры Волго-Уральского региона четко выделяются два этапа: ранний (первый) и развитой (второй) (Семенова, 2000. С. 157–161).

Археологи, занимающиеся изучением срубных древностей, сходятся во мнении, что для раннесрубных памятников характерны следующие признаки: небольшое число погребений под насыпью, которые имеют большие размеры и значительную глубину от уровня погребенной почвы; наличие над могильными ямами мощных деревянных накатников или перекрытий из плах; в позах скелетов, их ориентировке, положении рук наблюдается некоторая вариабельность; из дополнительных деталей оформления могил отмечаются органические подстилки, охристые и меловых посыпки; инвентарь разнообразен, часто в погребении фиксируется заупокойная пища (Васильев, 2010. С. 68–70; Семенова, 2000. С. 161–171). Если же в погребальном комплексе не сочетаются хотя бы несколько из вышеперечисленных признаков, а, напротив, он характеризуется «скромностью» обряда и вещевого набора, его причисляют ко второму этапу развития культуры. Однако, как показало исследование могильников в Оренбургской области, проведенное с применением археологических и естественнонаучных методов, такой подход к периодизации срубных древностей не всегда справедлив.

В 2006–2008 гг. в Курманаевском районе Оренбургской области был исследован Скворцовский курганный могильник, результатам изучения которого посвящена коллективная монография (Моргунова и др., 2010). Самый ранний из срубных погребальных комплексов здесь – курган 4. О том, что насыпь была сооружена на раннем этапе срубной культуры, свидетельствует радиоуглеродная дата, полученная по кости человека из погребения 4/8: 3550±90 BP или 2020–1750 BC (68% вероятности), а также свойства ее палеопочв. По археологическим признакам, однако, этот курган сложно отнести к раннему этапу существования срубных древностей. Здесь проявляются вполне устоявшиеся стандарты, характерные для второго этапа развития культуры: усредненные размеры ям подпрямоугольной или овальной формы без сложных конструкций, без перекрытий; погребальный инвентарь представлен исключительно керамической посудой, не имеющей каких-либо «покровских» черт. Говоря о времени возникновения кургана 4 Скворцовского некрополя, необходимо отметить и результаты технико-технологического анализа керамики, проведенного Н.П. Салугиной. Он показал, что в технологическом плане

¹ Работа выполнена при поддержке задания «33.1471.2014К» на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

посуда кургана 4 выглядит более однородной, чем сосуды кургана 3 этого же памятника, что свидетельствует о возникновении кургана 4 в более раннее время. С другой стороны, курган 3 обладает ранними признаками и в погребальном обряде и инвентаре. Таким образом, в данном случае налицо несоответствие между археологическими характеристиками курганов и данными, полученными при помощи естественнонаучных методов.

Похожую ситуацию демонстрирует Боголюбовский курганный могильник, итоги изучения которого также опубликованы в коллективной монографии (Моргунова и др., 2014). В рассматриваемом некрополе самым ранним оказался курган 12. Радиоуглеродная дата одного из погребений этого кургана, полученная по кости человека, практически аналогична дате из кургана 4 Скворцовского могильника: 3544 ± 80 ВР или $1980-1760$ ВС (67,1% вероятности). Более ранний характер возникновения данной насыпи по сравнению с другими погребальными конструкциями некрополя подтверждается и анализом палеопочв, проведенным О.С. Хохловой. Палеопочвенные исследования показали, что курган 12 значительно отличается от других насыпей некрополя. Подобная ситуация, по мнению О.С. Хохловой, может объясняться тем, что он был сооружен раньше остальных примерно на 75–100 лет. Тот факт, что курган 12 насыпан самым первым среди срубных погребальных сооружений некрополя, подтверждает и технико-технологический анализ керамики. С курганом 4 Скворцовского некрополя его объединяет то, что «ранние» признаки в погребальном обряде и инвентаре здесь практически не проявляются, хотя в более поздних курганах Боголюбовского могильника, также относящихся к раннесрубному этапу, они выражены отчетливо.

Таким образом, примеры Скворцовского и Боголюбовского могильников демонстрируют, что срубные комплексы, относящиеся к раннему этапу развития культуры, могут характеризоваться и вполне стандартными признаками, проявляющимися на втором этапе ее существования. Таким образом, для выяснения времени функционирования того или иного погребального комплекса только археологических данных недостаточно, для решения этого вопроса необходимо максимально привлекать методы естественных наук.

Васильев И.Б., 2010. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки / Отв. ред. Л.Н. Кузнецова. Самара: Офорт. С. 64–86.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2010. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 160 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С., 2014. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 172 с.

Семенова А.П., 2000. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: Изд-во Науч. центра РАН. С. 152–208.

Т.А. Марьенкина

Институт археологии РАН, Москва

marjenkina.tanya@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПЛЕМЕН ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящей работе характеризуются особенности погребального обряда поздняковской культуры на основе изучения могильников бассейна р. Ока (рис. 1). В рамках этой культуры наблюдается сосуществование курганных и грунтовых могильников, расположенных недалеко от поселений, но на поздней стадии отмечены лишь грунтовые некрополи.

Курганные группы содержат от 6 до 37 насыпей высотой до 1 м и диаметром до 10–12 м. Особенности расположения курганов в группах не прослежены. Количество

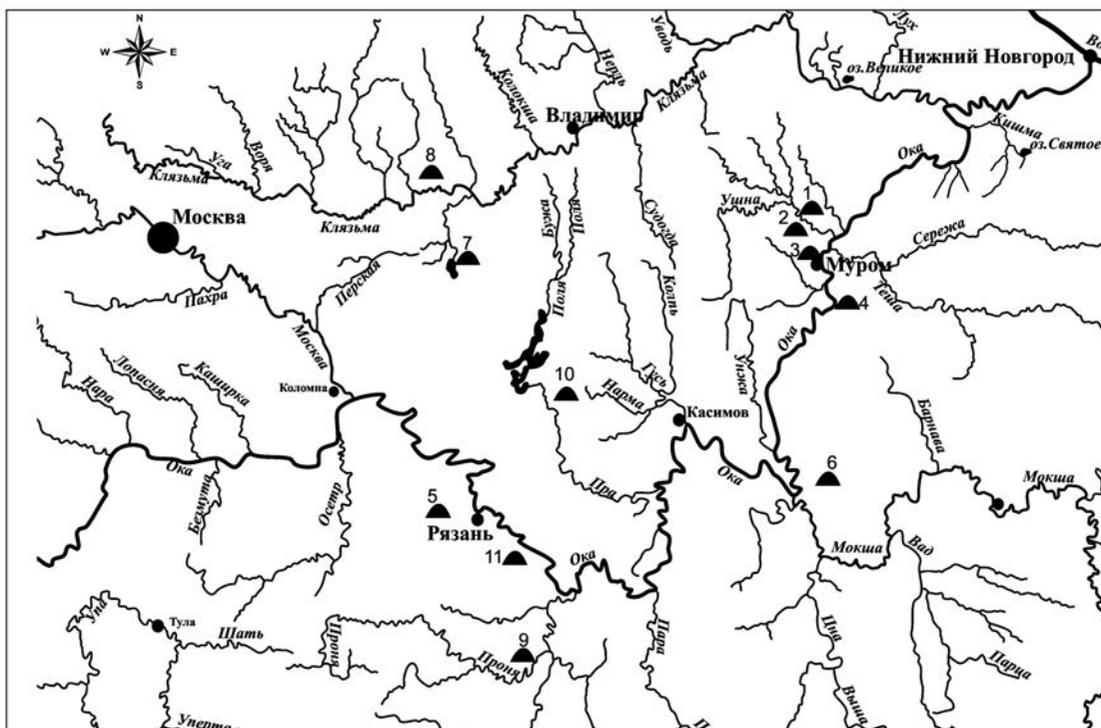


Рис. 1. Карта расположения могильников поздняяковской культуры в бассейне р. Ока.

1 – Борисоглебский; 2 – Битюковский; 3 – Дмитриевская Слобода; 4 – Малое-Окулово; 5 – Фефелов Бор; 6 – Лебяжий Бор; 7 – Коренец; 8 – Щербинино; 9 – Засеченский; 10 – Черная Гора; 11 – Кораблино.

погребений в насыпях различно: в Борисоглебском, Битюковском, Мало-Окуловском и Коренецком могильниках это одиночные захоронения, в могильниках Засеченский и Лебяжий Бор под курганами находились от 3 до 11 могил (Челяпов, 1995. С. 39). При этом в Засеченском могильнике все погребения концентрировались вокруг центрального. Также стоит отметить захоронения без могильных ям, прослеженные в Битюковском (Попова, 1964. С. 4) и Засеченском (Челяпов, 1992. С. 9) некрополях.

Исследованные грунтовые могильники содержат от 3 до 72 погребений. Выявить какую-либо систему в их расположении в целом не удалось. Лишь в могильнике Фефелов Бор выделяются три группы захоронений, которые были приурочены к условно основному комплексу (Попова, 1988. С. 120).

Могильные ямы имеют разные размеры и глубину, по форме разделяются на прямоугольные и овальные в плане, обладают конструктивными особенностями: уступами, ямками от столбов вокруг. Возможно, над некоторыми могилами возводилось сооружение из деревянных столбиков, имитировавшее насыпь кургана. Единая для всех поздняяковских племен ориентировка погребений не прослежена. В Борисоглебском и Битюковском могильниках преобладает ориентировка по линии СВ–ЮЗ; в Мало-Окуловском и могильнике Лебяжий Бор – С–Ю; в Засеченском – СВВ–ЮЗЗ и В–З (довольно редкая для других памятников). В грунтовых могильниках ориентировка погребений сходна с курганными (табл. 1).

Сохранность костного материала в захоронениях поздняяковской культуры очень плохая из-за действия грунтовых вод. Человеческие останки зафиксированы лишь в нескольких погребениях могильников Черная Гора, Фефелов Бор и Борисоглебский. Большая же часть могил не позволяет уверенно говорить о наличии в них погребенных. Несмотря на это, принято считать, что захоронения поздняяковских могильников были совершены по обряду кремации и ингумации, с преобладанием последней. Позы погребенных по обряду труположения различны: скорченно на левом и правом боку, вытянуто на спине. Трупосожжения проводились на стороне, сами погребения совершались в сосуде (могильники Фефелов Бор, Засеченский и Борисоглебский).

Табл. 1. Ориентировка погребений в поздняяковских могильниках бассейна р. Ока.

Могильник	Ориентировка погребений	Кол-во погребений	Могильник	Ориентировка погребений	Кол-во погребений
Битюковский*	СВ—ЮЗ	4	Черная Гора	ЮВВ—СЗЗ	5
	С—Ю	1		СВВ—ЮЗЗ	4
Борисоглебский	СВ—ЮЗ	9		СВ—ЮЗ	5
	С—Ю	2		ЮЮЗ—ССВ	1
	СЗ—ЮВ	2	Фефелов Бор	СВ—ЮЗ	22
	ССВ—ЮЮЗ	1		ССВ—ЮЮЗ	19
Малое-Окулово	С—Ю	9		ССЗ—ЮЮВ	11
	СЗ—ЮВ	1		С—Ю	6
	СВ—ЮЗ	1		В—З	2
Лебяжий Бор	С—Ю	22		СЗ—ЮВ	4
	СЗ—ЮВ	5		СВВ—ЮЗЗ	1
	СВ—ЮЗ	5	Дмитриевская слобода	С—Ю	3
	ССВ—ЮЮЗ	6		З—В	1
	ССЗ—ЮЮВ	4	Кораблино	СВ—ЮЗ	3
	Засеченский	С—Ю		2	С—Ю
В—З		15		СЗ—ЮВ	1
СВВ—ЮЗЗ		14	Щербинино	В—З	1
ССЗ—ЮЮВ		3		СВ—ЮЗ	1
СЗЗ—ЮВВ		1		С—Ю	1
СЗ—ЮВ		4			
СВ—ЮЗ	6				

* в таблицу включены погребения, исследованные Т.Б. Поповой

Во всех курганных могильниках на дне погребальных ям расчищены следы подстилки из коры, листьев и других растительных материалов, в том числе со следами огня. В курганах без следов погребальных конструкций прослежена подсыпка из песка. В грунтовых могильниках следы подстилок выявить пока не удалось.

Наибольшую группу сопровождающего материала в погребениях составляет глиняная посуда, представленная в основном орнаментированными острорезными и баночными формами. Редко встречаются миниатюрные баночные сосудики, крупные корчаги и сосуды с поддоном. Украшения найдены только в богатых могильниках (Борисоглебский, Засеченский, Лебяжий Бор) и представлены бронзовыми браслетами, височными кольцами и бронзовыми бляхами. Из предметов вооружения встречены ножи и кремневые наконечники стрел. К вещам бытового назначения относятся кремневые скребки, пряслице из Борисоглебского (Попова, 1964. С. 16) и литейные формы из Засеченского (Челяпов, 1992. С. 9) могильников. Следует отметить также наличие в погребениях охры, сопровождающейся следами золы и угля.

В курганных могильниках почти под всеми насыпями найдены остатки ритуальных «очистительных» кострищ, иногда вокруг могильной ямы устраивалось несколько костров. Остатки угля и золы фиксируются и в самих насыпях. На грунтовом могильнике Фефелов Бор обнаружено золистое пятно, которое тянулось по краю террасы более чем на 10 м вдоль всей центральной группы могил (Бадер, Попова, 1987. С. 133). Следы ритуальных действий представляют собой скопления битой посуды и отдельные фрагменты керамики, встречающиеся в насыпях курганов и засыпке погребений грунтовых могильников. К обрядовым действиям относится и традиция установки целых сосудов у края погребения.

Исследование поздняяковского погребального обряда показало, что единого ритуала у населения этой культуры не существовало: в каждом могильнике прослежены свои особенности обряда захоронения умерших. Это, вероятно, объясняется существованием различных племенных традиций. Вместе с тем нормы погребальных обрядов, зафиксированные в грунтовых могильниках, по большей части совпадают с курганными. Кроме того, близкие черты обрядности прослеживаются на территориально близких памятниках.

Бадер О.Н., Попова Т.Б., 1987. Поздняяковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. С. 131–135. (Археология СССР.)

- Попова Т.Б., 1964. Отчет об археологической экспедиции ГИМ в 1963 году (Муромская экспедиция). Архив ИА РАН. Р-1. № 2771.
- Попова Т.Б., 1988. Грунтовый могильник поздняяковской культуры под Рязанью // Наследие Городцова и проблемы современной археологии. М. С. 101–137. (Тр. ГИМ. Вып. 68.)
- Челяпов В.П., 1992. Засеченский могильник. Рязань. 69 с.
- Челяпов В.П., 1995. Поздняяковской могильник Лебяжий Бор (раскопки 1991 года) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань. С. 21–43.

Е.В. Минакова

Днепропетровский национальный университет

fate_yahoo@ua.fm

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕРЕВЯННОЙ ПОСУДЫ СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Одна из важных задач археологии – систематизация и обобщение данных о бытовой и религиозной жизни древнего населения. Достаточно информативным источником, позволяющим проводить работы в этом направлении, является деревянная посуда. Будучи сравнительно редкой категорией инвентаря, она довольно рано обратила на себя внимание исследователей срубной культурно-исторической общности (Отрощенко, 1984; 1992; Пятых, 1984; Литвиненко, 1997; Цимиданов, 2000; Антонов, Отрощенко, 2004). Результатом этих работ стало определение основных направлений изучения деревянной посуды: ее происхождения, типологии и классификации, назначения металлических оковок, роли и места в повседневной жизни и культовой обрядности древнего населения.

По вопросу происхождения деревянной посуды в культурах позднего бронзового века различных территорий Восточной Европы в современной историографии сложились два мнения. Г.Г. Пятых считает, что традиция производства такой посуды пришла к носителям срубной культуры Поволжья с запада и берет свои истоки в бабинской, финально-катакомбной и абашевской культурах Подонья и Поднепровья (1984. С. 151, 152). В.В. Отрощенко, напротив, склоняется к версии ее восточных, приуральских истоков (1984. С. 88–91).

Разработка типологии деревянной посуды является одной из важнейших составляющих ее изучения. Первые типологические схемы были предложены практически одновременно Г.Г. Пятых для находок с территории Поволжья и В.В. Отрощенко для материалов Поднепровья. Г.Г. Пятых разделил известные к тому времени серии деревянных сосудов на глубокую посуду типа мисок и чаш, мелкую типа блюд и подносов, а также ковши (1984. С. 146). В.В. Отрощенко выделил чаши, чашечки (плошки) и блюда-подносы (1984. С. 88–91). Несколько позже Р.А. Литвиненко была предложена типология, основанная на материалах Азово-Донецкого региона. Им выделены блюда-подносы, чаши, миски, черпак-ковш-плошка (Литвиненко, 1997. С. 106–109).

Отдельное место в историографии занимают дискуссионные вопросы определения функционального и семиотического назначения металлических накладок. В.В. Отрощенко считает, что сосуды с накладками указывают на жреческие захоронения, а Е.К. Максимов предполагает, что пластинки применялись в утилитарных целях – для починки треснувшей посуды (Отрощенко, 1984; Максимов, 1956. С. 120–122). А.А. Дудин указывает, что функции накладок декоративные, но вопрос об их семиотической нагрузке открыт (2009. С. 126). В процессе изучения металлических накладок были уточнены и разновидности изделий, которые следует включать в эту категорию. В.В. Отрощенко отметил, что накладки на деревянную посуду по виду похожи на пряжки ремней. Он назвал захоронения (Малая Белозерка 1/1, Малая Белозерка 5/3), в которых изделия, описанные как «пряжки», следует считать металлическими частями деревянной посуды (Отрощенко, 1984. С. 88–91).

Социологический аспект проблематики имеет устоявшуюся историографическую традицию, которая иллюстрирует динамику исследовательских представлений от идеи утилитарности деревянной посуды с металлическими накладками до мысли о жреческом

прижизненном статусе погребенных, в инвентаре которых обнаружены такие сосуды. Сторонниками идеи социальной неординарности лиц, сопровождавшихся рассматриваемыми артефактами, выступают большинство специалистов (Ковалева, 1981. С. 46; Медведев, 1997. С. 165–171; Ляшко, 1994. С. 145; Дудин, 2009. С. 37; Отрошенко, 1984; Цимиданов, 2000. С. 142–146).

Проведенный историографический анализ показал дискуссионность многих вопросов, связанных с происхождением, функциональным назначением и семиотикой деревянной посуды срубной общности, что свидетельствует об актуальности дальнейших исследований этого материала.

- Антонов А.Л., Отрошенко В.В., 2004. Особливості ритуального посуду зрубної спільноти // Археологія. № 1. С. 18–29.
- Дудин А.А., 2009. К вопросу о функциональном назначении деревянных чаш ранних кочевников степей Восточной Европы (IX–VII вв. до н.э.) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XV. Запоріжжя: Вид-во ЗНУ. С. 34–36.
- Ковалева И.Ф., 1981. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). Днепропетровск: Изд-во ДГУ. 78 с.
- Литвиненко Р.А., 1997. Деревянная посуда в погребениях срубной культуры Азово-Донецкого региона // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау. Саратов. С. 106–109.
- Ляшко С.Н., 1994. Деревообрабатывающее ремесло эпохи бронзы // Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине / Отв. ред. И.Т. Черняков. Киев: Наукова думка.
- Максимов Е.К., 1956. Памятники эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов: Коммунист. Вып. I. С. 115–123.
- Медведев А.П., 1997. Об атрибуции «жреческих» погребений у ираноязычных кочевников III–I тыс. до н.э. // Исторические записки: науч. тр. ист. фак. Вып. 2. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 165–171.
- Отрошенко В.В., 1984. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ. С. 89–93.
- Отрошенко В.В., 1992. Традиции изготовления деревянных сосудов в эпоху бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Киммерийцы и скифы. Мелитополь. С. 71, 72.
- Пятых Г.Г., 1984. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. № 2. С. 146–154.
- Цимиданов В.В., 2000. Загадки срубных чаш // Донская археология. № 3–4. Ростов-на-Дону. С. 142–148.

Е.В. Новосёлова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Helena-Novoselova@yandex.ru*

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ В ДЕРЖАВЕ УАРИ: НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Вопрос об особенностях верховной власти в крупных государствах доколумбовой Америки важен не только для истории данного региона, но и для изучения обществ бронзового века вообще. Тот факт, что наиболее развитые доколумбовы культуры отделены от современности меньшими временными промежутками, чем древние государства Старого Света, которым они стадийно соответствовали, а также их независимое друг от друга развитие открывают широкие перспективы для изучения древних обществ как таковых.

В настоящей работе мы остановимся на новых археологических данных о верховной власти в державе Уари, в частности погребениях. Указанное государственное образование существовало в первой половине I тыс. н.э. в рамках Андской цивилизации и в период своего расцвета занимало обширные территории как горного, так и прибрежного Перу, вследствие чего мы можем охарактеризовать его как державу. Разностороннее изучение этого государства важно не только само по себе, но и с точки зрения получения



Рис. 1. Царское погребение в секторе Монхачайук, городище Уари, Перу (фото автора).

сравнительного материала для рассмотрения других андских культур, в частности инкской, которая зародилась в горных областях Перу вскоре после того, как держава Уари прекратила свое существование.

Поскольку Андская цивилизация на всем протяжении своей истории являлась бесписьменной (лишь для государства инков есть обширный массив испанских колониальных источников), ее изучение основано главным образом на археологических данных. Это справедливо в том числе для державы Уари. Среди всего массива материалов наибольшей ценностью для нашей темы обладают результаты раскопок столицы государства, которая также называется Уари (Carre, Dávila, 1983. P. 15–17). Прежде всего, речь пойдет о погребениях. К сожалению, все они были разграблены еще в древности, однако особенности могильных сооружений также могут многое сообщить ученым. Особо выделяется своей масштабностью захоронение в секторе Монхачайук (рис. 1), которое многими исследователями рассматривается как царское (Isbell, 2004. P. 24; Isbell, Korpisaari, 2014. P. 93). Наличие многочисленных дополнительных камер поверх основной позволяет предполагать, что вместе с правителем погребались также его слуги, рабы или жены (сохранность памятника не позволяет ответить на этот вопрос точнее), то есть, зависимые от него люди.

Следует особо отметить и результаты недавних (сентября 2012 г.) раскопок польской экспедиции в некрополе Кастильо де Уармей (Castillo de Huarmey), который также идентифицирован как царский (Giersz, Pardo, 2014). Особая ценность их заключается в том, что некрополь с погребальной камерой, где покоились более 60 человек (в основном женщины), не был ограблен, и мы можем в полной мере судить о том, с какой пышностью обставлялось погребение особ, принадлежавших к царскому роду. Здесь обнаружены многочисленные образцы керамики, золотых украшений, кипу (Giersz, Pardo, 2014. P. 222–268). Так же, как и в случае с захоронением из сектора Монхачайук в Уари, в Кастильо де Уармей выявлены следы сопроводительных захоронений: по крайней мере, одна женщина и мужчина.

В заключение хотелось бы отметить, что верховная власть в державе Уари, несмотря на полученные результаты, изучена еще далеко не полностью, и благодаря новым археологическим данным исследователи смогут восполнить имеющиеся пробелы.

- Carre E.G., Dávila E.B., 1983. El area ceremonial en la ciudad de Wari: una hipótesis. Ayacucho: Instituto Nacional de Cultura, Corporación de Fomento y Desarrollo Económico Social. 29 p.
- Giersz M., Pardo C., 2014. Castillo de Huarmey. El mausoleo imperial Wari. Lima: Museo del arte de Lima. 348 p.
- Isbell W.H., 2004. Mortuary preferences a Wari culture: case study from Middle horizon Peru // *Latin American Antiquity*. № 15 (1). P. 3–32.
- Isbell W.H., Korpisaari A., 2014. Entierros en las zonas nucleares de Wari y Tiwanaku: similitudes, diferencias y significado // *Conchopata, revista de arqueología*. № 4. P. 77–148.

Ф.А. Поляков

*Институт археологии РАН, Москва
fedor.polyakov.91@mail.ru*

НАХОДКИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ НА ТЕРРИТОРИИ УВАРОВСКОГО РАЙОНА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Находки каменных орудий всегда обращали на себя внимание исследователей как яркий пример ремесла древнего человека. К сожалению, большинство каменных орудий эпохи бронзы Окско-Донской равнины представляют собой случайные находки, что затрудняет их культурную атрибуцию. Таковы и каменные орудия, о которых речь пойдет ниже.

Изучение случайных находок каменных топоров на территории лесостепной и лесной зон Русской равнины предпринималось и ранее. Так, А.Д. Пряхиным и А.Т. Синюком проанализированы каменные орудия из фондов Воронежского краеведческого музея (1976). В.А. Чивилёвым в фондах ряда краеведческих и школьных музеев Липецкой области исследованы 45 каменных орудий и их обломков, найденных на Верхнем Дону (2000), и создана их типология, использованная в настоящем исследовании. В.В. Ставицким собрана и подвергнута анализу информация более чем о 326 сверленных топорах с территории Сурско-Окского междуречья, в том числе из бассейна р. Цны (2005. С. 46). Особенность всех перечисленных работ – рассмотрение данной категории изделий по отдельным территориям и культурам. Следует отметить, что каменные орудия из современной Тамбовской области к изучению практически не привлекались.

Целью данной работы является ввод в научный оборот информации о четырех экземплярах каменных орудий (три топора и обломок каменной мотыги), хранящихся в собрании музея Нижне-Шибряйской средней школы (с. Нижний Шибряй Уваровского района Тамбовской области).

Первый предмет представляет собой заготовку топора обушкового типа, подтипа В (длиннообушковый), по типологии В.А. Чивилева (рис. 1: 1). Длина топора – 22 см, ширина лезвия – 9 см, ширина обуха – 7,5 см. Намеченное отверстие сверлины тяготеет к обуху. На корпусе в месте намеченной сверлины проходит валик. Профиль немного изогнут. Лезвие закруглено и вместе с обушком немного оттянуто назад.

Длиннообушковые топоры с двускатной огранкой поверхностей представлены среди находок Донбасса (Санжаров, 1992. С. 162–173. Рис. 5: 2, 4; 6: 8; 7: 6; 8: 1; 9: 1), Липецкой области (Чивилёв, 2000. С. 134–135. Рис. 6: 1, 4, 6), а также Сурско-Окского междуречья (Ставицкий, 2005. С. 49–54. Рис. 26: 22; 27: 17, 18, 25; 28: 6). Двускатная огранка поверхностей при слабо выступающих боках, цилиндрический обух, изгиб корпуса в профиль, «плечики» при переходе от лезвийной части к обуху имеются на топорах кабардино-пятигорского типа (Кореневский, 1990. С. 60–62. Рис. 49). Изделия этого типа встречены также

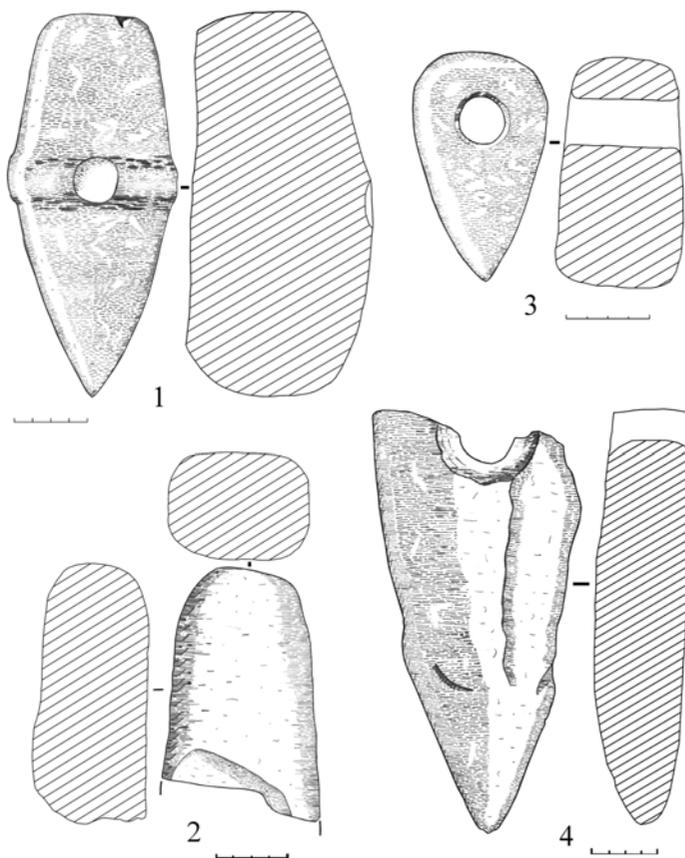


Рис. 1. Каменные изделия из собрания музея Нижне-Сибирянской средней школы.

1, 2 – топоры обушкового типа; 3 – клиновидный топор; 4 – мотыга.

щена к обуху. По типологии В.А. Чивилёва, данный топор относится к типу клиновидных, подтипу А (топор с подквадратным обухом), виду 1 (без выраженной втулки).

Подобные изделия распространены достаточно широко. Д.А. Крайнов отметил тяготение их к южным и юго-восточным районам ареала фатьяновской культуры (1963; 1964). А.Я. Брюсов и М.П. Зимина зафиксировали около 800 мест находок клиновидных топоров (тип 2), в число которых входят также топоры второй и третьей разновидностей (1966. С. 24. Табл. 2). Такие находки встречены на территории Рязанской (Челяпов, Иванов, 1995. С. 13, 19. Рис. 1: 3, 4), Воронежской (Пряхин, Синюк, 1976. С. 85, 86. Рис. 1: 1–6, 8) областей, Украины и Донбасса (Санжаров, 1992. С. 161, 162. Рис. 1). О.Н. Бадер и А.Х. Халиков отмечали наибольшую встречаемость подобных топоров у племен балановской культуры (1976. С. 60. Карта 2).

Последнее орудие представлено фрагментом каменной мотыги (рис. 1: 4). Уплотненность лезвия en face и конусовидность в профиль позволяет говорить об использовании орудий подобной формы в качестве мотыг (Пряхин, 1982. С. 149). Длина мотыги – 20 см, ширина – 4,5 см. Сверлина – двухсторонняя биконическая.

Подобные предметы встречены вместе с катакомбной керамикой у ст. Графская Воронежской области (Пряхин, 1982. С. 149. Рис. 44: 1), в коллекции Воронежского музея (Пряхин, Синюк, 1976. С. 94. Рис. IV: 12), на р. Хопер (Чивилёв, 2000. С. 130. Рис. 3: 3).

В завершение необходимо сказать, что культурная атрибуция рассмотренных предметов затруднена по причине длительного существования подобных изделий в рамках энеолита и эпохи бронзы. Можно отметить лишь примерные временные рамки бытования таких орудий: V–IV тыс. до н. э. – середина/конец II тыс. до н. э.

на памятниках катакомбной культуры: Университетское 2 (Пряхин, 1982. С. 28. Рис. 4: 6) и Власовский могильник (Синюк, 1989. Рис. 10: 1) на Среднем Дону.

Второй предмет – обломок обушковой части топора (рис. 1: 2). Его длина – 15 см, ширина в центральной части – 6,5 см. По нашему мнению, данный топор также относился к подтипу длинно-обушковых, по типологии В.А. Чивилёва. Ответ на вопрос о его первоначальном виде, вероятно, может дать топор, найденный у с. Афанасьево Измалковского района Липецкой области (Чивилёв, 2000. С. 134, 135. Рис. 6: 6). У него закругленный обушок, а лезвийная часть имеет форму конуса.

Третий топор клиновидной формы (рис. 1: 3). Его длина – 11,7 см, ширина лезвия – 6,4 см, обуха – 5,6 см. Диаметр сверлины – 2,8 см, длина – 5,8 см. Сверлина смещена к обуху.

- Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976. Памятники балановской культуры. М.: Наука. 170 с. (САИ. Вып. В 1-25.)
- Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966. Каменные сверлённые боевые топоры на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 99 с. (САИ. Вып. В 4-4.)
- Корневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: ИА АН СССР. 174 с.
- Крайнов Д.А., 1963. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 52 с. (САИ. Вып. В 1-19.)
- Крайнов Д.А., 1964. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. М.: Наука. 70 с. (САИ. Вып. В 1-20.)
- Пряхин А.Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж. 159 с.
- Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976. Коллекция каменных шлифованных орудий Воронежского краеведческого музея. Из истории центрально-черноземного края // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 157. Воронеж. С. 45–59.
- Санжаров С.Н., 1992. Каменные сверленные топоры-молотки Донбасса // РА. № 3. С. 160–177.
- Синюк А.Т., 1989. Погребения ямной и катакомбной культур первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж. С. 55–67.
- Ставицкий В.В., 2005. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза. 145 с.
- Челяпов В.П., Иванов Д.А., 1995. Находки каменных топоров на территории Рязанской области // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. С. 25–37.
- Чивилёв В.А., 2000. Каменные топоры и другие сверленные орудия на Верхнем Дону // РА. № 2. С. 127–139.

А.С. Попов

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
Asya.samara@gmail.com*

К ИСТОРИОГРАФИИ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ХВАЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хвалынская энеолитическая культура выделена в 1970-е годы. Она была распространена от Северного Прикаспия на юге до Среднего Посурья на севере (Васильев, 2003). В могильниках этой культуры обнаружены кремневые изделия двух групп: двусторонне обработанные наконечники стрел треугольной формы и пластины с ретушью (вкладыши). Таким образом, прослеживалось сочетание макро и микротехники (Агапов и др., 1990), однако контекст залегания находок не позволял достоверно соотнести данные артефакты с погребенными. Более того, следовало учитывать специфику могильников, кремневая индустрия которых по характеру могла отличаться от поселенческих материалов.

В 1980-е годы в Северном Прикаспии были исследованы стоянки хвалынской культуры с частично или полностью сохранившимся культурным слоем: Карахудук и Каиршак VI (Барынкин, Васильев, 1988; Барынкин, 1989). Каменные изделия стоянки Карахудук насчитывают 485 единиц. Кремень, который использовался в качестве сырья, имел различный цвет: серый, черный и темно-серый полосчатый. Значительно меньше для изготовления орудий использовался кварцит. Из этих пород камня получались заготовки в виде крупных пластин и массивных сколов. Подобного рода изделия производились в технике усиленного отжима (Горащук, 2010). На них изготовлены преимущественно концевые скребки, ножи, симметричные острия, двусторонне обработанные наконечники. Однако в коллекции присутствуют пластины небольших размеров из тех же видов камня, полученные простым отжимом. Особый интерес вызывают пять пластин узкого сечения с ретушью, нанесенной по продольным граням со спинки или с брюшка, которые вполне могут классифицироваться как вкладыши. Три из них сделаны из тех же пород кремня, что и большинство орудий коллекции. Таким образом, можно констатировать сочетание микро и макротехники на данном памятнике.

В коллекции стоянки Каиршак VI насчитывается 413 единиц каменных изделий. В качестве сырья использовались кремень различного качества и цвета (от прозрачного темно-серого до матового молочного) и кварцит. Среди орудий преобладают концевые

скребки на крупных сколах, симметричные острия и наконечники треугольной формы с усеченным основанием. По этим характеристикам каменный инвентарь Каиршака VI аналогичен комплексу Карахудука. Более того, здесь обнаружен вкладыш с краевой ретушью на брюшке и спинке. Иначе говоря, и на данном памятнике хвалынской культуры прослеживается комбинация макро и микротехники.

Сочетание традиции изготовления крупных пластин и вкладышевой техники не уникально. Аналогичная ситуация прослеживается в энеолитических материалах более восточных регионов (Мерц, 2004; Астафьев, 2014). Таким образом, охарактеризованная индустрия присуща культурам полупустынных и степных районов Евразии.

Что касается более северных, лесостепных территорий, то в распоряжении исследователей имеются материалы стоянки Русское Труево I на Верхней Суре в Пензенской области (Ставицкий, 2001). Каменный инвентарь первого комплекса этой стоянки представлен 292 кремневыми и 375 кварцевыми отщепами без вторичной обработки, 53 ножевидными пластинами без ретуши, 129 кремневыми и 2 кварцевыми орудиями. Большинство орудий выполнено из матового молочного и качественного темного полупрозрачного кремня. По мнению автора раскопок, каменный инвентарь рассматриваемого памятника имеет близкие аналоги в комплексе изделий стоянки Карахудук (Ставицкий, 2001). Среди орудий представлены двухсторонне обработанные наконечники треугольной формы с усеченным основанием или выделенной «пяткой», концевые скребки, симметричные острия и ножи на крупных пластинах, полученные техникой усиленного отжима. Обнаружены также несколько вкладышей из темного полупрозрачного кремня, но, судя по контексту, они не приурочены непосредственно к хвалынским жилищам. Иначе говоря, вопрос о сочетании макро и микротехники на стоянке Русское Труево I пока остается открытым.

Еще одним памятником хвалынской культуры является поселение Утюж I в Среднем Посурье около г. Алатыря (Березина и др., 2007). Здесь изучены несколько жилищ, в которых обнаружены изделия из матового серого и темного прозрачного кремня. Из камня первой породы выполнены преимущественно крупные пластины усиленного отжима, концевые скребки и симметричные острия на крупных сколах, двусторонне обработанные наконечники стрел треугольной формы. Зафиксированы вкладыши из темного прозрачного сырья (Выборнов, 2008; Березина и др., 2014), однако из такого же кремня изготовлены резцы и наконечники стрел на пластинах мезолитического или раннеэнеолитического облика. Это затрудняет четкую привязку вкладышей к энеолитическому комплексу. В то же время среди изделий из матового кремня молочного цвета обнаружены несколько сечений узких пластин с пологой ретушью на брюшке, которые можно интерпретировать как вкладыши. То есть вполне допустимо предполагать сочетание макро и микротехники на данном памятнике.

Таким образом, тезис о сосуществовании в энеолитическое время двух традиций, выдвинутый на материалах погребальных памятников четверть века назад, подтверждается комплексами хвалынских поселений от Северного Прикаспия до Посурья.

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов. 160 с.
- Астафьев А.Е., 2014. Неолит и энеолит полуострова Мангышлак. Астана. 359 с.
- Барынкин П.П., 1989. Энеолитический памятник Каир-шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев. С. 106–118.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев. С. 123–142.
- Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., 2007. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара. С. 14–23.
- Березина Н.С., Выборнов А.А., Королев А.И., Сидоров В.В., Ставицкий В.В., 2014. Культурные процессы в неолите Среднего Посурья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Т. 1. Казань. С. 208–210.

- Васильев И.Б., 2003. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара. С. 61–77.
- Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара. 450 с.
- Горашук И.В., 2010. Каменные орудия хвалынской культуры // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара. С. 287–311.
- Мерц В.К., 2004. Об изучении голоценовых комплексов северо-восточного Казахстана // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан: Сер. обществ. наук. Астана. С. 24–32.
- Ставицкий В.В., 2001. Энеолитическое поселение Русское Труево I на Верхней Суре // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. С. 31–36.

С.Ж. Рахимжанова*, М.Г. Зеленко**

**Алтайский государственный университет, Барнаул*

***Академия Кокше, Кокшетау
saule-rahim@inbox.ru*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОНЧАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ БОТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Поселение Ботай было открыто в 1980 г. В.Ф. Зайбертом. Памятник располагается на правом берегу р. Иман-Бурлук (правый приток р. Ишим) в 1,5 км к юго-востоку от с. Никольское Айыртауского района Северо-Казахстанской области (Зайберт, 2009). Поскольку керамика является одним из наиболее информативных источников для изучения взаимодействия различных групп населения, ее изучение позволит реконструировать культурные традиции энеолитического населения поселения Ботай.

Технологическому анализу была подвергнута керамика из раскопа 2014 г., которая несколько отличается от ранее изученного материала (Качановская, Рахимжанова, 2014; Зеленко, Рахимжанова, 2014). Исследование проведено в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским (1978; 1999) и его последователями (см. напр., Цетлин, 2012). Наблюдения велись по свежим изломам черепков с помощью микроскопа МБС-10, затем осуществлялось сравнение выявленных особенностей с эталонными образцами. Для определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья применялся вторичный обжиг небольших обломков каждого сосуда в муфельной печи при 850° С. После обжига черепки сравнивались по цвету с экспериментальной шкалой ожелезненности глин (Цетлин, 2006. С. 421–425).

Керамическая коллекция представлена 98 фрагментами венчиков и стенок от 24 разных сосудов. Сосуды выделялись по венчикам. Толщина стенок варьирует в пределах 0,4–1,0 см, но преобладают фрагменты толщиной 0,5–0,8 см. В связи с сильной фрагментированностью керамики анализ проводился только по ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной стадии производства: 1) отбор исходного сырья; 2) обработка исходного сырья; 3) составление формовочной массы. Целью исследования была реконструкция гончарных традиций у носителей ботайской культуры на этой стадии технологического процесса. Задачи исследования: выявление навыков отбора и обработки основного исходного пластичного сырья; выяснение навыков составления формовочной массы керамики; реконструкция культурных традиций в данных областях гончарной технологии и выяснение на этой основе степени культурной однородности их носителей.

В результате проведенного исследования получена следующая технологическая информация.

Исходное сырье. Зафиксировано использование трех видов глин: высокой пластичности – 8,3%, средней пластичности – 66,7%, низкой пластичности – 25%. Для определения степени пластичности глины нами использованы критерии размерности и концентрации примеси естественного песка, предложенные Е.В. Волковой (1996. С. 33). Наиболее мас-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

сово использовалась глина средней пластичности. По степени ожелезненности глины являются среднеожелезненными – 37,5% и высокоожелезненными – 62,5%. Во всех случаях глина использовалась в состоянии естественной влажности. Среди естественных примесей в этих глинах зафиксированы: обломочный и оолитовый бурый железняк; окатанный, слабоокатанный и остроугольный песок разного размера (от пылевидного до крупного) с преобладанием песчинок кварцевого песка; тальк пылевидный с небольшим количеством включений среднего размера; слюда пылевидная.

Формовочные массы. В качестве искусственных добавок при изготовлении керамики использовались: песок крупного и среднего размера (окатанный и остроугольный) в концентрации 1:3–1:4; дресва средняя и крупная в концентрации 1:3; шамот некалиброванный в концентрации 1:7 и 1:5; влажная органика, характеризующаяся следующими признаками: участки, пропитанные жидким веществом, аморфные пустоты с налетом на стенках, отпечатки растительности изогнутой формы. Судя по полученным данным, ботайские гончары при составлении формовочных масс наиболее часто использовали органические примеси без добавления минеральных, менее часто они добавляли песок и дресву. Шамот зафиксирован лишь в двух случаях.

В результате проведенного технологического анализа керамики с поселения Ботай оказалось возможным сделать следующие выводы: 1) гончары, обитавшие на поселении, использовали для изготовления посуды ожелезненные глины главным образом средней, реже – низкой и высокой пластичности; 2) в разное время здесь бытовали носители четырех традиций составления формовочных масс: наиболее массовой – «глина + органика» (45,8%) – 11 сосудов, менее массовой – «глина + песок + органика» (25%) – 6 сосудов, «глина + дресва + органика» (16,7%) – 4 сосуда и наиболее редкой – «глина + шамот + органика» (12,5%) – 3 сосуда.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. 272 с.
Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во Самарского ГПУС. С. 5–109.

Волкова Е.В., 1996. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука.

Зайберт В.Ф., 2009. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат. 576 с.

Зеленко М.Г., Рахимжанова С.Ж., 2014. Техничко-технологический анализ керамики ботайской культуры (по материалам раскопок 2011 г.) // «Маргулановские чтения – 2014». Алматы; Павлодар: ЭКО. С. 427–434.

Качановская М.Г., Рахимжанова С.Ж., 2014. Техничко-технологический анализ керамики энеолитического поселения Ботай в Казахстане (по материалам раскопок 2012 г.) // РА. № 3. С. 19–25.

Цетлин Ю.Б., 2006. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Изд-во «Научно-технический центр». С. 421–425.

Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.

Д.В. Селин

*Новосибирский государственный университет
selin@epage.ru*

СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ КУРГАНОВ И ОРНАМЕНТ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ МОГИЛЬНИКА СТАРЫЙ САД (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)

Погребальные комплексы – один из информативных типов археологических памятников, которые позволяют реконструировать культурные традиции оставившего их населения. При этом определение относительной хронологии погребений часто бывает затруднено из-за отсутствия надежных стратиграфических данных. Выявление четких стратиграфических «привязок» материалов могильников дает возможность проследить динамику культуры древнего населения, в том числе и гончарства.

На могильнике Старый Сад, расположенном в Венгеровском районе Новосибирской области, исследованы 76 курганных насыпей эпохи поздней бронзы, отнесенных к восточному варианту пахомовской культуры. Они разделяются на две группы – курганы без рва и со рвом (Молодин и др., 2014. С. 43). В двух случаях зафиксировано перекрывание насыпей (60 и 61), что позволяет определить их относительную хронологию. Курган 60, который был пристроен к кургану 61, перекрывая его насыпь, имеет ров, а курган 61 – нет. Основываясь на данном факте, а также на планиграфических наблюдениях, показывающих, что курганы со рвами находятся на периферии некрополя, можно предположить разновременность этих двух групп погребальных сооружений.

Дополнительным аргументом в пользу сделанного предположения может послужить анализ орнаментов на керамической посуде. Коллекция сосудов, обнаруженных в погребениях могильника Старый Сад, включает 63 экз. (из курганов без рвов – 30, со рвами – 33 экз.). В силу состояния источника изучены 34 сосуда (соответственно, 22 и 12 экз.) (Молодин и др., 2014. С. 34–41). Подходы к изучению орнаментов на глиняной посуде различны (Цетлин, 2009; Волкова, 2010); в данной работе использованы методики, применяемые для исследования орнаментов андроновской керамики, – анализ типов бордюрной симметрии и континуумов (Рудковский, 2013).

В результате исследования бордюрной симметрии установлено, что в коллекции сосудов могильника Старый Сад представлены восемь типов, выделенных для андроновской орнаментальной традиции (Рудковский, 2013. С. 23. Рис. 1). Процентные доли распределились следующим образом: I – 39,2% и 39,4% соответственно; II – 18,8% и 26,3%; III – 17,1% и 10,9%; IV – 1,5% и 1,7%; V – 11% и 2,2%; VI – 1,1% и 1,5%; VII – 1,1% и 11,7%; VIII – 11,6% и 11,7%.

В ходе анализа континуумов установлено (Рудковский, 2013. С. 34. Рис. 2), что процентные доли по выделенным группам распределились следующим образом: 1Ка – 1,2% и 0,8% соответственно; 1Кб – 8,7% и 6,5%; 1Кв – 47,8% и 43,5%; 2Кб – 3,7% и 4%; 2Кв – 18,6% и 29,8%; 3Ка – 14,3% и 8,9%; 3Кб – 4,3% и 5,6%, 4К – 1,2% и 0,8%.

Таким образом, обе рассматриваемые группы имеют как общие, так и различные доли орнаментальных комплексов. Например, в типах бордюрной симметрии доля I, IV, VI и VIII в обеих группах практически совпадает, но при этом прослеживается значительная разница во II (18,8% и 26,3% соответственно), V (11% и 2,2%) и VII (1,1% и 11,7%). Для континуумов установлено отсутствие нескольких типов, выделенных для андроновской орнаментальной традиции – 2Ка, 2Кг, 3Кв. Общими для обеих групп являются 1Ка, 1Кб, 2Кб. Различия прослеживаются в 1Кв (47,8% и 43,5%), 2Кв (18,6% и 29,8%), 3ка (14,3% и 8,9%).

Проведенный сравнительный анализ сосудов двух групп, выделенных с учетом стратиграфической ситуации из курганов безо рвов и со рвами могильника Старый Сад восточного варианта пахомовской культуры, показал, что они имеют как общие, так и различные черты в традиции декорирования посуды. По мнению ряда исследователей, анализ орнамента позволяет выявлять родственные и неродственные в культурном отношении группы древнего населения (Цетлин, 2009. С. 11). Для рассматриваемого керамического комплекса наличие большого количества общих черт в орнаментации может свидетельствовать о культурном родстве населения, оставившего обе группы сосудов, а отличия – объясняться хронологической разницей между ними. Эти выводы коррелируют с рассмотренной ранее стратиграфической ситуацией и анализом планиграфии могильника Старый Сад. Опираясь на имеющиеся данные, можно предположить, что группа погребальных сооружений без рвов является более ранней, чем со рвами. Вторая группа может быть датирована по бронзовым удилам, найденным в кургане 60, VIII–VII вв. до н.э. (Молодин, Нескоров, 1992. С. 96), а первая следовательно, более ранним временем.

Волкова Е.В., 2010. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН. 248 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В., 2014. Особенности организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы на могильнике Старый Сад // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (59). С. 29–45.

- Молодин В.И., Нескоров А.В., 1992. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990: Сб. матер. конф. Ч. 1. М. С. 93–96.
- Рудковский И.В., 2013. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана. 192 с.
- Цетлин Ю.Б., 2009. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К. 352 с.

Д.В. Сёмин

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
viator.dmitrii@gmail.com*

ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СЕЛИЩА МУРАНКА В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Муранское селище расположено у с. Муранка Шигонского района Самарской области в среднем течении р. Усы. В 1950 г. во время работы Куйбышевской археологической экспедиции в зоне затопления Куйбышевской ГЭС А.Е. Алиховой были заложены несколько раскопов на селище и могильнике. В 2009–2010 гг. из-за падения уровня воды в Куйбышевском водохранилище территория селища вновь оказалась на поверхности. Осенью 2010 г. памятник осматривался археологической экспедицией Самарского областного историко-культурного музея имени П.В. Алабина (Сташенков, 2012. С. 116). Среди материалов Муранского селища выделяется коллекция каменных орудий труда, насчитывающая 44 экз., 9 из которых удалось идентифицировать как изделия, задействованные в процессах металлообработки. Использование трасологического метода позволило точно определить их функции. Для сравнения в ходе исследования привлекались результаты трасологического анализа изделий Мосоловского поселения (Килейников, 1984. С. 110).

К первому типу орудий, предназначенных для металлообработки, относятся две наковальни. Износ на них схож, рабочая поверхность располагается на уплощенных участках. Поверхность стабилизирована, на микроуровне неровная: следы на рабочей поверхности фиксируются нескольких типов. Заполировка, локализуемая на всей рабочей поверхности орудия, неяркая и непроникающая. Выкрошенность представлена мелкими неглубокими выщерблинами; линейные следы – риски разной длины, разнонаправленные.

К кузнечным гладилкам отнесены четыре изделия. Все они имеют характерный износ: рабочая поверхность уплощенная, на микроуровне на ней фиксируются такие следы, как яркая заполировка от выглаживания, линейные следы разной длины (они, как правило, однонаправлены и почти параллельны друг другу). Выкрошенность представлена относительно небольшими и неглубокими выщерблинами.

Кузнечные молотки представлены тремя орудиями, у всех изделий идентичный износ. Наиболее показателен кузнечный молоток № 203 (по описи). Он изготовлен из гальки мелкозернистого песчаника, форма которой близка к овальной. Размеры инструмента – 6,4 x 4,1 x 3,7 см, вес – 135 г. Рабочие участки расположены на обеих вершинах гальки, фиксируются визуально без увеличительных приборов. Они невелики по площади (не превышают 2 кв. см), представляют собой испещренные мелкими выбоинами уплощенные и забитые естественные вершины заготовки. При микроанализе здесь фиксируются следующие следы: выбоины с растрескавшимися зернами породы и сглаженными заполированными вершинами, заполировка яркая, блестящая, на ее поверхности видны единичные риски линейных следов. Одна из поверхностей более широкая и плоская, вторая – узкая, близка к точечной. На уплощенной боковой стороне гальки при микроанализе выявлены следы контакта с переключателем деревянной Т-образной рукояти. На выпуклых участках и торцах других сторон – следы от вытирания нешироким кожаным ремнем в виде полос шириной около 1 см матовой жирной заполировки.

Таким образом, благодаря использованию трасологического и технико-морфологи-

ческого методов удалось выделить группу орудий, использовавшихся в процессе металлообработки. Сравнение полученных данных с информацией, имеющейся по другим памятникам, позволило выявить особенности рассматриваемого селища. К таковым можно отнести способы закрепления наковален. В частности, на Мосоловском поселении обнаружена подставка наковальни из серого сланца, пять идеально шлифованных плоскостей которой были покрыты крупными и мелкими луновидными выемками. А зафиксированные в ходе изучения наковален Муранского селища следы крепления позволили выдвинуть гипотезу о закреплении наковален в деревянных пазах. В дальнейшем возможность такого рода фиксации изделия и эффективность ее с точки зрения большего удобства и надежности работы нашла и экспериментальное подтверждение. Также стоит отметить, что вне зависимости от материала изготовления прослеживается одинаковая картина износа орудий кузнечной обработки, хотя и со своими особенностями. На Муранском селище присутствуют только предметы, связанные с кузнечным делом, в отличие от Мосоловки, где представлен более широкий спектр орудий, задействованных в горно-металлургических процессах. Полученные В.В. Килейниковым в результате анализа орудий, связанных с металлообработкой, данные помогли интерпретировать следы на изделиях, использовавшихся в тех же процессах на Муранском селище. Последующее сравнение этих артефактов позволило получить необходимые сведения для реконструкции особенностей производственной деятельности населения.

Килейников В.В., 1984. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж. С. 110–120.

Сташенков Д.А., 2012. Литейная форма с Муранского селища на реке Усе // Поволжская археология. № 1. Казань. С. 116–119.

И.А. Спиридонов

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург
z-is5@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ¹

Металлокомплекс эпохи бронзы лесостепного Притобалья представлен типичными предметами Западноазиатской металлургической провинции, которые атрибутируются в рамках синташтинской, петровской, алакульской, федоровской и алексеевско-саргаринской и бархатовской культур. К категории единичных относятся изделия сейминско-турбинского и самусьско-кижировского типов. Есть орудия, культурный контекст и хронология которых неочевидны. Речь идет о новых случайных находках из Шадринского, Половинского, Притобального районов Курганской области. Информация о местах и особенностях их обнаружения, сопутствующем материале зачастую противоречива, но общий культурный фон региона позволяет предварительно атрибутировать эти вещи. Главная задача публикации – познакомить специалистов с изделиями нового типа, которые ранее были неизвестны.

К таким предметам, расширяющим рамки типологии металлических орудий бронзового века, можно отнести случайные находки, сделанные на берегу р. Исеть, в 3 км к юго-западу от д. Прыгово Шадринского района Курганской области. Здесь в разные годы местными жителями были обнаружены четыре крупных металлических изделия: плоский топор-тесло, три крупных клиновидных орудия с раскованной втулкой (из которых удалось ознакомиться только с двумя), а также большое количество пронизок и бусин (диаметром менее 5 мм). Все предметы выполнены из меди и медных сплавов. Втульчатые орудия представляют собой массивные изделия с клиновидной, подпрямоуголь-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 13-06-00202а.

ной в сечении рабочей частью, имеющей углубления на двух противоположащих сторонах. Боковые стороны плоские. Переход втулки в рабочую часть плавный, без резких изменений толщины орудия. Размеры первого предмета: длина – 124 мм, основание втулки – 33 x 22 мм; вес – 137 г. Размеры второго предмета: длина – 204 мм, основание втулки – 36 x 31 мм; вес – 478 г. Близкие по форме орудия известны из сборов на памятниках Хохлово I, Устье I и Утятское.

На северо-западном берегу оз. Хохлово (Половинский район Курганской области) найдено клиновидное орудие с кованой разомкнутой втулкой. Его длина – 114,7 мм, основание втулки – 22 мм, сечение трапециевидное. Это орудие отличается от находок у д. Прыгово отсутствием массивных «валиков-утолщений», сформированных в результате проковки. Предмет обнаружен на пашне вместе с керамикой (Шилов, 2004. С. 349).

К этой же серии вещей можно отнести клиновидное орудие с кованой разомкнутой втулкой, случайно найденное местным жителем на месте небольшого песчаного карьера в районе д. Утятское (Притобольный район Курганской области). Его отличительная черта – более длинная и узкая по отношению к втулке рабочая часть. На обратной стороне в средней части вдоль граней оформлены небольшие ребра-выступы длиной 27–28 мм. Длина изделия – 165 мм, вес – 121,8 г. Необходимо отметить, что с территории песчаного карьера у д. Утятское также происходят пластинчатый нож сейминско-турбинского типа и листовидный нож-кинжал без выделенного перекрестия с обломленным черешком.

Единственная находка орудия рассматриваемого типа, обнаруженная в определенном контексте, происходит из слоя укрепленного поселения Устье I (Карталинский район Челябинской области). Клиновидное орудие с кованой разомкнутой втулкой, так же как и хохловская находка, отличается отсутствием «валиков-утолщений». Длина его – 151 мм, основание втулки – 26 мм. По мнению авторов раскопок, данный предмет соотносится с петровским комплексом поселения (Древнее Устье..., 2013. С. 216).

Еще одно похожее изделие фигурирует в фотоархиве В.Я. Толмачева (Архив Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории. Ф. IV. Д. 9. Папка 2). Сохранился снимок орудия, во многом напоминающего прыговские находки. К сожалению, установить его размеры и точное место обнаружения затруднительно.

Все перечисленные предметы объединяет форма рабочей части, сечение которой близко к квадрату, а лезвийная кромка образована пересечением боковых сторон. Такое формирование лезвия не характерно для известных по материалам раскопок орудий с раскованной втулкой, относимых исследователями к долотам или стамескам и встречаемых в петровских (Дегтярева и др., 2001. С. 25. Рис. 3: 4), коптяковских (Сериков и др., 2009. С. 72. Рис. 6: 51), катакомбных (Черных, 1966. С. 129. Рис. 36: 475, 537) и других комплексах.

Проведенные анализы¹ указывают на неоднородность химического состава исследуемых предметов. Два из них выполнены из металлургически чистой меди (утятская находка, прыговское орудие № 2), два других содержат олово (прыговское орудие № 1 – 1,04%, хохловская находка – 6,41%). На этом фоне несколько выделяется экземпляр с поселения Устье, содержащий 0,75% олова и 0,18% мышьяка.

Совокупность имеющихся данных (находки керамики, пластинчатого ножа, сведения об обнаружении топора-тесла рядом с прыговскими орудиями, состав металла) с известной долей осторожности позволяет сделать вывод об изготовлении рассматриваемых предметов в производящих центрах петровско-алакульского хронологического горизонта. Их функциональное назначение, однако, пока остается неясным.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б., 2001. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 23–54.

Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье, 2013 / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис. 482 с.

¹ Выражаю благодарность коллективу Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН за аналитическую поддержку проекта.

- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И., 2009. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 2 (38). С. 67–78.
- Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука. 144 с.
- Шилов С.Н., 2004. Разведка на юге Курганской области // АО / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. С. 348–350.

И.М.Тимушева

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
timirina1981@yandex.ru*

КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИЕ МАСТЕРСКИЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

Наиболее разработанной среди классификаций различных типов памятников является классификация кремнеобрабатывающих мастерских. Типология памятников европейского Северо-Востока эпохи камня разрабатывается довольно успешно, однако детальный анализ памятников эпохи раннего металла (энеолит–бронза) по виду протекавшей на них деятельности практически не проводился (за исключением отдельных работ).

Для мезолитических памятников А.В. Волокитиным и Л.Л. Косинской разработана типология, основанная на продолжительности и сезоне обитания, а также комплексе хозяйственных занятий. К мастерским отнесены: летние стоянки с ограниченным объемом кремнеобработки (неспециализированные); стоянки-мастерские с преимущественно первичной обработкой кремня (Парч I, Ярега); небольшие сезонные поселения с «домашними» мастерскими по изготовлению полуфабрикатов-заготовок для орудий (Евдино II, пункт 4, Лек-Леса (жилище 1), Топыд-Нюр V, Турун-Нюр) (Косинская, Волокитин, 1993). Мезолитический памятник Курьядор II определен как кратковременная специализированная мастерская, связанная с первичным расщеплением, в непосредственной близости от источника сырья (Волокитин и др., 2005. С. 15).

Л.Л. Косинская также предложила типологию памятников неолита – ранней бронзы. К мастерским ею отнесены: стоянки-мастерские по первичной обработке каменного сырья (Половники II); зимние поселения с домашними кремнеобрабатывающими мастерскими (Кочмас А, Прилукская); поселения круглогодичного обитания с кремнеобрабатывающими мастерскими полного цикла (Ревью I, Черная Вадьа, Эньты I (ранний комплекс)) (Косинская, 1993); домашние мастерские по обработке камня и изготовлению орудий (Ниремка I) (Косинская, 1987. С. 248).

Для определения типа памятника и его функциональной принадлежности исследователи учитывали: долю орудий в общем количестве инвентаря, насыщенность культурного слоя в пределах пятен-скоплений (плотность находок на 1 кв. м), интенсивность кремнеобработки, состав кремневого инвентаря относительно различных стадий кремнеобработки и наличие продуктов каждой из стадий.

В работах 1950-1980-х годов при анализе источников эпохи раннего металла основное внимание уделялось изучению керамики и отдельных типов каменных орудий (скребков, ножей, наконечников стрел) как основных культурологических показателей. А наиболее массовый материал – продукты кремнеобработки (отщепы, чешуйки, сколы) – оказался практически неисследованным. Все это привело к ограниченности сведений об особенностях камнеобработки на конкретных памятниках.

В ряде работ сделаны попытки определить не только хозяйственный тип поселения, но и специфику кремнеобработки. В.Е. Лузгиным на ижемских поселениях отмечены отдельные пятна, насыщенные в основном расколотым кремнем, которые он связал с мастерскими по обработке кремня (Лузгин, 1972. С. 40). На определенную специализацию памятников обращал внимание В.И. Канивец, который считал, что стоянки Щельяюр II, Концебор I и Ичэт-Нюр – скорее мастерские, чем обычные поселения. При

этом он основывался на соотношении количества законченных и целых орудий и отходов первичной обработки (Канивец, 1974. С. 38, 45). В.А. Семенов и В.Н. Несанелене выявили ряд разнотипных памятников эпохи ранней бронзы в верховьях р. Вымь, среди которых – места добычи и обработки кремня (Евдино II, III – единый комплекс, специализированный на изготовлении наконечников стрел; Усть-Кедва – комплекс по добыче и обработке кремня (Семенов, Несанелене, 1997); Шомвуква II – кремнеобрабатывающая мастерская, специализирующаяся на изготовлении скребков (Несанелене, Семенов, 1992. С. 27)). В.Н. Кармановым была изучена стоянка Пезмогты 2. Применение технологического, планиграфического анализов позволило проследить особенности пространственной организации и выявить участки повышенной концентрации предметов из кремня и некремневых пород, которые соответствовали зонам локализации различных этапов производства каменных орудий. Памятник определен как специализированная мастерская с полным циклом камнеобработки, на которой осуществлялось производство бифасов – наконечников стрел и ножей (Карманов, Данилов, 2008. С. 94).

На европейском Северо-Востоке известны разные типы кремнеобрабатывающих мастерских: от специализированных, полного цикла, до домашних, по обработке камня и изготовлению орудий на поселениях. В эпоху раннего металла появляются мастерские по изготовлению определенных типов орудий и специализированные мастерские, не связанные с поселениями. Представление о малочисленности «домашних» мастерских и мест кремнеобработки на поселениях энеолита–бронзы, вероятно, связано с отсутствием комплексного подхода к анализу памятников и применявшейся методикой разборки культуровмещающих отложений и фиксации находок. Комплексное исследование новых памятников с использованием технологического и планиграфического анализов, типологического и статистического методов, приема ремонтажа позволит выявить закономерности в распределении инвентаря, выделить характерные для каждого памятника сочетания типов орудий и продуктов расщепления. Эти данные представят возможности для характеристики отдельных участков памятников и скоплений материала, определения их назначения, дальнейшего детального изучения специфики кремнеобработки на конкретных поселениях и возможного выявления не только специализированных, но и «домашних» мастерских на крупных поселениях и стоянках или специальных рабочих мест по обработке камня.

- Волокитин А.В., Карманов В.Н., Тимушева И.М., 2005. Мезолитическая мастерская Курьядор 2 на Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар. С. 3-15. (Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 17.)
- Карманов В.Н., Данилов А.В., 2008. Планиграфия стоянки-мастерской эпохи бронзы Пезмогты 2 на Вычегде // Молодежь и наука на Севере: Материалы докладов I Всероссийской молодежной научной конференции. Т. II. Сыктывкар. С. 41, 42.
- Косинская Л.Л., 1993. О типах поселений эпохи камня на Европейском Северо-Востоке // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург. Вып. 21. С. 41-59.
- Косинская Л.Л., Волокитин А.В., 1993. Типология мезолитических памятников Европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар. С. 18-29. (Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 12.)
- Лузгин В.Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.: Наука. 128 с.
- Канивец В.И., 1974. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука. 150 с.
- Несанелене В.Н., Семенов В.А., 1992. Стоянка Шомвуква-II – памятник эпохи ранней бронзы // Духовная культура: история и тенденция развития. Тез. докл. Ч. 2. Сыктывкар. С. 26-27.
- Семенов, В.А., Несанелене, В.Н., 1997. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): Учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та. 169 с.

ВЫДЕЛЕНИЕ ЭЛИТ В ОБЩЕСТВЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ¹

Элита – индивиды и группы, занимающие ведущее положение в различных сферах человеческой деятельности – политической, идеологической, хозяйственной, культурной. Выделение элиты происходило на основе объективных личных качеств индивида (Бромлей, Штробах, 1986. С. 224). Понятие элиты связано с понятием особого статуса человека в обществе благодаря его личным качествам, роду занятий. Элитарность могла проявиться в разных сферах деятельности (Кореневский, 2011. С. 33).

Мы разделяем мнение о том, что объективным показателем социальной позиции умершего являются трудовые затраты на сооружение кургана. Данную точку зрения высказывали В.М. Массон (1976. С. 169), Н.Я. Мерперт (1978. С. 56), Ю.В. Павленко (1989. С. 69), Н.Л. Моргунова (1992. С. 16). Захоронение лидера должно быть, безусловно, основным в кургане – именно это доказывает связь трудовых затрат с погребенным индивидом. Другой важный критерий – набор сопроводительного инвентаря. Вещи в погребении могут отражать социальное и имущественное положение умершего.

Таким образом, большие трудовые затраты, погребальный инвентарь и дополнительные конструктивные элементы позволяют выделить из большого количества ямных погребений Волго-Уралья комплексы, принадлежащие элите ямного общества. На территории Приуралья обнаружено три таких комплекса: Болдырево 1/1, Дедуровский мар 1/1, Барышников 6/3.

Яркий пример социально значимого захоронения – курган Болдырево 1/1. Диаметр его насыпи – 64 м, высота – 6 м. Под насыпью обнаружено большое могильное пятно размерами 3,2 x 3 м. Вокруг него на поверхности материка прослежен настил из травы и коры с посыпкой охры шириной от 50 до 70 см (Моргунова, 2000. С. 58). Стенки ямы были обложены тонким слоем коры черного цвета, придонная часть забутована желтой материковой глиной. В могиле выявлено непо потревоженное захоронение мужчины в возрасте 35–40 лет. Погребенный лежал на правом боку в слабо скорченном положении головой на восток. Его сопровождал богатый инвентарь: медный нож-кинжал, галькатерочник, два медных четырехгранных шила, медный наконечник копья в деревянном чехле, три куса сильно окисленного железа, диск из расплющенного железа, кварцитовый скребок, чашечка из мела, заполненная порошком железной руды.

С точки зрения трудовых затрат особый интерес представляет археологический комплекс Дедуровский мар. Высота кургана по восточной поле достигала 8 м, по северной – 9 м, современный диаметр насыпи – 70–75 м. Могильное пятно на уровне погребенной почвы имело размеры 4,8 x 5,4 м (Богданов, 1998. С. 98). Погребальная камера, к сожалению, была ограблена.

К элитным комплексам можно отнести и курганное погребение Барышников 6/3. Диаметр этой насыпи – 40 м, высота – 3,3 м. Погребальная камера со ступенькой имела внушительные размеры – 2,05 x 3 м. В захоронении обнаружен следующий инвентарь: медные тесло с цапфами, тесло-молоток, долото, нож, каменный пест-молот (Моргунова, Турецкий, 1998. С. 6).

На территории Среднего Поволжья И.Б. Васильевым в могильнике у с. Утевка обнаружено погребение, которое, по мнению автора раскопок, можно считать вождеским. Оно найдено в самом крупном кургане 1, диаметр которого составлял 110 м, а высота – 3,5 м. В большой погребальной камере зафиксирован скелет взрослого человека с богатым инвентарем: две золотые подвески, медный нож, тесло, шило, топор, узкое стилетообразное орудие, развал крупного сосуда, каменный пест (Васильев, 1980. С. 53).

Объединяющими чертами для перечисленных погребений являются объем трудо-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: проект № 14-01-00127.

вых затрат на их сооружение и престижный инвентарь, которые позволяют относить их к комплексам элит. Необходимо также отметить сходство артефактов в захоронениях: они содержат вещи, связанные со жреческим статусом, производственные (плотницкие инструменты) и военные (ножи-кинжалы, копье) символы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что элитарность проявлялась в разных сферах – в области экономики и производства (бигмены и умельцы, создающие материальные ценности), гражданской власти (главы общин, колдуны и знахари), а также в военном деле (отличившиеся в боях представители общин).

Таким образом, можно предположить, что в период раннего и среднего бронзового века сложилась специфическая система управления, при которой лидеры племен сочетали различные административные и жреческие функции. Предпосылками для формирования власти данного типа, видимо, являлись подвижное скотоводство и существовавшая в то время идеологическая картина мира. На наш взгляд, главной функцией вождя в обществе было налаженное распределение производимых благ. Эта важная задача позволяла лидерам сосредотачивать у себя рычаги экономического и административного давления на других членов общины.

- Богданов С.В., 1998. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург: Димур. С. 17–23.
- Бромлей Ю.В., Штробах Г., 1986. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука. 240 с.
- Васильев И.Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 32–57.
- Кореневский С.Н., 2011. О символике погребений лидеров в обществах ранних земледельцев и скотоводов энеолита юга Восточной Европы и Предкавказья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 29–53.
- Массон В.М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука. 169 с.
- Мерперт Н.Я., 1978. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М.: Наука. С. 55–63.
- Моргунова Н.Л., 1992. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: Южный Урал. С. 5–28.
- Моргунова Н.Л., 2000. Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: Оренбургская губерния. С. 55–63.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука. 153 с.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., 1998. Курганная группа у хут. Барышников // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург: Димур. С. 3–8.
- Павленко Ю.В., 1989. Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития. Киев: Наукова думка. 288 с.

И.А. Файзуллин

*Оренбургский государственный педагогический университет
ildar-1988@mail.ru*

БЫТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ¹

Первые шаги в изучении бытовых памятников срубной культуры на территории Западного Оренбуржья были сделаны В.В. Гольмстен в 20-е годы XX в. Ею открыто несколько поселений, на двух произведены раскопки. Позже О.А. Кривцова-Гракова отнесла материалы этих поселений к раннему этапу срубной культуры (1955. С. 37, 38). Вплоть до 70-х годов XX в. специальные работы по поиску и полевому изучению бытовых памятников практически не проводились, хотя у К.В. Сальникова имеются упоминания о некоторых случаях нахождения срубных поселений (1967. С. 155).

¹ Исследование выполнено при поддержке министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 33.1471.2014К.

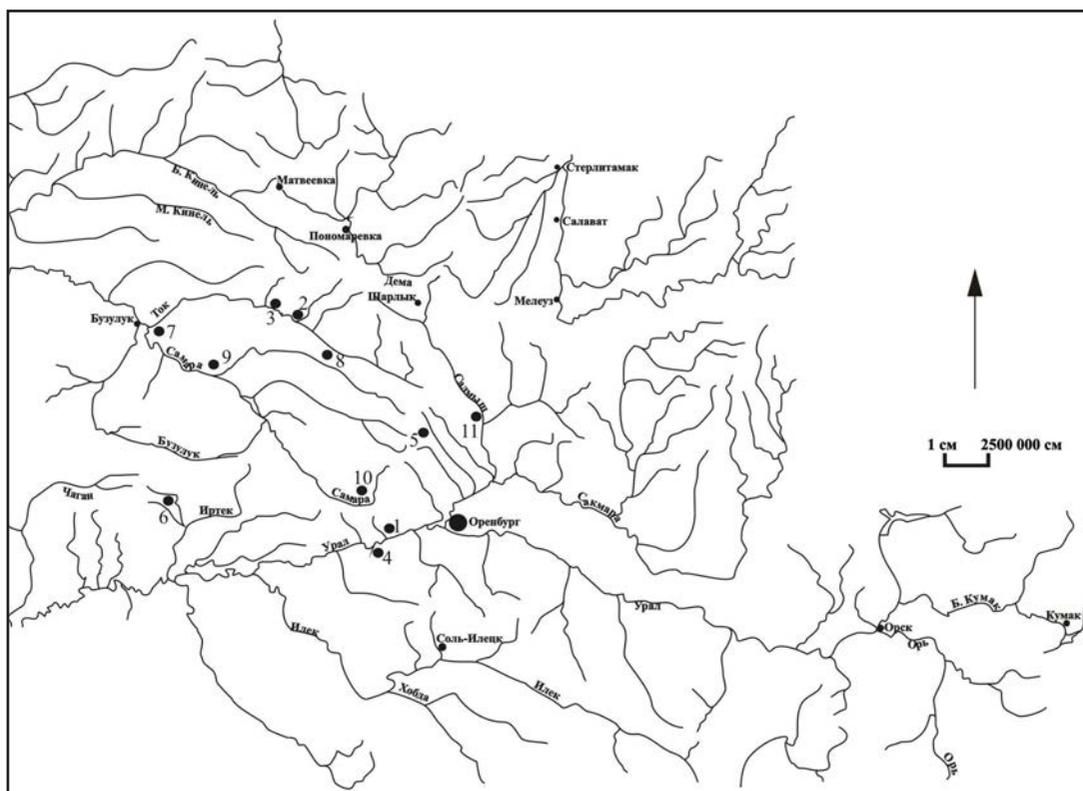


Рис. 1. Схема распространения бытовых памятников эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье.

Поселения: 1 – Родниковое; 2 – Ивановское; 3 – Малоюлдашевское; 4 – Краснохолмское; 5 – Горный; 6 – II Кузьминковское; 7 – II Сухореченское; 8 – Токское; 9 – Сорочинское; 10 – Покровское; 11 – II Булановское.

В 1977 г. на базе Оренбургского государственного педагогического института, ныне университета, была образована Оренбургская археологическая экспедиция (ОАЭ) под руководством Н.Л. Моргуновой. Учитывая плохую изученность поселенческих материалов срубной культуры, ОАЭ поставила перед собой цель исследовать ее бытовые памятники. В период с 1977 по 1989 г. произведены раскопки шести поселений. Исследования проводились под руководством Н.Л. Моргуновой и О.И. Пороховой (1989. С. 160–172). Особый интерес представляют II Сухореченское, Ивановское, Токское поселения на западе Оренбургской области и Краснохолмское – в ее центре. Они делятся на две группы. В первую входят поселения, на которых преобладает материал срубной культуры (II Сухореченское, Ивановское, Токское), во вторую – алакульской (Краснохолмское). Все перечисленные памятники, однако, так или иначе имеют смешанные срубно-алакульские черты, фиксируемые на керамическом материале. На факт смешения культур в Западном Оренбуржье уже обращали внимание К.В. Сальников (1950. С. 311–319) и Э.А. Федорова-Давыдова (1964. С. 84–92). Отрядом ОАЭ изучен еще ряд поселений эпохи бронзы, на которых найдены смешанные срубно-алакульские материалы: Родниковое (Купцова, Файзуллин, 2012. С. 70–100), Покровское (Порохова, 1989. С. 60–71) и II Кузьминковское (Моргунова и др., 2001. С. 99–126).

Особой вехой в изучении поселенческих памятников срубной культуры в Оренбургской области являются исследования Каргалинского горно-металлургического комплекса экспедицией ИА РАН под руководством Е.Н. Черных. Уникальность данного комплекса заключается в отличной сохранности многочисленных шахт на огромной территории. Среди полей рудных выработок обнаружены поселения горнорабочих бронзового века (в основном срубной культуры). Особый интерес в этой связи вызывает поселение у х. Горного (Черных и др., 1999). Всего за девять полевых сезонов вскрыто более 1208 кв. м площади. Памятник отличает сильная насыщенность находками – металлическими изделиями и формами для их изготовления

К настоящему времени на территории Западного Оренбуржья в ходе разведок выявлено около 100 поселений эпохи бронзы. Раскопки производились на 11 памятниках (рис. 1), опубликованы материалы 7 поселений (Родниковое, Токское, Ивановское, Покровское, II Кузьминковское и Горное). При этом лишь три из них введены в научный оборот полностью (Родниковое, II Кузьминковское и Горный), сведения об остальных содержатся в кратком виде в тезисах или статьях. В основном в публикациях рассматриваются вопросы культурной и хронологической атрибуции памятников. Существуют работы, посвященные изучению ряда категорий находок и отдельных комплексов на поселениях (Файзуллин, 2012. С. 226–230).

В последнее время в регионе вновь стали проводиться исследования бытовых памятников эпохи поздней бронзы. Летом 2012 г. отрядом ОАЭ под руководством А.А. Евгеньева изучено поселение I у с. Малоюлдашево Красногвардейского района. Оно представляет собой поликультурный памятник и содержит материалы эпох камня, средней, поздней и финальной бронзы. В том же году были опубликованы материалы Родникового поселения.

Слабая в целом изученность бытовых памятников эпохи поздней бронзы Западного Оренбуржья определяет особую актуальность дальнейших работ в этом направлении. Следует отметить, что подобное положение дел характерно и для сопредельных регионов Башкирии и Самарской области. Важно также подчеркнуть количественное соотношение исследованных погребальных и поселенческих памятников. Первых в Западном Оренбуржье 26, вторых лишь 11. Столь сильная диспропорция ограничивает возможности изучения эпохи поздней бронзы, так как не позволяет рассматривать материалы с разных видов памятников в комплексе.

Несмотря на существующие проблемы, в последнее время наметилась положительная тенденция в вопросе изучения бытовых комплексов поздней бронзы рассматриваемого региона. Ежегодно в ходе разведок выявляются новые памятники, впервые за последние пятнадцать лет были произведены стационарные раскопки поселения и опубликованы материалы предыдущих лет.

- Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Наука. 165 с. (МИА. № 46.)
- Купцова Л.В., Файзуллин И.А., 2012. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 70–100.
- Моргунова Н.Л., Порохова О.И., 1989. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 160–172.
- Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А., 2001. II Кузьминковское поселение // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 99–126.
- Порохова О.И., 1989. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа: Изд-во БНЦ УрО АН СССР. С. 60–71.
- Сальников К.В., 1950. Срубно-андроновские курганы у с. Погромное // СА. XIII. С. 311–319.
- Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 406 с.
- Файзуллин И.А., 2012. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 14. № 3. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 226–230.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1964. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии. Уфа: Башкирское книжное изд-во. С. 84–92.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В., 1999. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горное и другие) // РА. № 1. С. 77–116.

**УКРАШЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК ПОЛОВОЗРАСТНОЙ МАРКЕР
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ)¹**

В традиционных обществах украшения наиболее ярко выражают этническую, социальную и половозрастную принадлежность владельца. Изменение деталей костюма свидетельствовало о переходе человека в другую возрастную или социальную группу, символизировало изменение его статуса в обществе.

В данной работе предпринимается попытка выявить соотношение отдельных типов украшений с полом и возрастом индивидов, носивших их, определить типично «женские» и «мужские» украшения. К анализу привлечены материалы 88 погребений, по которым имеются антропологические определения (из памятников Фирсово XIV, Чекановский Лог II, X, Рублево VIII, Кытманово), выполненные А.Р. Кимом, К.Н. Солодовниковым, Д.В. Поздняковым, В.А. Дремовым, В.А. Козьминым, С.С. Тур.

К исключительно женским украшениям можно отнести лапчатые (бородавчатые) подвески, листовидные подвески, браслеты со спиралевидными окончаниями, кольца со спиралевидными навершиями, наборы подвесок в полтора оборота. Лапчатые и подвески в полтора оборота носили женщины в возрасте от 18–20 до 55–60 лет, листовидные – от 20 до 35 лет. Браслеты встречаются у женщин 13–15 – 55–60 лет, кольца – 13–40 лет.

Следует отметить, что подвески в полтора оборота были обнаружены в трех захоронениях мужчин и в одном захоронении ребенка. Количество подвесок, однако, было меньшим, чем у женщин, они не составляли набора и не сопровождалась другими украшениями.

К универсальным типам украшений, встреченным как у мужчин, так и у женщин и детей, относятся: пронизи, бусы различных конфигураций, обоймы, бляшки и пластины-нашивки, кольчатые (трубчатые) серьги, серьги с раструбом, украшения из раковин, кольцевидные (проволочные) бронзовые серьги. Способы их ношения, однако, существенно различались. Так, у женщин кольчатые серьги встречаются исключительно в составе сложного головного (ушного) убора, состоящего из подвесок в полтора оборота, пронизей, обойм и лапчатых подвесок. У мужчин (от 20 до 40–55 лет) они выступают только в качестве самостоятельного элемента костюма. Примечательно, что в захоронениях детей (с младенческого возраста) кольчатые серьги также не дополнялись другими украшениями. На этом основании можно предполагать, что они сопровождали захоронения мальчиков.

Различными были и способы ношения бронзовых бус и пронизей: в женском костюме они использовались в качестве составных частей наконечников, головных или нагрудных украшений, а также самостоятельно, образуя браслеты для рук или украшения обуви (ног). На мужских и детских скелетах пронизи и бусы находились в области шеи, в одном случае бронзовые бусины компактно располагались вокруг пояса мужчины.

Бляшки и пластины-нашивки у женщин встречены в составе наконечника, либо как лицевые украшения (Демин и др., 2011. С. 66). В одном случае пластины-нашивки составляли нагрудное украшение или служили обрамлением ворота одежды (Уманский и др., 2007. С. 28). В погребении мужчины бляшки были найдены в районе щиколоток, у ребенка – в районе рук.

¹ Работа выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» и при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект № 1006).

Украшения из раковин служили шейными украшениями или входили в состав наконечника (у женщин). Различий в ношении серег с раструбом и проволочных серег не зафиксировано.

Таким образом, мы можем говорить о том, что элементы мужского костюма (кольчатые серьги) появлялись у детей практически с момента рождения, в то время как типично женские украшения носили с 18–20-летнего возраста (отдельные типы – с 13–15 лет). Также установлено, что наиболее сложные головные уборы, в состав которых входили практически все известные типы украшений, были характерны для женщин 20–40 лет, что соотносится с данными по сопредельным регионам (Умеренкова, 2011; Куприянова, 2009).

Полученные результаты свидетельствуют в пользу наличия в андроновском обществе гендерной структуры и системы возрастных классов. Для каждой половозрастной категории существовал свой набор украшений, отражавший положение и роли индивидумов в обществе.

Отметим также, что для разных частей ареала андроновской культурно-исторической общности выявлены свои наиболее характерные типы украшений (Аванесова, 1991). Кроме того, способ ношения одних и тех же изделий различился (Усманова и др., 2007. С. 45, 46). Следовательно, определенные для степного и лесостепного Алтая закономерности могут «не работать» в сопредельных регионах. В связи с этим проведение подобного анализа для разных территорий и сравнение полученных результатов представляется особенно перспективным направлением дальнейших исследований.

- Аванесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан. 200 с.
- Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М., 2011. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул: АлтГПА. 128 с.
- Куприянова Е.В., 2009. Женский погребальный костюм эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана / Автреф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань. 24 с.
- Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2007. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Изд-во АГУ. 132 с.
- Умеренкова О.В., 2011. Украшения эпохи бронзы Западной Сибири / Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово. 25 с.
- Усманова Э.Р., Мерц И.В., Мерц В.К., 2007. Об одном типе «андроновского» украшения из Павлодарского Прииртышья или «пирсинг» по-андроновски // Кадырбаевские чтения: Матер. междунар. науч. конф. Актобе: ПринтА. С. 44–47.

А.В. Фомичев

*Научно-исследовательский археологический центр, Орск
homa_brut_1987@bk.ru*

ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ УРАЛЬСКО-МУГОДЖАРСКОГО ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

В изучении вопросов геоархеологии и археометаллургии важную роль играет реконструкция механизмов организации процессов горного дела и металлургии.

К настоящему времени в пределах Южного Зауралья выделяется особый Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр (Ткачев, 2010; Зайков и др., 2013), территориально совпадающий с ареалом памятников кожумбердынской культурной группы алакульской линии развития (Кузьмина, 1962; 2008. С. 250). Первичными структурными единицами металлопроизводства в пределах Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра выступают поселения и могильники, составляющие компактный археологический микрорайон. С учетом специфики региона, обусловленной наличием значительного числа геоархеологических объектов, подобные группы предлагается рассматривать как горно-металлургические комплексы (далее – ГМК) (Ткачев, 2010. С. 7).

Основные ГМК в пределах северной периферии Уральско-Мугоджарского центра – Еленовский, Ушкаттинский, Ишкининский. По имеющимся сведениям, наиболее ранние

– памятники Еленовского и Ушкаттинского ГМК. Основные объекты обоих комплексов компактно размещены на востоке современной Оренбургской области, в бассейнах р. Киимбай и Ушкатта (правые притоки р. Камсак, притока р. Орь).

Еленовский рудник представляет собой карьер округлой формы размерами 30 x 40 м и глубиной до 5–6 м. К северо-востоку от него на берегу старицы находилась площадка, на которой производились работы по обогащению руды (Формозов, 1951; Зайков и др., 2005. С. 108, 109; Фомичев, 2012. С. 143). На противоположном берегу р. Киимбай располагалась серия поселений (Верхний Киимбай, Кудуксай, Еленовка I), на которых обнаружены следы металлургической деятельности (шлаки, сплески меди, обломки медной руды). Также к Еленовскому руднику тяготеет группа памятников, расположенных в среднем и нижнем течении р. Шандаша (правый приток р. Киимбай) (Формозов, 1951. С. 119; Кузьмина, 1962). Кроме поселений в структуру комплекса входит серия могильников, один из которых – Еленовский I – примыкал непосредственно к древнему руднику. При создании надмогильных конструкций на нем использовалась рудовмещающая порода (Формозов, 1951. С. 119).

Ушкаттинский ГМК находится на юго-востоке современного Домбаровского района Оренбургской области. Его центром выступал Ушкаттинский рудник, расположенный в среднем течении р. Ушкатта. Он приурочен к типу месторождений в зонах окисления вкрапленных сульфидных руд в метасоматически измененных породах ультраосновного и основного состава. Рудник представлен четырьмя древними карьерами линейной и округлой формы (Юминов, Умрихин, 2007. С. 286, 288–293. Рис. 1, 2, 5–7). На всем протяжении правого берега р. Ушкатты, от одноименного поселка до п. Караганда, выявлена представительная серия поселений (Ушкатта I–VIII) со следами металлопроизводственной деятельности в виде слитков меди, фрагментов шлака и медной руды (Кузьмина, 1962. С. 88–90. Рис. 26).

Ишкининский ГМК приурочен к северо-западной границе Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра в современном Гайском районе Оренбургской области. Рудник представлен восемью карьерами (Зайков и др., 2005. С. 106). Вблизи него находилось поселение, могильники расположены в 8 км выше по течению р. Сухая Губерля. В ходе раскопок на поселении найдена серия орудий, использовавшихся в горном деле (рудодробильные камни, обломки молотов, наковальни), типологически схожих с орудиями, обнаруженными на отвалах рудника (Ткачев, 2009. С. 228).

Перечисленные ГМК являются эталонными для всего региона в силу степени их изученности. К настоящему времени накопилась информация для выделения новых, непосредственно связанных с местами древней добычи руды (на данный момент в регионе выявлено 17 новых геoarхеологических объектов). В южной зоне Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра проводились в основном рекогносцировочные работы, в ходе которых вблизи древних рудников зафиксирована серия поселений и местонахождений, а также синхронных некрополей (Ткачев, 2010. С. 268, 269).

Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А., 2005. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. С. 101–114.

Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Ткачев В.В., Носкевич В.В., Епимахов А.В., 2013. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского государственного университета. № 1. Иркутск. С. 174–195.

Кузьмина Е.Е., 1962. Археологические исследования памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры // КСИА. Вып. 88. С. 84–92.

Кузьмина Е.Е., 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА. 358 с.

Ткачев В.В., 2009. Горно-металлургические комплексы в системе археометаллургической таксономии (по материалам памятников позднего бронзового века Уральско-Мугоджарского региона) // Вестник Челябинского государственного университета. № 41. Челябинск. С. 5–7.

Ткачев В.В., 2010. Горное дело и металлургия меди в Уральско-Мугоджарском регионе в позднем бронзовом веке // Известия Самарского научного центра РАН. № 2. Самара. С. 268–271.

- Фомичев А.В., 2012. Поселения эпохи поздней бронзы в бассейне р. Киимбай в Восточном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 140–146.
- Формозов А.А., 1951. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. Вып. XXXVI. С. 115–121.
- Юминов А.М., Умрихин С.М., 2008. Ушкаттинский рудник эпохи поздней бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. Уральск. С. 286–297.

А.А. Шорина

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
aashor@mail.ru*

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОРДОН МИАССОВО 1 В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Памятник Кордон Миассово 1 расположен на относительно ровной площадке между скальными выходами обширного полуострова между оз. Янышко (ныне заболоченное) и Большое Миассово на территории Ильменского государственного заповедника в Челябинской области. Он открыт В.С. Мосиным в 2013 г. и на следующий год исследован экспедицией Института истории и археологии УрО РАН.

Основная часть материалов памятника представлена мелкими фрагментами керамики черкаскульской культуры, орнаментированными желобчатым прочерчиванием, вдавлениями различной формы, прямыми и зигзагообразными линиями, заштрихованными ромбами, и незначительным количеством керамики с гребенчатой орнаментацией, характерной для конца неолита – энеолита региона. Найден и кремневый инвентарь этих же эпох. Вскрыты четыре каменные конструкции – одна ограда и три кладки, отражающие два разных обряда погребения бронзового века. Все сооружения на поверхности не фиксировались и были обнаружены на глубине около 20–30 см от современной поверхности памятника.

Первая конструкция (рис. 1: 1) представляла собой каменную ограду, характерную для погребального обряда черкаскульской культуры горно-лесного Зауралья (Петрин и др., 1993. С. 166–172). Она овальной формы, ориентирована по направлению СЗ–ЮВ, составлена из необработанных камней, выложенных на древнюю поверхность. Размер ограды – около 2,9 x 2,0 м. Между камнями с северо-восточной и северо-западной сторон кладки имелись разрывы шириной, соответственно, 80 и 60 см. Размеры камней различны. Самые крупные из них (55 x 46 и 76 x 43 см) расположены друг напротив друга в углах северо-западной стенки, где, видимо, находился и вход во внутреннее пространство погребального комплекса. Внутри ограды рядом с северо-западным камнем стоял сосуд черкаскульско-межовского облика (рис. 1: А). Расположение нескольких небольших камней вдоль юго-восточной стенки внутри ограды и вдоль северо-западной – вне ее не исключает возможность того, что камни могли быть уложены по вертикали в два ряда. Могильная яма и скелет не зафиксированы, но найдены два очень мелких фрагмента костей, возможно, кальцинированных. Это позволяет предположить, что захоронение было произведено по обряду трупосожжения, известного в черкаскульской и межовской культурах, особенно в северной части лесостепной зоны Зауралья (Обыденнов, Шорин, 2005. С. 60, 61). Сожжение трупа было произведено, видимо, на стороне; в могилу, которая была неглубокой и материк не прорезала, были положены остывшие остатки кремации, крайне плохо сохранившиеся в гумусированном грунте.

Три оставшиеся конструкции представляли собой каменные кладки, под которыми найдены горшки черкаскульской и межовской культур. Все они были составлены из необработанных камней разных размеров. Нижний ряд камней, выложенных плотно друг к другу, фиксировался прямо на материке. Верхние камни накладывались друг на друга в разной последовательности, поэтому конструкции отличались по форме и размерам.

Первая кладка, самая крупная, имела размеры примерно 2,4 x 1,5 м и располагалась в 2 м к северо-западу от ограды (рис. 1: 2). По форме она овальная, вытянута в направлении

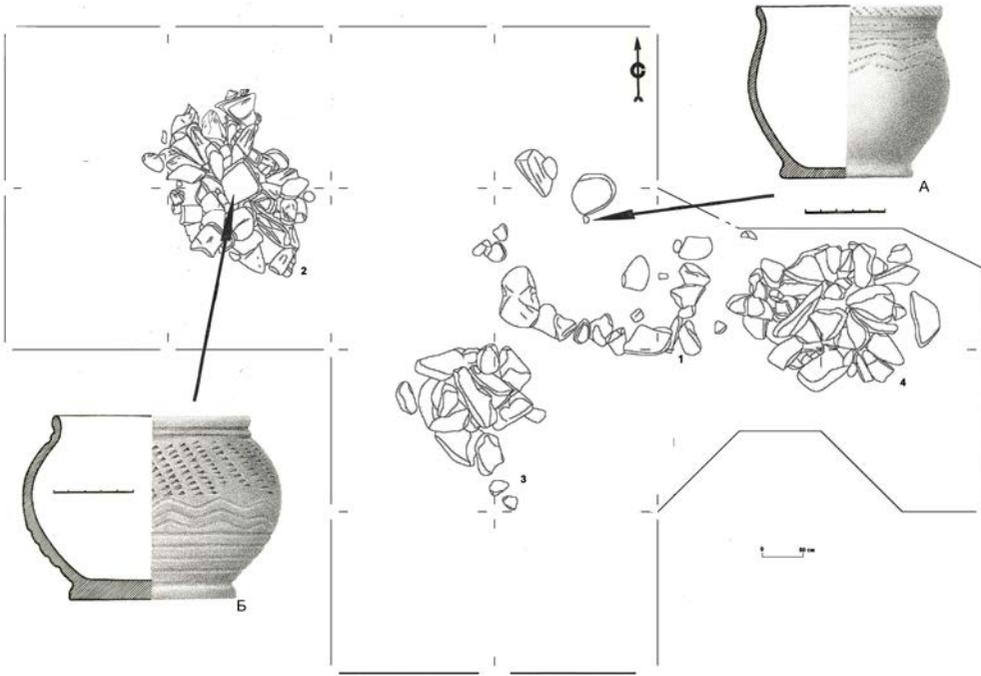


Рис. 1. Кордон Миассово 1. План объектов и керамика.

1 – ограда; 2 – каменная кладка 1; 3 – каменная кладка 2; 4 – каменная кладка 3; А – сосуд из ограды; Б – сосуд из-под каменной кладки 1.

СЗ–ЮВ, высотой около 25 см. Камни выложены так, что высота конструкции увеличивалась от краев к центру, щели между крупными камнями были закрыты камнями меньших размеров. В центре на вершине располагалась практически квадратная каменная плита размерами 38 x 40 см. Под кладкой зафиксирован развал черкасульского сосуда (рис. 1: Б).

Вторая каменная выкладка имела размеры примерно 1,6 x 1,4 м, форму, близкую к округлой, и располагалась практически вплотную к ограде с юго-запада (рис. 1: 3). Она составлена из меньшего количества камней, чем первая, но практически все камни – крупных размеров. Высота конструкции – около 40 см. В центре под ней располагался миниатюрный горшок черкасульского типа.

Третья кладка слабо вытянутой по оси СЗ–ЮВ формы имела размеры примерно 2,3 x 2,0 м и располагалась в 25 см к востоку от ограды (рис. 1: 4). Камни были выложены так, что конструкция по краям оказалась значительно выше, чем в центре, где образовалось своеобразное углубление, в котором размещался небольшой камень. Высота третьей выкладки, как и первой – около 25 см. В центре под ней располагался горшок межовского облика.

Помимо сосудов под выкладками, которые залегали прямо на материке, между камнями были зафиксированы единичные мелкие фрагменты керамики черкасульского типа, а также кости животных.

Рассмотренные каменные кладки внешне напоминают погребальные конструкции, но отсутствие могильных ям и каких-либо следов погребенных ставит под сомнение их сугубо погребальный характер. С какой целью сооружались эти затратные по трудовым усилиям объекты, внутри которых зафиксировано только по одному сосуду, ответить пока сложно, тем более, что в черкасульско-межовском культурном контексте подобные сооружения выявлены впервые.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 2005. Черкасульская культура. Учебное пособие. Уфа: Юридический колледж. 139 с.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф., 1993. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука. 212 с.

АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ: СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В.С. Бусова

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
kulturnijkarman@gmail.com*

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ХОЛАШ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И РЕСТАВРАЦИЯ

Из кургана 83 могильника скифского времени Холаш Монгун-Тайгинского района республики Тыва, изучение которого проводилось в 1995 г. Вл.А. Семеновым и М.Е. Килуновской (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН), происходит небольшая коллекция изделий из кожи. В основном это фрагменты ремней, которые были найдены вместе с бронзовыми изделиями. Они были зарисованы, опубликованы (Семенов, 1997. Рис. 23–25) и, в соответствии с применявшейся на тот момент методикой реставрации и консервации, запаяны в целлофановые пакеты. Предварительно кожу и мех обработали смесью глицерина, спирта и воды. Дальнейшая работа с ними была невозможна.

Среди рассматриваемых предметов представлены изделия, связанные с бытовой культурой населения IV–III вв. до н.э., относящегося к переходному этапу от алдыбельской к поздней укско-саглынской традиции. В основном это личные вещи, которые могли использоваться погребенным в повседневной жизни: кошельки, пояса и ремни. В исследовании рассматриваются восемь предметов.

Кожаными ремнями являются пять изделий изученной коллекции. Все они имеют разный крой, в зависимости от того, какую конструктивную задачу они выполняли. Поясной ремень чаще всего прошит сухожильными нитями по всей длине, что придает ему дополнительную эластичность и износоустойчивость. Ремни для крепления вещей на поясе (например сумочки) могут быть тонкими и однослойными. Есть совсем тонкие ремешки под бронзовые бабочковидные бляшки, крепящиеся к двухслойным ремням.

Еще два предмета представляют собой поясные сумки. Обе могли носиться на поясе в качестве амулетов, потому что были зашиты по краям. В одной был зашит деревянный гребешок, в другой фрагменты костяных изделий. У современных алтайцев в женском костюме на поясе крепится небольшая сумочка с зашитой внутрь пуповиной ребенка.

Назначение одного предмета неизвестно.

В отличие от материалов из средневековых слоев Великого Новгорода и Твери, по которым всесторонне изучается древнерусское кожевенное ремесло, для находок скифского времени специального исследования не существует. Задача состоит в том, чтобы не только подробно описать устройство и крой изучаемых предметов, но и определить кожевенное сырье по рисунку мерей.

Такая попытка была предпринята в 2014 г. в рамках стажировки по реставрации изделий из кожи на базе Государственного научно-исследовательского института реставрации (Москва). В процессе реставрации предметов из коллекции благодаря применению обновленных методик были выявлены не замеченные прежде детали. Так, нами отмечено использование пигментов минерального происхождения для создания орнамента либо подкрашивания резных кожаных аппликаций. Чаще всего до реставрации красителя не видно, так как археологическая кожа имеет темный цвет. Во время реставрации благодаря очистке и консервации разными поверхностно-активными веществами (полиэтиленгликоль) зачастую под микроскопом становится виден красный пигмент (охра). В 2012 г. в процессе укрепления изделий из кожи, происходящих из раскопок по железнодорожной линии Кызыл–Курагино (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН), были обнаружены орнаменты на кожаных ножнах и кошельках. Они

идентифицированы методом спектроскопии комбинационного рассеивания при помощи спектрометра «Senterra (Bruker)» в ресурсном центре Санкт-Петербургского государственного университета «Оптические и лазерные методы исследования вещества».

В работе с материалами органического происхождения скифского времени определение типа кожевенного сырья является наиболее актуальной задачей. В качестве основного применяется метод микроскопии, основанный на сравнении эталонных образцов кож с изучаемыми. В скифской культуре – и данная коллекция не является исключением – чаще всего использовалось кожевенное сырье местного происхождения, т. е. шкуры тех видов скота, что были в стаде: крупного рогатого скота, телят и жеребят.

В процессе реставрации также проявляются конструктивные особенности предметов. Рассматриваемая коллекция кожаных изделий интересна простотой пошива вещей, функциональным назначением тех или иных деталей, на что большинство исследователей ранее не обращали внимания. Нам удалось проследить лишь небольшую часть всего многообразия техник и приемов работы с кожей, что подтверждает очевидный тезис: при плохой сохранности изделий из органических материалов мы теряем важную информацию о быте кочевого населения Тувы, для которого и по сей день остаются важными такие небьющиеся материалы, как дерево, войлок, мех и кожа.

Семенов Вл.А., 1997. Монгун-Тайга. СПб. 1997. 48 с.

Н.Н. Головченко

*Новосибирский государственный педагогический университет
nikolai.golowchenko@yandex.ru*

РОЛЬ ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА ОДЕЖДЫ В РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕОБСКОГО РЕГИОНА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Центральное понятие настоящей работы – «предметный комплекс одежды», которым мы обозначаем совокупность артефактов, нашиваемых на одежду и входящих в ансамбль костюма. К их числу относятся заколки, серьги, гривны, нашивки, бляшки, бусы, кольца и элементы поясной фурнитуры. Предложенное понятие отличается от термина «одежда», под которым понимаются вещи, традиционно используемые для покрытия человеческого тела (головной убор, наплечная, поясная одежда и обувь). Не синонимично оно и термину «костюм», который помимо предметного комплекса включает в себя одежду и ряд связанных с нею норм поведения (Яценко, 2006. С. 3–6; Головченко, Телегин, 2014. С. 5–13).

На основе комбинирования данных о предметном комплексе одежды из разных источников традиционно осуществляется реконструкция погребального костюма (описательная, графическая). Материалы Верхнеобского региона в этом отношении изучены крайне слабо, не системно, а работы, посвященные реконструкции одежды, немногочисленны.

Элементы предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья эпохи железа выявлены при исследовании могильников (Новотроицкое-1, 2, Рогозиха-1, Мясляха, Фирсово; 1160 погребений грунтовых и курганных) и поселений (Малый Гоньбинский кордон-1, Мыльниково, Раздумье). Подтверждаемый изобразительными источниками и рядом аналогий контекст обнаружения находок определяет их информационную ценность для реконструкции конкретных элементов одежды. Опираясь на системный анализ и топографию находок в погребении (Бородовский, Глушков, 1991. С. 15–23), можно систематизировать всю источниковедческую базу по предметному комплексу одежды, выделив три группы источников.

Первую группу составляют источники «эталонные». Это материалы погребений с максимально полной сохранностью предметного комплекса одежды, всего или отдельных категорий (головных уборов, наплечной или поясной одежды, обуви). Степень пол-

ноты определяется сопоставлением находок из конкретного погребения с имеющимися у нас представлениями о костюме населения Верхнего Приобья (Молодин и др., 1996. С. 46). В группу входят 90 погребений, что составляет 12% от общей выборки. Примером «эталонного» источника является захоронение «золотого человека» из кургана Локоть-4а, исследованное П.И. Шульгой (2003. С. 25).

Вторая группа источников – «частичные». В нее входят погребения, в которых представлена значительная часть предметного комплекса одежды, но мы не уверены в полноте его сохранности в силу, например, разграбления могилы, смещения артефактов в результате деятельности грызунов, давности проведенных работ или значительных погрешностей при описании материалов. Возможно, некоторые из этих комплексов представляют собой отдельные виды костюма. Группа образуют 210 погребений, что составляет 18% от общей выборки. В качестве примера источника с «частичной» сохранностью сведений о предметном комплексе одежды можно привести материалы погребения 6 кургана 23 могильника Рогозиха-1 (Уманский и др., 2005. С. 120).

Третья группа – «фрагментарные» источники – включает единичные предметы, относящиеся к одежде. Она представлена 820 погребениями и 6 находками на поселениях, что составляет 70% от общей выборки. Примером «фрагментарного» источника может служить описание П.И. Шульгой погребения 3 кургана 6 могильника Новотроицкое-1 (Шульга и др., 2009. С. 13, 14).

Расположение находок в погребении позволяет выделить несколько районов их концентрации: в районе черепа – предметный комплекс головного убранства (трубочки-пронизки (87 шт.), бусы (130 шт.), статуэтки архаров (2 шт.), нашивные бляшки и пластинки (344 шт.), а также биоморфные фигуры из золотой фольги (287 шт.), серьги (88 шт.) и заколки (60 шт.)); верхней части грудной клетки – оплечья (бусы (1300 шт.), нашивные бляшки, расположенные рядами (1670 шт.)); тазовых костей – пояса и подола (нашивные пряжки (70 шт.), бляшки (214 шт.)) и подвесные (костыльки (78 шт.), оселки (64 шт.) элементы), бусы (321 шт.)); костей ног – обуви (бляшки (1350 шт.) и бусы (167 шт.); на штанах, за исключением отдельных погребений памятников Локоть-4а и Новотроицкое-2, украшения не встречаются). Подсчет находок с могильников Масляха, Соколово, Новотроицкое-1, 2 осуществлен по материалам фондов музея Алтайского государственного педагогического университета, материалы других памятников проанализированы по данным авторов, их опубликовавших.

Широкий круг косвенных источников (изобразительные, торревтика, орнамент на керамике, масса аналогий с сопредельных территорий) позволяет проверить наши выкладки по сопоставлению элементов одежды и относящихся к ним предметных комплексов. Так, на трех бляшках из Сибирской коллекции Петра I (Артамонов, 1973. С. 145) и пряжке, опубликованной в труде Г.Ф. Миллера (1937. Рис. 24), отображены отдельные компоненты предметного комплекса одежды, описанного выше. Аналогичные сведения дает анализ стел (Кубарев, 1979. С. 20–35), представленных на территории Верхнего Приобья единственным экземпляром из Ордынского (Новосибирская область).

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении предметный комплекс позволяет подойти к 3D реконструкции одежды населения Верхнеобского региона на основе систематизированной базы источников.

Артамонов М.И., 1973. Сокровища саков. М.: Искусство. 269 с.

Бородовский А.П., Глушков И.Г., 1991. Экспериментальное исследование погребальной обрядности // Экспериментальная археология: известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. Тобольск. С. 15–23.

Головченко Н.Н., Телегин А.Н., 2014. Одежда евразийских номадов скифо-сакского времени (опыт разработки типологии и терминологического аппарата) // Вестник Тюменского гос. ун-та. № 2. С. 5–13.

Кубарев В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука. 99 с.

Миллер Г.Ф., 1937. История Сибири. М.: АН СССР. 670 с.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н., 1996. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма. 192 с.

- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. 1994. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: ВО «Наука». 184 с.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 204 с.
- Шульга П.И., 2003. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 204 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 329 с.
- Яценко С.А., 2006. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Восточная литература. 664 с.

А.В. Иванов

*Южный региональный центр археологических исследований, Краснодар
ivanov_arx@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ РАССЕЛЕНИЯ МЕОТОВ КУБАНИ (КОНЕЦ VI – НАЧАЛО III В. ДО Н.Э.)

История изучения меотской культуры насчитывает чуть менее века. Несмотря на столь внушительный срок исследований, многие вопросы остаются нерешенными. Среди них особое место занимает проблема определения ареала культуры, границ ее распространения. Этой темой много занимался И.С. Каменецкий (2000. С. 74–107; 2011. С. 201–210). Именно им была очерчена территория расселения меотов, проведены ее условные границы, обозначены «крайние, пограничные» пункты. Важно отметить, что картографирование древностей показало фактическое отсутствие границы культуры на западном направлении, что отмечал и сам исследователь. Он очень осторожно говорил о западных памятниках, что в целом не обосновательно, так как на тот момент сведений о них для уверенных выводов было недостаточно. Весьма осторожно И.С. Каменецкий подходил к синдам и другим племенам региона Анапы-Новороссийска, подчеркивая их ярко выраженное своеобразие (Каменецкий, 2000. С. 74), хотя и был убежденным сторонником того, чтобы считать их меотами (Каменецкий, 2011. С. 202). Мы уйдем от неуместной в настоящей статье полемики об этнической принадлежности указанных племен, лишь уточнив, что, по нашему глубокому убеждению (подкрепленному опытом работ на синдских поселениях и некрополях, а также на разнообразных меотских памятниках), синды¹ в результате воздействия целого комплекса факторов уже к VI в. до н.э. значительно отличались от меотов Кубани. Это в первую очередь выражается в их погребальной обрядности², которая заметно разнится с той, что характерна для могильников прикубанских меотов. Своеобразен и керамический комплекс. В нем уже на ранних этапах значительную роль начала играть импортная керамика, что в какой-то степени затормозило развитие гончарства у синдов, и на протяжении нескольких столетий форма местной посуды оставалась консервативной.

На данный момент территория, где сконцентрированы памятники, оставленные синдами, в общих чертах определена (Новичихин, 2011. С. 11–15; Сударев, 2014. С. 95). Однако все, кто занимался вопросами локализации Синдики³ и территории расселения

¹ Как известно, до недавнего времени синды были для многих исследователей археологическим «фантомом» (Горнчаровский, Иванчик, 2010. С. 219–232; Каменецкий, 2011. С. 202), реальной базы считать иначе не было. Разрозненные, разбросанные по большой территории некрополи, такие, как Рассвет, не меняли картину, хотя и считалось, что они принадлежат местному населению. Ситуация начала кардинально меняться после обнаружения и исследования целого ряда поселений, таких, как Усатова балка, Вестник и Урочище Самойленко, однозначно трактующихся как места обитания аборигенного варварского населения – синдов (Иванов, Сударев, 2014. С. 200–202; Сударев, 2014. С. 95–102).

² Синды на протяжении VI–IV вв. до н.э. хоронили своих покойников в небольших ящиках, сделанных из необработанного камня, нередко выступавших над дневной поверхностью, часто не имевших перекрытий. Реже и, в основном, в юго-восточной и южной частях региона, встречаются крупные ящики из массивных плит, зачастую под курганной насыпью.

³ Вопрос имеет богатую историю, его в разное время поднимали Ю.С. Крушкол, Н.В. Анфимов, В.П. Шилов, В.Ф. Гайдукевич, В.И. Мошинская, Л.А. Ельницкий, В.Д. Блаватский, В.А. Горнчаровский, А.И. Иванчик, А.М. Новичихин, Н.И. Сударев.

синдов, сталкивались с проблемой определения ее восточных границ. В какой-то степени это перекликается с проблемой западной границы меотской культуры, а если рассматривать ситуацию шире – и с проблемами, связанными с движением и расширением Боспорского царства на восток.

Относительно недавно в современных Крымском и Анапском районах Краснодарского края начались крупномасштабные работы, которые позволяют более детально рассмотреть обозначенные выше проблемы. Следует подчеркнуть, что ни разведками, ни раскопками к востоку от гор не выявлен ни один могильник с каменными конструкциями, которые характеризуют приморское население региона. Наоборот, к западу от гор не засвидетельствовано присутствие носителей меотской археологической культуры¹. Анализ материалов раскопок предшественников и наши работы показали, что крайней западной территорией расселения меотов является условный треугольник между Кавказскими горами на западе, р. Кубань на севере и р. Адагум на востоке. Здесь известна крупная группа памятников в г. Крымске, западнее находятся поселения Виноградное и Красное, еще западнее – могильник Фурожан. Крайней западной точкой, где зафиксированы меотские памятники, следует считать район р. Псиф (Иванов, 2011а. С. 63–67), по ее берегам расположены поселения Посегун и Псиф-3. Западнее этого рубежа меотские памятники пока не выявлены.

В основном перечисленные выше поселения датируются V–IV вв. до н.э. Более ранние материалы – конца VI в. до н.э. – обнаружены лишь на поселении Красное, а на поселении Виноградный и в составе поминального комплекса могильника Фурожан встречены материалы начала – первой половины III в. до н.э.

Подводя итог, отметим, что заселение рассматриваемого региона меотами началось в конце VI в. до н.э., и процесс этот стоит связывать с миграцией скифов, их оттоком с Кубани. По нашему убеждению, именно скифы явились причиной запустения данной территории на протяжении большей части VI в. до н.э.² На рубеже VI–V вв. до н.э. здесь появляются первые меотские поселения. Сейчас трудно сказать, из какого региона Кубани появились переселенцы, но они принесли с собой все атрибуты меотской культуры. В связи с тем, что на поселениях отсутствуют фортификационные сооружения, а в слоях нет следов, которые можно связать с военными разгромами, остается заключить, что оседлое население на обозначенной территории на протяжении V и в первой половине IV в. до н.э. вело мирный образ жизни, и агрессии не подвергалось. Однако во второй половине IV в. до н.э. в этом регионе, на стратегически важном участке между горами и рекой Кубанью, греками было основано Краснобатареинное городище, которое фактически являлось восточным форпостом Боспора (Захаров, 1937; Анфимов, 1948; Каменецкий, 2001; Малышев и др., 2008; Шевченко, 2009). Одновременно меотские поселения на р. Псиф, а затем и все другие прекращают свое существование (Иванов, 2011б. С. 279–281). Продвижение Боспорского царства на восток привело к тому, что в начале III в. до н.э. меоты покинули рассматриваемый регион, и вплоть до времени Митридата здешние земли вновь опустели.

Анфимов Н.В., 1948. Городище восточной окраины Боспорского государства // Историко-археологический сборник. М. С. 136–141.

Захаров Н.А., 1937. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатареинное городище // СА. II. М.–Л. С. 229–230.

Иванов А.В., 2011а. О двух меотских поселениях у границ Азиатского Боспора // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир, Краснодар, Москва. С. 63–67.

Иванов А.В., 2011б. О восточной границе Боспорского царства // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб. С. 279–282.

¹ На сегодняшний день правомерным выглядит предположение, что естественной границей между синдами и племенами прикубанских меотов были горы, которые своей северо-западной оконечностью практически примыкают к широкой пойме нижней Кубани. К западу и юго-западу от гор расположены памятники, которые мы связываем с синдами, к востоку – с меотами.

² Напомним, что в данном регионе наблюдается лакуна более века между протомеотскими и меотскими памятниками.

- Иванов А.В., Сударев Н.И., 2014. О двух моделях колонизации Азиатского Боспора // Боспорские чтения. Вып. 15. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь. С. 197–204.
- Каменецкий И.С., 2000. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар. 238 с.
- Каменецкий И.С. 2001. У границ Азиатского Боспора // МИАК. Вып. 1. Краснодар. С. 4–31.
- Каменецкий И.С., 2011. История изучения меотов. М. 384 с.
- Мальшев А.А., Гольева А.Н., Новичихин А.М., 2008. Новое в изучении периферийных районов Азиатского Боспора // КСИА. Вып. 222. С. 62–76.
- Новичихин А.М., 2011. Границы Синдики // Былые годы. Черноморский исторический журнал. № 3 (21). С. 11–15.
- Сударев Н.И., 2014. Греки и Варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова. СПб. С. 95–102.
- Шевченко Н.Ф., 2009. Краснобатареиное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 434–438.

Е.П. Капустина

*Институт археологии РАН, Москва
kapustina07@yandex.ru*

БОСПОРСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ С РУЧКАМИ В ВИДЕ ПТИЦЫ: ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИИ

Специфика полиэтничного пространства Боспора первых веков н.э. породила известный и разносторонне изучаемый культурный феномен, находящий свои отражения практически во всех областях материальной культуры. Так, и среди керамической посуды обнаруживаются изделия, бытовавшие в античной городской среде, но прочно ассоциируемые с влиянием сармато-меотского культурного ареала. Среди материала I–IV вв. особо выделяется группа сосудов с зооморфными ручками.

Среди звериных образов отдельную группу составляют изображения птиц. Их своеобразие обусловлено уже тем, что фигурка птицы не может повторить единую иконографическую схему всех остальных – четвероногих – существ, в которой верхний и нижний прилепы ручки становились лапами, а средняя часть повторяла изгиб туловища. Изготовление ручки-птицы без потери узнаваемости образа и функциональности представляло собой нетипичную задачу, и способы ее решения породили примечательную вариативность таких изделий.

Известные нам ручки (7 шт., ок. 4% всех боспорских зооморфных ручек) происходят из Фанагории и городов Европейского Боспора. Предложенные для них датировки находятся в широком диапазоне с I по IV в.

Типологически можно выделить два варианта размещения частей тела птицы на ручке:

1. Нижний прилеп обозначает ноги птицы, верхний – голову, упирающуюся клювом в венец сосуда. Иногда клюв «прячется» под отогнутый венчик, иногда возвышается над ним.

2. Нижний прилеп – ноги, верхний же играет исключительно техническую роль, соединяя грудь птицы с плечиком сосуда и не обозначая никакой части тела. Голова птицы при этом не соединена с сосудом и часто значительно возвышается над венцом.

Малочисленность материала пока не позволяет выявить явные причины различий между вариантами – ни хронологические (ручки обоих вариантов встречены на протяжении всего обозначенного периода), ни технологические (в обеих сериях есть и лепные, и круговые сосуды), ни «художественно-стилистические» (в обеих сериях встречены и детализированные изображения, и схематичные, в которых фигурка птицы редуцирована до силуэта клюва и пары налепов-глаз).

К видовым изобразительным признакам ручек-птиц относятся помимо общей формы

короткий острый хвост, крылья, сформованные из средней части ручки в виде сплющенного ромба, и – иногда это наш единственный иконографический ориентир – заостренный, круто изогнутый книзу клюв. Последний признак позволяет говорить о том, что все фигурки изображают птиц-хищников с характерной формой мощного клюва, отсылая к стилистике исполнения хищной птицы в сарматском полихромном зверином стиле.

Среди произведений сарматского звериного стиля образы птиц нередки, и также выделяется серия сосудов с ручками-птицами (Шилов, 1974. С. 67–70; Гущина, Засецкая, 1994. С. 60. Табл. 31: 293, 298. С. 48. Табл. 12: 114).

Культурное соотнесение керамических и драгоценных металлических сосудов с зооморфными ручками, синхронно бытующих в I в. н.э., прочно закреплено в научном обиходе (Засецкая, 2011. С. 166.) Однако внимательный взгляд на исполнение обеих серий выявляет их иконографическую неоднородность (в отличие от пар иных, четвероногих, животных). Все металлические птицы соединяются с сосудами только в одной «технологической точке» – в основании ног, которое крепится к стенке или краю сосуда. При этом головы птиц возвышаются над краем сосуда. Данная черта сближает металлические образцы с описанным выше вторым иконографическим вариантом. Однако, отмечая это сходство, подчеркнем, что ввиду малочисленности обеих серий более широкие выводы о некоей общности или более прямом наследовании ювелирной изобразительной традиции вторым вариантом пока видятся малоосновательными. Широкий диапазон дат керамического материала также не позволяет дифференцировать время бытования двух вариантов, тем самым давая основание к ассоциации одного из них с заимствованием из ювелирного искусства, а второго – лишь с ее продолжением и развитием.

Пока мы можем лишь утверждать, что гончары не отходили от рутинной керамической практики и приспособливали фигурки птиц к традиционным формам. Если и существовала не только культурная, но и иконографическая преемственность с ювелирными образцами, она не была столь же жесткой, как в случае с набором четвероногих образов, претерпев изменения как в силу технологических и эргономических требований (повышение прочности крепления, удобство захвата), так и в связи с вхождением в новое поле устойчивых традиций (ручка как замкнутая дуга).

Ручки-птицы как со схожими иконографическими чертами большей или меньшей степени реалистичности, так и выполненные в иной манере, встречаются на смежных с Боспором территориях и в античное, и в раннесредневековое время (см. напр.: Абрамова, 1969. С. 81. Кругликова, 1954. С. 90. Кастанаян, 1951. С. 249. Малашев, 2001. С. 79. Рис. 10: 7).

Абрамова М.П., 1969. О керамике с зооморфными ручками // СА. № 2. С. 69–84.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.

Засецкая И.П., 2011. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 328 с.

Кастанаян Е.Г., 1951. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных // СА. XV. С. 247–255.

Кругликова И.Т., 1954. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / Отв. ред. М.М. Кобылина. М.-Л.: АН СССР. С. 78–113. (МИА. № 33.)

Малашев В.Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. 149 с.

Шилов В.П., 1974. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 138. С. 67–70.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ТУВЫ¹

Вопрос о принадлежности найденных на территории республики Тува памятников скифского времени одной или нескольким культурам был затронут тем или иным образом во многих исследованиях. Часть археологов придерживалась точки зрения о существовании здесь в скифское время единой культуры, рассматривая имеющиеся между памятниками различия как свидетельства ее поэтапного развития (Вайнштейн, 1955; 1966; Кызласов, 1958; 1979; Маннай-оол, 1970; Мандельштам, 1992). В соответствии с другой точкой зрения (Грач, 1980; Савинов, 2002), в середине I тыс. до н.э. в Туве произошла смена населения и, следовательно, археологических культур, прямая эволюционная связь между которыми отсутствует. Однако вопрос о соотношении памятников скифского времени в Туве никогда не рассматривался отдельно, в отрыве от других исследовательских задач.

Обратившись к этой проблеме, мы в качестве исходного выбрали наиболее популярное в настоящее время в научной литературе мнение о принадлежности изучаемых памятников двум культурам: алды-бельской и уюкско-саглынской. В ходе работы 541 захоронение было проанализировано по 16 признакам погребального обряда, рассмотрены и сопоставлены происходящие из них предметные комплексы. В результате сделаны следующие выводы.

Расхождения в уюкско-саглынской и алды-бельской похоронных традициях явно указывают на принадлежность их к разным культурам. Эти различия касаются всей структуры погребального комплекса: внешнего сооружения и территории вокруг него (появление ритуальных выкладок в уюкско-саглынской культуре), типа внутримогильного сооружения и оформления его внутреннего пространства, количества погребенных и комплектности полагающегося им посмертного инвентаря. Несходство носителей этих двух культур в их представлениях о процессе перехода в иной мир (или о посмертном существовании в нем) отразилось также в появлении в ритуальной практике уюкско-саглынской культуры обычая помещать с покойным керамические изделия, мясную пищу (в могилах этого времени находят кости барана, лошади, коровы, козули, марала, собаки), а также проводить связанные с огнем ритуальные действия.

Сходства, наблюдаемые в погребальной практике рассматриваемых культур, неоднозначны и могут быть объяснены разными причинами. Сохранение в составе уюкско-саглынской культуры части алды-бельского населения с присущими ему особенностями погребальных традиций можно проследить по наличию в некоторых ее памятниках отдельных детских захоронений, одиночных могил и каменных ящиков, характерных для предшествующего времени. Другие сходные признаки, такие, как форма и ориентировка могильных ям, поза и ориентировка погребенных, по нашему мнению, являлись общими изначально и могли быть связаны с наличием у данных культур одного источника формирования, существовавшего в предшествующее для них обеих время.

Предметные комплексы алды-бельской и уюкско-саглынской культур существенно отличаются друг от друга. Несмотря на то, что категориальный набор полагававшихся взрослому человеку посмертно вещей остается почти таким же, в уюкско-саглынское время изменяются практически все типы погребального инвентаря, а сами вещи становятся более унифицированными. К уже существовавшим в алды-бельской культуре

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н.э.)», финансируемой за счет бюджетных средств СПбГУ (Тем. М2, ИАС 2.38.525.2013).

предметам добавляются новые, такие, как поясные крючки и курильницы, маркирующие изменения в устройстве портупейной системы и ритуальной практике. Предметы погребального инвентаря в уюкско-саглыньских курганах, которые можно было бы соотнести с алды-бельской культурой и таким образом подтвердить предполагаемый факт их сосуществования, немногочисленны и представлены, в основном, украшениями и зеркалами.

Географическим местом, где происходили первоначальные контакты носителей двух культур, мог являться район Саяно-Шушенского водохранилища, поскольку именно здесь открыто большинство алды-бельских памятников с уюкско-саглыньскими чертами. Возможно, именно в результате этого межкультурного взаимодействия появилась и расположенная на северо-востоке Тувы уюкская группа памятников уюкско-саглыньской культуры, характеризующаяся, в свою очередь, наличием в курганах алды-бельских черт.

Вайнштейн С.И., 1955. Памятники скифского времени в Западной Туве (по материалам полевых исследований 1954 г.) // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. III. Кызыл. С. 78–102.

Вайнштейн С.И., 1966. Памятники казылганской культуры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. ТКАЭН. Т. II / Отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука. С.143–184.

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука. 256 с.

Кызласов Л.Р., 1958. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник МГУ. Серия истор.-филолог. № 4. М. С. 89–98.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува (от палеолита до IX в.) М.: МГУ. 208 с.

Мандельштам А.М., 1992. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. С. 178–204. (Археология СССР)

Маннай-оол М.Х., 1970. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука. 122 с.

Савинов Д.Г., 2002. Ранние кочевники верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.: Изд-во СПбГУ. 204 с.

Э.В. Мамедов

*Национальный музей истории Азербайджана, Баку
emint82@mail.ru*

О МЕСТЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ АНТИЧНОГО ГОРОДА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ САМУНИСА (МИНГЕЧАУРА)

Важное место в социально-экономической, политической и культурно-идеологической истории Азербайджана занимают его древние и средневековые города. Цель настоящей работы – изучение Самуниса, одного из античных городов Кавказской Албании, на основании археологических данных.

Древний Самунис находился в Самухском районе Азербайджана, недалеко от современного города Мингечаура, к северу от него, за хребтом Боздага, где простиралась Самухская долина, в которой он и был локализован. Населенный пункт Самунис был расположен на двух берегах р. Куры. Верхние слои памятника датируются с VII в. до н.э. по I–II вв. н.э. (Казиев, 1960. С. 9–27). В I–II вв. н.э. экономическое и культурное развитие населения правого берега р. Куры оказывало воздействие и на ход развития левобережья. Об этом свидетельствуют археологические предметы, выявленные в кувшинных и других погребениях на обоих берегах р. Куры.

В настоящее время Самунис затоплен вследствие строительства Мингечаурской гидроэлектростанции и формирования самого большого искусственного рыбохозяйственного водоема Азербайджана – Мингечаурского водохранилища (Велиев, 1983. С. 122). Город Самунис был расположен с южной стороны у основания Боздага, по правому берегу р. Куры к нему подходят окраины Карабахской, а по левому – Ширванской степей (Асланов и др., 1959. С. 9).

В античную эпоху Самунис являлся одним из крупных торговых узлов, расположенных на пересечении водных и караванных путей. По предположению ряда исследователей, в древности через Самунис проходил один из маршрутов Великого шелкового пути, связующего звена между Западом и Востоком. До сих пор на этой территории сохранились следы древних дорог и остатки разрушенных мостов (Казиев, 1949. С. 10).

Сведения об истории Самуниса как одного из населенных пунктов Кавказской Албании в древних письменных источниках очень скудны. Впервые о существовании этого города упоминает древнегреческий географ-топограф Клавдий Птолемей (I–II вв. н.э.). Он перечисляет 29 известных ему античных городов и поселений Кавказской Албании, в числе которых – Самунис как один из наиболее развитых к тому времени центров. В 1846 г. Л.В. Яновский впервые предпринял попытку расшифровать карту, составленную Птолемеем. Анализируя города Кавказской Албании, указанные на этой карте, Л.В. Яновский расположил античный Самунис непосредственно в зоне современного города Мингечаура. В последующие годы исследования, проводимые К.В. Тревер (1959. С. 25–27), Дж.А. Халиловым (1985. С. 174), И.А. Бабаевым (1990. С. 21, 22) и Г.О. Гошгарлы (2012. С. 157), в целом подтвердили достоверность выводов Л.В. Яновского.

В середине XIX в. на одном из пленарных заседаний Кавказской археографической комиссии археолог Берк огласил справку, представлявшую собой краткий археологический обзор Кавказа (Научный архив Национального музея истории Азербайджана. Инв. № 165. С. 1). В ней, однако, были допущены исторические неточности, так как территория Кавказа, в частности Мингечаура, была плохо изучена. Первые и далеко не полные сведения об археологических памятниках, обнаруженных в зоне Мингечаура, появились в научной литературе после краткого сообщения председателя Кавказского археологического комитета А.П. Берже на II Археологическом съезде в Санкт-Петербурге в 1871 г. (Асланов и др., 1959. С. 6). В этом сообщении Мингечаур был отмечен как местонахождение свайных построек. К сожалению, выводы А.П. Берже основывались на данных Ф.С. Байерна, лишь бегло обследовавшего район Мингечаура. По сообщению И.Л. Сегалья, территория древней Албании занимала всю Прикуринскую область и прилегающие к ней предгорья Большого Кавказа от границ Грузии и Армении, а на юго-востоке – по течению Куры до Каспийского моря (Сегаль, 1902. С. 24). Затем, на протяжении почти 60-ти лет, археологические исследования на территории Мингечаура не проводились. Они возобновились с конца первой половины 30-х годов XX в. Особенно интенсивные работы осуществлялись здесь в послевоенный период в связи со строительством одной из крупнейших на Кавказе ГЭС.

В результате масштабных строительных работ в зоне археологического комплекса Мингечаура, проведенных в период с 1946 по 1954 г., на территории древнего Самуниса было обнаружено огромное количество археологических памятников. Наиболее ранние из них относятся к концу эпохи энеолита, более поздние – к развитому средневековью.

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959. Древний Мингечаур: эпоха энеолита и бронзы. Баку. 190 с.

Бабаев И.А., 1990. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку.

Велиев С.С. 1983. Древний, древний Азербайджан. Баку.

Гошгарлы Г.О., 2012. Албанский город Самунис и его некрополь // Antik və orta əsr Azərbaycan şəhərləri: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı. Beynəlxalq elmi konfransın materialları. Bakı.

Казиев С.М., 1949. Материальная культура Азербайджана. Т. 1. Баку.

Казиев С.М., 1960. Альбом кувшинных погребений. Баку.

Сегаль И.Л., 1902. Елисаветпольская губерния. Впечатления и воспоминания. Тифлис. С. 24.

Тревер К.В., 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л.

Халилов Дж.А., 1985. Материальная культура Кавказской Албании. Баку.

ФРАКИЙСКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БОЛГАРИИ: КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ

Языческие святилища являются особой группой археологических памятников, которую можно охарактеризовать как совокупность сооружений или предметов, относящихся к религиозной или ритуально-погребальной практике. Исследование подобных объектов затрагивает целый ряд вопросов, связанных с их интерпретацией. По этой причине в археологии проводились попытки классифицировать культовые сооружения в рамках определенной культуры. В отечественных публикациях, посвященных славянским культовым комплексам, предлагались типология ритуальных памятников (Русанова, Тимошук, 2007. С. 25); систематизация святилищ и формализация их признаков (Свирин, 2006. С. 40–57); типология отдельных элементов – жертвенников (Молотилов, 2013. С. 241). При этом исследователями подчеркивается открытость классификаций для объектов разного культурного происхождения. В болгарской историографии научная традиция классификаций объектов выражена слабо (Русева, 2000. С. 126), основное внимание уделяется описанию и интерпретации отдельных памятников.

Предпринята попытка систематизировать фракийские святилища II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на основе анализа археологических признаков болгарских памятников и классификаций, предложенных для славянских комплексов. Опыт оказался возможным по ряду причин: во-первых, культовые постройки представляют собой особый тип сооружений с особым набором признаков в любой культуре, во-вторых, анализ античных святилищ Болгарии и сравнение со славянскими памятниками показали схожесть их в ряде аспектов.

Выбранные для изучения объекты различны по роли в ритуальной культуре фракийского населения. Это раннее мегалитическое святилище Глухите Камъни (Нехризов, 2011. С. 46–51); священный город Перперикон (Овчаров, 2005. С. 43–51); ритуальные гробницы Шушманец и Голяма Арсеналка (Китов, 2003. С. 13–29). Выделение единых признаков данных объектов, однако, позволяет изучать их в рамках одной системы и признакового пространства.

На основе выборки и анализа 21 святилища и систематизации полученных данных сформирована открытая 3-уровневая классификация признаков, структура которой выглядит следующим образом.

1. Место расположения: 1) ландшафт: а) возвышенность, б) равнина, в) водоем; 2) расположение: а) изолированность, б) наличие городища, в) наличие селища, г) наличие погребений (вблизи объекта).

2. Форма проявления: 1) геометрическая форма: а) округлость, б) прямоугольник, в) несколько геометрических форм, г) неопределенная форма; 2) вид памятника: а) крытый храм, б) открытый храм, в) открытая площадка, г) неопределенная форма, д) в составе погребения; 3) материал: а) необработанный камень, б) блоки или кирпич, г) комплекс материалов.

3. Конструкция: 1) структура: а) простая (1–3 элемента), б) сложная; 2) сооружения: а) предмет поклонения, б) кострище, в) площадка, г) лестница, д) помещения/постройки; 3) жертвенники: а) яма/ниша, б) площадка, в) простой алтарь, г) сложный алтарь, д) очаг; 4) ограждение: а) ров, б) вал, г) каменное ограждение, д) невыраженная граница.

4. Находки: 1) предметы: а) посуда, б) оружие, в) фигурки/рельефы, г) драгоценности и монеты; 2) жертвы: а) кости, б) обожженные предметы.

5. Значение: 1) размер: а) крупный комплекс, б) большое святилище, в) небольшое святилище; 2) время функционирования: а) кратковременное, б) долговременное; 3) использование: а) ритуальный комплекс, б) жертвенник, в) сакрально-погребальный памятник.

Применение данной классификации демонстрирует правомерное отнесение каждого из объектов к единой признаковой системе, сформированной на основе общих для язычества принципов. Полученные же результаты классификации элементов позволяют исследовать количественные показатели по всем отмеченным памятникам в форме суммарной характеристики на основе повторяемости отдельных признаков.

Наиболее распространенными признаками являются: изолированность (67%); нахождение вблизи водоема (81%), городища (71%) и погребений (81%); обработанный камень как материал строительства (62%); сложная структура памятника (71%), включающая все типы сооружений и жертвенников, самые частые среди которых – помещения и дополнительные неритуальные постройки (81%), ритуальные площадки (76%), жертвенные ямы/ниши (71%). Ограждение у 17 из 21 объекта каменное. Самый частый тип святилища по значению – долговременный (95%) ритуальный комплекс (67%).

Редко встречены такие признаки, как округлость; форма открытого храма или площадки; использование объекта как жертвенника – по 14% всех комплексов. Только у двух памятников выявлены ров и вал как ограждение (Плиска и Балчик), а кратковременное использование – только у святилища Мадара (Овчаров, 1997. С. 38–60, 101–107). Из находок редко встречается только оружие, выявленное в гробнице Шушманец (Китов, 2003. С. 13–29). Особенными же в плане конструкции можно признать два объекта: святилище Кабиле, где отсутствует жертвенник (Стоев, Върбанова, 1994. С. 430) и обособленный жертвенник в Перпериконе, где не отмечены другие типы усложняющих сооружений (Овчаров, 2005. С. 43–51).

В итоге работы, проделанной по классификации признаков фракийских культовых комплексов и их суммарной характеристике, прослежена системность в ритуальной традиции населения. Также созданная классификация делает возможным сравнение фракийских святилищ с памятниками других культур и периодов, например, более поздними славянскими ритуальными комплексами.

Китов Г., 2003. Долината на тракийските владетели // Археология. София. № 1. С. 13–29.

Молотилов Л.Б., 2013. Проблемы определения и интерпретации славянского жертвенника VIII – XIII вв. в отечественной историографии // Актуальные проблемы исторической науки в трудах молодых исследователей. Тверь. С. 239–246.

Нехризов Г., 2011. Ласът на скалата или какво разказват «Глухите камъни» // Сп. Оренда. София. Бр. 4. С. 46–51.

Овчаров Д., 1997. Прабългарската религия: произход и същност. София: Проф. Дринов. 183 с.

Овчаров Н., 2005. Хроника на Свещения град Перперикон. София: Български бестселър. 82 с.

Русанова И.П., Тимошук Б.А., 2007. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога-100. 304 с.

Русева М. 2000. Тракийската культова архитектура. Ямбол: Я. 201 с.

Свирин К.М., 2006. Языческие святилища лесной полосы Восточной Европы VI–XIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ. 247 с.

Стоев А., Върбанова Ю., 1994. Археоастрономическо проучване на тракийското скално светилище «Зайчивръх» // Поселищен живот в Древна Тракия. Ямбол. С. 426–434.

Л.Х. Мустафаев

Национальный музей истории Азербайджана, Баку

Qafqaz8310@rambler.ru

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПОСТРОЙКИ НА ТЕРРИТОРИИ ШАМКИРСКО-КАРАДЖАМИРЛИНСКОГО ПАМЯТНИКА ПЕРИОДА АХЕМЕНИДОВ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ 2006–2014 ГГ.)

Начиная с 2006 г. международная Азербайджано-Германская археологическая экспедиция под руководством члена-корреспондента НАНА Ильяса Бабаева проводила раскопки на территории памятника ахеменидского периода в с. Караджамирли Шамкирского района. В результате работ здесь обнаружены остатки крупных общественных

зданий, относящихся к V–IV вв. до н.э. Несмотря на то, что эти здания расположены на расстоянии друг от друга, они составляют единый комплекс. В процессе исследований установлено, что они являются остатками самого крупного из известных на сегодня административных центров, построенного в период правления династии Ахеменидов на Южном Кавказе (Babayev et al., 2011. P. 348–353). О границах Ахеменидской империи подробные сведения имеются в написанной в V в. до н.э. «Истории» Геродота. Согласно Геродоту, в состав этой империи входила огромная территория: от Египта на западе до долины Инда на востоке, от Индийского океана и Иранского залива на юге до Большого Кавказского хребта на севере (Геродот, 1999. С. 208, 209).

Обнаруженные в с. Караджамирли другие артефакты также подтверждают факт постройки указанного памятника, сохранившего свои важные административно-управленческие функции вплоть до падения империи Ахеменидов. По композиции и стилю исследованные остатки дворцовых построек напоминают технику строительства таких древнеиранских городов, как Персеполь, Сузы и Пасаргад (Уилбер, 1977. С. 7, 37–61). Основания колонн, найденные в Идеал-тепе и Гурбан-тепе, характерны для иранского зодчества ахеменидского периода. В дворцовом комплексе, расположенном на территории Идеал-тепе и Гурбан-тепе, в очертаниях большого церемониального зала с колоннами различной формы, портика, пропилей, малых и крупных помещений прослеживаются общие особенности. В одном из рассматриваемых залов обнаружены четыре искусно выполненные основания колонн в виде колоколов. Подобные основания найдены и в других залах. Они сходны с колоннами дворца, построенного в конце VI – начале V в. до н.э. Дарием I и Ксерксом в Персеполе. Под настилом одного из близлежащих залов обнаружены четыре каменных основания колонн, отличающихся от других. Нижняя их часть состоит из двухступенчатых квадратов, а верхняя – из окружности в виде подушки. Подобную же форму имеют портик дворца и основания колонн, найденные в большом зале. Эти находки по форме сходны с основаниями колонн во дворце, построенном в VI в. до н.э. Киросом в Пасаргаде. Все это дает основания утверждать, что во времена существования империи данные территории, без сомнения, входили в состав государства Ахеменидов. У перечисленных иранских памятников можно обнаружить много схожих черт. После падения империи указанные постройки потеряли свое административное значение и подверглись разрушению (Babayev et al., 2012. P. 379–385).

В Грузии, в местности Гумбати, также обнаружены предметы, похожие на основания колонн, найденные в Азербайджане (Бабаев и др., 2009. С. 192–195). Аналогичные артефакты, выявленные на близлежащих территориях, дают основания для определенных выводов. Прежде всего, следует подчеркнуть, что местоположение археологических находок носит компактный характер и соответствует границам империи. Важно отметить также влияние ахеменидской культуры на возникновение техники строительства и формирование архитектурного стиля в данном регионе. Первый объект, выполненный в архитектурном стиле, развившемся под влиянием ахеменидской культуры, обнаружен в 1958 г. И. Наримановым на памятнике Сары-тепе в Казахском районе (1960. С. 162–164). Влияние ахеменидской культуры помимо техники строительства можно проследить в торевтике, керамических изделиях и т.д. При сравнении выявлен интересный факт: на наскальных рисунках Персеполя чаша и сосуд в виде вазы с двумя ручками в стиле керамики ахеменидского периода нашли отражение в изображениях, относящихся к лидийцам (Heidemie Kokh, 2010. P. 12–23). Именно такие сосуды найдены во время раскопок на территории нашей страны.

Тесные связи Ахеменидов с греками постепенно сказывались на развитии местной материальной культуры. В некоторых образцах керамики, обнаруженной во время раскопок, можно проследить черты греческой культуры (Бабаев и др., 2012. С. 110–121). Зафиксированный в 2014 г. в верхнем слое Ильяс-тепе сосуд типа ойнохойи свидетельствует, что посредством Ахеменидов культура античного мира влияла на материальную культуру Северного Азербайджана. Это прежде всего проявляется в гончарном ремесле. Чрезвычайно интересны и выявленные в 2014 г. в Ильяс-тепе постройки. На первый взгляд, они и по назначению, и по структуре отличаются от остальных.

- Бабаев И., Гогошидзе Ю., Кнауус Ф., 2009. Раскопки памятника ахеменидского времени вблизи селения Гараджамирли Шамкирского района Азербайджана. Первые итоги и перспективы. Международная научная конференция. Шамкир 2008. Баку. С. 192–195
- Геродот, 1999. История в девяти томах / Пер. Г.А. Стратановского М.: Ладомир. 752 С.
- Бабаев И., Гагошидзе Ю., Кнауус Ф., 2012. Некоторые итоги и перспективы раскопок дворцовых зданий середины I тысячелетия до н.э. в Гараджамирли (Азербайджан) // *Antik və orta əsr Azərbaycan şəhərləri: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı. Beynəlxalq elmi konfransın materialları.* Bakı. С. 110–121.
- Нариманов И.Г., 1960. Находки баз колонны V–IV вв. до н.э. в Азербайджане // *СА.* № 4. С. 162–164.
- Уилбер Д., 1977. Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей. М.: Наука. 101 с.
- Kokh H., 2010. Persepolis and its surroundings. Photographs by Nader Daii. Yassovoli publications. Tehran. 195 p.
- Babayev İ.A., Qaqoşidze Y., Knauss F., Balaxvantsev A., İsgəndərov E.Ə., Alışov N.Ə., Gutschke F., Gutte M., Wüsten-Leydervald G., Gentzsch C., Schöweitz J., 2012. Beynəlxalq Şəmkir-Qaracəmirli arxeoloji ekspedisiyasının çöl-tədqiqat işləri haqqında // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2011.* Bakı. S. 379–385.
- Babayev İ., Qaqoşidze Y., Knauss F., Eminli C., İsgəndərov E., Gutşke F., Alışov N., Gutte M., Stingl T., Vüsten-Liedervald Q., 2011. Qaracəmirlidə beynəlxalq arxeoloji ekspedisiyanın araşdırmalarının beşinci ilinin ümuminəticələri (Şəmkir rayonu) // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2010.* Bakı. S. 348–353.

Т.В. Олейник

*Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
dendrocopos_major@rambler.ru*

О ЧЕМ РАССКАЖУТ СТЕНЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ УСАДЬБЫ НА МАСЛЯНОЙ ГОРЕ?

На данном этапе исследования античной усадьбы, открытой в 2012 г. на Масляной горе в окрестностях Севастополя (Филиппенко, Тюрин, 2014)¹, раскрыта значительная часть южной и восточной внешних стен, а также короткие участки западной и северной стен.

На первом этапе существования усадьбы (рубеж IV/III – вторая половина/конец III в. до н.э.) появились внешние усадебные стены (толщиной 1,55 м). В течение второго периода (со второй половины/конца III до конца первой половины II в. до н.э.) двухлицевые внешние стены на отдельных участках были «продублированы» с тыльной стороны однолицевой кладкой (толщиной 0,75–1,08 м), обращенной лицевой стороной внутрь усадьбы (рис. 1), что свидетельствует том, что первоначальные наружные стены при этом сохранялись и продолжали функционировать. Суммарная толщина внешних стен первого и второго периодов достигает от 2,3 до 2,65 м, что позволяет говорить об их оборонительном характере, обусловленном наличием определенной внешней угрозы. Во второй половине III в. до н.э. на всем Гераклеийском полуострове укрепляются усадьбы (Кругликова, 1983. С. 48) и сам Херсонес – в городе появляется цитадель (Сорочан и др., 2001. С. 513–514, 529). Правда, обычно пояс утолщения пристраивается снаружи сооружений, а здесь – с внутренней стороны. Вероятно, просто не было необходимости устраивать его по всему периметру: толщина стены – 1,55 м – изначально вдвое превышала стандартную – 0,70–0,75 м. (Для сравнения: толщина куртин «Страбонова» Херсонеса колебалась от 1,6 до 2,8 м (Щеглов, 1995. С. 47), а в херсонесской цитадели толщина первой стены 20-й куртины составляет 1,55 м (Гриневич, 1927. С. 72)). Возможно, таким способом были укреплены поврежденные или потенциально уязвимые участки внешних стен, либо мы имеем дело с приемом для повышения этажности или пристройки дополнительных внутренних помещений.

¹ Автор выражает благодарность А.А. Филиппенко за предоставленную возможность публиковать материалы из проведенных им раскопок.

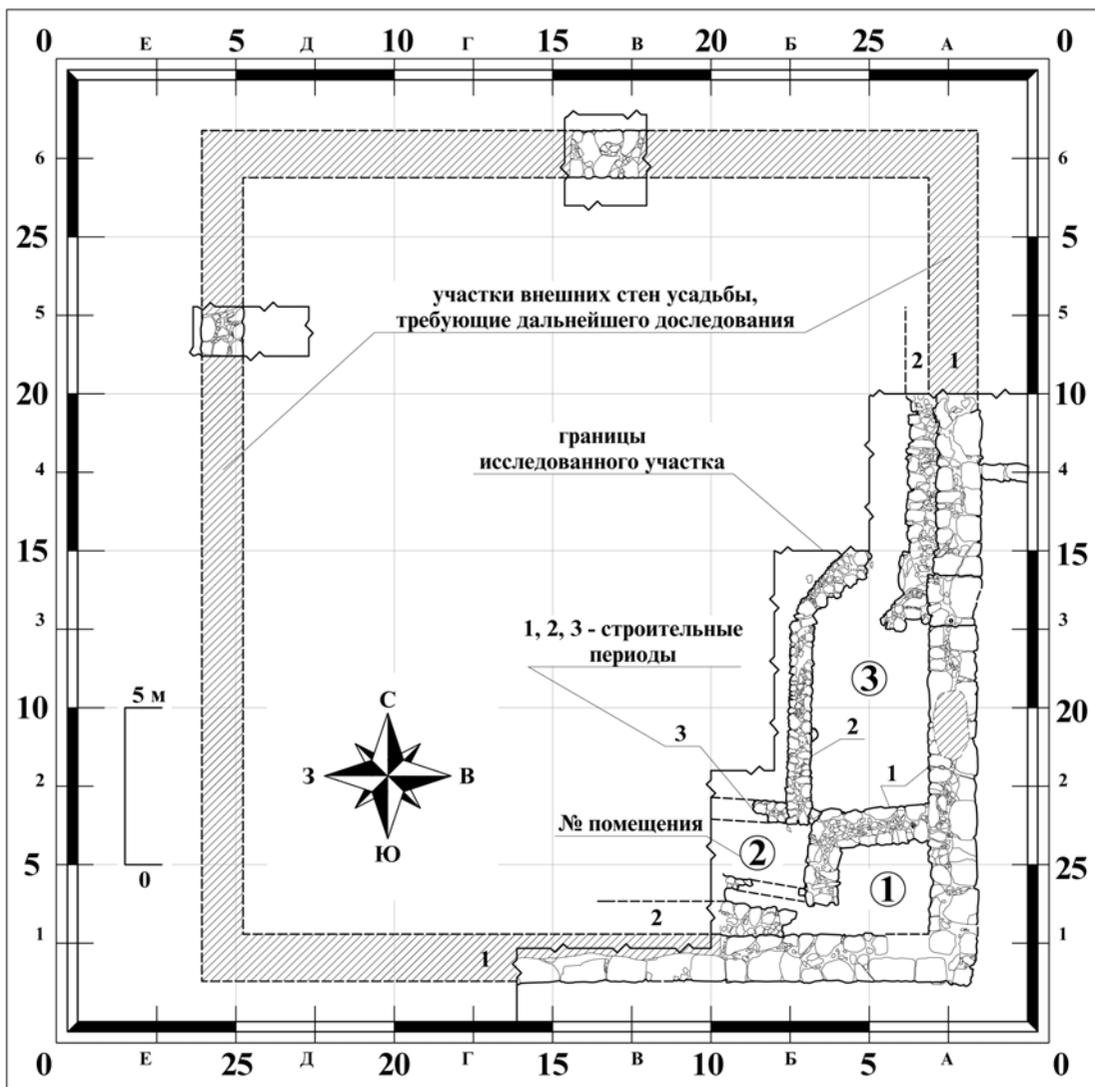


Рис. 1. Усадьба на Масляной горе. Генеральный план. 2014 г.

Приблизительные размеры усадьбы по внешнему периметру наружных ограждающих стен: 27,1–27,2 x 24,45–24,60 м. Это делает ее аналогичной изолированным усадьбам хоры Херсонеса на участке 41 в первый период существования (вторая половина IV – первая половина III в. до н.э.) размерами 27,4 x 23,7 м (Николаенко, 2001. С. 30–31) и эллинистической усадьбе на участке 221 – 27 x 24 м (Николаенко, 2001. С. 92–93). Аналогична и усадьба Большой Каstell второй половины IV в., частично перестроенная после начала III в. до н.э.: также размерами 27x 24 м (Смекалова, 2014. С. 78). Характерно, что тамошняя керамика из слоев периода гибели усадьбы (конец первой – начало второй четверти II в. до н.э.) морфологически близка здешней, также относимой ко времени гибели усадьбы (последние десятилетия II – начало I в. до н.э.) (Тюрин, 2013. С. 103; Монахов, 1999. С. 565–567. Табл. 237: 4, 5). Существуют аналоги и среди усадеб, сблокированных по квартальному принципу. Например, на городище Чайка дома-усадьбы могли колебаться в размерах (24 x 25,5–26 м) за счет разницы в толщине наружных обводных стен (Буйских, 2008. С. 150, 151).

По длине и ширине рассматриваемая усадьба также близка по типу к «городскому дому большой площади», распространенному на Херсонесском городище. Вероятно, ими была застроена большая часть города (Центральный, Северо-Восточный районы и Северный берег) (Буйских, 2008. С. 97, 106–128, 139–14). Но подобными параметрами могли быть наделены как отдельно взятые дома большой площади, так и целые кварталы, состоящие из домов малой площади (Буйских, 2008. С. 128). Оба типа домов относятся к

раннему периоду регулярной застройки в Херсонесе (не позднее третьей четверти IV в. до н.э.) (Буйских, 2008. С. 130).

Остается спорным вопрос, какие линейные меры использовались при застройке Херсонеса (Буйских, 2008. С. 97). При применении дорического фута стандарта 0,3265 м стороны усадьбы на Масляной горе равняются 75 x 83 фута (24,45–24,50 x 27,10 м). А при использовании аттико-эвбейского фута, равного 0,296 м – 83 x 92 фута (24,55–24,60 x 27,20 м). Более точное измерение сторон исследуемого памятника представится возможным только при условии продолжения раскопок.

Совпадение размеров изучаемой усадьбы со стандартными размерами других усадеб, встроенных в систему ортогональной регулярной размежевки хоры Херсонеса, говорит о том, что данный объект принадлежит этой же системе, является ее частью. Отдельно стоящий самостоятельный объект не имеет смысла привязывать к каким-либо стандартным пропорциям сторон и площади. Возможно, следует искать в окрестностях усадьбы следы размежевки и другие аналогичные объекты.

Буйских А.В., 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5. Симферополь. 424 с.

Гриневиц К.Э., 1927. Стены Херсонеса Таврического. Ч. II // Херсонесский сборник. Вып. 2. С. 5–104.

Кругликова И.Т., 1983. Херсонесская усадьба на наделе 10 // КСИА. Вып. 174. С. 43–51.

Монахов С.Ю., 1999. Греческие амфоры. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 680 с.

Николаенко Г.М., 2001. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 2. Севастополь. 164 с.

Смекалова Т.Н., 2014. Античная усадьба – экономическая и социальная единица Херсонесского государства // История и археология Северо-Западного Крыма. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс». С. 63–154.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В., 2001. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан. 828 с.

Тюрин М.И., 2013. Новые открытия в юго-западном Крыму: античное поселение на высоте 120 в нижнем течении р. Бельбек // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы II Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 103–105.

Филиппенко А.А., Тюрин М.И., 2014. Отчет о раскопках Горного отряда Севастопольской археологической экспедиции укрепленного поселения на Масляной Горе в 2013 г. НА НЗХТ. Д. № 4282/1. 44 л., 80 илл.

Щеглов А.Н., 1995. Крепостные стены «старого» Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье. Материалы методологического семинара ИИМК. СПб. С. 44–49.

И.В. Самойлова

Институт археологии РАН, Москва

iavara@yandex.ru

СТОЛИЦА БАКТРИИ (В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ И ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Столица Бактрии – один из древнейших городов мира – располагается на притоке Амударьи, Балхе, на месте современного города Балх на севере Афганистана, в 20 км к северо-западу от Мазари-Шариф и недалеко от границы с Узбекистаном. Крупные раскопки здесь не производились.

Французский археолог А. Годар писал, что Бактры – «мать городов» и родина легендарного Заратуштры (Вавилов, 1987. С. 38). Город многократно подвергался разрушению. В VII в. его разорили арабы, однако он быстро отстроился вновь, в 1221 г. Бактры были разрушены Чингисханом и почти столетие пролежали в руинах (Советская историческая энциклопедия, 1962. С. 91). В Авесте встречается первое упоминание о Бактрии (Авеста, 2008. С. 66). Бактры являлись одним из крупных религиозных центров зороастризма

(Авеста, 2008. С. 76). Зороастрийская традиция упоминает Бактрию и окрестности Бактр как место рождения Заратуштры. Древнегреческий историк Ктесий указывает, что Бактрия была страной, в которой якобы царствовал Заратуштра (Пьянков, 1993. С. 63). Также у него имеются сведения и о Бактрах (Пьянков, 1997. С. 26). Позднее Диодор, используя данные Ктесия, сообщает о походе в Бактрию царя Нина. Он указывает, что Бактры – столица и «выделяется среди всех других городов своей величиной и мощностью цитадели». Также Диодор отмечает, что Нин не смог взять Бактры штурмом, потому «что его укрепления и военные припасы были достаточны для защиты» [II, 6, 2–4].

Еврипид в трагедии «Вакханки», описывая шествие Диониса по Азии, упоминает о мощных стенах Бактр (Гафуров, Цибукидис, 1980. С. 237). Полибий сообщает, что Бактры два года выдерживали осаду селевкидского войска (Попов, 2008. С. 104). Арриан называет Бактры в числе трех крупнейших городов Бактрии. Также он сообщает о взятии массагетами небольшой бактрийской крепости [IV, 16, 4], после чего, ободренные успехом, они двинулись к Бактрам, но напасть не решились. Из этого можно сделать вывод, что город был достаточно велик и имел укрепления, а значит, сходу овладеть им было невозможно. Курций Руф упоминает о Бактрах как о столице и указывает, что город лежит у подножия Паропамиса, на реке Бактр, которая дала названия области и городу [IV, 31].

Описания X в. отмечают красоту и ширину улиц Бактр, многочисленные каналы и богатую растительность (Тревер, 1940. С. 21). Легенда о том, что Бактры – родина Заратуштры, находит подтверждение и в арабских источниках: Аль-Джаббара (X в.) сообщает, что «Зардушт, учитель магов, пришел из Балха» (Авеста, 2008. С. 71).

Северный Афганистан – место, где сходились пути, ведущие из Индии, Китая и Передней Азии. Благодаря своему географическому положению Бактры являлись важным экономическим и культурным центром.

Из истории изучения

Когда на территории Афганистана начала действовать DAFA – французская археологическая миссия, ее первый директор А. Фуше в январе 1924 г. взялся за раскопки Бактр. Не имея необходимого оборудования, рабочей силы и не владея методами проведения раскопок, он в июле 1925 г. закончил работы с неутешительным выводом, который можно охарактеризовать емким выражением: «греко-бактрийский мираж».

В 1947 г. французская археологическая делегация в Афганистане провела работы на территории древнего горда. На участках цитадели и «нижнего города», по сообщению Ж.-К. Гардена, было заложено 59 шурфов (рис. 1). Большая их часть располага-

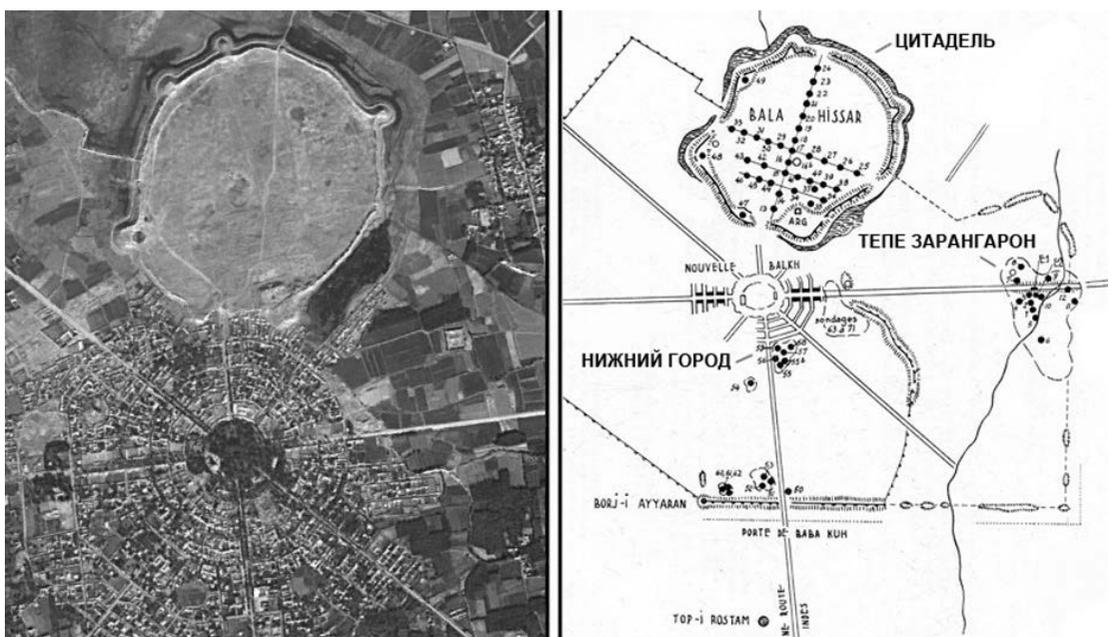


Рис. 1. Космический снимок Балха. Схема шурфовки Балха-Бактр (по: Garden, 1957. Fig.1 с дополнениями автора).

лась в цитадели, материк был достигнут только в части из них. Шурфы (зондажи) были маленькими и копались по типу колодца. Лишь два шурфа достаточной величины можно назвать раскопами (Garden, 1957. P. 116).

Д. Шлюмберже, возглавивший DAFA после Второй мировой войны, составил «стратиграфическую» колонку керамики (Garden, 1957. P. 98; Кошеленко и др., 2013. С. 43). На основании этих исследований была составлена предположительная схема развития города, древнейшей частью которого считалась цитадель. Однако археологические материалы не дали точных указаний о времени возникновения города.

В 1953 г. небольшие раскопки с разрешения DAFA провел американский археолог Р.С. Янг. Он исследовал южную городскую стену Бактр (которую хорошо видно на космических снимках), но также не смог выделить ранние этапы фортификации «нижнего города». Строительство городской стены он отнес ко II в. н.э.

Во время гражданской войны Бактры сильно пострадали от хищнических раскопок. После окончания ее основной фазы французские археологи вернулись к этому памятнику и в результате новых исследований получили ценную информацию. Впервые удалось найти слои ахеменидского и до-ахеменидского времени. Последние были обнаружены в месте смыкания цитадели и «нижнего города». На цитадели также были выявлены слои ахеменидского времени. Установлено, что основная «промышленная» зона города – тепе Зарангарон (Garden, 1957. P. 104). Найдены архитектурные фрагменты эллинистического типа (как при раскопках Ай-Ханум), но очень больших размеров, что заставляет предполагать наличие здесь настоящей монументальной архитектуры, как и положено столичному центру (Bernard et al., 2002. P. 1390–1401). Модификации подверглась схема развития города, предложенная в свое время Д. Шлюмберже и М. Ле Берром.

Французская археологическая миссия, исследуя городище Бактры, выявила, что в античное время город окружали две мощные крепостные стены. В плане Бактры представляют собой круглое городище, подобное другим, возникшим, предположительно, в ахеменидское время: Емши-тепе, Джагат-тепе и т.д. В Центральноазиатском регионе встречается довольно много круглых в плане городов (Кошеленко, Гаибов, 2013. С. 196). Известны также прямоугольные в плане города, с круглой или овальной цитаделью (Дильберджин, цитадель которого является древнейшей частью города, возникшей в ахеменидское время). Круглая планировка городов – это архитектурная традиция, появившаяся в первой половине I тыс. до н.э. и продолжающаяся в ахеменидское время. Наибольшее число подобных памятников сконцентрировано на территории Бактрии (Кошеленко, Гаибов, 2013. С. 207).

В начале 2000-х годов в горах неподалеку от Балха был обнаружен состоящий из десятков документов архив ахеменидской канцелярии на трех языках – бактрийском, греческом и арамейском. Он датирован позднеахеменидским временем и началом правления Александра Македонского. Документы свидетельствуют о ключевом положении Бактрии в системе ахеменидского государства и доказывают распространение здесь письменного делопроизводства, как в Передней Азии и материковой Греции.

Поскольку крупных раскопок в Бактрах не производилось, памятник скрывает в себе большой потенциал исследования.

Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат), 2008 / Перевод, составление Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидов, К.В. Абдуллаев СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 301 с.

Вавилов Н.И., 1987. Пять континентов М.: Мысль. 358 с.

Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И., 1980. Александр Македонский и Восток. М.: Наука. 456 с.

Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., Гаибов В.А. 1993. Археология Афганистана в дни мира и войны. М.: ИА РАН. 164 с.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., 2013. «Круглые города» Центральной Азии // КСИА. Вып. 230. С. 196–209.

Попов А.А., 2008. Греко-бактрийское царство. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 240 с.

Пьянков И.В., 1993. Ктесий о Зороастре // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душанбе. С. 55–68.

- Пьянков И.В., 1997. Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М.: Восточная литература. 343 с.
- Тревер К.В., 1940. Памятники Греко-Бактрийского искусства. М.; Л.: АН СССР. 182 с.
- Советская историческая энциклопедия, 1962. Т. II / Ред. Е.М. Жуков. М.: Советская энциклопедия. 517 с.
- Garden J.-C., 1957. Ceramiques de Bactres. Paris. (Memoires de la Delegation Archaeologique Francaise en Afghanistan. Т. XV.)
- Bernard P., Besenval R., Jarrige J.-F., 2002. Carnet de route en image d'un voyage sur les sites archeologiques de la Bactriane afghane Fasc. IV Paris. P. 146, 1385–1428.

А.М. Сеитов

*Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова
sajrim@mail.ru*

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ КОТЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ (СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН)

1. Бронзовый котел найден А.Я. Брагиным у пос. Наурзум (Аулиекольский р-н, Костанайская обл.), хранится в Костанайском областном историко-краеведческом музее (рис. 1: 1). Высота котла 27,4 см, диаметр по венчику 26,7 см. Тулово имеет полусферическую форму со слегка сужающимися к устью стенками, воронковидный поддон и две горизонтальные дуговидные ручки. На стенках котла прослеживаются следы ремонта – трещина и отверстия залиты металлом. Невысокий венчик отогнут наружу. С внешней стороны под венчиком по всему диаметру прослеживается углубленная линия шириной 0,1–0,2 см. Ниже этой линии фиксируется рельефный шов шириной 0,1 см, возможно, формовочный. Поддон высотой 8 см, диаметром по нижнему основанию 10,5 см, посередине выполнено сквозное отверстие. Две дуговидные ручки, по-видимому, были отлиты вместе с туловом, в сечении округлые, толщиной 0,8 см, длиной 2,5–3,3 см, шириной 5,1 см. Толщина стенок тулова и поддона 0,5–0,6 см.

2. Бронзовый котел найден в 1973 г. около совхоза Куйбышевский (Узынкольский р-н, Костанайская обл.), хранится в Костанайском областном историко-краеведческом музее (рис. 1, 2). Котел высотой 15 см, диаметром по венчику 14 см, по дну – 3,1 см, яйцевидной формы с уплощенным дном, двумя припаянными вертикальными ручками. Артефакт деформирован, слегка сплюснут, и имеет сильные повреждения в виде трещин. Венчик слегка отогнут. В верхней части тулова выполнен рельефный шов шириной 0,1 см, опоясывающий котел. Ниже по всему диаметру тулова расположен валик шириной 0,2 см, имитирующий веревочку. Толщина венчика 0,6 см, стенок – 0,2 см. Ручки припаяны по краю венчика вертикально, высотой и шириной 5,6 см, овальные в сечении, толщиной 0,9 × 1,1 см.

3. Детали котла, найденные в Костанайской области (точное место неизвестно), хранятся в фондах Лаборатории археологических исследований (Рис. 1: 3–5). Фрагменты одного изделия в количестве 9 экземпляров. Деталь от верхней части котла с ручкой длиной 36,3 см, высотой 18,4 см (рис. 1, 3). Вертикальная дуговидная ручка с одним выступом, по-видимому, была отлита вместе с котлом, высотой 6,6 см, шириной 9,7 см, овальная в сечении, толщиной 1,5 × 1,9 см. Ниже верхнего края венчика фиксируются два валика, один шириной 0,3 см, другой – 0,5 см, имитирующие веревочку. Толщина стенки 0,4–0,5 см.

Другой фрагмент верхней части котла длиной 20,8 см, высотой 14,4 см (рис. 1: 4) имеет три валика в виде веревочки. Венчик слегка отогнут наружу, толщиной 0,7–0,9 см.

Деталь дна длиной 26,6 см, шириной 11,8 см, толщиной 0,5–0,6 см (рис. 1: 5). В нижней части изделия (в месте перехода тулова в поддон) фиксируется дуговидный выступ высотой 2,1 см, толщиной 2,5 см. По-видимому, изначально он имел кольцевидную форму и обрамлял поддон.

Наурзумский котел имеет сходство с сакскими экземплярами V–III вв. до н.э. из Семиречья и Тянь-Шаня. Рассматриваемую находку по морфологическим признакам

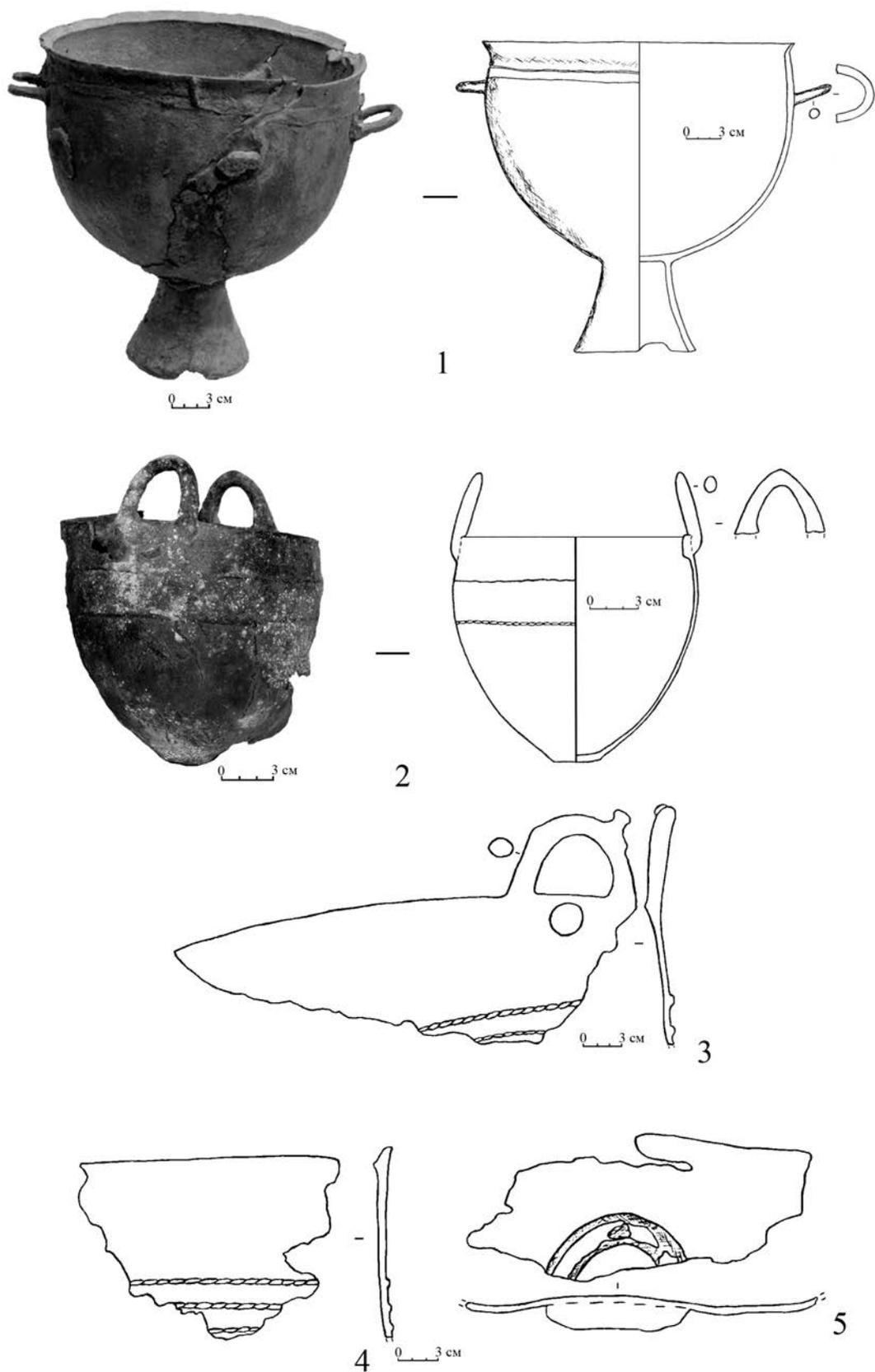


Рис. 1. Бронзовые котлы Костанайской области сако-сарматского времени.

1 – пос. Наурзум, Аулиекольский р-н; 2 – совх. Куйбышевский, Узынкольский р-н; 3–5 – фрагменты котла из Костанайской области.

можно отнести к типу VI.9.A. (по типологии С.В. Демиденко). Подобные котлы также известны в надежно датированных погребениях последних веков до н.э. Заволжья, Северного Прикаспия и Средней Азии. Наурзумскому экземпляру морфологически наиболее близок котел из сарматского погребения 3 кургана 4 могильника Майеровский III (Волгоградское Заволжье), датированного концом II – I в. до н.э. или I в. до н.э. (Спаская, 1958. С. 178–193; Агапова, Кадырбаев, 1979. С. 104; Демиденко, 2008. С. 20; Демиденко С.В., Демиденко Ю.В., 2012. С. 87. Рис. 2, 3).

Котел, найденный у совхоза Куйбышевский, можно сопоставить с серией сарматских сосудов VIII типа (по типологии С.В. Демиденко), найденных в Поволжье, Подонье, Северном Кавказе, Южном Приуралье и Северо-Западном Казахстане. Необходимо отметить, что близкие по форме экземпляры известны в Южной Сибири и Центральной Азии. Котлы данного типа датируются разным временем: от III–II вв. до н.э. до II–III вв. н.э. (Демиденко, 2008. Рис. 9; Максимов, 1966. С. 51–57. Рис. 1, 2; Боковенко, 1977. С. 231–234. Рис. 3).

Сочетание таких признаков, как вертикальная ручка с одним выступом и рельефные валики в виде веревочки, характерно для котлов «савромато-сарматского» времени (Демиденко, 2000; 2008. Рис. 7; 8).

Таким образом, рассмотренные бронзовые котлы можно отнести к кругу сакских, «савромато-сарматских» и сарматских древностей от раннего железного века до позднесарматского времени.

Агапов П., Кадырбаев М., 1979. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын. 252 с.

Боковенко Н.А., 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. № 4. С. 228–235.

Демиденко С.В., 2000. Бронзовые котлы раннего железного века как источник по истории и культуре древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 27 с.

Демиденко С.В., 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М.: ЛКИ. 303 с.

Демиденко С.В., Демиденко Ю.В., 2012. К вопросу о связях Заволжья, Северного Прикаспия и Средней Азии в последние века до н.э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. М.: Труды ГИМ. Вып. 191. С. 79–89.

Максимов Е.К., 1966. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. № 1. С. 51–60.

Спаская Е.Ю., 1958. Находки медных котлов ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института им. Абая. Серия общественно-политическая. Т. XV (3). № 2. Алма-Ата. С. 178–193.

Р.В. Тихонов

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
478042316789@mail.ru*

«ВАРВАРСКОЕ» ПОДРАЖАНИЕ МОНЕТЕ ГЕЛИОКЛА С ГОРОДИЩА ДАБИЛЬКУРГАН В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ¹

Осенью 2014 г. сотрудники кафедры всеобщей истории и религиоведения ЕГУ им. И.А. Бунина продолжили археологическое исследование городища Дабилькурган, расположенного в Пашхурдской котловине Южного Узбекистана (Соловьев, 2013. С. 33–82; Тихонов, 2013. С. 83–118). Автор проводил вскрытие нижних культурных слоев на раскопе V. На глубине 3,30 м от дневной поверхности удалось зафиксировать остатки стены помещения. Она была сложена из сероглиняного сырцового квадратного кирпича формата 35×35×12 см.

С целью дальнейшего выяснения стратиграфии памятника к югу от стены была заложена траншея (4,35×1,40 м). На глубину до 50 см прослежен достаточно однородный культурный слой с многочисленными включениями фрагментов керамических сосудов,

¹ Работы на памятнике проводились при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-18001е «Археологическое изучение поселения Дабилькурган в Северной Бактрии».



Рис. 1. Печать с городища Дабилькурган в Северной Бактрии.

алебастра, зернотерок ладьевидной формы, угольков, а также костей животных. Кроме того, обнаружены ткацкие пряслица из мраморовидного известняка, необожженной и слабообожженной глины. В слое найдена «варварская» монета Гелиокла. На ее лицевой стороне помещено изображение правителя в диадеме вправо, на оборотной – фигура стоящего Зевса и соответствующая легенда (вес – 13,73 г, размеры – 30,8×30,4 мм, оси – XII ч).

Анализ археологического материала, полученного из траншеи, позволяет датировать монету в пределах конца II – первой половины III в. н.э. Именно для данного хронологического периода характерны постройками из квадратного сырца аналогичного размера (Литвинский, Седов, 1983. С. 13; Пугаченкова, 1979. С. 72, 73).

«Варварские» подражания монетам Гелиокла получили достаточно широкое распространение в Бактрии. Наиболее часто они встречаются на поселениях, расположенных в Сурхандарьинской, Кафирниганской и частично Вахшской долинах (Горин, 2014. Прил. 1). Рассматриваемую находку, однако, воспринимать в качестве монеты не совсем верно, поскольку на ее лицевой стороне было припаяно ушко. Данный факт свидетельствует о том, что она применялась в качестве печати.

В позднекушанское время известны случаи использования монет не по прямому назначению. Они могли быть составной частью женского украшения, амулета (Лунева, 2001. С. 113).

Сфрагистика позднекушанской Бактрии достаточно хорошо известна, несмотря на отсутствие специальных работ. Печати, как правило, изготавливались из различных пород камня. Наибольшее распространение получили так называемые геммы-инталии (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 115; Пидаев, 2013. С. 57–65). Известны и глиняные печати (Пугаченкова, 1978. С. 141). В качестве печатей использовались также и определенные виды перстней, найденные в историко-культурных областях Средней Азии и сопредельных странах (Распопова, 1980. С. 116).

Приведенные выше (отнюдь не исчерпывающие) примеры свидетельствуют о том, что перед нами уникальная находка печати. В то же время судить о ее семантической составляющей достаточно сложно, поскольку в качестве исходного материала для ее изготовления послужила монета, обращавшаяся, главным образом, в юечжийско-кушанское время (Зеймаль, 1983. С. 110–128). Возможно, дабилькурганская печать использовалась для нанесения отличительных знаков владельца, например, на гончарных сосудах, тем более что оттиски печатей представлены в керамическом комплексе Бактрии.

Таким образом, перед нами совершенно новый пример вторичного использования монеты в истории среднеазиатского региона, который дополняет наши знания о развитии сфрагистики позднекушанского времени.

Горин А.Н., 2014. Подражания оболам Евкратиды из Южного Узбекистана // KOINON ΔΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег / Отв. ред. А.А. Сеницын, М.М. Холод. СПб.: Филологический факультет. С. 80–89.

- Зеймаль Е.В., 1983. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш. 344 с.
- Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983. Тепаи-шах (культура и связи кушанской Бактрии). М.: Наука. 239 с.
- Лулева В.В., 2001. Ювелирные украшения из Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2. / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: SAN'AT. С. 113–128.
- Пидаев Ш.Р., 2013. Новые находки гемм и их оттисков с городища Старый Термез // РА. № 3. С. 57–65.
- Пугаченкова Г.А., 1978. Квартал керамистов (ДТ-9) // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана / Отв. ред. Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Фан. С. 115–143.
- Пугаченкова Г.А., 1979. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука. С. 63–94.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., 1990. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент: Фан. 218 с.
- Расопова В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука. 138 с.
- Соловьев В.С., 2013. Раскопки на объекте V Дабилькурмана в 2010–2013 гг. // МТЭ. Вып. 9. Елец: Елецкий гос. ун-т. С. 33–82.
- Тихонов Р.В., 2013. Археологический комплекс кушано-сасанидского периода по материалам объекта V // МТЭ. Вып. 9. Елец: Елецкий гос. ун-т. С. 83–118.

К.С. Ушакова

*Национальный заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
ushakova.ks84@gmail.com*

НОВАЯ НАХОДКА КЕРАМИЧЕСКОГО ШТАМПА ИЗ РАСКОПОК НА ХОРЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В 2014 г. экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» были проведены охранные археологические исследования на территории блока наделов № 82 хоры Херсонеса Таврического, расположенного на западном берегу Стрелецкой бухты¹. В античную эпоху на данной территории существовали предположительно несколько усадеб и причал, однако в XIX–XX вв. археологические объекты здесь были практически полностью уничтожены (Николаенко, 2001. С. 49–50).

В ходе исследований открыты две конструкции подпрямоугольной формы и яма, вырубленные в материковой скале. Слои из заполнения конструкций (а также слой, лежащий на скале и над самими конструкциями) оказались насыщены керамическим материалом. Абсолютно преобладают фрагменты амфорной тары (в том числе с клеймами) и строительной керамики херсонесского производства (Монахов, 1989. С. 75–77. Табл. XIX; XXI; XXII), однако встречаются также обломки чернолаковой, простой столовой и кухонной посуды. Также в слое содержалось большое количество обломков сырцовых кирпичей, фрагментов глиняной обмазки и керамического шлака или брака. Хронологически материал достаточно однороден и датируется в пределах второй половины IV – III в. до н.э. По керамическим клеймам датировка может быть сужена до последнего десятилетия IV – первой четверти III в. до н.э. (Кац, 2007. С. 442, 443).²

В заполнении ямы найден керамический штамп с изображением пальметты (рис. 1). Штамп представляет собой небольшой продолговатый брусок (3,7 x 1,4 x 1 см, пальметта – 1,5 x 1 см), один край которого обломан, а другой имеет небольшое утолщение. Пальметта изображена крайне схематично: прямыми врезными линиями обозначены центр и отходящие от него под небольшим углом многочисленные листья. Верхняя часть изображения повреждена; рабочая поверхность штампа довольно изношена. Изготовлен он из плотной глины оранжево-коричневого цвета с включениями известковых частиц и пироксена.

¹ Автор благодарит начальника экспедиции, заведующего филиалом «Археологический парк» НЗХТ С.Г. Демьянчука за возможность опубликовать данную находку.

² Определение клейм выполнено Е.Я. Туровским.



Рис. 1. Керамический штамп с изображением пальметты.

ближайших аналогий можно отметить глиняные штампы из Коринфа и Стоби (Davidson, 1952. P. 330, 331. Pl. 135: 2851; Anderson-Stojanovič, 1992. P. 11. Pl. 3, 150), а также костяной штамп из раскопок Афинской Агоры (Camp, 2007. P. 642–644. Fig. 18).

Среди находок из Херсонеса и его окружи изделий с такими изображениями нет. Однако штамп в виде девятилепестковой розетки, служивший для декорирования чернолаковой посуды, был обнаружен при раскопках гончарных печей в юго-восточном районе Херсонеса. Эта находка, сопровождавшаяся значительным количеством чернолаковых сосудов, в том числе украшенных идентичными розетками, позволила автору раскопок – К.К. Косцюшко-Валюжиничу – довольно уверенно говорить о существовании в Херсонесе собственного чернолакового производства (1902. С. 19–21). Чернолаковые сосуды, в том числе бракованные, известны по раскопкам гончарных мастерских и в других районах Херсонеса (Керамическое производство, 1966. С. 15–17). Тем не менее, попытки выделить среди всего массива чернолаковой керамики, найденной в Херсонесе, собственно местную продукцию крайне редки.

В этой связи находка штампа с изображением пальметты, а также весь комплекс сопутствующих материалов из последних раскопок позволяют предполагать существование гончарных мастерских не только в самом Херсонесе, но и на его хоре, а также еще раз поставить вопрос о местном чернолаковом производстве, подражавшем импортным образцам.

Кац В.И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь. 480 с.

Косцюшко-Валюжинич К.К., 1902. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // ИАК. Вып. 2. СПб. С. 1–39.

Монахов С.Ю., 1989. Амфоры Херсонеса Таврического VI–II вв. до н.э. Опыт системного анализа. Саратов. 160 с.

Керамическое производство и античные керамические строительные материалы, 1966 / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М. 158 с. (САИ. С 1–20.)

Николаенко Г.М., 2001. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. II. Севастополь. 164 с.

Anderson-Stojanovič V.R., 1992. Stobi: Results of the Joint American-Yugoslav Archaeological Investigations, 1970–1981. Princeton. 258 p.

Camp J., 2007. Excavations in the Athenian Agora: 2002–2007 // *Hesperia*. Vol. 76. № 4. P. 627–663.

Corbett P.E., 1955. Palmette Stamps from an Attic Black-Glaze Workshop // *Hesperia*. Vol. 24. № 3. P. 172–186.

Davidson G.R., 1952. The Minor Objects. Princeton, New Jersey. 383 p. (Corinth. Vol. XII.)

Hayes J.W., 2008. Roman Pottery: Fine-Ware Imports. Princeton, New Jersey. 343 p. (The Athenian Agora. Vol. XXXII.)

¹ Нужно отметить, что штампованный орнамент с пальметтами встречается также на краснолаковых сосудах группы Eastern Sigillata A (Hayes, 2008. P. 20, 21).

- Pemberton E.G., 1997. Corinthian Black-Glazed Pottery with Incised and Stamped Decoration // *Hesperia*. Vol. 66. № 1. P. 49–97.
- Rotroff S.I., 1997. Hellenistic pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Part I. Princeton, New Jersey. 575 p. (The Athenian Agora. Vol. XXIX.)
- Sparkes B.A., Talkott L., 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, New-Jersey. 382 p. (The Athenian Agora. Vol. XII. Part I, II.)
- Schäfer J., 1968. Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin. 161 s.

М.О. Чурбанов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
Ragnar-barbarian@yandex.ru

КАМЕННЫЙ ОСЕЛОК С ТАМГАМИ С ТЕМЕРНИЦКОГО ГОРОДИЩА (РОСТОВ-НА-ДОНУ)

Период раннего железного века для нижнедонского региона обозначился как период доминирования культур ираноязычных кочевников. Во второй половине I тыс. до н.э. процент оседлого населения в регионе был невелик. Ситуация меняется в конце I в. до н.э., когда на территории Донского левобережья появляются поселения меотов. В течение первой четверти I в. н.э. представители этой культуры осваивают и правобережье Дона (Каменецкий, 1993. С. 5, 6). Некоторая часть городищ нижнедонских меотов располагается на территории г. Ростова-на-Дону и в связи с плотной застройкой практически не изучается. В таком положении на данный момент находится и Темерницкое городище. Изучение данного памятника ограничивается небольшими спасательными раскопками. Связано это в первую очередь с тем, что основная часть застройки памятника происходила в период, когда в городе еще не было действующих археологических структур.

В ходе спасательных раскопок на территории Темерницкого городища в 2012г.¹ на раскопе I в культурном слое в числе прочих находок найден каменный оселок (рис. 1). Он представляет собой обработанный камень вытянутой прямоугольной формы, на обеих сторонах которого изображены две различные тамги. Верхняя (ясно из расположения тамг) часть оселка надломана, что не позволяет точно определить его размеры. Оставшийся фрагмент оселка составляет 17 см в длину и 3 см в ширину. На поверхности оселка видны следы внешнего воздействия, что позволяет нам предположить его техническое использование (Ильяшенко, Вдовченков, 2013. С. 293. Рис. 1: 3). В силу того, что надломана верхняя часть, мы также не можем установить, было ли у данного изделия отверстие для крепления, которое, как правило, встречается у сарматских оселков.

Особый интерес представляют две тамги, нанесенные на оселок. Первая имеет вид круга с восходящей стрелкой, которая разделяется на два сегмента, описывающих дуги (рис. 1). Она связывается с носителями первого этапа позднесарматской культуры (середина II – первая половина III в. н.э.) (Яценко, 2001. С. 156. Рис. 6: 36). Данная тамга имеет очень близкие аналогии как в степных комплексах (Кировский–I, к. 1, п. 2; Центральный VI, к. 16, п. 8), так и на памятниках оседлости, в частности, в Танаисе, в помещении, датированном второй половиной II в. н.э. (Т-09 № 346) (Ильяшенко, Вдовченков, 2013. С. 293. Рис. 1: 2). Точная копия тамги представлена на каменном надгробии, происходящем с поселения Байте–III (Яценко, 2001. С. 156. Рис. 6: 90).

Вторая из представленных на оселке тамг имеет вид двух кругов, не смыкающихся в нижней части. Вверх от них идет прямая линия, заканчивающаяся двойным расхождением, на каждом из которых имеется продолжение, на правом оно перпендикулярно линии (рис. 1). Данной тамге аналогии не найдены.

¹ Автор раскопок С.М. Ильяшенко. Выражаю благодарность автору раскопок за возможность использования полученных материалов.

Длинные оселки, по мнению некоторых исследователей, показательны для первого этапа позднесарматской культуры (Яценко, 2011. С. 198). Следует отметить, что именно для представителей позднесарматской культуры характерно тамговать оселки (Кировский–III к. 1, п. 2; Займо-Обрыв–I, к. 1, п. 1; Некрополь Танаиса, пл. 3, п. 1), хотя подобные примеры известны и в среднесарматский период (оселок из кургана у аула Кончукохабль (Раев, 2012. С. 230–232)).

Изучению оселков сарматского времени посвящен ряд работ, в которых выделены основные критерии исследования этой категории археологического материала (Грязнов, 1961. С. 139–144; Воронятов, 2012. С. 54–58). Исследуемый оселок является достаточно редким предметом для памятников меотв низовьев Дона, так как культура тамгапользования, несмотря на века взаимоотношений с аланами, у них не сложилась (Чурбанов, 2014. С. 598–600). Этот факт позволяет считать, что владелец данного оселка с большой долей вероятности был представителем позднесарматского кочевого общества. И вполне мог каким-то образом взаимодействовать с жителями Темерницкого городища. Следует отметить, что на территории Темерницкого городища и его некрополя известны находки позднесарматских длинных оселков. Так, в 1993 г. в погребении 25 некрополя Темерницкого городища (датирующемся второй половиной II в. н.э.) среди прочего инвентаря был встречен длинный оселок (Парусимов, Рогудеев, 2000. С. 271. Рис. 6: 6).

О взаимоотношениях нижнедонских меотв и представителей кочевого сарматского общества написана не одна работа (Безуглов, Гугуев, 1988. С. 19–27; Раев, 2008. С. 55–57; Чурбанов, 2014. С. 592–602), тем не менее, на наш взгляд, до момента окончательного выяснения ситуации еще достаточно далеко. Именно изучение тамг поможет пролить свет на многие темные места в проблеме изучения взаимоотношений сарматов и меотв на Нижнем Дону.

- Безуглов С.И., Гугуев В.К., 1988. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–II вв. н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов.
- Воронятов С.В. 2012. Оселки с сарматскими тамгами // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб.
- Грязнов М.П. 1961. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь профессора М.И. Артамонова. Л.
- Ильяшенко С.М., Вдовченко Е.В., 2013. Тамги Танаиса – этнокультурный контекст явления // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб.
- Каменецкий И.С. 1993. Городища донских меотв. М.
- Парусимов И.Н., Рогудеев В.В., 2000. Некрополь Темерницкого городища // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону.

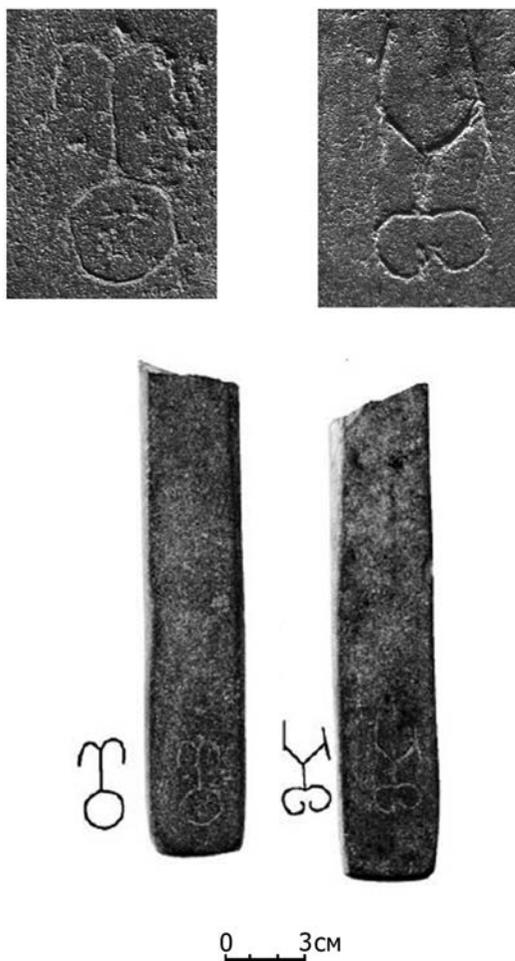


Рис. 1. Каменный оселок с тамгами с Темерницкого городища.

- Раев Б.А., 2008. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.
- Раев Б.А., 2012. Каменный оселок из кургана у аула Кончукохабль (Республика Адыгея) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения». Махачкала.
- Чурбанов М.О., 2014. Вливание представителей сарматской кочевой среды в состав населения нижнедонских меотских городищ (по материалам грунтовых некрополей) // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону.
- Яценко С.А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.
- Яценко С.А., 2011. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й половины II – 1-й половины III в. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 12. Волгоград.

М.С. Шапцев

*Крымский филиал Института археологии РАН, Симферополь
shapcevm@mail.ru*

ПОРТРЕТНЫЕ ЭМБЛЕМЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ДОНЬЯХ КРАСНОЛАКОВЫХ СОСУДОВ ИЗ КРЫМА

Портретные эмблемы являются редкой группой археологического материала в Крыму. Все они относятся к римскому времени; на сегодняшний день в Северном Причерноморье их насчитывается 24 экземпляра. Их появление связано с пропагандой римского владычества и популяризацией культа императоров среди населения как в самой империи, так и среди народов, подвергнувшихся римскому влиянию и вовлеченных в орбиту римской политики.

Портретные эмблемы (*emblemata*) как явление возникли в эпоху развитого эллинизма и широко распространились в различных частях античного мира. Однако особую популярность они получают в римское время. Первые образцы римских портретных изображений на доньях сосудов известны со времени Октавиана Августа. Изображения римских императоров и членов императорской фамилии на донцах сосудов играли второстепенную роль в популяризации римского правления в сравнении с монетами и скульптурой, однако также были задействованы в деле пропаганды римского владычества.

Керамические сосуды с портретными эмблемами подражали более дорогим сосудам из драгоценных металлов, но стоили, конечно же, гораздо дешевле. Это позволяло даже несостоятельному населению как в границах империи, так и вокруг них, афишировать в быту свою лояльность к римским правителям.

В Крыму обнаружены девять портретных эмблем. Три экземпляра происходят из Западного Крыма, шесть – из Восточного (Винокуров, Трейстер, 2013. С. 270–278; Висотська, 1970. С. 189. Рис. 9: 1; Высотская, 1972. С. 116. Рис. 9: 1; Вязмитина, 1975. С. 235; Павленков, 1988. С. 256–258. Рис. 1; Молев, 2002. С. 209; 2010. С. 86; Шапцев, 2007. С. 354–357. Рис. 1). Вероятнее всего, на всех изображен Август, о чем свидетельствуют их датировка и анализ портрета (Шапцев, 2007). Почему в Крыму появились сосуды с портретными эмблемами Августа, не вполне понятно. В период его правления в Таврике не было римских солдат. Долговременное их военное присутствие здесь фиксируется только со времени Нерона, после экспедиции легата Мезии Т. Плавтия Сильвана на помощь Херсонесу, для усмирения скифов. Однако и в более раннее время все Северное Причерноморье входило в орбиту римской политики. Это доказывают и вышеописанные находки.

Исследователи считают, что портретные эмблемы являются средством официальной пропаганды и утверждения престижа Римской империи. Находки подобных сосудов в

Крым, возможно, указывают на проживание здесь романофилов, которые стремились продемонстрировать свои политические симпатии даже в быту. Скорее всего, сосуды с портретными эмблемами Августа попадали к поздним скифам Северо-Западного Крыма из соседнего Херсонеса, а на Боспоре поступали из Пантикапея в окрестные города и поселения. Можно предположить, что все сосуды с перечисленными эмблемами были произведены в Малой Азии, где еще с эпохи эллинизма существовали крупные гончарные центры, выпускавшие рельефную столовую посуду. Их появление в Херсонесе, вероятно, связано с подтверждением при Августе элевтерии городу, впервые дарованной еще Юлием Цезарем. Боспор же при Августе полностью следовал римской политике и был абсолютно проримским государством (вспомним переименования Пантикапея в Кессарию, а Фанагории в Агриппию).

Следует отметить полное отсутствие сосудов с портретными эмблемами в Центральном Крыму. Судя по всему, этот регион был исключительно варварским и не был подвержен римскому влиянию в период правления Августа.

- Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю., 2013. Портретные медальоны краснолаковых чаш I в. до н.э. – I в. н.э. на поселении Артезиан в Крымском Приазовье // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб. С. 270–278.
- Висотська Т.М., 1970. Городище Алма-Кермен у Криму // Археологія. Т. XXIV. С. 179–193.
- Высотская Т.Н., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев. 191 с.
- Молев Е.А., 2002. Рельефные медальоны из Китея // Античный мир и археология. Вып. 11. С. 205–209.
- Молев Е.А., 2010. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь. 316 с.
- Павленков В.И., 1988. Фрагмент портретной эмблемы с Южно-Донузлавского городища // СА. № 1. С. 256–257.
- Шапцев М.С., 2007. Портретный оттиск с городища Кара-Тобе // Боспорские исследования. Вып. XVI. Симферополь; Керчь. С. 354–357.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:

ВЕЩИ И ИДЕИ

А.Н. Артамкин

*Институт археологии РАН, Москва
sanyawolf@gmail.com*

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ГОРОДА ЗУБЦОВА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ РАСКОПА 2013 Г.

В 2013 г. Новоторжской археологической экспедицией проводились раскопки в городе Zubcove Тверской области на площади 53 кв. м. Выявлены культурные слои и остатки деревянных конструкций XIV в., следы пожара рубежа XIV–XV вв. и более поздние культурные напластования.

Особый интерес представляет собранная в ходе исследования керамика (6073 фрагмента, в т.ч. 681 фрагмент венчиков), характеризующаяся большим разнообразием форм верхних частей (венчиков) сосудов. В основу разделения всего массива венчиков положены принципы классификаций П.Д. Малыгина и В.А. Лапшина, разработанные для керамики Торжка и Твери соответственно, как наиболее близких в географическом отношении городских центров.

Для выделения различных вариантов форм средневековых сосудов учитывались форма венчика (в понятие «венчик» в данной работе входит оформление шейки и верхнего края сосуда как с внутренней, так и с наружной стороны) и форма плеча. Для определения формы плеча использовались разработки В.Ф. Генинга (1973). При этом понятию «высокое плечо» соответствуют «опущенное» или «крутое» плечо, а «низкому плечу», соответственно, «поднятое» или «пологое» плечо сосуда. Всего было выделено 16 вариантов форм сосудов.

Вариант 1 (рис. 1: 1) – сосуды с высокой вертикальной шейкой, верхний край сосуда с наружной стороны скруглен, плечо опущенное. С внутренней стороны венчика, при переходе от края к шейке, имеется ярко выраженный заостренный выступ (шпора). Высота плеча у таких сосудов не превышает высоты шейки (22,6% – здесь и далее доля варианта в общей коллекции фрагментов венчиков).

Вариант 2 (рис. 1: 2) – сосуды с коротким, слегка наклоненным наружу и утолщающимся кверху венчиком, со скругленным или срезанным краем; плечо поднятое (22,5%).

Вариант 3 (рис. 1: 3) – сосуды с коротким отогнутым наружу венчиком; наружная часть края оформлена в виде валика, а внутренняя часть – в виде уступа (18%).

Вариант 4 (рис. 1: 4) отличается от варианта 3 тем, что внутренняя часть края сосуда скошена и оформлена в виде валика (16%).

Варианты 3 и 4 морфологически схожи с вариантом 1, но высота плеча в этих случаях больше высоты шейки.

Вариант 5 (рис. 1: 5) – сосуды с низкой наклонной шейкой, переходящей в крутое плечо через уступ. Край сосуда загнут наружу в виде валика (3,7%).

Вариант 6 (рис. 1: 6) – сосуды с S-видным профилем и венчиком в виде раструба; наружная сторона края немного расширяется. Плечо пологое (3,6%).

Вариант 7 (рис. 1: 7) – сосуды со слабовыраженным S-видным профилем; венчик наклонен наружу, край сосуда заострен, плечо очень крутое (3,4%).

Вариант 8 (рис. 1: 8) – сосуды шарообразной формы, имеющие очень низкую наклоненную наружу шейку, переходящую в поднятое плечо через уступ на внешней стороне поверхности. Край скруглен с наружной стороны, а с внутренней на нем имеется выступ в виде небольшого валика (3%).

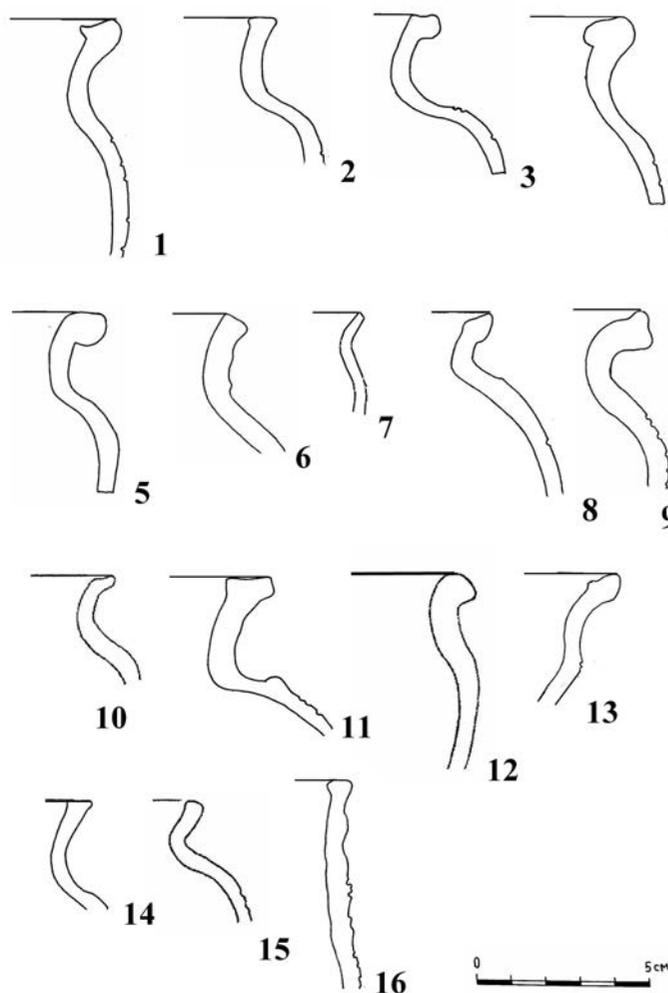


Рис. 1. Варианты форм средневековых керамических сосудов из раскопа 2013 г. в г. Зубцов Тверской области.

стенки. Край сосуда с наружной стороны оформлен в виде валика, с внутренней стороны присутствует шпора (0,8%).

Вариант 14 (рис. 1: 14) – сосуды с венчиком в виде раструба, расширяющимся кверху; край сосуда срезан горизонтально. Плечо поднято (0,8%).

Вариант 15 (рис. 1: 15) – сосуды с венчиком в виде раструба с короткой шейкой, скругленным краем и поднятым плечом, характерным для крутобоких сосудов (0,5%).

Вариант 16 (рис. 1: 16) – сосуды баночной формы с гофрированными стенками и скругленным или горизонтально срезанным краем венчика (0,5%).

Два фрагмента в коллекции отнесены к раннегончарной керамике.

Как видно из приведенных данных, основная часть венчиков (79%) относится к четырем вариантам. Сравнительный анализ с материалами Смоленска, Твери и Торжка (Сергина, 2004; Малыгин, 1991; Лапшин, 2009) показал, что зубцовская керамика довольно мало похожа на смоленскую, но имеет множество аналогий с новоторжской и тверской. Варианты 1–5 и 16, в том числе все ведущие (1–4), имеют четкие аналогии как в Торжке, так и в Твери. Варианты 7–9 и 13 имеют аналогии в Торжке, а варианты 10, 12, 14 и 15 – в Твери. Аналоги вариантов 6 и 11 не встречены ни в Твери, ни в Торжке.

Таким образом, анализируемая коллекция указывает на тесные связи Зубцова с крупными городами Верхневолжья, что позволяет опираться на их хронологию и при изучении зубцовских комплексов. Наиболее представительные коллекции керамики имеются для трех надежно датированных комплексов – городского слоя XIV в., постройки, относящейся к XIV в., и слоя пожара рубежа XIV–XV вв. В слое XIV в. преобладает керамика

Вариант 9 (рис. 1: 9) – сосуды с четким S-видным профилем, сильно отогнутым наружу венчиком с «секировидным» краем (1,4%).

Вариант 10 (рис. 1: 10) – сосуды с коротким, плавно отогнутым наружу венчиком, поднятым плечом; на внутренней стороне края присутствует небольшой выступ (1,1%).

Вариант 11 (рис. 1: 11) – сосуды со слабо отогнутым наружу венчиком, край сосуда горизонтально срезан. Для этого варианта характерно пологое плечо с ярко выраженным уступом с наружной стороны (1,1%).

Вариант 12 (рис. 1: 12) – сосуды, близкие к баночной форме, с намеченной небольшой вертикальной шейкой и опущенным плечом; край завернут наружу (0,8%).

Вариант 13 (рис. 1: 13) – мискообразные сосуды открытого типа, венчик наклонен наружу. Плечо у таких сосудов слабо выражено и напоминает небольшой изгиб

двух хронологических групп: датированная по аналогиям XII–XIV вв. (варианты 1, 3, 4, 13 и 16 – 52%) и XIV в. и позднее (варианты 2, 5, 8 – 24%). В постройке почти вся керамика относится к первой группе (72%), а более поздняя (здесь представлена только вариантом 2) составляет 25%. В слое пожара соотношение хронологических групп иное: они равны (38%).

Таким образом, керамический материал средневекового Зубцова очень схож с материалами ближайших крупных городов – Торжка и Твери. Это проявляется и в морфологии сосудов и, судя по материалу из комплексов XIV в., в их датировке. Кроме того, в слоях XIV в. в небольшом количестве выявлен материал, датируемый по аналогиям более ранним временем (варианты 7 и 9), что позволяет предполагать наличие слоев этого времени в еще не исследованной части города.

Генинг В.Ф., 1973. Программы статистической обработки керамики из археологических раскопок (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // СА. № 1. С. 115–116.

Лапшин В.А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.

Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 198–216.

Сергина Т.В., 2004. Керамика Смоленска середины XIII–XVII вв. // Смоленские древности. Вып. 3. Керамика Смоленска. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. ун-та. 200 с.

А.А. Балашов

*Курский государственный университет
2012balashov@gmail.com*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИИ ГОРОДИЩ ДНЕПРО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

На сегодняшний день схожесть топографических условий, учитывавшихся при выборе места для поселения северянами и донскими славянами, не подлежит сомнению. К общим чертам, присущим памятникам Днепро-Донского междуречья, относят их расположение на наиболее удобных с точки зрения хозяйственной целесообразности ландшафтных участках (Винников, 1995. С. 12; Енуков, 2005. С. 67, 68). Согласно О.В. Сухобокову, максимальное использование особенностей рельефа является ведущим признаком поселенческой структуры северян предгосударственного периода (Сухобоков, 2012. С. 26). Однако, по мнению А.В. Григорьева, если для селищ небольших размеров определяющим условием выбора места являлась хозяйственная направленность их обитателей, то для городищ весомыми факторами служили политическая и торговая рациональность (Григорьев, 2000. С. 56, 57).

Последняя гипотеза представляет значительный интерес для социально-экономических реконструкций. Для ее проверки вместо обычного в научной литературе формального картографирования памятников корректнее использовать математическую модель их взаиморасположения, в основу которой положен расчет индекса ближайшего соседства. Впервые этот метод был использован при анализе экологических материалов, однако целесообразность его применения в археологии не вызывает сомнений (Ляска, 2013. С. 26, 27).

Индекс ближайшего соседства определяется по формуле: $R = D_{\text{набл.}} / D_{\text{ожид.}}$, где $D_{\text{набл.}}$ – среднее расстояние, наблюдаемое между каждым поселением и его ближайшим «соседом», а $D_{\text{ожид.}}$ – ожидаемое расстояние между каждым поселением и его ближайшим «соседом». Для вычисления последней величины используем еще одну формулу:

$D_{\text{ожид.}} = 1/2 \sqrt{A}$ где A – плотность населенных пунктов на 1 кв. км.

Для получения более точной картины обратимся к материалам наиболее изученных регионов. В пределах Днепровского Левобережья это междуречье Сейма и Псла (Посе-

мье летописей), Подонье – бассейн р. Воронеж. С помощью GIS-программ был произведен подсчет примерной суммы расстояний между всеми 56 городищами Посемья, которая равна 464 км. При оценке путей сообщений, существовавших между соседними памятниками, оптимальным признавался тот, который позволяет объединить населенные пункты по прямой, кратчайшим способом. (При расчете учитывались особенности рельефа, в частности, принимались во внимание известные броды.) Памятники, расположенные на расстоянии менее 1 км друг от друга, учитывались как единый комплекс. Правомерность такого подхода обоснована в специальной работе (Енуков, 2005. С. 87–93). Итак, среднее наблюдаемое расстояние ($D_{\text{набл.}}$) между двумя ближайшими памятниками составляет 8,75 км. Показатель плотности поселений относительно площади исследуемого региона составляет 0,001, а ожидаемое среднее расстояние ($D_{\text{ожид.}}$) – 15,82 км. Соответственно, в Посемье индекс ближайшего соседства (R) равен 0,55.

Для боршевских городищ бассейна р. Воронеж (всего 12) $R=0,98$. При сравнении индексов двух регионов значимым показателем является их близость к 0 или 1. Несмотря на заметное различие, значения полученных индексов ближе к 1, что указывает на случайное распределение поселений в пространстве (Kintigh, 1990. P. 167). Другими словами, выбор места для городища был обусловлен природными факторами, к которым можно отнести мысовое расположение, а также высоту над уровнем воды.

Таким образом, точка зрения А.В. Григорьева о значительном влиянии на поселенческую структуру славян Днепро-Донского междуречья «политической и торговой рациональности» не находит подтверждения в полученной модели.

Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI в.). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 168 с.

Григорьев А.В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 263 с.

Енуков В.В., 2005. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель. 352 с.

Ляска В.М., 2013. «... земля Божия и твоя и города твои...»: Всеволожская волость князя Владимира Васильковича (историко-археологическое исследование) // *Rossica antiqua*. № 1. С. 3–53.

Сухобоков О.В., 2012. «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X–XIII вв. по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное. К.: Видавництво ТОВ «Аграр Медіа груп». 376 с.

Kintigh K.W., 1990. Intrasite Spatial Analysis: A Commentary on Major Methods // *Mathematics and Information Science in Archaeology. Studies in Modern Archaeology*. Vol. 3. P. 165–200.

Н.А. Баранов

*Институт археологии РАН, Москва
dr.till2011@yandex.ru*

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ЛИЧНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ С СЕЛИЩА СКРИПИНО 1

В 2013–2014 гг. Отделом охранных раскопок ИА РАН были проведены работы в Раменском районе Московской области на Селище Скрипино 1 (XII–XIII, XIV–XVI вв.), выявленного А.Е. Кравцовым в 2009 г. Среди многочисленных находок, характеризующих быт этого средневекового поселения, особое место занимают предметы личного благочестия. За два года раскопок собрана коллекция из 35 предметов. Две трети находок встречены в пахотном горизонте селища, одна треть – в заполнении археологических объектов.

Все представленные кресты разделены на типы по формам концов (лопастей) и средокрестий. Учитывались форма ветвей (часть лопасти от средокрестия до его завершения), декор, а также время бытования.

Находка передней створки креста-энколпиона представлена округлым фрагментом верхнего медальона и оглавием (29 x 25 x 4 мм) (рис. 1: 1). На лицевой стороне – архан-

гел Сихаил, на противоположной – Распятие. Подобные кресты датируются 2-й половиной XIII – XVI в. (Макаров и др., 2005. С. 213. Рис. 16: 4; Солдатенкова, Персов, 2005. С. 215. Рис. 3: 1; Алексеев, 2007. С. 335. Рис. 3: 14; Шполянская, 2008. С. 270. Рис. 2: 1, 1а).

Двумя находками представлены криноконечные кресты-тельники (20 x 26 мм) с растительным орнаментом и двенадцатиконечным крестом в средокрестии (рис.1: 2, 3). Оглавие – граненая бусина. Обратная сторона – гладкая. Наиболее ранняя дата появления данного типа – 2-я половина XIII – начало XIV в. (Дубровин, 2010. С. 221, Рис. 60: 7а). Подобные кресты найдены с монетами 2-й половины XIV в. на Болгарском городище (Полубояринова, 1993. С. 18. Рис. 2–4) и бытуют до XV в. (Захаров, 2004. Рис. 42: 5; Седова, 1981. Рис. 20: 3; 1997. С. 203. Рис. 72: 5).

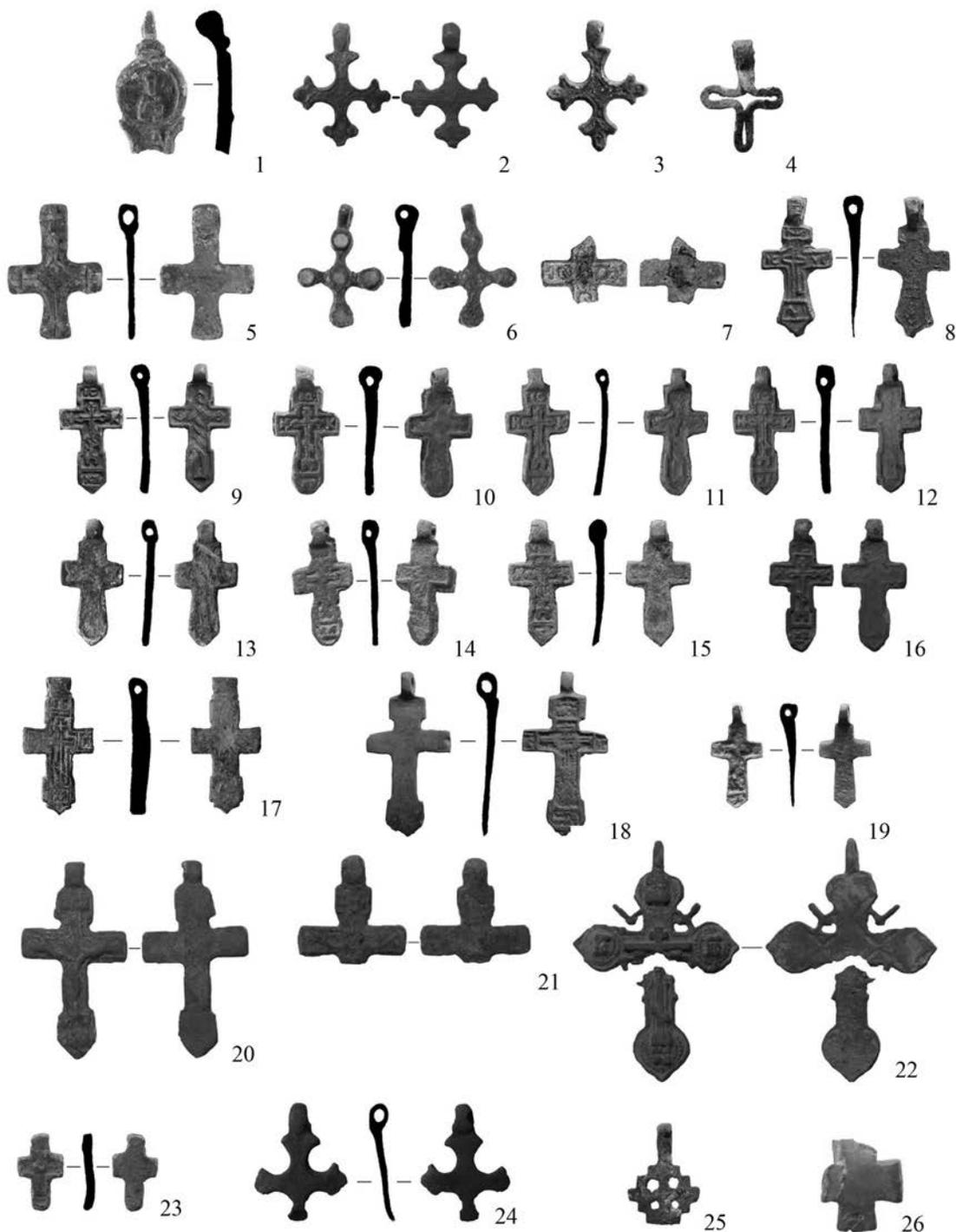


Рис. 1. Коллекция предметов личного благочестия с селища Скрипино 1.

Еще одной находкой представлен проволочный крест-тельник (подвеска?) (23 x 16 x 4 мм). Он сделан из широкой проволоки. Подобные кресты имеют весьма длительный период бытования – XII–XV вв. (Даркевич, Пуцко, 1981. С. 227. Рис. 5) (рис. 1: 4).

Интересен крест-тельник (28 x 20 x 3 мм) с простыми лопастями, с вписанным в центр ромбическим медальоном с изображением креста, от которого в стороны отходят лучи, в свою очередь, заканчивающиеся крестами (рис. 1: 5). Оглавие подражает застежке креста-энколпиона (?). Датируется XIII–XIV вв. (Седова, 1981. Рис. 16: 20; 1997. Рис. 72: 10).

Единичной находкой представлен крест-тельник с округлыми медальонами и белой эмалью на концах и в средокрестии (рис. 1: 6). Оглавие – массивное ушко. Обратная сторона гладкая. Подобные кресты обнаружены на поселении Настасьино (Сарачева, Сапрыкина, 2004. Рис. 93: 2) и датированы XIII–XIV вв.

Фрагментом представлен крест-тельник с плетеным ромбоконечным крестом в средокрестии (рис. 1: 7). На боковых лопастях – кресты с кольцами в основаниях. Оглавие и нижняя лопасть утеряны. Датируются такие кресты XIV – 1-й половиной XV в. и встречены на Белоозере (Захаров, 2004. С. 166. Рис. 43: 12), в Московской и Рязанской областях (Шполянский, 2009. С. 179, 180. Рис. 6: 1).

Единичной находкой представлен крест с килевидной нижней лопастью (рис. 1: 8). На верхней лопасти – горизонтальная перекладина с похожим на «М» декором. В средокрестии – шестиконечный крест с надписью «IC XC» (Иисус Христос). Обратная сторона гладкая. Оглавие – широкая бусины. Похожие кресты происходят с селища Рождествено (Шполянская, 2008. С. 268. Рис. 1: 6). Еще одна близкая находка сделана в напластованиях конца XIV – первой половины XV в. Житного раскопа Переяславля.

Самая многочисленная группая находок – кресты-тельники (27 x 14 x 03 мм) с килевидной нижней лопастью (рис. 1: 9–16), с Голгофским крестом и раздвоенным в основании средокрестием (П-образная Голгофа) (Грибов, 2004. С. 34; Захаров, 2004. Рис. 44: 10), с прямоугольными клеймами. В верхней лопасти – «IC» (Иисус), в нижней – «ХЪ или ХС» (Христос?) (Шполянская, 2008. С. 266), правой – «И»(?), левой – «К» (?). На обратной стороне – изображение плетеного креста. Оглавие – широкое ушко. Тип датируется 1-й половиной XV – XVI в. (Кокорина, 2014. С. 60, 61. Рис. 80; 81).

Одиночной находкой представлен крест-тельник (30 x 15 x 4 мм) с килевидной нижней лопастью и восьмиконечным крестом в средокрестии (рис. 1: 17). На верхней лопасти – «IC» (Иисус), в нижней – «ХЪ или ХС» (Христос?). В медальонах креста названия не читаются. Такой тип креста широко известен и датируется XV–XVI вв. (Гнутова, Зотова, 2000. 2в; Седова, 1981. Рис. 16: 21).

Весьма распространен шестиконечный крест-тельник с килевидной нижней лопастью (рис. 1: 18). На лицевой стороне – изображение Голгофского креста с цатой в средокрестии. По бокам креста – изображения орудий Страстей Господних. На верхней лопасти написано «ЦРСЛ» (Царь Славы), на боковых – «IC XC» (Иисус Христос), на нижней – «НИКА» (под титлом). Оглавие – массивное ушко. Тип относится к XV в. (Шполянская, 2008. С. 270. Рис. 1: 10).

Плохо сохранившейся находкой представлен простой крест-тельник с клиноконечным окончанием нижней лопасти и массивным ушком в оглавии. На лицевой стороне – плохо читаемое изображение, противоположная сторона – гладкая (рис. 1: 19). Подобные кресты встречены при раскопках Коломны в слоях XV в.

Двумя целыми и одним фрагментом представлены кресты-тельники с распятиями (рис. 1: 20, 21). Два целых имеют килевидные нижние лопасти. Оглавия представлены массивными ушками. При раскопках Романова двора найдены четыре подобных изделия, два из которых привязаны к слою второй половины XVI – начала XVII в. (Кренке, 2009. С. 111, 322. Рис. 76: 9, 10). Такие находки происходят с погоста Рождествено (Шполянская, 2008. Рис. 1: 8) и поселения Настасьино (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 59. Рис. 93).

Фрагментами представлен крест-тельник с сердцевидными концами и лучистым венцом вокруг средокрестия (рис. 1: 22). На его концах – округлые медальоны. На

левом – «IC» (Иисус), на правом – «XC» (Христос). Надписи на верхнем и нижнем медальоне нечитаемы. Оглавие – прямоугольное ушко. Подобные кресты встречены в слое XVIII в. при раскопках Романова двора (Кренке, 2009. С. 112, 113, 322. Рис. 76: 31, 34).

При переборке был найден крест-тельник из цветного металла (17 x 10 мм) с округлым медальоном (цатой?) в средокрестии, клеймами на лопастях, с прямыми концами и простым средокрестием (рис. 1: 23). Обратная сторона – гладкая. Оглавие утрачено. Подобные кресты встречаются весьма редко, поэтому время бытования этого типа предметов не определено.

Фрагментом представлена находка криноконечного креста-тельника (29 x 30 x 3 мм). Обе его стороны гладкие. Оглавие – массивная бусина (рис. 1: 24). Возможно, изначально лицевая сторона креста была орнаментирована, но от длительного использования орнамент стерся. Дата не установлена.

Интересен 12-тиконечный крест-тельник (29 x 40 x 4 мм) с ромбовидным средокрестием (подвеска?) (рис. 1: 25). Его лопасти соединяются, образуя подобие медальона (слитые перекладыны). Обе стороны гладкие. Оглавие – массивное ушко. Нижняя часть утрачена. Аналогии данной находке не найдены.

Помимо крестов из цветных металлов с селища Скрипино 1 происходит янтарный крест-тельник (19 x 20 x 9 мм) (рис. 1: 26). Он имеет расширяющиеся к концам лопасти, две из которых утрачены. Поверхность креста шлифованная. Подобные находки датированы XIV–XV вв. (Кокорина, 2014. С. 57. Рис. 72).

Оставшиеся кресты из-за плохой сохранности не поддаются точной интерпретации.

Автор выражает благодарность Р.Н. Модину за возможность пользоваться неопубликованным материалом.

- Алексеев А.В., 2005. Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры развезжей грамоты 1504 г. // Археология Подмосковья. Вып. 3. М. С. 332–345.
- Грибов Н.Н., 2004. Отчет об археологических раскопках на городище Городок в Нижнем Новгороде в 2003 г. Архив ИА РАН. Р-1.
- Гнупова С.В., Зотова Е.Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX в. из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М. 136 с.
- Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3. С. 218–232.
- Дубровин Г.Е., 2010. Никитский раскоп в Новгороде. М.: Памятники исторической мысли. 336 с.
- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М. 592 с.
- Кокорина Н.А., 2013. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир. 76 с.
- Кренке Н.А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М. 542 с.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е. Шполянский С.В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV вв.: Взаимодействие Севера и Юга. М. С. 196–216.
- Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М. 119 с.
- Сарачева Т.Г. Сапрыкина И.А., 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. М. С. 102–118.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. 196 с.
- Седова М.В., 1997. Суздаль X–XV вв. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир». 236 с.
- Солдатенкова В.В. Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI вв. // Ставрографический сборник. Кн. 3. М. С. 210–223.
- Шполянская Д.В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XV вв. Рождество 1 (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. Вып. 4. М. С. 267–275.
- Шполянский С.В., 2009. Раскопки селищ в районе средневековой волости Перемышль и некоторые вопросы общей динамики освоения региона в конце XII – первой половине XV в. // Археология Подмосковья. Вып. 5. С. 170–182.

**КЛАДБИЩЕ ПРИ ЦЕРКВИ ИОАННА ЗЛАТОУСТА В ЯРОСЛАВЛЕ:
ВРЕМЯ БЫТОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ И ТИПОЛОГИЯ
ВЫЯВЛЕННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ (ДЕРЕВЯННЫХ ГРОБОВ)**

В ходе археологических работ в г. Ярославль (Волжская набережная, д. 1) в 2007, 2009, 2010 гг. на территории участков 3, 12, 19 была исследована часть кладбища при каменной церкви Иоанна Златоуста (построена в 1690-е годы и утрачена в 1930-е) и более ранней деревянной (Энговатова, 2008; 2009; 2011). На участках 3, 19 был выявлен фундаментный ров северо-западной стенки каменной церкви Иоанна Златоуста, а также свайное поле колокольни при ней. Следы деревянной церкви не обнаружены.

В условиях так называемого мокрого слоя комплекс кладбища конца XV – начала XIX в. имел относительно хорошую сохранность. Важно также то, что данный комплекс на исследованной площади практически не нарушен позднейшими строительными работами. Следует отметить достаточно высокую плотность захоронений, вследствие чего не выявлены контуры могильных ям.

Всего вскрыто 224 погребения (рис. 1). Инвентарь в них практически отсутствует, за исключением нескольких крестов и их фрагментов. В отдельных погребениях зафиксированы остатки обуви, в том числе ритуальной обуви XVI в.

В ходе исследования некрополя погребения были разделены на пять хронологических ярусов: ярус 1 (XVIII – начало XIX в.), ярус 2 (XVII в.), ярус 3 (вторая половина XVI в.), ярус 4 (первая половина XVI в.), ярус 4а (конец XV – начало XVI в.). Разделение выполнено с учетом стратиграфии и планиграфии захоронений, наличия погребального инвентаря в отдельных комплексах, обнаруженных аналогий, данных дендрохронологии.

Относительно хорошая сохранность деревянных гробов и их фрагментов (в 60% случаев достоверно реконструирована их форма и, для составных гробов, способ сложения) позволила классифицировать обнаруженные гробы в соответствии с известными в историографии схемами (Ивакин, 2008. С. 126–130; Панова, 2004. С. 70–76). Поскольку эти типологии разрабатывались на основе данных, полученных в ходе исследования более ранних, чем при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле, городских кладбищ, они были дополнены материалами XVII–XIX вв.¹

В ходе исследования памятника обнаружены гробы как долбленые, так и составные, зафиксированы различные виды и подвиды их внутри каждого типа.

Тип 1. Деревянные долбленые колоды.

Вид 1. Колоды прямоугольной формы. К данному виду можно отнести 1 гроб второго яруса (погребение 116).

Вид 2. Колоды трапециевидной формы. К данному виду можно отнести 5 гробов 1, 3, 4 ярусов (погребения 9-2007, 17-2007, 18-2007, 41-2007, 111).

Вид 3. Колоды антропоморфной формы. К данному виду можно отнести 22 гроба 1–4а ярусов (погребения 52-2007, 3, 7, 9, 13, 14, 15, 19, 21, 25, 34, 36, 46, 56, 71, 74, 86, 96, 103, 107, 124, 135).

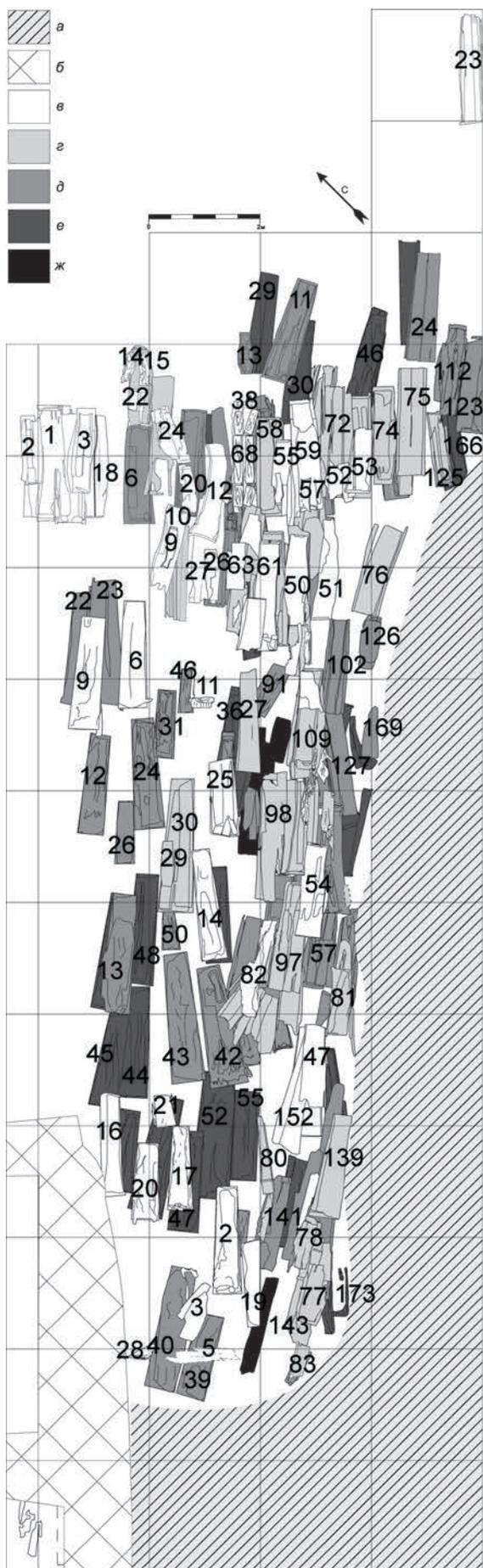
Вид 4. Колоды ладьевидной формы.

Подвид А. Колода ладьевидной формы с плавным расширением в центральной части. К данному виду можно отнести 8 гробов 3 яруса (погребения 31-2007, 43-2007, 93, 112, 118, 126, 141, 145).

Подвид Б. Колода ладьевидной формы с расширением в верхней половине. К данному виду можно отнести 4 гроба 3 яруса (погребения 24-2007, 42-2–7, 134, 137).

Подвид В. Колода ладьевидной формы с плавным расширением в центральной части и значительным сужением в ножной. К данному виду можно отнести 4 гроба 3 и 4а ярусов (погребения 13-2007, 92, 131, 147).

¹ Так, в типологию Т.Д. Пановой добавлен тип 2, вид 2, подвид Б деревянных гробов.



Тип 2. Деревянные гробы-ящики из досок.

Вид 1. Деревянные гробы-ящики прямоугольной формы.

Подвид А. Гробы, доски которых скреплены гвоздями. К данному виду можно отнести 3 гроба 2, 3 ярусов (погребения 70, 125, 162).

Подвид Б. Гробы-ящики прямоугольной формы, скрепленные при помощи пазов в досках. К данному виду можно отнести 19 гробов 1–4 ярусов (погребения 14-2007, 16-2007, 38-2007, 55-2007, 2, 16, 17, 28, 35, 53, 58, 68, 72, 73, 91, 98, 99, 117, 148, 167).

Вид 2. Деревянные гробы-ящики трапециевидной формы.

Подвид А. Гробы, доски которых скреплены гвоздями. К данному виду можно отнести 8 гробов 2, 3, 4 ярусов (погребения 33, 76, 94, 155, 156, 157, 158, 160).

Подвид Б. Гробы-ящики трапециевидной формы, скрепленные при помощи пазов в досках. К данному виду можно отнести 49 гробов 1–4а ярусов (погребения 6-2007, 20-2007, 22-2007, 23-2007, 25-2007, 27-2007, 30-2007, 36-2007, 37-2007, 44-2007, 45-2007, 47-2007, 48-2007, 49-2007, 54-2007, 1, 6, 11, 12, 23, 24, 27, 29, 31, 37, 75, 95, 97, 102, 105, 106, 109, 115, 119, 120, 121, 122, 123, 127, 128, 129, 130, 132, 136, 138, 139, 159, 164, 165).

У гробов типа 2, видов 1, 2, подвита Б доски скреплены на прямой паз и гребень, в сквозной ласточкин хвост, используется также крепление при помощи деревянных шипов.

В большинстве случаев крышки гробов типов 1, 2 накладывались, отмечены случаи, когда верх боковых досок и торцов подтесан под крышку. У гробов обоих типов встречены все возможные виды крышек – плоские, килевидные и сводчатые. На ярославском некрополе

Рис. 1. Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле, хронологические ярусы погребений.

а – фундаментные рвы северо-западной стенки каменной церкви Иоанна Златоуста и колокольни при ней; б – фундамент современной постройки; в – ярус 1; г – ярус 2; д – ярус 3; е – ярус 4; ж – ярус 4а.

сводчатые крышки зафиксированы только у детских долбленых колод (8 гробов), килевидные крышки встречены у обоих типов (10 гробов), абсолютное большинство крышек – плоские (111 гробов). Плоские крышки в абсолютном большинстве случаев выполнены из целых досок, однако встречаются и наборные.

Основная цель столь подробного изучения форм и способов сложения деревянных гробов заключается в выявлении их деталей, характерных для определенных хронологических периодов. Также, поскольку в большинстве случаев деревянные гробы сохраняются в виде пятен и полос древесного тлена, при исследовании их важно знать, на какие именно детали нужно в первую очередь обращать внимание, чтобы иметь возможность реконструкции погребального сооружения.

В результате анализа деревянных гробов, обнаруженных в ходе исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста, можно сделать следующие выводы:

- на примере ярославского некрополя подтверждается сосуществование долбленых и составных гробов;
- гробы со сводчатыми крышками чаще встречаются в нижних, более ранних ярусах погребений, килевидные крышки в большинстве своем характерны для более поздних гробов, гробы с плоскими крышками встречены во всех ярусах погребений;
- со временем исчезает ярко выраженное изнутри и снаружи оголовье – к XVII в. лишь в отдельных случаях фиксируются плечики у долбленых гробов, в более позднее время оформление головной части гроба сводится к выдолбленным изнутри торцам в изголовье.

Ивакін В.Г., 2008. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва. Київ: КИТ. 272 с.

Панова Т.Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радунца. 195 с.

Энговатова А.В., 2008. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д.1). Архив ИА РАН.

Энговатова А.В., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д.1 в 2008 г. Архив ИА РАН.

Энговатова А.В., 2011. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д.1 в 2010 г. Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Оп. 1. Кн. 44. № 30435-47.

М.В. Веретюшкина

*НИИ археологии Юго-Востока Руси Курского государственного университета
m.v.veretushkina@gmail.com*

АГРИКУЛЬТУРА СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕСЕДИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Бесединский (Ратский) археологический комплекс, открытый в 60-е годы XX в. Ю.А. Липкингом, располагается между д. Шеховцово и д. Городище Курского района Курской области (АКР, 1998. С. 90–95). Стационарные исследования на нем проводились под руководством В.В. Енукова и О.Н. Енуковой¹. На большей части памятника жизнь началась еще в раннем железном веке и продолжалась до позднего средневековья.

Теплый мягкий климат и наличие в ресурсной зоне памятника темно-серых лесных и пойменных луговых почв создавали благоприятную основу для проживания людей и успешного развития земледелия (Веретюшкина, 2011. С. 1–7). Основными жителями поселения в конце I – начале II тыс. н.э., были носители роменской и древнерусской культур, имевшие довольно высокий уровень развития земледелия. Новые данные делают целесообразным еще одно обращение к некоторым аспектам почвообработки населения Бесединского комплекса – основы благополучия любой средневековой общности.

¹ Автор выражает благодарность В.В. Енукову и О.Н. Енуковой за возможность использования материалов.

К сожалению, в условиях климата средней полосы не сохраняется дерево, служившее основным материалом при изготовлении почвообрабатывающих орудий. Но по аналогии с соседними памятниками Посемья можно предположить, что в роменский период наиболее распространенным было цельнодеревянное рало, рабочая часть которого укреплялась железным широколопастным наральником.

Подтверждением этому служит находка железного наральника (Енуков, 1993. Л. 79. Рис. 200а: 1) (рис. 1: 1). По классификации Ю.А. Краснова он относится к типу IV2, который был широко распространен в Восточной Европе во второй половине I тыс. н.э. (Краснов, 1987. С. 40, 41. Табл. 1). По сопутствующим находкам артефакт датирован X в. Подобные предметы встречаются на других синхронных памятниках Курского района (у д. Шуклинка и Липино) (Никольская, 1958. С. 66–77; Енукова, 1997. Рис. 55А) (рис. 1: 2, 3). Такое орудие позволяло наиболее качественно обрабатывать почву, частично переворачивая пласт земли. Впоследствии, в древнерусское время, по мере сведения основной части лесов на территории Посемья получают распространения орудия плужного типа, оснащенные лемехом.

Благоприятные условия и достаточный уровень развития почвообработки позволяли выращивать некоторый набор злаковых культур. В ходе исследований селища в 2014 г. выявлена яма-зернохранилище, в которой содержалось около 30 г обгорелых зерновок злаковых растений. Большую часть из них составляла рожь, но зафиксированы и незначительные включения пшеницы голозерной и овса. Кроме того, отпечатки овса встречаются на обломках керамики. Использование зерновок злаковых культур в гончарном производстве для закрепления изделия на подставке известно по материалам волынцевской и роменской культур (Колода, Горбаненко, 2004. С. 168).

Для переработки выращенного урожая роменское и древнерусское население Бесединского комплекса использовало ручные жернова, обломки которых в большом количестве встречаются среди материалов памятника.

Таким образом, можно сделать вывод, что агрикультура славянского населения Бесединского комплекса вследствие благоприятных условий развивалась в соответствии с реалиями времени, в полной мере обеспечивая жителей необходимым запасом продуктов не только для собственных нужд, но и для продажи. Об этом косвенно свидетельствует длительное существование памятника, а также находки импортных предметов быта (бус и браслетов).

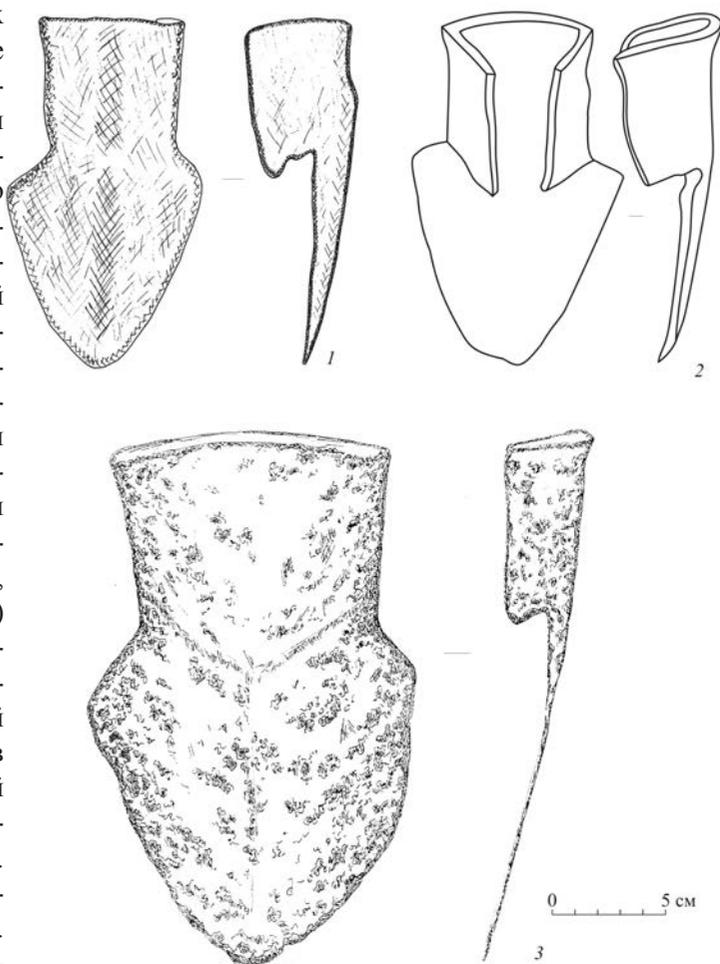


Рис. 1. Широколопастные наральники из напластований славянских памятников Посемья:

1 – Бесединское городище; 2 – городище у д. Шуклинка; 3 – поселение у д. Липино.

- Археологическая карта России. 1998. Курская область. Ч. 1. М. 298 с.
- Веретюшкина М.В., 2011. Почвенная приуроченность памятников Посемья в IX–XIII вв. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 3 (19). Т. 2. Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/021-006.pdf>
- Енукова О.Н., 1997. Отчет об охранных раскопках около с. Липино Октябрьского района Курской области в 1996 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 20004.
- Колода В.В., Горбаненко С.А., 2004. Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова // Хазарский альманах. Т. 2. Киев; Харьков; Москва. С. 161-179.
- Краснов Ю.А., 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука. 236 с.
- Никольская Т.Н., 1958. Шуклинское городище // КСИИМК. Вып. 72. С. 66–77.

Н.В. Григорьева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

mak-kon4@yandex.ru

**ВЕЩИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В МАТЕРИАЛАХ ЛАДОЖСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ IX В.
(ИЗ РАСКОПОК В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА)¹**

Предположения о присутствии славянского компонента среди населения раннесредневековой Ладogi не раз высказывалось разными исследователями. На славянские по происхождению вещи среди ладожских материалов обращали внимание А.Н. Кирпичников (1980. С. 452, 453; 2002. С. 247, 248), О.И. Давидан (1995. С. 166), О.А. Щеглова (2002), В.С. Нефедов (2003) и другие. В данной работе рассматриваются находки, обнаруженные за последние годы раскопок вдоль внутренней части южного вала Земляного городища, в слоях начала 70-х – конца 90-х годов IX в. Хронологические рамки определены по данным дендрохронологического анализа остатков построек, выявленных на исследованном участке.

Значительно пополнилась коллекция небольших литых украшений из свинцово-оловянных сплавов, ранее выделенных в отдельную группу ладожских древностей О.А. Щегловой (2002). Появление на Северо-Западе традиции ношения и изготовления этих украшений (бляшек и подвесок) связывают с одной из волн славянской миграции второй половины I тыс. В рассматриваемых материалах оказались представлены формы, не отмеченные ранее на поселении, и свидетельства местного производства данного типа украшений в виде литейных форм и бракованных изделий.

Со славянским населением VII–VIII вв., занимавшим периферийные зоны влияния аварского каганата в Побужье и в Польше, следует связывать немногочисленные ладожские находки тисненых изделий из металлического листа со свинцово-оловянной заливкой (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 437). Вероятно, с продолжением данной традиции можно соотносить изготовленные в Ладoge литые поясные бляшки, обратная сторона которых имеет следы заливки из легкоплавких металлических сплавов.

Одним из определяющих славянских украшений являются височные кольца (рис. 1: 1–5). До недавнего времени в Ладoge было известно три височных кольца: одно лунничное и два перстеобразных проволочных с завитком наружу, специальное внимание на которые обратил А.Н. Кирпичников (1980. С. 452, 453; 2002. С. 247, 248). В результате новых работ обнаружены еще три височных кольца с завитком наружу (рис. 1: 1–3) и одно с завитком внутрь (рис. 1: 5), фрагменты лунничного и серповидного колец, а также несколько простых проволочных (рис. 1: 4).

В Ладoge конца IX в. весьма популярным женским украшением были трапециевидные подвески, вырезанные из тонкого листа металла. Обнаружено более 100 таких под-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00147 «Новые материалы в истории Старой Ладogi (по материалам раскопок последних лет)».

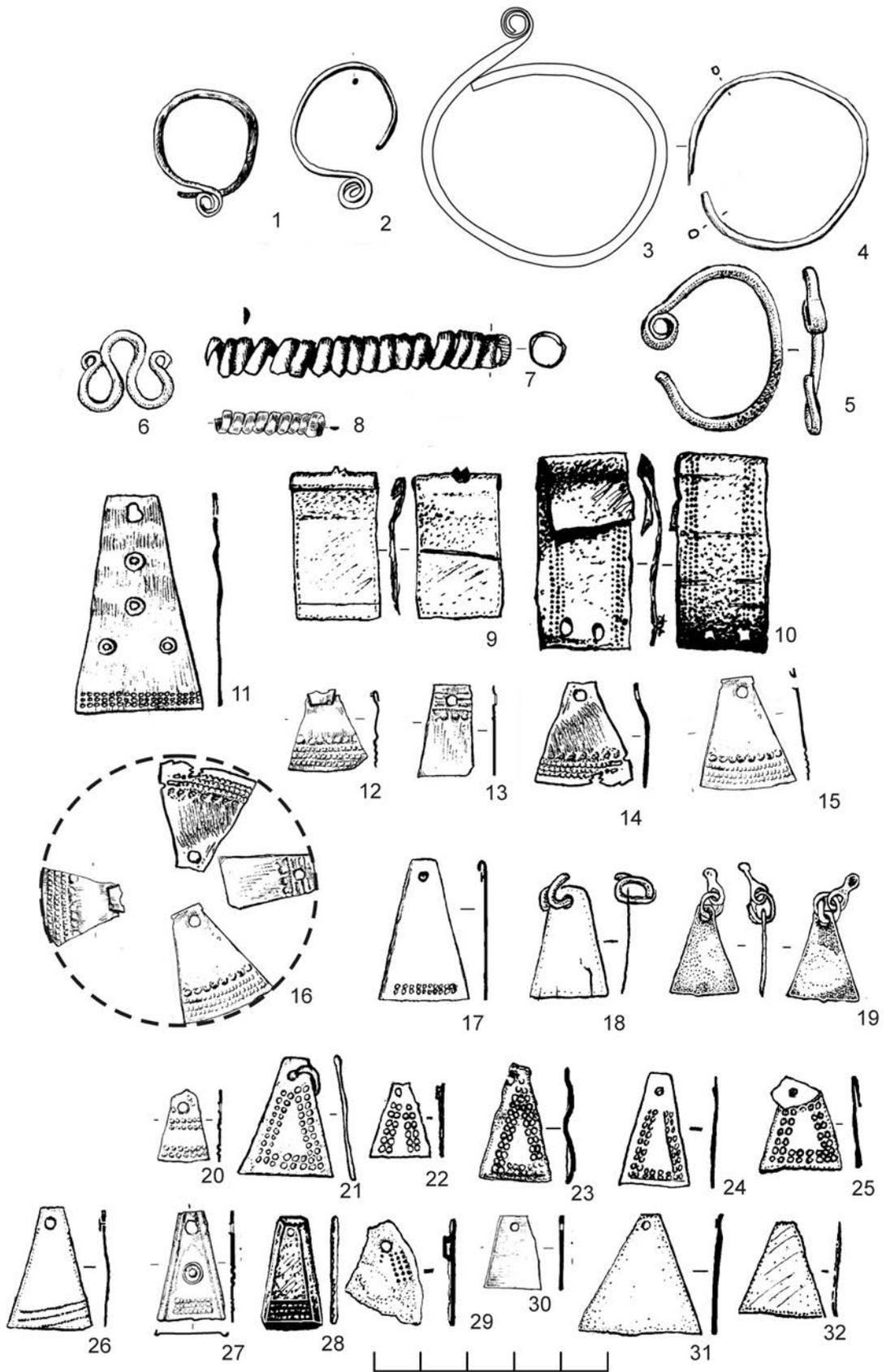


Рис. 1. Металлические украшения.

1–5 – височные кольца; 6 – бисовидная привеска; 7, 8 – спиральки; 9, 10 – детали головных венчиков; 11–15, 17–31 – подвески; 16 – реконструкция круглой бляхи, разрезанной на отдельные подвески; 32 – заготовка трапециевидной подвески.

весок разного размера, изготовленных с разной степенью тщательности (рис. 1: 11–15, 17–31). Иногда для их изготовления использовалось другое пластинчатое украшение, которое разрезали на части. Имеется несколько пластинок-заготовок для подвесок, без орнамента и отверстия (рис. 1: 32). У одного экземпляра сохранился соединитель из легкоплавкого сплава (рис. 1: 19). Среди трапециевидных подвесок представлены изделия, имеющие аналогии в культуре смоленских длинных курганов (рис. 1: 11) (Нефедов, 2003. С. 59). Несколько подвесок с тисненым орнаментом вдоль нижнего края представляют собой порезанную на части круглую бляху (рис. 1: 12–16) – еще одно украшение, характерное для древностей смоленского Поднепровья. Похожая бляха уже была обнаружена в Ладого при раскопках В.И. Равдоникаса. Помимо подвесок в этих же слоях зафиксированы пластинчатые детали головных венчиков, спиральки и биэсовидные соединительные привески (рис. 1: 6–10).

Аналогии некоторым подвескам, имеющим пуансонный декор по всему периметру (рис. 1: 21–25), В.С. Нефедов указывает, в частности, в древностях роменской культуры (2003. С. 59). Похожие по орнаментации и оформлению верхнего края изделия встречаются в кладах в Среднем Поднепровье (Корзухина, 1996. С. 373, 395. Таб. 22: 20–22; 45: 11–13).

Новые находки позволяют еще более обосновано говорить о долговременном присутствии в Ладого во второй половине I тыс. представителей славянского населения лесной и лесостепной зон Восточной Европы.

Давидан О.И., 1995. Материальная культура первых поселенцев древней Ладого (из коллекции государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник / Отв. ред. Б.С. Короткевич, А.Н. Мазуркевич. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 156–167.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень // Труды ИИМК РАН. Т. XXXIII. СПб.: Нестор-История.

Кирпичников А.Н., 1980. Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв. // Памятники культуры: Новые открытия. 1979 г. Л.: Наука. С. 441–455.

Кирпичников А.Н., 2002. Производственный комплекс IX в. из раскопок в Старой Ладого // Ладого и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. С. 227–250.

Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников. // МАИЭТ. Вып. V / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 352–435, 586–705.

Нефедов В.С., 2003. Некоторые замечания об украшениях культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Старой Ладого // Ладого – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской / Научн. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, ИИ РАН. С. 58–67.

Щеглова О.А., 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладого и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. С. 134–150.

О.В. Григорьева

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
sigrid@yandex.ru*

ВАЖНОСТЬ ТОЧНОЙ ФИКСАЦИИ СФРАГИСТИЧЕСКИХ НАХОДОК В РАСПАХАННОМ СЛОЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОГО ГОРОДИЩА)

Сфрагистические находки – весьма важная категория древнерусского материала. Найденные в процессе раскопок вислые свинцовые печати и пломбы представляют собой остатки документации различного типа (судебных грамот, государственных и частных актов, хранения опломбированных товаров или ценностей, семейных архивов и т.д.). Заготовки вислых печатей, формочки для их отливки, матрицы, буллотирии, а также при-

кладные костяные печати являются неоспоримым свидетельством деятельности представителей средневековых властных структур. По оценкам исследователей, печати в Древней Руси на всем протяжении своего существования были атрибутом власти, они доносят до нас информацию о составе и эволюции государственных институтов, показывают социальный статус их владельцев (Буров, 1982. С. 15; Колосова, 1986. С. 44; 1996. С. 69; Янин, 1985. С. 376).

Но полнота археологической информации во многом зависит от тщательности методов ее извлечения, а пренебрежение ими может привести к неверным и даже абсолютно противоположным выводам. Больше всего этого надо опасаться при исследовании нестратифицированного слоя, нарушенного разнообразной деятельностью человека. На сегодняшний день подавляющее большинство артефактов древнерусского времени происходит именно из такого слоя (Колчин, Куза, 1985. С. 37). Его раскопки ведутся по стандартной методике, хотя ни для кого не секрет, что чаще всего археологи воспринимают такой слой как балластный и тратят на его разборку гораздо меньше усилий, чем на исследование стратифицированного слоя. Среди прочего, поводом к этому является общепринятое мнение, что распашка полностью уничтожает информацию о первоначальном местонахождении артефактов. В настоящее время озвучена и другая точка зрения. Она представлена работами С.Д. Захарова, который пересмотрел устойчивые представления о масштабах ущерба, наносимого распашкой. По итогам этих исследований выясняется, что «даже многовековая распашка, в том числе ведущаяся тракторами на крутом склоне в одном направлении и провоцирующая смыв грунта, не приводит к значительному перемещению находок» (Захаров, 2008. С. 334–337; Захаров, 2014. С. 18).

Этот важный вывод находит подтверждение и в наших работах, связанных с анализом распределения находок в нестратифицированном слое Новгородского (Рюрикова) городища. На протяжении всего средневековья здесь находилась резиденция новгородских князей, и сейчас Городище является «главной сфрагистической сокровищницей Древней Руси» (Янин, 1970. С. 6, 7). К сожалению, культурный слой памятника в основном (кроме некоторых участков) представляет собой однородный серый гумус, который столетиями нарушался активной застройкой и периодически интенсивно распахивался. Долгое время считалось, что топография княжеского Городища невосстановима (Носов, 1990. С. 25–30; Янин, 1970. С. 23). В центральной части памятника рядом с княжеским храмом в результате многолетних работ был исследован большой участок культурного слоя, в котором найдено значительное количество индивидуальных и массовых находок от эпохи средневековья до нашего времени, и выявлены разновременные материковые ямы и котлованы средневековых построек. Раскопки велись по стандартной методике, но культурный слой просеивался на мелкоячеистых ситах, что позволило практически полностью собрать все артефакты. Даже при поквadratном распределении находок планиграфический анализ различных групп материала показывает, что равномерного распределения артефактов по площади раскопа не наблюдается, а выделяются отчетливые пятна концентрации, тяготеющие к котлованам жилищ и хронологически совпадающие с ними. Самые интересные результаты дает планиграфический анализ сфрагистических находок. Выявляются два довольно компактных скопления (более 40 экз.), которые тяготеют к двум котлованам жилищ (одно датируется XII–XIII вв., датировка другого неясна). Основная масса печатей относится ко второй половине XII – первой половине XIII в. Буллы найдены также в сопровождении заготовок, то есть, какие-то документы могли заверяться здесь же на месте. Кроме этого, зоны скопления булл совпадают с зонами концентрации группы престижных вещей, таких, как фрагменты золотых украшений, импортной стеклянной и фаянсовой посуды, многочисленные обломки амфор, ценные предметы личного благочестия и пр. Такое компактное расположение дает нам право говорить, что, скорее всего, мы имеем дело с остатками архивов домонгольского времени, хранившихся в указанных жилищах. Это доказывают также находки печатей непосредственно в заполнении датированной постройки.

Однако отсутствие точной фиксации индивидуальных находок не позволяет окончательно установить состав этих архивов, которые могли перемешаться между собой. Кроме того, к группе хронологически близких печатей примешиваются единичные буллы XI в., а также второй половины XIV – начала XV в. На современном этапе исследования сложно понять, насколько случайно попадание этих печатей в составы рассматриваемых архивов. При поквдратной фиксации артефактов пропадают как раз те нюансы, которые могут оказаться решающими в ходе исторических интерпретаций. Тщательная фиксация всех находок рядом со сфрагистическими комплексами позволяет точно устанавливать археологический контекст последних.

Таким образом, мы приходим к выводу, что при исследовании нестратифицированного слоя древнерусских поселений важно стремиться к точной фиксации индивидуальных находок, от которой зачастую сильно зависит историческая интерпретация материала. Чтобы достичь этого, необходимо внести принципиальные изменения в методику ведения раскопок такого слоя.

- Буров В.А., 1982. Социальная топография Новгорода XIV–XV вв. (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ. 17 с.
- Захаров С. Д., 2008. Методика реконструкции застройки средневековых поселений (по материалам раскопок белозерских селищ) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А.Макаров. М.: ИА РАН. С. 334–337.
- Захаров С.Д., 2014. Информативность распаханного слоя: некоторые стереотипы и реальность: [электронный ресурс] // Институт Археологии РАН. М. 23 с. URL: <http://www.archaeolog.ru/media/articles/Zakharov.pdf> (Дата обращения: 05.01.2015.)
- Колосова И.О., 1986. Новые находки вислых печатей XIV–XV вв. в Пскове в 1985 г. // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Краткие тез. докл. к научно-практич. конф., посвящ. XXVII съезду КПСС и 110-й годовщине музея-заповедника. Псков. С. 43–44.
- Колосова И.О., 1996. Памятники сфрагистики // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков: ПГНИАЦ. С. 69–89.
- Колчин Б.А., Куза А.В., 1985. Археологические источники и методика исследования // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука. С. 29–38. (Археология СССР.)
- Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) Городище. Л.: Наука. 216 с.
- Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М.: Наука. 327 с.
- Янин В.Л., 1985. Вислые актовые печати // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука. С. 376–386. (Археология СССР.)

Н.А. Дулебова

Государственный Исторический музей, Москва
dulebova_natalya@mail.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПИТЬЕВОГО РОГА ИЗ БРЯНСКОГО КЛАДА¹

Наиболее точное и полное описание внешнего вида вещей круга выемчатых эмалей предложено Г.Ф. Корзухиной. Это бронзовые литые украшения, имеющие выемки, оставленные при отливке, которые впоследствии заполнялись эмалью (обычно глухого красного цвета, но встречаются белые, желтые, синие, оранжевые, зеленые эмали). Форма и орнаментация предметов тяготеют к геометрической стилистике. Для данного типа изделий характерны ажурность и геометричность (Корзухина, 1978. С. 17).

Вещи круга варварских выемчатых эмалей широко распространены по всей Восточной Европе: от Финляндии и Швеции до Крыма и Осетии, от Польши до Прикамья (Корзухина, 1978. Карта-вклейка). В основном они представлены отдельными находками или комплексами. Можно выделить несколько основных центров их концентрации: Среднее Поднепровье, Восточная Прибалтика, Мазурское Поозерье, Днепровское лесостепное Левобережье, Верхнее Подонье и лесное Поднепровье (Корзухина, 1978. С. 17; Облом-

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-01-00269.

ский, Терпиловский, 2007. С. 114). Брянский клад, переданный сотрудниками ФСБ в 2012 г. в Исторический музей, может быть отнесен к последнему из перечисленных центров. В состав клада входят более 180 предметов, часть которых представляют собой детали питьевых рогов (Ахмедов и др., 2013. С. 100). Всего может быть выделено не менее трех комплектов предметов – деталей питьевого рога.

В ареале вещей с выемчатыми эмальями элементы питьевых рогов нельзя назвать частой находкой. Основная их масса сосредоточена в Центральной Европе. Не менее 15 элементов рогов обнаружены в Прибалтике (Линкайчай, Лилл-Пудери, Лапсау, Салениеке и др.). В других регионах рассматриваемые предметы встречены значительно реже. Среди мест находок элементов питьевых рогов можно назвать Москалевку на Днепро-вском Левобережье (Случайные находки, 1898. С. 134), Курскую область (Радюш, 2010. С. 7), Брянскую и Смоленскую, а также Витебскую области (Ахмедов и др., в печати). Цепью рога, вероятно, можно также считать подвеску, входившую в состав Мощинского клада. Самая отдаленная находка сделана в Северной Осетии: в одном из погребений у с. Лезгор (Амброз, 1968. С. 13–16) было обнаружено звено цепи питьевого рога.

Наиболее сохранившимися можно назвать детали рога из Линкайчай и Лиллпудери. Помимо самой цепи сохранились наконечники, закрепленные на ней, и небольшой фрагмент оковки. К сожалению, три рисунка деталей рога из Линкайчая имеют ряд различий (Корзухина, 1978; Амброз, 1968; Bitner-Wróblewska, 2009. P. 412), которые не дают возможности достоверно сопоставлять эти вещи с деталями питьевого рога из Брянского клада.

Для реконструкции был использован ряд деталей питьевого рога, но невозможно с полной уверенностью сказать, что все предметы (цепь, оковка устья, оковка питьевого края и наконечник) составляли в древности один комплекс.

Литой наконечник питьевого рога (ГИМ 114285/182) представляет собой усеченную девятигранную пирамиду, полую внутри. У граненного и круглого в плане основания располагаются три валика. В верхней части наконечник насквозь пробит круглым в сечении стержнем, вероятно, служившим для фиксации наконечника на роге. Размеры предмета: высота 4,44 см; диаметр основания 2,9 см; диаметр устья 1,5 см.

Цепь, соединенная с оковкой устья рога (ГИМ 114285/165), состоит из литых частей, соединенных с помощью шарнирного крепления. Все звенья цепи украшены вставками красной эмали. Общая длина цепи 16,5 см, максимальная ширина 4,2 см, минимальная 1,7 см. Пластинчатая оковка прикреплена к цепи посредством двух прямоугольных в сечении дротов, сложенных вдвое. Они огибают ажурную петлю в верхней части цепи, проходя через отверстие в оковке и, вероятно, в древности – через сам рог, после чего перпендикулярно загибаются. На сохранившейся части оковки осталось только одно отверстие, скрепленное с цепью. Второе подобное отверстие располагается на противоположной стороне оковки, но сильно смещено к верхнему краю. По всей нижней части оковка украшена линией пуансона, некоторые бляшки пробиты насквозь. Ширина оковки от 1,9 до 2,05 см.

Оковка устья рога (ГИМ 114285/167) из согнутой в кольцо пластины профилирована с углубленной полосой по центральной части лицевой стороны. Ее размеры: внешний диаметр 6,4 x 6,9 см; внутренний диаметр 5,6 x 5,9 см. У оковки есть выемка для крепления на роге. Ширина выемки не менее 0,2 см.

При реконструкции (рис. 1) за основу был взят наиболее сохранившийся и близкий по внешнему виду питьевой рог из Линкайчай, хотя он и имеет ряд очень важных конструктивных отличий. Самым существенным можно назвать тип крепления цепи к наконечнику: она была зафиксирована с помощью небольшого крючка у основания наконечника. Рог, входящий в состав брянского клада, был сделан из дерева ясеня (Ахмедов и др., в печати), а на наконечнике нет следов крючка или каких-либо других элементов крепления с цепью. Вероятно, нижнее звено цепи фиксировалось на самом роге с помощью дрота, пробивавшего дерево насквозь. Он аналогичен двум, расположенным в верхней части цепи, но сохранился не целиком, его перпендикулярно загнутые окончания утрачены.

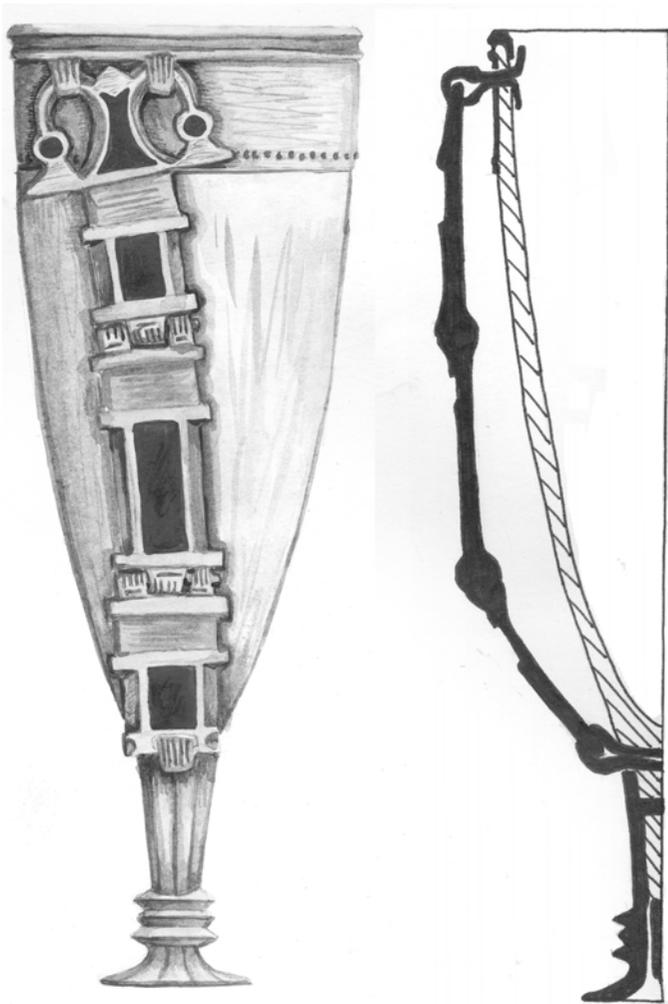


Рис. 1. Реконструкция рога из Брянского клада.

Цепь в древности, вероятно, крепилась достаточно свободно, чтобы при использовании иметь возможность спокойно размещать руку между рогом и цепью. Изначально рог имитировал сочетания золота и серебра в металлических частях, которые перемежались вставками красной эмали. Некоторые части цепи и пластинчатая оковка были покрыты тонким слоем белого металла, что до сих пор может быть визуальным зафиксировано.

На основании графической реконструкции могут быть определены общие размеры рога: его высота около 19,6 см; диаметр устья 6,9 см; толщина стенок не менее 0,3 см; примерная глубина 14 см.

Отметим, что цепь из Брянского клада имеет всего три звена. У полностью же сохранившихся цепей из Прибалтики по 4–6 звеньев и, судя по имеющимся рисункам, их наконечники не имели дрота, проходившего насквозь (Корзухина, 1978. Рис. 30). Возможно, это связано с материалом, из которого были сделаны сосуды, однако с уверен-

ностью утверждать это невозможно, так как у нас есть органические остатки только из наконечников рога Брянского клада.

Амброз А.К., 1968. Деталь восточнобалтийского питьевого рога из с. Лезгур Северо-Осетинской АССР // *Славяне и Русь* / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М. С. 13–16.

Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А., 2013. Клад из Суземского района Брянской области // *Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 г.* / Отв. ред. О.М. Демиденко. Гомель. С. 99–107.

Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А., в печати. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) // РА.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л. 124 с. (САИ. Вып. Е 1–43.)

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–V вв. н.э.)*. М. С. 113–141. (Раннеславянский мир. Вып. 10.)

Случайные находки и приобретения, 1898 // *ОАК за 1896 г.* СПб. С. 113–142.

Радюш О.А., 2010. Украшения и снаряжение круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2. Часть 2.* Тула. С. 5–18.

Bitner-Wróblewska A., 2009. Geometrical Motifs in Balt Art in the first Centuries AD // *Catalogue of the International Exhibition of Millennium of Lithuania Art of the Balt.* Vilnius. P. 377–448.

О «ДРУЖИННЫХ» ЗАХОРОНЕНИЯХ В ПЕТРОВСКОМ

Под традиционным для отечественной историографии понятием «курганы Ярославского Поволжья» скрываются три сложных по своему составу археологических комплексов (Тимерево, Михайловское, Петровское). Основное внимание исследователями уделялось (и уделяется) Тимеревскому. Материалы Петровского, так же как и Михайловского комплексов практически не привлекаются или используются лишь для получения статистических данных.

Очевидно, потенциал Петровского археологического комплекса до сих пор не раскрыт. Во-первых, к могильнику примыкает довольно крупное поселение, видимо, занимающее около 10 га, исследования которого практически не проводились. Странная форма могильника заставляет предполагать фрагментарную сохранности кладбища. По данным 1877 г. его площадь составляла более 4,5 га, а курганы подвергались распахке уже тогда. Размеры и взаиморасположение курганов в Петровском и Тимерево аналогичны. Площадь могильника в Тимерево в настоящий момент составляет 4,5 га, на ней расположено почти 500 насыпей (Захаров, Зозуля, 2014. С. 52, 53). Топографический план (точнее, схема) Петровского могильника был снят относительно поздно, в 1960-е годы. На плане отмечена 141 насыпь (Ярославское Поволжье, 1963. С. 20–23, 126–132).

В последнее время разворачивается дискуссия о количественной оценке погребений с предметами вооружения «дружинных» некрополей и их процентном соотношении с числом исследованных насыпей (Каинов, 2008; Фетисов, 2008а; 2008б; 2012). Зачастую материалы Тимеревского, Петровского и Михайловского некрополей причудливо смешиваются и, в результате, представляются неким единым массивом, наряду с «аналогичными» памятниками типа Гнездово, Шестовицы и др., характеризующими «дружинную» культуру Древней Руси. Ранее необходимость дополнительной аргументации в пользу «дружинного» характера Петровского некрополя уже была отмечена (Зозуля, 2008. С. 340). Попробуем развить этот тезис.

118 исследованных И.С. Абрамовым, М.В. Фехнер и В.Н. Седых¹ курганов содержали 137 захоронений (Дело..., 1908. Л. 22–25; Ярославское Поволжье, 1963. С. 20–23, 126–132). Именно данные об общем количестве погребений, а не курганов, логично использовать при количественной оценке захоронений с оружием. Оружие содержалось в 16 курганах².

Список захоронений с предметами вооружения придется несколько скорректировать. В двух случаях (к. 21, 71) предметы вооружения обнаружены в насыпи, и их связь с погребением до конца не ясна. К тому же в к. 71 (как и в к. 73) захоронение, судя по инвентарю, женское. Предмет из к. 91, являющийся, по мнению авторов раскопок, наконечником стрелы, не поддается определению из-за плохой сохранности. Таким образом, курганы 21, 71, 73 и 91 из списка «дружинных» следует исключить.

Неоднозначна трактовка захоронений с одиночными наконечниками стрел. Вероятно, стоит согласиться с мнением, что подобные погребения можно относить к «дружинным» лишь в том случае, если их инвентарь содержал еще какие-либо характерные признаки: предметы, связанные с торговлей, ремennую garnитuru и т.д. (Фетисов, 2004. С. 93). Инвентарь трех захоронений из Петровского (к. 69а, 73, 76) не позволяет учитывать их как «дружинные»: другие «дружинные» признаки, кроме наконечников стрел, в них не выявлены³.

¹ Благодарю В.Н. Седых за возможность использовать неопубликованные данные.

² Находки предметов вооружения не всегда связаны с конкретным захоронением. Об этом ниже.

³ То есть, захоронение в к. 73 не может быть включено в список «дружинных» по нескольким основаниям. Справедливости ради стоит отметить, что из четырех захоронений, содержавших два и три наконечника стрел, лишь в одном присутствовали детали ремennой garnитuru (поясной наконечник). Торговый инвентарь не обнаружен и в этих погребениях.

Таким образом, выборка курганов, относимых к «дружинным», сокращается до 10 захоронений¹, а соотношение погребений с предметами вооружения к общему количеству исследованных падает до 7,3 %.

Интересно обратиться к обряду захоронений, попавших в выборку. Преобладают труположения (6 из 10). Из шести захоронений пять представлены довольно схожими между собой малоинвентарными ингумациями на уровне материка. Оставим в стороне дискуссию об интерпретации топоров типа IV и V (по типологии А.Н. Кирпичникова) исключительно как боевых² и обратимся к датировке ингумаций. Традиционно подобные захоронения датируются в Ярославском Поволжье (и не только) рубежом X/XI – началом XI в. То есть, большинство «дружинных» погребений в Петровском выходят за рамки того периода, в который, по мнению А.А. Фетисова, регион Ярославского Поволжья мог быть независим от центральной власти и опирался на собственный воинский контингент (Фетисов, 2012. С. 416).

Трупосожжения с предметами вооружения, вошедшие в выборку, выявлены в к. 38, 59, 99, 111 из раскопок М.В. Фехнер. В двух найдено по два наконечника стрел, в к. 59 – три экземпляра. Восприятие этих захоронений как «дружинных» кажется не совсем правомерным, однако и их исключение из списка требует дополнительной аргументации.

Единственным захоронением Петровского некрополя, бесспорно относящимся к богатому воинским, можно считать трупосожжение в к. 38, сопровождаемое мечом, колчаном, накладкой на лук, торговым инвентарем, конским снаряжением, ремненным набором. Только это погребение содержало несколько категорий предметов вооружения и имело другие признаки принадлежности погребенного к «дружинной» среде (Каинов, Зозуля, 2014).

Таким образом, «дружинные» захоронения в Петровском отличаются, за редким исключением, крайним однообразием набора предметов вооружения и, в целом, бедностью инвентаря. Типологически они в основном распадаются на две группы: трупосожжения с наконечниками стрел и труположения с топорами. Первая группа датируется серединой – второй половиной X в. и вряд ли связана с функционированием некоего профессионального воинского контингента. Вторая группа, возможно, отличается от первой и несет в себе другие, новые для региона, древнерусские традиции. Датируются подобные захоронения рубежом X/XI – началом (или первой половиной?!) XI в. Вряд ли их можно отнести к классическим «дружинным»³. В целом же схожесть пяти ингумаций с топорами и их концентрация в одной части могильника свидетельствуют о близкой датировке, что, в свою очередь, может отражать рост напряженности, связанный с появлением Ярославля как нового политического и административного центра региона (Энговатова, 2011. С. 80).

Представленный обзор погребений Петровского некрополя с предметами вооружения, при очевидной скудости и однотипности последних по сравнению с аналогичными материалами Тимеревского и Михайловского могильников, позволяет еще раз указать на неприемлемость обобщения данных всех трех комплексов. Очевидно, в Ярославском Поволжье существовала иерархическая структура расселения, схожая с описанной В.С. Нефедовым для Смоленского Поднепровья и Подвинья (Нефедов, 2012. С. 277–280), в которой Петровское занимало не верхнюю ступень. Видимо, расположение Петровского археологического комплекса на Волжском торговом пути⁴ связано с какими-то другими причинами, а отнюдь не необходимостью контроля участка речной артерии, и уж точно не силой оружия.

¹ К. 6, 9, 32, 38, 41, 55, 59, 99, 111 из раскопок М.В. Фехнер 1962-1963 гг., к. 11 из раскопок И.С. Абрамова 1908 г. Установить обряд последнего погребения довольно сложно, скорее всего, захоронение совершено по обряду ингумации.

² В противном случае круг «дружинных» захоронений Петровского сузится еще больше.

³ Хотя некая унификация набора предметов вооружения в погребениях конца X–XI в. и появление ингумаций с топорами характерно и для других памятников, например Гнездова.

⁴ На притоке второго порядка и, на самом деле, на довольно большом удалении от Волги.

- Дело ИАК 71/1908 о раскопках Императорского Русского Археологического Общества в Владимирской, Костромской, Ярославской и Санкт-Петербургской губерниях. Архив ИИМК РАН.
- Захаров С.Д., Зозуля С.С., 2014. Новые данные о Тимеревском археологическом комплексе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 51–53.
- Зозуля С.С., 2008. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 337–340.
- Каинов С.Ю., 2008. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнездовском могильнике // XVI Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск. С. 200–203.
- Каинов С.Ю., Зозуля С.С., 2014. Накладки на рукояти мечей (по материалам раскопок Гнездовского и Петровского некрополей) // Славяне и иные языци... / Отв. ред. Н.И. Асташова. М. С. 132–140.
- Нефедов В.С., 2012. Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования древнерусского государства по археологическим данным // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 г. Предпосылки образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М. С. 270–299.
- Фетисов А.А., 2004. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // РА. № 3. С. 89–98.
- Фетисов А.А., 2008а. Численность «дружинных» гарнизонов на торговых путях Восточной Европы // XVI Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск. С. 225–227.
- Фетисов А.А., 2008б. Численность «дружинных» гарнизонов на торговых путях Восточной Европы // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 2. Коростень. С. 207–212.
- Фетисов А.А., 2012. «Дружинная культура» Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 г. Предпосылки образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М. С. 406–436.
- Энговатова А.В., 2011. Древнейшее поселение Ярославля // Археология Древнерусского города XI–XV вв. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза. М. С. 79–80.
- Ярославское Поволжье X–XI вв., 1963 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М. 144 с.

А.З. Исмаилова

*Национальный музей истории Азербайджана, Баку
aidaismailova4@gmail.com*

О НЕКОТОРЫХ ЗАТОПЛЕННЫХ И УТЕРЯННЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ НА КАСПИЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ АЗЕРБАЙДЖАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА)

В ряде исторических источников упоминаются средневековые города Азербайджана, месторасположение которых не установлено, из-за чего предполагается, что они оказались затоплены Каспийским морем. В их числе город Махмудабад и поселение Кюрсанги, находившиеся в области Гуштасфи на территории Ширвана, входившего в состав государства Ширваншахов. Об упомянутых городищах имеются сведения у А. Бакиханова (2000. С. 92). Ширван начала XII в. занимал территорию, ограниченную с севера р. Самур, с юга – р. Курой, с востока Каспийским морем, на западе он граничил с Шеки, Мингечевиром и Евлахом. На юге ширваншахи присоединили к своему государству область Гуштасфи (Буниятов, 1975. С. 40). На данной территории расположен современный Сальянский район и часть Нефтчалинского района Азербайджана. С целью поиска указанных городов экспедиция Музея истории Азербайджана под руководством В. Квачидзе проводила в 1969–1987 гг. подводные археологические исследования, причем не только в затопленных городах на каспийском побережье, но и на поселениях вдоль бывшего притока р. Кура (Квачидзе, 2009). Ранее выдвигалось предположение, что обнаруженные у притока Куры развалины принадлежат городу Махмудабад. В результате

вышеуказанных исследований было найдено большое количество покрытой глазурью и неглазурованной керамики, изделий из стекла и металла, которые ныне хранятся в фонде археологии Национального музея истории Azerbaijan и демонстрируются в экспозиции. По свидетельствам членов группы подводной археологии, на месте расположения Кюрсанги обнаружены остатки крепостных стен (Мамедов, Квачидзе, 1979. С. 26, 27; 1981. С. 18–20; Пахомов, 1938. С. 38). Наземные материалы указывают, что это оборонительное сооружение относится к X–XII вв. Надо отметить, что основные археологические исследования проводились на городищах Бяндован I и II, где обнаружено множество предметов материальной культуры (Квачидзе, 2003. С. 76, 77). В 1977 г., во время археологических исследований под руководством В. Квачидзе на территории Гырхчираг, в городище Махмудабад были найдены изделия из покрытой глазурью и неглазурованной керамики, фаянса, селадона, т.е. как местные, так и привозные изделия. Встречены глазурованные чаши и тарелки со следами от треугольных керамических подставок, а также сами такие подставки и керамические гончарные стержни, являющиеся неоспоримыми свидетельствами местного производства глазурованной посуды в городе Махмудабад (Квачидзе, 1980. С. 38). Во время проведенных в 1988 г. под руководством Р. Геюшева в Гырхчираге раскопок было определено, что мощность культурного слоя достигала там 2 м (Геюшев, 1992. С. 145). В период средневековья благодаря караванному пути, пролежавшему через Махмудабад вдоль западного побережья Каспия, город быстро развивался.

В 2001 г. во время археологических исследований, проводившихся Н. Мусеибовым, найдены стеклянный слиток и обломки глазурованной посуды, 11 медных монет. Хотя перечисленным памятникам посвящен ряд статей, они не были достаточно широко изучены. Артефакты, обнаруженные в городищах, дают возможность сформировать представление о торговых и культурных связях государства, образе жизни людей того времени, их художественно-эстетических взглядах.

- Бакиханов А., 2000. Гюлистан-и Ирам. Баку: Минара. 224 с.
Бунятов З.М., 1975. Ширван в XII – первой половине XIII в. // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. № 4. С. 29–43.
Геюшев Р.Б., 1992. Работа Гырхчирагского отряда Азербайджанской новостроечной археологической экспедиции // *Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nailiyyətlərinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları*. Bakı: Bilik. S. 144–145.
Квачидзе В., 1980. Некоторые данные о городище Гырх-Чирах // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. 1977. Баку: Институт Истории АН АзССР. С. 36–40.
Квачидзе В.А., 2003. Бракованные сфероконические сосуды городища Бяндован II // *Arxeologiya və etnoqrafiya İnstitutunun 10 illiyinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları*. Bakı. S. 76, 77.
Квачидзе В.А., 2009. Каспийская Атлантида. Баку. 112 с.
Мамедов Р., Квачидзе В., 1979. Памятник Гырхчираг // Наука и Жизнь. № 4. С. 26, 27.
Мамедов Р., Квачидзе В., 1981. Древний Гуштасфи // Наука и Жизнь. № 12. С. 18–20.
Пахомов Е.А., 1938. Остатки древности по горе Кюрсанги // Известия АзФАН СССР. № 2. С. 31–37.

Е.А. Каравашкина

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
elena_k_1990_ul@mail.ru*

ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА ПРИКАМСКОГО ТИПА НА СЕЛИЩЕ ПОДГОРЫ I В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Селище Подгоры I находится в 1,15 км к северу от с. Подгоры Волжского района Самарской области на первой надпойменной террасе правого берега р. Волга, у подножия Белой горы (Скарбовенко, 2000. С. 4). При раскопках (1999 г., раскоп I; 2000 г., раскопы III, IV, V) обнаружена керамика прикамского типа, которая и была подвергнута морфологическому анализу по методике Р.Д. Голдиной (Голдина, Водолага, 1990. С. 88).

Первый этап работы состоял в выделении в изучаемом материале отдельных сосудов, что было сделано по характеру оформления верхних частей (29 экз.) и особенностям орнаментации стенок (34 экз.). Всего удалось выделить 63 разных сосуда.

По верхним частям сосудов прослежены детали их формы. Особенно разнообразно оформление венчиков: со скошенным внутрь краем и наплывом с внешней стороны (9 экз., 31%), со скошенным внутрь краем и наплывом с внутренней стороны (6 экз., 21%), с округлым краем (6 экз., 21%), со скошенным внутрь краем (4 экз., 14%). Кроме того, венчиков отогнутых встречено 2 экз., плоскосрезанных и приостренных – по 1 экз. Абсолютно преобладают цилиндрические горловины сосудов (27 экз., 93%), 1 – трапециевидная.

Орнаментация венчиков однообразна: у 8 сосудов она нанесена по внешнему срезу венчика. В 5 случаях это насечки зубчатым штампом (рис. 1: 5) и в 3 – острым штампом.

Орнаментация тулова сосудов представлена различными элементами и мотивами, выполненными, главным образом, оттисками шнура (31 экз., 91%), в том числе в виде сдвоенной «косички» (рис. 1: 4) (18 экз., 53%) или зубчатым штампом (74%). Этим инструментом наносились «елочка» вершиной вниз (8 экз.), вершиной вверх (8 экз.) или вершиной влево (1 экз.); сдвоенный зигзаг (4 экз.) (рис. 1: 2), реже – бессистемные отпечатки (2 экз.) (рис. 1: 1) и вертикальные насечки (1 экз.). Единично зафиксированы ямочный орнамент и вертикальные линии, сделанные зубчатым штампом с протаскиванием. Помимо этого, на 4 сосудах вертикальная «елочка» вершиной вниз и вверх была нанесена не зубчатым, а острым штампом.

По комплексу выделенных признаков рассмотренная керамика может быть отнесена к неволинской археологической культуре Пермского Прикамья (Голдина и др., 2011. С. 45). В пользу этого также свидетельствует круглодонный сосуд X в. (рис. 1: 3) из погребения 1, раскопанного М.С. Седовой в 2000 г. (Лифанов, Седова, 2003. С. 309. Рис. 5: 8).

Поскольку основной ареал неволинской культуры располагается примерно на 600 км севернее, в Сылвенско-Иренском поречье на западном склоне Среднего Урала, можно предполагать, что какая-то группа носителей этой культуры в конце IX в. переселилась в Среднее Поволжье, где продолжила свое обитание.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та. 174 с.

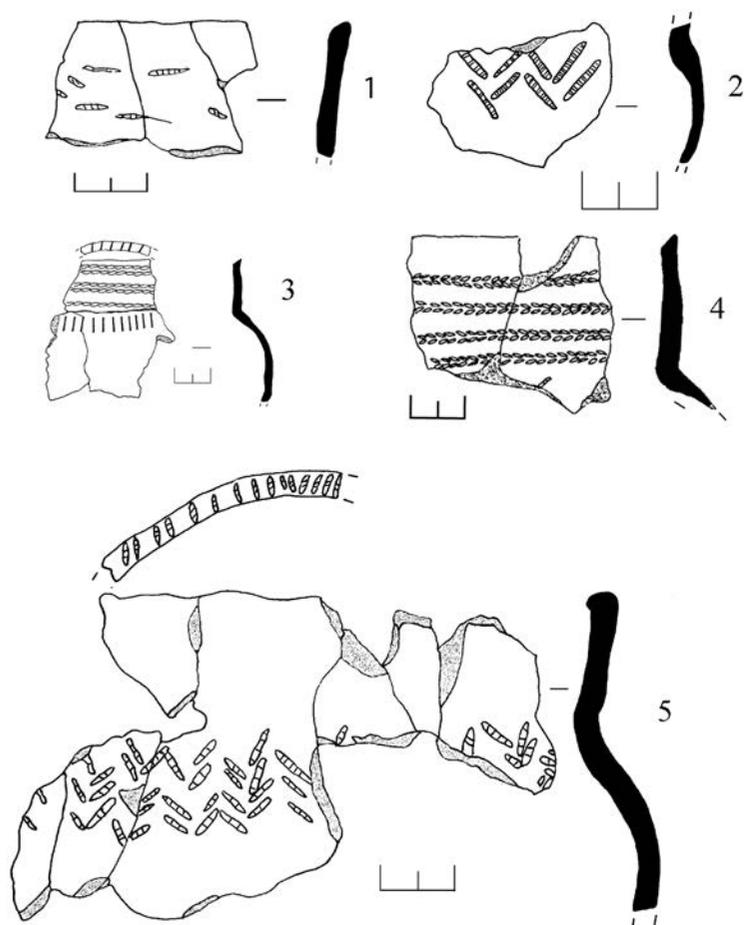


Рис. 1. Керамика селища Подгоры I.

- Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 13. Ижевск; Пермь.
- Лифанов Н.А., Седова М.С., 2003. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза.
- Скарбовенко В.А., 2000. Отчет о раскопках селища Подгоры I в Волжском районе Самарской области в 2000 г. Архив археологической лаборатории СамГУ.

Н.А. Кокорина

*Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Владимир
nataly.maler16@gmail.com*

КОМПЛЕКС НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТОВ ИЗ РАСКОПОК ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КЛАДБИЩА В СУЗДАЛЕ

Данная работа посвящена рассмотрению комплекса нательных крестов, происходящих из раскопок 1976 в г. Суздале, на территории посада, у Цареконстантиновской и Скорбященской церквей (Торговая площадь). Кресты происходят из слоя средневекового кладбища, существовавшего здесь, по мнению автора раскопок – М.В. Седовой – в XV–XVII вв. Она отмечает, что погребения преимущественно безынвентарные, основными находками в них являются кресты. Подробно на рассмотрении крестов, однако, М.В. Седова не останавливается, поскольку этот материал выходит за хронологические рамки ее исследования (1997. С. 123).

Задача данной работы, таким образом, – проанализировать комплекс крестов, по возможности, учитывая стратиграфию находок.

Первые захоронения, а также следы нарушенных захоронений, начинаются на уровне 4 пласта (на глубине 80–90 см). Погребения перекрывает слой со следами строительной активности, связанный, по-видимому, с возведением здесь в начале XVIII в. каменных церквей. Таким образом, верхнюю границу существования кладбища можно ограничить концом XVII в. С уровня 4 пласта происходит всего четыре креста. Два из них обнаружены в слое, два других – в погребениях.

На уровне 5 пласта количество погребений возрастает, в пяти из них найдены кресты. Во всех захоронениях кресты располагались в области грудной клетки. Кроме того, в одном погребении обнаружен второй крест – в районе головы. Из слоя происходят три нательных креста.

Больше всего захоронений обнаружено на уровне материка. И количество собранных здесь крестов значительно выше – 16 экз. Особенно важно, что все они происходят из погребений, где лежали преимущественно в районе груди. Лишь одна находка располагалась в ногах погребенного, и одна – у черепа.

Что касается внешнего облика крестов, то на всех уровнях повторяются одни и те же типы с незначительными вариациями. Преобладают кресты с прямоугольным завершением лопастей, у некоторых средокрестие дополнено лучами сияния, в одном случае – с шариками на концах лучей. Изображения на крестах различаются, в первую очередь, степенью рельефности. Здесь можно отметить следующую закономерность. Концы крестов со слабо выраженным рельефом почти всегда оформлены квадратными клеймами. У крестов с высоким рельефом на концах помещены надписи, не заключенные в клейма, но решенные так компактно, что сами собой образуют как бы выпуклые прямоугольники. В раскопках Романова двора в Москве подобные кресты происходят из горизонтов второй половины XVI – XVII в., причем экземпляры с квадратными клеймами найдены исключительно в горизонтах XVII в. (Кренке, 2009. С. 112). Аналогии им можно встретить также среди материалов Албазинского острога, где они датируются 1680-ми годами (Артемьев, 1996. Рис. 9).

Среди крестов других форм один имеет трехлопастные концы, два относятся к типу огненосных: один происходит из 5 пласта, другой – из погребения на уровне материка.

Два креста можно назвать процветшими. Один происходит из погребения 5 пласта и полностью соответствует типу II, по Э.А. Винокуровой (1999. С. 339). У креста с уровня материка концы завершаются цветочно-лиственными розетками, что вполне удовлетворяет наименованию «процветший», хотя образцов точно такого вида в типологии Э.А. Винокуровой нет. Пятью экземплярами представлен тип с луковичными (или сердцевидными) концами. У двух из них средокрестие дополнено венцом из завитков и шариков, еще у двух – лучами сияния, а фон заполнен голубой и черной эмалью. Стратиграфическая дата аналогичного креста из раскопок Романова двора – начало XVIII в. (Кренке, 2009. С. 112). Встречаются подобные экземпляры и среди крестов Албазинского острога (Артемьев, 1996. Рис. 9). В рассматриваемом комплексе один такой крест происходит из верхнего 4 пласта, другой – с уровня материка. Два изделия этого типа без эмали обнаружены на материке в самых нижних погребениях.

Из всех найденных в слое кладбища крестов только два представляют тип, возникновение которого можно отнести к XV в. (Солдатенкова, Персов, 2005. С. 215). Это кресты с прямоугольными профилированными лопастями, нижний конец которых образует как бы широкою лопаточку с килевидным завершением. На лицевой стороне изображен восьмиконечный Голгофский крест с венцом в средокрестии. Нужно отметить, что происходят они хотя и с уровня материка, но не из самых нижних захоронений. Например, погребение 39, в котором обнаружен такой крестик, перекрывает собой погребение 40, где находился крест с прямоугольным завершением лопастей и квадратными клеймами на концах. Учитывая тиражный характер меднолитой культовой пластики и длительность бытования одних и тех же образцов, можно предполагать, что хотя сам тип и складывается в XV в., данные конкретные экземпляры были изготовлены позднее. Дальнейшее развитие этого типа представляют два креста схожей формы, имеющие несколько иные пропорциональные соотношения и характер изображений.

С учетом всего вышеизложенного рассматриваемый комплекс крестов можно датировать второй половиной XVI – XVII в. С этим вполне согласуются находки в слое и погребениях пуговиц XVI–XVII вв., среди которых присутствуют бронзовые гладкие, многогранные с цветными эмалями, а также стеклянные пуговицы, изготовленные из зонных бус. В пользу предложенной датировки говорит и присутствие в засыпке погребений керамики XV–XVI вв.

Артемьев А.Р., 1996. Останки непогребенных защитников Албазинского острога // РА. № 1. С. 185–196.

Винокурова Э.А., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука. С. 326–365.

Кренке Н.А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН. 524 с.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 320 с.

Солдатенкова В.В., Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI вв. // Статрографический сборник. Кн. 3. М.: Древлехранилище. С. 210–222.

А.Г. Колонских

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, Уфа
kontrobazzz@mail.ru*

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ: АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДАННЫХ

Актуальность исследования. Поселения бахмутинской культуры – наиболее распространенные среди средневековых памятников Уфимско-Бельского междуречья. На сегодняшний день их известно 365. Ранее историко-археологическая характеристика

бахмутинского населения производилась исследователями в основном на основе изучения погребальных памятников, несмотря на то, что большая часть объектов бахмутинской культуры (97%) – поселения. Тем не менее, лишь 10% памятников (24 поселения) были подвержены стационарным исследованиям (Колонских, 2014. С. 356). Изучение раннесредневековых поселений рассматриваемого региона насчитывает более двух сотен лет (Рычков, 1999. С. 166–172), но их систематическое исследование началось в 1960–1980-х годах. Это время характеризуется интенсивными разведочными работами, объемными стационарными раскопками, первыми интерпретациями материала.

Первые систематизации поселенческих памятников предпринимались корифеями южноуральской археологии В.Ф. Генингом, Н.А. Мажитовым, В.А. Ивановым, Т.И. Останиной. Были выделены типологические особенности объектов, предложена их классификация, реконструирована возможная структура расселения носителей бахмутинской культуры (Генинг, 1967. С. 18–23; Иванов, Останина, 1983. С. 104–127; Мажитов, 1959. С. 143–151). В связи с появлениями новых методов исследований, в том числе подразумевающих использование данных пространственной археологии, назрела необходимость более детального изучения системы расселения носителей бахмутинских культурных стереотипов и пространственных связей бытовых объектов Приуралья.

Выбор методики исследования обусловлен появлением в последние годы работ, посвященных изучению древних обществ посредством анализа пространственных данных и применения разнообразных ГИС (Афанасьев, 1990. С. 51–68; Коробов, 2012. С. 18; Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И., 2014. С. 40–53; Недашковский, 2014. С. 48–61; Сергеева, 2005. С. 38–57; Шакиров, 2014. С. 37–49). Анализ распределения поселений бахмутинской культуры производился с применением следующих подходов.

1. Методика построения потенциальных экономических зон, хорошо показанная в работах Г.Е. Афанасьева (1989. С. 3–12), Л.Ф. Недашковского (2014. С. 48, 49), Д.С. Коробова (2012. С. 18). Вокруг поселения очерчивается окружность, которая с учетом окружающего ландшафта служит максимально эффективной хозяйственной округой.

2. Интересен метод определения потенциальных экономических зон поселений, основанный на построении полигонов Тиссена. Суть метода – в соединении равноудаленных расстояний между поселениями и создании границ наименьшего замкнутого пространства (Афанасьев и др., 2004. С. 71). Построение полигонов Тиссена позволяет избежать наложения реконструируемых округ одной на другую.

3. Правило «ранг-размер» (правило Ципфа). Объектам присваиваются ранги, которые являются их порядковыми номерами в ряду убывания площади памятника (Афанасьев, 1990. С. 51–68; Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И., 2014. С. 40–53; Сергеева, 2005. С. 34–50).

Предварительные выводы. Применение вышеуказанных подходов позволило получить следующие выводы.

1. Определение потенциальных экономических зон дало возможность объединить значительное количество памятников в отдельный субрегион, который географически ограничен крупными речными артериями (естественные границы). В свою очередь, внутри субрегиона удалось выделить более мелкие «кусты» памятников.

2. Построение полигонов Тиссена позволило объединить близко расположенные объекты в единые комплексы. Кроме того, построение «зон ответственности» поселений указывает на одновременный характер их функционирования.

3. Площадь наибольшего памятника – 40000 кв. м (Нижне-Татышевское селище), наименьшего – 300 кв. м (селище Какры-Куль-15). В соответствии с размерными показателями выделены четыре типа поселений¹.

Анализ пространственных данных позволил получить вероятные модели расселения бахмутинского населения в низовьях р. Белая. Доказана принципиальная возможность использования выбранных методов для реконструкции системы расселения раннесредневекового населения Приуралья.

¹ В настоящее время ведется работа по определению гравитационных связей между памятниками/комплексами.

- Афанасьев Г.Е., 1990. Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья // СА. № 4. С. 51–67.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир. 240 с.
- Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И., 2014. Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения Башкирского Зауралья (анализ пространственных данных) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (25). С. 40–53.
- Генинг В.Ф., 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Свердловск; Ижевск.
- Иванов В.А., Останина Т.И., 1983. К вопросу о мазунинско-бахмутинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа. С. 104–127.
- Коробов Д.С., 2012. ГИС-моделирование пахотных угодий эпохи раннего средневековья у алан Кисловодской котловины // КСИА. Вып. 226. С. 17–26.
- Колонских А.Г., 2014. Динамика накопления данных и история изучения археологических памятников бахмутинской культуры // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). № 7. Т. 1. С. 353–360.
- Мажитов Н.А., 1959. Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник. Уфа. С. 143–151.
- Недашковский Л.Ф., 2014. Структура и внутренние связи округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья // РА. № 2. С. 48–61.
- Рычков П.И., 1999. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап. 312 с.
- Сергеева О.В., 2005. Пространственные связи поселений эпохи поздней бронзы левобережных районов Нижнего Поволжья // Поволжский край. Вып. 12. Саратов: Саратовский гос. ун-т. С. 38–57.
- Шакиров З.Г., 2014. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. № 2 (8). Казань: «Фэн» АН РТ. С. 37–49.

А.М. Королева

*Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Владимир
anna9031071292@gmail.com*

АНАЛИЗ СЮЖЕТНЫХ РИСУНКОВ-ГРАФФИТИ НА ПРЕДМЕТАХ X–XV ВВ. ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В данной работе речь пойдет о сюжетных рисунках, нанесенных на бытовые каменные предметы, которые находятся в археологических коллекциях Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Таких предметов с граффити достаточно мало – всего 6. Это объясняется тем, что камень – не очень удобная основа для нанесения на него рисунков или надписей. Но, так как органический материал в сухом культурном слое, характерном для Владимирского края, сохраняется довольно плохо, найти изделия из бересты и проследить, были ли на них рисунки, не представляется возможным. Датируются рассматриваемые находки в пределах X–XV вв.

Все сюжетные изображения по содержанию можно разделить на две группы. К первой относятся антропоморфные рисунки, которые, несмотря на небольшое количество (6 рисунков), весьма разнообразны. Это и поясные изображения, и в полный рост, и отдельно прорисовка лица в профиль. Наиболее выразительное и законченное среди них граффити – улыбающийся человек, изображенный в полный рост на небольшой сланцевой пластине XII–XV вв., обнаруженной при раскопках во Владимире на ул. Володарского в 2000 г. Персонаж одет в штрихованную одежду, верхняя и нижняя часть которой различаются направлением полос. У него проработаны уши, прическа и головной убор, на руках изображены по четыре пальца, на ногах – обувь. Несмотря на кажущуюся примитивность, рисунок не лишен эмоциональности, что выражено не только в улыбке персонажа, но и в положении рук, развороте корпуса. В данной группе выделяется также

найденная на территории Сунгирьского городища в 1982 г. заготовка иконки XII в., выполненная на необработанном камне. На одной поверхности предмета – поясное изображение святого, оформленное в подпрямоугольную рамку. Рисунок выполнен достаточно грубо и схематично, хотя художник старался обозначить все основные элементы: черты лица, нимб, детали одежды, положение рук. На оборотной стороне нанесены первые штрихи изображения Богородицы с Младенцем: обозначены контуры головы Марии и контуры головы и туловища Христа.

Вторую группу рисунков представляет одно граффити, выполненное на пряслице XII–XIII вв., найденном в 2007 г. при раскопках в г. Владимире на ул. Большая Нижегородская. Это пейзажное изображение, которому невозможно дать однозначное определение: оно могло быть как планом конкретного места, так и отвлеченным рисунком. Центральное звено композиции пейзажа – подтрапециевидная фигура, заштрихованная вертикальными линиями. Это, возможно, изображение лодки или чаши. Большую часть поверхности пряслица занимают рисунки трех деревьев, представленных в виде вертикальных линий-стволов, от которых отходят лучи-ветви.

В целом можно отметить, что антропоморфные изображения и пейзаж обладают рядом схожих черт. Всем рисункам присущи примитивизм, схематичность, довольно грубое исполнение, отсутствие перспективы. Психолого-педагогический анализ граффити и сопоставление с творчеством новгородского мальчика Онфима (Рыбина, 1998. С. 17) позволяют предположить, что большинство рисунков (за исключением заготовки иконы) было выполнено подростком, о чем говорит проработка деталей, четкая штриховка, расположение изображений на предмете (Дилео, 2001. С. 50, 51, 101).

Дилео Д., 2001. Детский рисунок: диагностика и интерпретация / Отв. ред. Е. Рыбина. М: Апрель Пресс; Эксмо-Пресс. 272 с.

Рыбина Е.А., 1998. Рисунки средневековых новгородцев (по археологическим материалам) // Историческая археология: традиции и перспективы / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 15–27.

М.С. Королева

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск
kms220@yandex.ru*

РАННИЕ НАХОДКИ ТКАНЕЙ ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ III–VI ВВ.

С древних времен люди научились использовать волокна растений и шерсти животных для изготовления ткани и ниток. Долгий процесс производства стал называться прядением и ткачеством, которым из поколения в поколение занимались женщины и передавали свои знания детям. Предметы их мастерства лишь фрагментарно дошли до наших дней и благодаря археологам могут быть обработаны и изучены.

Для разработки методики анализа этих хрупких материалов были рассмотрены основные принципы систематизации технологической информации о тканях и выбраны необходимые параметры (Глушкова, Сутула, 2008. С. 162–164). Они отражены в таблице 1. К работе привлечены материалы хранящихся в фондах разных музеев памятников III–VI вв. – времени, когда происходит становление древнемордовской культуры, складывание ее особенностей и территории распространения. Это Абрамовский и Старший Кужендеевский могильники, принадлежавшие предкам эрзянского населения, а также группа пензенских памятников (оставленных предками мокши): Армиевский, Тезиковский, Селиксенский, Старший Селиксенский, Селикса-Трофимовский, Шемьшейский, Ражкинский могильники. Всего рассмотрены 44 фрагмента ткани, нитей и тесьмы. К сожалению, из-за плохой сохранности материала не удалось определить все параметры тканей.

Основная часть сохранившихся тканей имеет животное происхождение. Из шерсти мелкого рогатого скота, прошедшей стадии очистки, умелые прядильщицы изготавли-

Табл. 1. Характеристика тканей из мордовских памятников III–VI вв.

№	Могильник	Погребение	Переплетение	Сырье	Цвет	Плотность на 1 кв. см		Тонина, мм	Кручение	Обороты на 1 см
						О	у			
1	Абрам.	8	Пол.	Шер.	Черн.	16	12	0,2	Z Z	
2	Абрам.	33	Пол.	Шер.	Зел.	20	20	0,1	Z Z	
3	Абрам.	33	Сарж.	Шер.	Кор.	10	10	0,2	S Z	15
4	Абрам.	35	Пол.	Шер.	Кор.	16	7	0,2	Z Z	19
5	Абрам.	35	Сарж.	Шер.	Св.-кор.	13	8	0,2	Z Z	18
6	Абрам.	35	Пол.	Шер.	Черн.	16	7	0,2	Z Z	
7	Абрам.	90	Пол.	Шер.	Кор.	16	9	0,6	Z Z	19
8	Абрам.	90	Пол.	Шер.	Кор.	16	9	0,6	Z Z	
9	Абрам.	90	Пол.	Шер.	Кор.	16	9	0,6	Z Z	
10	Абрам.	92	Пол.	Шер.	З.+борд.	7	12	0,3	Z Z	10
11	Абрам.	139	Пол.	Шер.	Св.-кор.	16	12	0,8	Z Z	19
12	Абрам.	145	Пол.	Шер.	Т.-кор.	20	9	0,2	Z Z	15
13	Абрам.	145	Пол.	Шер.	Кор.	20	9	0,2	Z Z	15
14	Абрам.	173	Пол.	Шер.	Черн.	15	18	0,1	Z Z	
15	Абрам.	174	Пол.	Шер.	Черн.			0,5	Z Z	
16	Абрам.	205	Пол.	Шер.	Кор.	9	8	0,7	Z Z	10
17	Абрам.	209	Пол.	Шер.	Кор.	25	8	0,3	Z Z	18
18	Абрам.	237	Пол.	Раст.	Св.-кор.	5	6	1,5	S S	3
19	Абрам.	237	Пол.	Раст.	Кор.	5	6	1,5	S S	
20	Абрам.	243	Пол.	Шер.	Кор.			0,1	Z Z	18
21	Ст.Куж.	5	Пол.	Шер.	Кор.	28	9	0,3	Z Z	15
22	Армиев.	173	Сарж.	Шер.	Т.-кор.			0,1	Z S	10
23	Армиев.	173	Пол.	Шер.	Т.-кор.	11	14	0,1	Z Z	20
24	Армиев.	173	Пол.	Шер.	Кор.	11	14	0,2	Z Z	10
25	Армиев.	173	Пол.	Шер.	Кор.			0,2	Z Z	
26	Армиев.	173	Пол.	Шер.	Ржавый	11	14	0,2	Z Z	21
27	Армиев.	173	Пол.	Шер.	Ржавый				Z Z	
28	Армиев.	173	Пол.	Шер.	Св.-кор.	14	16	0,2	Z Z	20
29	Ст.Сел.	105	Пол.	Шер.	Кор.	9	12	0,3	Z Z	23
30	Ст.Сел.	105	Пол.	Шер.	Кор.	12	24	0,1	Z Z	24
31	Ст.Сел.	105	Пол.	Шер.	Кор.	14	8	0,3	Z Z	12
32	Ст.Сел.	130	Пол.	Шер.	Св.-кор.			0,1	Z Z	
33	Селик.	75	Пол.	Шер.	Т.-кор.	5	8		Z Z	21
34	Селик.	75	Пол.	Шер.	Т.-кор.			0,2	Z Z	12
35	Селик.	153	Пол.	Шер.	Кор.			0,2	Z Z	12
36	Сел.-Тр.	32	Пол.	Шер.	Черн.	10	14	0,3	Z Z	19
37	Сел.-Тр.	32	Пол.	Шер.	Св.-кор.	7	10	0,7	Z Z	10
38	Тезик.	33	Пол.	Шер.	Кор.	8	8	0,4	Z Z	
39	Тезик.	33	Пол.	Шер.	Кор.			0,1	Z Z	
40	Ражк.	9	Пол.	Шер.	Кор.	24	16	0,1	Z Z	20
41	Шемыш.	14	Пол.	Шер.	Т.-кор.	9	10	0,2	Z Z	10
42	Шемыш.	14	Пол.	Шер.	Т.-кор.	9	10	0,2	Z Z	11
43	Шемыш.	14	Пол.	Шер.	Т.-кор.	9	10	0,2	Z Z	10
44	Шемыш.	14	Пол.	Шер.	Т.-кор.	10	16	0,1	Z Z	22

вали нити. Об их мастерстве говорит тонина нитей и количество оборотов на 1 кв. см. Качественные нити имеют около 0,3 мм и 18–20 оборотов в 1 см. Они равномерные по всей длине. Встречаются и менее качественные нити, неравномерные, толстые – до 0,7 мм, со слабым закручиванием в 10 оборотов. Еще одной особенностью анализируемой выборки является распространение способа закручивания типа Z. Это говорит о расположении веретена справа в процессе прядения (Нахлик, 1963. С. 245). Есть и другое мнение: пряслице в данном случае располагалось снизу (Кручонок, Спасов, 2007). Согласно этнографическим данным, прядильщица прикалывала кудель и вытягивала нить, скручивая ее двумя пальцами, и накручивала нить на веретено.

Встречаются и экземпляры нитей растительного происхождения. Это остаток пояса с тониной нити 1,5 мм и кручением в 3 оборота. Нити плохой сохранности, легко крошатся. Обычно ткани растительного происхождения были тонкими, и сохраняются до наших дней плохо. Кручение данных нитей – по типу S, что говорит о нахождении веретена слева (или пряслица сверху).

Далее из нитей ткали полотна. Популярным видом переплетения было полотняное. Оно строится в шахматном порядке с чередованием нитей основы и утка. Наиболее плотные ткани 16–20 x 9 имеют ровную однородную поверхность. Другие переплетены толстыми неоднородными нитями с меньшей плотностью. Несколько экземпляров представлены саржевым переплетением с чередованием 2 x 1 «в елочку». Кручение в них нитей разных типов приводит к построению специфического рельефного узора. Плотность переплетения средняя 10 x 10. По мнению Л.В. Ефимовой, такая саржа характерна для финно-угров I тыс. н.э. (1966. С. 132)

Произведенную шерстяную ткань израсходовали на онучи и верхнюю одежду, так как большинство фрагментов расположены недалеко от ног и пояса погребенных. Для придания одежде более яркого вида шерсть красили в черный и коричневый цвета. В Абрамовском могильнике найдены четыре экземпляра черного цвета, в Селикса-Трофимовском – один. Темно-коричневая окраска встречается чаще в Абрамовском, Армиевском, Селиксенском и Шемышейском могильниках. Большая часть ткани имела, однако, натуральный коричневый цвет. По мнению А. Нахлика, ткани обретают темную окраску из-за среды, в которой находятся до момента обнаружения. В то же время черный и темно-коричневый цвета им могла придать элаговая кислота, содержащаяся в коре дуба (Нахлик, 1963. С. 266).

Элементы вышивки, к сожалению, не сохранились. Есть отпечатки оловянного бисера в два ряда в Старшем Селиксенском и Абрамовском могильниках. Бисер расположен плотно. Между рядами имеется прогал в 4 мм. Нитки, держащие бисер, видимо, были очень тонкими и также не сохранились. Есть и фрагмент тесьмы шириной 0,4 см в Абрамовском могильнике. Нити зеленого и бордового цветов образуют узор из полосок, аналогии которому встречаются в материалах Приладожья (Кочкуркина, Орфинская, 2014. С. 19).

Наряд мордвы, видимо, составляли длинные рубахи из растительной или шерстяной ткани полотняного переплетения. Подол женского платья украшался вышивкой из оловянного бисера и бронзовыми треугольными привесками. Обязательным атрибутом являлся пояс кожаный или плетеный. На ногах присутствовали онучи из шерстяной ткани саржевого или полотняного переплетения. Ткани редко окрашивались, в основном шерстяные – в черный и темно-коричневый цвета.

Прядение и ткачество занимало одно из важных мест в жизни древней мордвы. Этими ремеслами женщины занимались в каждом доме. Немногочисленные, но ценные находки позволяют частично восстановить способ производства тканей и наряд древней мордвы III–VI вв.

Глушкова Т.Н., Сутула А.В., 2008. Опыт систематизации технологической информации об археологическом текстиле // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 162–164.

Ефимова Л.В., 1966. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н.э. // КСИА. Вып. 107. С. 127–134.

- Кочуркина С.И., Орфинская О.В., 2014. Текстиль из погребений Приладожской курганной культуры (технологическое исследование) // Труды Карельского научного центра РАН / Отв. ред. А.Ф. Титов. Петрозаводск: КарНЦ РАН. № 3. С. 9–20.
- Кручонок А., Спасов Ф., 2007. Шерстяной текстиль. Северо-Восток Европы, 9–11 в. Способы прядения // Библиотека Ассоциации «Гардарика» Режим доступа: http://asgard.tgorod.ru/libri.php?cont=_go5
- Нахлик А., 1963. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа. М.: АН СССР. С. 228–313. (МИА. № 123.)

В.Н. Кузнецова

*Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
valentkuznets@mail.ru*

«ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ДВУМЯ КОНЯМИ» (ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ДВУГЛАВЫХ ПОДВЕСОК)

В XII в. на Северо-Востоке Древней Руси получают распространение пластинчатые подвески, щиток которых состоит из двух развернутых в противоположные стороны зооморфных протом. Одной из наиболее распространенных разновидностей являются двуглавые подвески, обозначенные Л.А. Голубевой как вариант 2 типа 1 литых стилизованных с прорезной основой коньковых подвесок. По классификации Е.А. Рябинина, они относятся к варианту 1 типа VII (рис. 1: 1).

С конца XIX в. описание таких подвесок фактически начинается с интерпретации. Исследователи вторят Д.Н. Анучину (1899. С. 253), рассматривая центральную часть подвески как схематичную антропоморфную фигуру, «условное изображение человека между двумя конями» (Голубева, 1979. С. 45; Рябинин, 1981. С. 21). А.П. Косменко и вовсе видела в подвеске изображение животного «с одним туловищем и двумя... лосиными головами», в центр которого «буквально врезана стилизованная антропоморфная фигура» в позе лягушки (1984. С. 20). Однако в эпоху средневековья в бронзовом литье антропоморфные образы не трактуются столь схематично. Антропоморфная голова ни на биконьковых подвесках Прикамья (Рябинин, 1981. Табл. VI: 8), ни на фигурках «Перунов» и всадников не выполняет функцию петли для подвешивания (Хлобыстин, 1990. Рис. 1: 25, 26). Петля помещается на голове, лицо прорабатывается, а не обозначается отверстием. По всей вероятности, подобная интерпретация была обусловлена формальным сходством центральной части подвесок с мотивами севернорусской и финно-угорской вышивки. Впрочем, очертания, схожие с так называемой антропоморфной фигурой, были образованы и спинами двух всадников на биметаллических кресалах (рис. 1: 2, 3).

Начиная с работы П.Н. Третьякова (1931. С. 17), двуглавые прорезные подвески рассматриваются как «дегенерирующая форма» прикамских биконьковых. Производными от пластики Приуралья – подвесок-всадников – считаются одноглавые подвески на основании. В этих изделиях передние конечности живот-

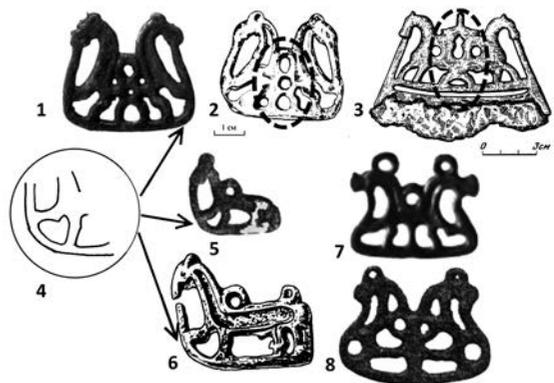


Рис. 1. Зооморфные подвески (1, 2, 5–8) и биметаллическое кресало (3).

1 – Лешкова (по: Нефедов, 1899. Табл. 4: 17);
2 – Белоозеро (по: Голубева, 1979. Табл. 18: 15);
3 – Веселовский могильник (по: Финно-угры и балты, 1987. Табл. LIV: 16); 4 – изображение передних конечностей на щитках подвесок;
5 – Будино (по: Рябинин, 1981. Табл. IX: 8);
6 – Будино (по: Рябинин, 1981. Табл. IX: 8);
7 – Муриновская пристань (по: Кудряшов, 2006. Рис. 36: 1); 8 – Гуль-Чунь (по: Кленов, 2007. Рис. 2: 4).

ного размещены таким образом, что между ними образуется грушевидная прорезь (рис. 1: 4–6). Аналогичным образом изображены ноги коня и в двуглавых прорезных подвесках. Л.А. Голубева описывала эти изделия следующим образом: «кони держат в пастях концы пластины, в которую упираются ногами... такая пластина первоначально изображала змея» (1979. С. 46). С северными землями Древней Руси связаны еще две разновидности прорезных пластинчатых подвесок из сдвоенных протом. В них линия основания становится вогнутой, не проходит от пасти к пасти, а начинается под головами фигур. Вероятно, в подвесках из Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 67: 23), Муриновской пристани (Кудряшов, 2006. Рис. 36: 1) и Раммансаари (Сакса, 2010. Рис. 124: 9, 10) эта деталь является уже частью корпуса животного (рис. 1: 7).

В подвесках другого типа протомы проработаны более детально (рис. 1: 8), на груди находок из Белоозера (Голубева, 1973. Рис. 5: 8, 9) и Гуль-Чунь (Кленов, 2007. Рис. 2: 4) расположены сердцевидные прорезы, как на некоторых одноглавых зооморфных изделиях (Рябинин, 1981. Табл. XI: 7). Форма щитка в целом напоминает прибалтийско-финские цепедержатели (Финно-угры и балты, 1987. Табл. IX: 2).

Северо-западное влияние проявляется в дополнении голов кольцевидными навершиями – аналогичным образом изображались рога на приладожских подвесках в виде оленей или лосей (Рябинин, 1981. Табл. X: 4–7), а также на некоторых полиморфных образах, представленных в украшениях Прибалтики.

Таким образом, пластинчатые двуглавые подвески представляют собой более сложное явление, чем «дегенерирующая форма» прикамской пластики, на сложение этих украшений повлияла и прибалтийско-финская стилистика. Хотя в литературе они фигурируют под устоявшимся названием «человек между двух коней», в подвесках отсутствует антропоморфная составляющая. В то же время набор зооморфных образов представляется более вариативным – помимо коней, судя по кольцевидному навершию, в некоторых изделиях запечатлен образ оленя/лося.

Анучин Д.Н., 1899. К истории искусства и верований у Приуральской Чуди (Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ) // МАВГР. Т. III. С. 87–160.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука. 212 с.

Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука. 112 с.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Кленов М.В., 2007. Средневековые поселения Европейского Северо-Востока (новые материалы раскопок) // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всеросс. научн. конф. Сыктывкар: РИО Ин-та языка, лит-ры и истории Коми НЦ. С. 145–153.

Косменко А.П., 1984. Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука. 200 с.

Кудряшов А.В., 2006. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец: ЧГУ. 197 с.

Нефедов Ф.Д., 1899. Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // МАВГР. Т. III. С. 161–236.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука. 124 с.

Сакса А.И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тыс. н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История. 410 с.

Третьяков П.Н., 1931. Костромские курганы // ИГАИМК. Т. 10. Вып. 6–7. 38 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. 512 с. (Археология СССР.)

Хлобыстин Л.П., 1990. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М.: Наука. С. 120–135.

**СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ XVI–XIX ВВ.:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ЕЕ РЕШЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДОВ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ)**

Исследование городов Северной и Центральной Беларуси XVI–XIX вв. прочно вошло в сферу научных интересов белорусских археологов со второй половины 1970-х годов. На основании полученных материалов были разработаны вопросы городской планировки и застройки, занятий и уровня жизни населения, изучены основные виды артефактов (бытовая и архитектурно-строительная керамика, изделия из черных и цветных металлов и пр.) (Ляўко, 2001. С. 14, 15). Однако степень исследованности городского культурного слоя XVI–XIX вв. все еще представляется недостаточной. Особую актуальность данной проблеме придает необходимость проведения спасательных археологических работ в условиях непрекращающейся городской застройки. Приоритетным направлением на настоящем этапе является изучение тех вещевых комплексов, которые детально не исследовались. К ним относятся и стеклянные изделия.

Ассортимент продукции из стекла XVI–XIX вв. представлен пятью категориями артефактов: сосуды, интерьерное стекло, украшения и детали одежды, оптика и оружие (стеклянные гранаты). Наиболее многочисленны и технологически разнообразны сосуды. Они разделяются на столовые, технические (аптечное и лабораторное стекло, парфюмерные флаконы, чернильницы, лампадки) и декоративные (вазы). Тарные столовые сосуды использовались для длительного (бутылки разных видов, бутыли, баклаги) либо кратковременного (кувшины, графины, сахарницы, солонки) хранения продуктов, как правило, в жидком виде. Столовые изделия для употребления напитков и пищи представлены стаканами, бокалами, рюмками, стопками, кубками, мисками и тарелками разных видов. К категории интерьерного стекла относится оконное стекло (в том числе витражное), зеркала и детали светильников. Среди украшений и деталей одежды выделяются стеклянные вставки и бусы.

Актуальность исследования стеклянных артефактов увеличивают следующие обстоятельства. Данные изделия очень широко представлены в вещевых комплексах и имеют хорошую сохранность, в то время как хрупкость стекла обуславливает относительную кратковременность использования отдельных артефактов. Стремительное развитие технологии (переход от свободного выдувания к штамповке) способствовало быстрой эволюции изделий: функционально идентичные предметы кардинально различаются по качеству и форме. Ряд находок имели клейма, надписи и знаки, указывающие на их владельца или производителя.

Специфика изучения предметов из стекла XVI–XIX вв. состоит в сочетании характеристики технологии их производства и морфологии конкретных видов изделий. По технологии определяется место изготовления артефакта (как правило, можно отделить импортную продукцию от местной, а в отдельных случаях получить и более конкретные результаты) и социально-экономическое положение его владельца. Кроме того, технология указывает на способ производства стеклянных изделий, а значит, и примерное время их изготовления. Морфология является основанием для определения утилитарного предназначения артефактов, а также разработки их дробной типологии.

Технология изготовления изделий из стекла характеризуется на основании трех основных признаков: формы артефакта, состава стекломассы и декора. На конкретный способ производства указывают производственные признаки: след от понтии на днище сосуда, наличие стыков, концентрические окружности, следы от штампов, швы от использования формы и пр. Место изготовления артефакта определяется по составу стекломассы и общему внешнему виду изделия (сложности формы, наличию или отсут-

ствию брака, характеру декора), что в совокупности свидетельствует о его качестве. Качество, в свою очередь, указывает на социальный статус владельца артефакта. Особое место в изучении вопросов технологии занимают клейма на стеклянных изделиях. Они представлены тремя группами. Некоторые клейма на тарных сосудах (Бубенько, 2012. С. 146. Рис. 8: 8, 10) могли информировать о месте изготовления их содержимого. Сосуды с клеймами, на которых изображены гербы представителей местной знати (Бубенько, 2012. С. 143. Рис. 6: 2), вероятно, изготавливались либо по их заказу, либо в принадлежащих им мастерских. Часть клейм, состоящих, как правило, из простых символов (Бубенько, 2012. С. 143. Рис. 6: 3), могли представлять собой фирменные знаки мастеров.

Характеристика морфологии стеклянных изделий осложняется тем, что в процессе археологических работ находят не целые предметы, а их фрагменты разной степени сохранности. Большое значение имеет связь набора артефактов из стекла определенной функциональности с конкретными объектами городского культурного слоя. Такие объекты могут интерпретироваться как корчмы (набор недорогой посуды для питья), общественные здания (застекленные окна), аптеки (комплекс аптечной и лабораторной посуды) и пр.

Таким образом, исследование стеклянных изделий основывается на сочетании изучения технологии их производства и морфологии. Эти данные могут быть дополнены информацией письменных и иконографических источников. В результате такого исследования мы получаем широко представленные и обладающие хорошей сохранностью маркеры для определения микрохронологии культурного слоя Нового времени, а также возможность охарактеризовать изучаемый участок городской территории с точки зрения уровня жизни и занятий населявших его на протяжении XVI–XIX вв. людей.

Бубенько Т.С., 2012. Стеклопосуда из витебской корчмы XVII–XVIII вв. (типология и хронология) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 23: Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гадах. Мн.: Беларуская навука. С. 135–148.

Ляўко В.М., 2001. Функцыянальнае прызначэнне, тыпы гарадоў. Археалагічнае вывучэнне // Археалогія Беларусі. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / Пад рэд. В.М. Ляўко і інш. Мн.: Беларуская навука. С. 12–23.

И.Ж. Микич

*Археологический институт, Белград
mikicilija82@gmail.com*

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕКРОПОЛЕЙ ВИМИНАЦИУМА

В настоящей статье описаны 15 некрополей, в которых захоранивались жители Виминачиума, начиная с момента заселения данной области кельтами до средневековья, когда жизнь в городе замирает. В результате археологических раскопок выявлено около 13000 погребений, в которых находилось около 20000 (велико число парных и массовых захоронений) индивидов. Погребения совершены по обряду как ингумации, так и кремации. Таким образом, Виминачиум обладает крупнейшим в Юго-Восточной Европе некрополем, его изучение – самый значительный археологический проект прошлого века на Балканах. Он проводился в несколько этапов, описание которых представлено ниже.

Первый некрополь Виминачиума был выявлен в 1882 г. к югу от города, на правом берегу р. Млава, Михаилом Валтровичем, который провел здесь раскопки (Valtović, 1884). Найдены 27 погребений; в 23 захоронены взрослые индивиды, в 4 – дети. Большинство погребений разграблено и повреждено, лишь в двух случаях они оказались непо потревоженными. М. Валтрович предположил, что причиной тотального грабежа стало богатство погребальных комплексов (Valtović, 1884. С. 3–14), и высказал мнение, что разрушения были совершены местными жителями еще до запрета нелегальных раскопок памятников соответствующим министерством Королевства Сербия.

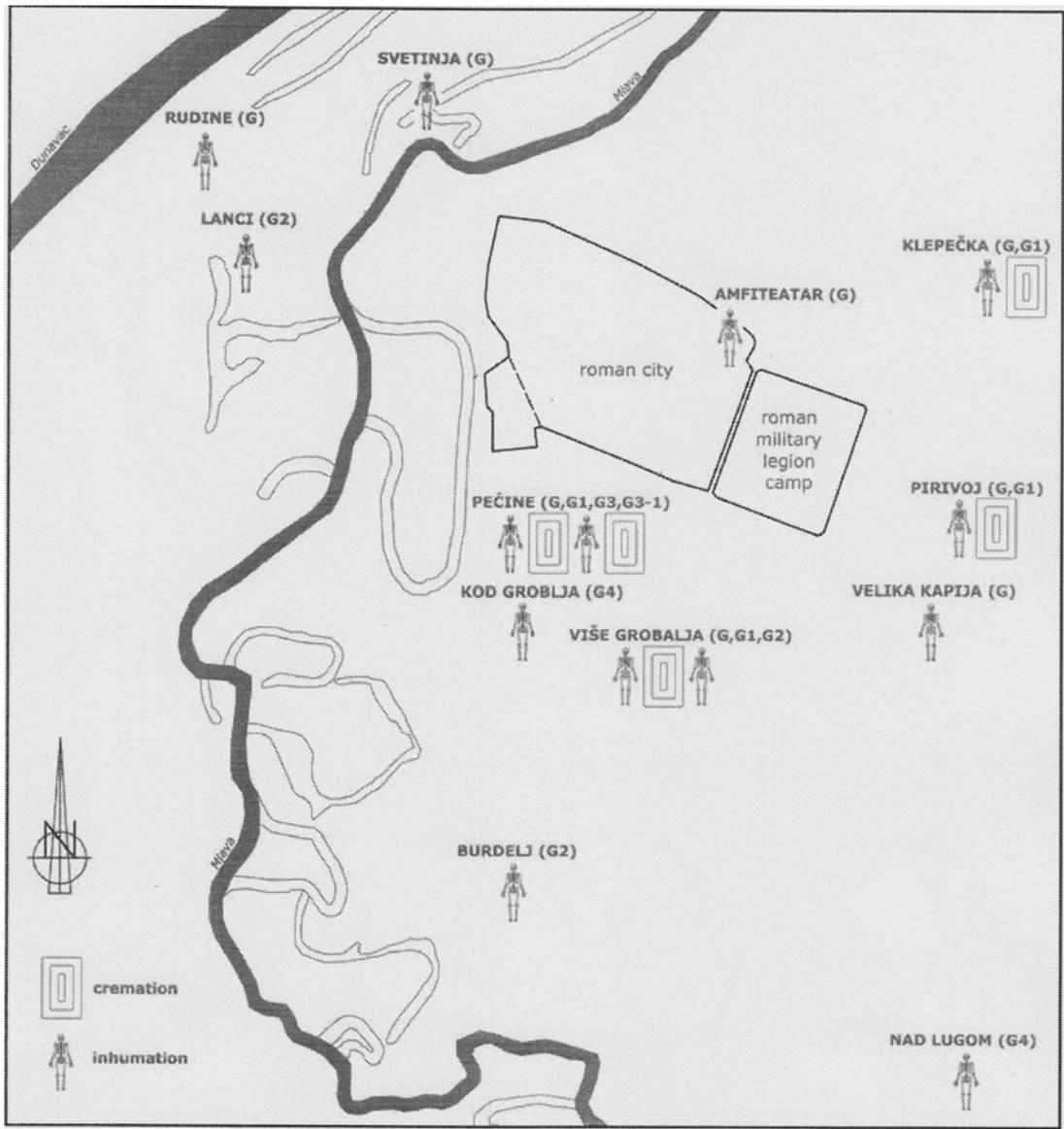


Рис. 1. Расположение некрополей Виминациума.

В 1902–1903 гг. в Виминациуме проводил исследования Милое Васич. В сообщениях Сербской Королевской академии наук от 1902 г. он не упоминал о гробницах и скелетах. В сезоне 1903 г. было открыто порядка 70 погребений, датированных II в. н.э. Как и его предшественник, М. Васич упомянул, что все они ограблены. Считается, что М. Васич исследовал местонахождение Печине, к югу от римского города и военного лагеря (рис. 1) (Vasić, 1903).

Итак, на первом этапе было найдено порядка 100 скелетов, которые, к сожалению, до наших дней не сохранились. В археологической литературе эти материалы только упоминаются, но антропологически они не обработаны.

Новое обращение к памятнику произошло в 1970 г. Оно связано со строительством теплоэлектростанции Дрмно и началом охранных раскопок, проводившихся в соответствии с законом о защите памятников. На этом этапе была принята существующая по сей день система шифров объектов. Захоронения с ингумациями обозначались литерой G, с кремациями – G1. Гробницы эпохи Великого переселения народов имеют шифр G2, захоронения кельтов – G3, поздних периодов – G4.

С 1977 по 2000 г. раскопками в Виминациуме руководила Любица Зотович, сотрудник Археологического института Белграда. Первые погребения были вскрыты в мае

1978 г. на площади Печине. Здесь выявлены 186 погребений, содержавшие 151 ингумацию и 59 кремаций. Исследования на этой территории продолжались до 1990 г. Всего найдено 5626 погребений со скелетными останками и 1154 – с кремациями. Некрополь Печине функционировал очень долго: к кельтскому периоду относятся 27 погребений с ингумациями и 17 – с кремациями. Биритуальный обряд практиковался и позже, в римское время, вплоть до IV в. В эпоху Средневековья кремационный обряд погребения в Виминациуме не зафиксирован.

Некрополь Више Гробаля так же, как и Печине, относится к южной группе памятников Виминациума (рис. 1), его раскопки начались в 1978 г. На начальном этапе работ найдены 53 могилы с ингумациями и 59 – с кремациями (Zotović, Jordović, 1990; Korać, Golubović, 2009). Затем число комплексов со скелетами достигло 2208, с остатками кремаций – 1773. В 1987 г. раскопки были продолжены, число индивидов, погребенных по обряду ингумации, достигло 2213, кремированных – 1776. В декабре 2006 г. раскопки проводились, но погребения обнаружены не были. В том году исследовался только акведук, который позже был реконструирован. В 2009 г. найдены новые погребения. Общее число ингумаций достигло 2233, кремаций – 1793. Найдены комплексы периода Великого переселения народов, которые связывают с гепидами.

К настоящему времени известны четыре некрополя эпохи Великого переселения народов: Бурдель, Ланци, Више Гробаля (ранний и поздний некрополи гепидов). Два последних известны по большому числу искусственно деформированных черепов (Ivanišević et al., 2006).

Очень интересные серии скелетов римского времени происходят из некрополей Рудине, Светиня, Велика Капия (рис. 1). Они, однако, исследованы при помощи зондажей, поэтому количество комплексов, выявленных на них, и на таких больших некрополях, как Печине и Више Гробаля, несравнимо. На территории Рудине найдено всего 5 скелетов. Сохранность их очень плохая, кроме одного черепа из гробницы 4. Согласно имеющимся данным, здесь были погребены как мужчины, так и женщины. На некрополе Светиня в 1988 г. исследовано 5 погребений, содержавших 7 скелетов. В двух случаях речь идет о двойных погребениях. Отмечено присутствие детей, умерших в раннем возрасте. Велика Капия также является небольшим некрополем, здесь исследованы 17 погребений, содержавшие 19 скелетов. В некоторых случаях сохранность антропологического материала была настолько плохой, что скелеты нельзя было поднять из земли, но иногда они могли быть измерены. Присутствуют индивиды обоих полов, а также дети. Особый интерес представляет находка на территории Ниве, расположенной около р. Млава, хорошо сохранившегося черепа женщины среднего возраста, имеющего теменную деформацию, которая стала результатом переноски груза с помощью ремня на голове.

Новый этап в изучении некрополей Виминациума начался в 2000 г. и связан с именем Миомира Корача. Прежде всего этот этап характеризует применение новых археологических, антропологических, геофизических методов исследования. Создана естественная лаборатория со всеми необходимыми инструментами для работы антропологов. С 2014 г. спектр биоархеологических исследований расширился в том числе за счет изотопных исследований тяжелых элементов из ткани зубов.

В 2000–2013 гг. найдены некрополи Амфитеатр, Над Клепечком, Пириной и продолжены раскопки на площади Више Гробля (работы 2013 г.). На местонахождении Пириной обнаружено всего 412 скелетов, в Над Клепечком – 94, в Амфитеатре – 60, в Више Гробаля число выявленных погребений увеличилось не намного по сравнению с концом XX в. По археологическому материалу они датируются с I–II до V в., когда Виминациум уничтожили гунны (441 г.).

Подводя итоги, отметим, что в последнее время наблюдается существенный прогресс в области биофизических антропологических исследований, Он выражается, с одной стороны, в публикации оставшегося остеологического материала. С другой стороны, материал, полученный после 2000 г., уже детально обработан, в том числе полу-

ченые данные о палеопатологии, палеодемографии и т.п. С 2011 г. на раскопках Виминачиума постоянно работает антрополог, создана оснащенная по современным стандартам антропологическая лаборатория. Новый антропологический материал консервируется и поступает на хранение. Антропологическая обработка расширена физико-химическим анализом, по результатам которого, например, предполагается разделить европейское и азиатское население Виминачиума. В ближайшее время предполагается дополнить спектр исследований анализом стабильных изотопов и древней ДНК.

Зотовић Љ., Јордовић Ч., 1990. Виминачиум: некропола «Више гробаља». Археолошки институт Београд-Републички завод за заштиту споменика. Београд.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. Les necropoles de Viminacium a l'epoque des Grandes Migrations. Paris: Centre de Recherche d'Historie et Civilisation de Byzance. (Monographies 22.)

Korać M., Golubović S. 2009. Viminacijum-Nekropola Više grobalja. Beograd: Arheološki institut.

Mikić, Ž., 2011. The Celts in the territory of Serbia – anthropological remains. The eastern Celts – The communities between the Alps and the Black Sea // *Analles Mediterranei*. Beograd: Koper. S. 255–260.

Valtrović M., 1884. Otkopavanja u Kostolcu // *Starinar*. I/I. Beograd. S. 3–14.

Vasić M., 1903. Izveštaj Srpskoj kraljevskoj akademiji nauka o iskopavanju u Kostolcu u 1902 // *Godišnjak SKA*. 16. Beograd. S. 201–228.

К.В. Моряхина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

kmoryaxina@mail.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРСТНЕЙ СО СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ¹

Металлография – наука о внутреннем строении и особенностях металла и сплавов, от которых зависят механические свойства изготовленных из них предметов. Основные методы металлографии, применяемые в археологии – макро- и микроструктурный анализы. Цель этих анализов – выяснение способов производства, выплавки и переработки металла (Рындина, 1965. С. 119).

В данной работе представлены результаты микроструктурного анализа перстней со средневековых памятников Пермского Предуралья: городища Анюшкар (X–XIV вв.), Важгортского могильника (конец VIII – X в.), Лаврятского городища (IX–XII вв.), Редикорского могильника (IX–X вв.), Рождественского могильника (IX–XII вв.), селища и могильника Телячий Брод (VIII–XIII вв.). Анализ проводился на микроскопе «Поляризационный микромед Полар-2». Дополнительно был определен химический состав изделий на рентгенофлуоресцентном анализаторе BRUKER S1 SORTER.

Для анализа были отобраны фрагментированные изделия из фондов Музея археологии и этнографии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. На поперечном или продольном (в зависимости от целей) срезах изделий были сделаны шлифы. Шлифы тщательно обрабатывались на наждачной бумаге и шлифовальном валике, вращающемся при помощи мини-дрели, до зеркальной поверхности (полировка), после чего травились в 10% растворе соляной кислоты.

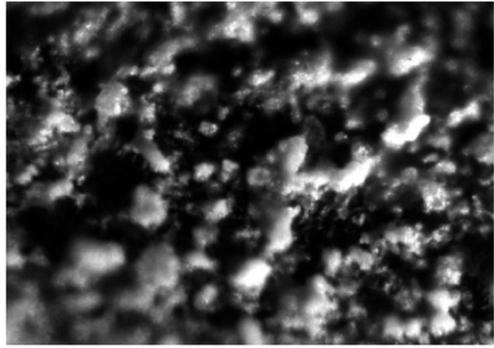
Изучены 18 перстней, на которых сделаны 22 шлифа. При анализе микроструктур мы опирались на предшествующие исследования и выделенные ранее технологические схемы (Рындина, 1963. С. 200–263; 1965. С. 119–128; 1998; Зайцева, Сарачева, 2008; и др.).

Рассмотренные изделия были изготовлены с применением трех основных технологических схем (нумерация схем по: (Зайцева, Сарачева, 2008. С. 145).

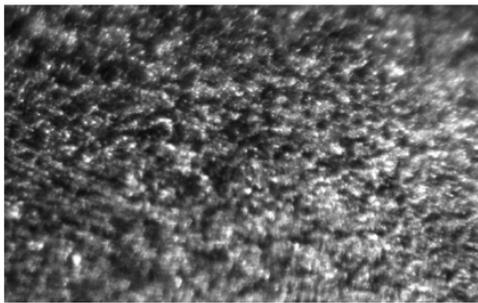
¹ Статья подготовлена в рамках Технического задания НИР «Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья» в соответствии с заданием Минобрнауки № 33.1091.2014/К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.



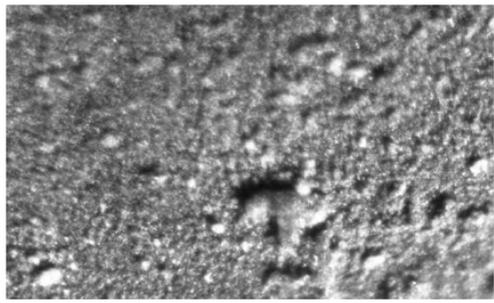
1



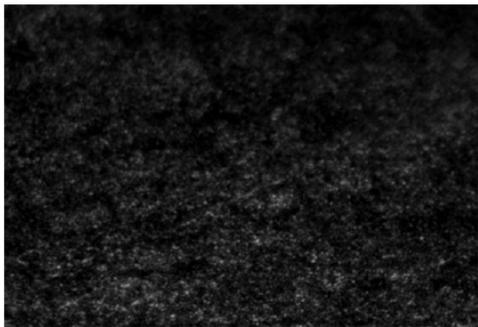
2



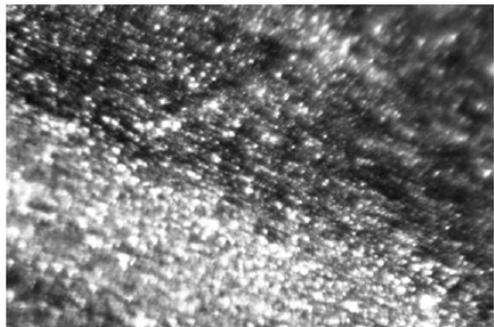
3



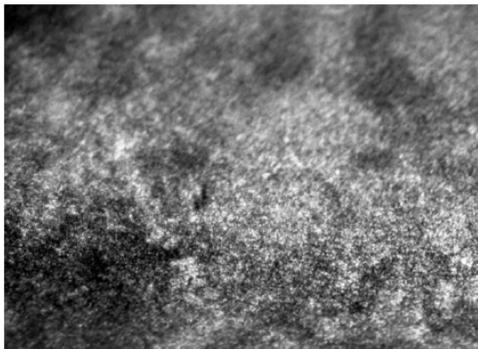
4



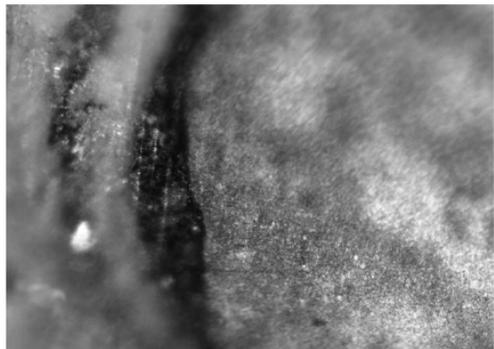
5



6



7



8

Рис 1. Микроструктуры перстней со средневековых памятников Пермского Предуралья.

1 – с широкосрединным щитком; 2 – со вставкой; 3 – с округлым щитком; 4 – с прямоугольным щитком; 5 – серебряный с прямоугольным щитком; 6 – спиралевидный; 7, 8 – «колпачок». Увеличение: 1, 2, 4, 5, 7, 8 – $\times 200$; 3, 6 – $\times 100$.

I. Литье (3 экз.; рис. 1: 1, 2). Литые изделия имеют дендритную структуру. В зависимости от температурного режима остывания отливки удалось зафиксировать различия в дендритной структуре металла: крупный размер дендритов косвенно указывает на отсутствие дополнительных условий остывания отливки, а мелкий – свидетельствует о намеренном охлаждении отливки после литья.

Технологическая схема I предполагает, что литье было единственной формообразующей операцией, но при изготовлении предметов могли использоваться вспомогательные операции, которые не подразумевают изменение изделия, а направлены на удаление литника, литниковых швов, полировку.

С использованием данной схемы были изготовлены неразъемные перстни с широко-срединным и ромбическим щитками (Важгорский могильник), неразъемный перстень со вставкой (перстень «салтовского» типа; Лаврятское городище). Материал – многокомпонентная бронза. Визуально изделия были определены как литые.

Судя по данным микроструктурного анализа, при изготовлении перстня «салтовского типа» со вставкой не были использованы специальные способы охлаждения отливки, о чем свидетельствует крупнозернистая дендритная структура металла.

II. Литье, косметическая обработка металла давлением (11 экз.; рис. 1: 3, 4). Для технологической схемы II характерно, помимо выраженной дендритной структуры, наличие полос скольжения. С использованием данной схемы изготовлено наибольшее количество перстней из рассматриваемой выборки. Это пластинчатые бесщитковые перстни (городище Анюшкар, селище Телячий Брод), разъемные перстни с прямоугольным щитком (могильники Редикор, Телячий Брод), неразъемный перстень с ромбическим щитком (Важгортский могильник), спиралевидный перстень, перстень с изображением змей по бокам, перстень с овальным щитком и орнаментом в виде букв «N», перстень с округлым щитком (могильник и селище Телячий Брод), дужка от перстня-«колпачка» (Рождественский могильник). Материал – многокомпонентная бронза, оловянная бронза. Визуально все изделия были определены как литые, кроме перстня с прямоугольным щитком с селища Телячий Брод.

За исключением перстня с Важгортского могильника, изделиям, изготовленным по технологической схеме II, придавалась окончательная форма после отливки – загибались дужки перстней или, как в случае со спиралевидным перстнем, отлитая проволока сгибалась после предварительного нагрева, не превышающего 300°, вокруг деревянного стержня. Экземпляр с Важгортского могильника, скорее всего, получил изменение в структуре в виде полос скольжения вследствие излишних вспомогательных операций.

Интерес представляет перстень с прямоугольным щитком с могильника Телячий Брод. Визуально была определена следующая технология его изготовления: из тонкой пластины, полученной в результате прокатки, по шаблону был вырезан перстень, затем ему была придана окончательная форма и гравировкой нанесен орнамент. Подобная технология известна по материалам средневекового Новгорода (Рындина, 1963. С. 233). Микроструктурный анализ перстня показал, что тонкая пластина была получена не в результате прокатки, а при помощи литья. Таким образом, мастерами из Пермского Предуралья применялась более легкая техника изготовления, которая, однако, снижала качество изделия (на микроструктуре видны газовые поры).

X. Формующая холодная и косметическая обработка металла давлением (3 экз.; рис. 1: 5, 6). Микроструктура изделий, изготовленных по технологической схеме X, характеризуется наличием полиэдров и двойников отжига, полос скольжения. По данной схеме были изготовлены серебряные перстни с прямоугольным щитком (могильники Телячий Брод, Антыбары), спиралевидный перстень (Анюшкар). Материал – серебро.

Перстни с прямоугольным щитком были получены в результатековки при невысоком нагревании (не более 300°) металла. Косметическая доработка была направлена на придание формы изделию и нанесение орнамента при помощи чеканки.

Поле шлифа спиралевидного перстня имеет волокнистую структуру, характерную для изделий, полученных путем волочения (Зайцева, Сарачева, 2008. С. 348). Для полу-

чения окончательной формы изделия (спирали) проволока сгибалась после предварительного нагрева вокруг деревянного стержня.

В отдельную группу выделяются сборные украшения (1 экз.). К таковым относятся изделия, конструктивные части которых были изготовлены по отдельности, а затем соединены механическим путем или с помощью пайки. Из рассмотренной выборки это перстень-«колпачок». Материал – серебро. На нем было сделано два шлифа: первый – на торсированной проволоке (рис. 1: 7), второй – на месте пайки проволоки к основе изделия (рис. 1: 8). Микроструктурный анализ подтвердил выводы, сделанные при визуальном осмотре: конструктивные части изделия соединялись с помощью паяния, а проволока была получена в результатековки и затем скручена.

Таким образом, можно сделать вывод, что основной технологической схемой изготовления перстней было литье с последующей косметической доработкой изделия. Ту же самую картину мы можем наблюдать по материалам Новгорода и Земли Вятчей (Рындина, 1965. С. 235–240; Зайцева, Сарачева, 2008. С. 145–151). Более сложные техники изготовления, такие, какковка и волочение, стали применяться, начиная с X в. При этом в проанализированной выборке все кованные изделия сделаны из серебра. Во-первых, серебро обладает хорошей ковкостью, во-вторых, можно говорить о том, что статусные вещи (они, как правило, из драгоценных материалов) изготавливались по более трудоемкой технологии.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2008. Ювелирное дело «Земли вятчей» второй половины XI – XIII в. М.: Индрик. 404 с.

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. № 117. М.: АН СССР. С. 200–263.

Рындина Н.В., 1965. Металлография в археологии // Археология и естественные науки / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука. С. 119–128.

Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.

К.В. Мызгин

*Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
myzgin@mail.ru*

ГОТСКИЕ ВОЙНЫ III В. В СВЕТЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ С ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

События второй-третьей четвертей III в. на территории балканских и малоазийских провинций Римской империи, связанные с походами на эти территории варварских племен Центральной и Восточной Европы, получили название «Готских» (или «Скифских») войн. В разной степени они отражены в трудах древних авторов: Иордана, Аммиана Марцелина, Дексиппа, Зосима и других. На территории самих римских провинций эти события хорошо фиксируются археологически, прежде всего, следами разрушений городов. Однако в пределах Барбарикума материальных свидетельств участия варваров в указанных событиях, при всей их предполагаемой масштабности, не так уж много. Одним из них являются находки отдельных категорий римских монет.

На связь событий военного характера с поступлением к варварскому населению денариев – одной из самых многочисленных категорий находок римских монет в Барбарикуме – указывали еще исследователи конца XIX – начала XX ст. (Самоквасов, 1897. С. 39, 40; Ляскоронский, 1901. С. 458–464). Не отрицал ее и В.В. Кропоткин (1961. С. 24, 25; 1967. С. 79–81). С пересмотром нижней даты черняховской культуры, с которой связано распространение римских монет в Восточной Европе, рядом исследователей Готские войны признавались одним из существенных источников притока денариев к варварам (Магомедов, 1987. С. 79; 2001. С. 111; Щукин, 2005. С. 202; Шаров, 2007. С. 34, 35), а некоторыми учеными – и вовсе основным (Бейдин и др., 2001. С. 117–119; Мызгин, 2008.

С. 51, 52; 2009. С. 24, 25; и др.). Сегодня роль Готских войн в поступлении денариев по ряду причин видится нам несущественной (Мызгин, 2013. С. 221; Мызгин, Дымовский, 2014). Даже если какая-то незначительная часть денариев и поступила на территорию Барбарикума в течении указанного времени, установить этот факт возможно только по косвенным данным.

Напротив, прямым отражением пребывания варваров на территории римских провинций являются находки бронзовых монет автономной чеканки. Такие монеты массово выпускались рядом римских провинциальных городов в течение первых трех четвертей III в. для удовлетворения потребностей в деньгах на местном рынке, поэтому имели очень ограниченную зону обращения. В настоящее время мы располагаем информацией не менее чем о 1,5 тыс. монет, происходящих как минимум из 26 городов балканских провинций (в основном Маркианополь, Никиполь на Истре, Одессос, Томы, Анхиал, Адрианополь, Деульт, Пауталия, Виминаций, Фессалонники), и не менее чем о 400 монетах из 12 городов римских провинций в Малой Азии (в основном, Трапезунт, Синопа, Эфес, Александрия Троас, Кессария Каппадокийская, Никея). В целом география городов, в которых отчеканены обнаруженные на территории Восточной Европы провинциально-римские монеты, соответствует областям, подвергшимся вторжению варваров, указанным в письменных источниках. Вызывает интерес отсутствие находок монет, отчеканенных в городах южной Фракии. Интересен также тот факт, что основное количество находок монет городов балканских провинций сделано на территории Центральной, гораздо реже – Западной Украины, тогда как находки монет малоазийских городов происходят, как правило, с Левобережья Днестра. Такая тенденция пространственного распределения монетных находок, впервые замеченная Г.В. Бейдиным (2012. С. 151, 152) и подтверждаемая новыми исследованиями, вполне может очерчивать территории проживания участников балканского и малоазийского этапов Готских войн.

Другой категорией находок, по всей видимости, прямо связанной с событиями Готских войн, являются ауреусы второй четверти III в., изучению которых посвящена обстоятельная статья А. Бурше (Bursche, 2013). По мнению ученого, эти монеты попали к варварам после разгрома римской армии и захвата императорской казны возле г. Абритт в 251 г. Их находки широко известны на территории вельбаркской и черняховской культур, причем в ареале последней они концентрируются преимущественно в междуречье Днестра и Южного Буга (Bursche, 2013. Fig. 4; Bursche, Myzgin, 2013. Map 1).

В последнее время наше внимание привлекают находки антонинианов. Практически все они имеют хорошую сохранность (слабую степень износа), датируются, как правило, в пределах 230-х – начала 250-х годов и так же, как предыдущая категория находок, чаще всего встречаются на территории Центральной Украины, в среднем течении Днестра, среднем и верхнем течении Южного Буга. Вполне возможно, что приток антонинианов, широко обращавшихся на территории Римской империи, также связан с событиями у г. Абритт, но пока этот вопрос остается открытым.

Бейдин Г.В., 2012. Римские провинциальные монеты на территории Украины в ареале черняховской культуры // Древности. Вып. 11. С. 147–159.

Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., Любичев М.В., 2006. Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине / Ред. А. Зинухов. Харьков. С. 110–143.

Кропоткин В.В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М. 135 с. (САИ. Вып. Г4-4.)

Кропоткин В.В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука. 135 с.

Ляскоронский В.Г., 1901. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья // Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. Т. I / Ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: типография Э. Лиснера и А. Гешеля. С. 458–464.

Магомедов Б.В., 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 110 с.

Магомедов Б.В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 290 с.

- Мызгин К.В., 2008. К вопросу о времени поступления римских монет в среду черняховского населения // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Вып. 40. С. 50–63.
- Мызгин К.В. 2009. Хронология и периодизация поступлений римских монет к населению украинской лесостепи и Молдовы во второй четверти I тысячелетия н.э. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Вып. 41. С. 18–28.
- Мызгин К.В., 2013. Римские монеты в ареале черняховской культуры: проблема источников поступления // Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 217–233.
- Мызгин К., Дымовский А., 2014. Приток римских денариев I–II веков нашей эры на территорию черняховской культуры в свете хронологической структуры и территориального распределения монетных кладов // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова / Ред. О.В. Петраускас, Р.Г. Шишкин. Київ: ІА НАНУ, Ін-т істор. освіти НПУ ім. М.П. Драгоманова. С. 82–95. (ОІУМ. № 4.)
- Самоквасов Д.Я., 1897. О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. Т. III / Ред. П.С. Уварова. М.: тов.-во типографии А.И. Мамонтова. С. 31–43.
- Шаров О.В., 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами (краснолаковая керамика). СПб.: Нестор-История. 208 с.
- Щукин М.Б., 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филолог. ф-т СПбГУ. 576 с.
- Bursche A., 2013. The Battle of Abritus, the Imperial treasury and aurei in Barbaricum // Numismatic Cronicle. 173. London. P. 151–169.
- Bursche A., Myzgin K., 2013. A gold medallion of Crispus from Bukovina // Notae Numismaticae. VIII. Kraków. P. 185–194.

А.Р. Нуретдинова, С.И. Валиулина

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
alsu.nuretdinova@rambler.ru*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОДНОЙ АЛХИМИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ: К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СФЕРОКОНИЧЕСКИХ СОСУДОВ¹

Исследователями неоднократно отмечалось вероятное использование на средневековом Востоке сфероконических сосудов вместе с аламбиками (рис. 1) в качестве аппарата для перегонки (Аминджанова, 1961; Джанполадян, 1965, Kröger, 1995). По мнению Р.М. Джанполадян, сфероконические сосуды могли служить в дистилляционной установке, как вместилищем исходного вещества, так и сосудом-приемником. Что касается аламбиков, то, прежде всего, имелись в виду изделия грибовидной формы или в виде тыквы с ярко выраженной складкой под так называемым куполом, перед цилиндрическим горлом. В этой складке должен был концентрироваться продукт перегонки и затем по трубке, расположенной здесь же, передаваться в сосуд-приемник. Такие сосуды известны, в частности, в средневековой Армении на памятниках археологии и на изображениях в алхимических трактатах.

В домонгольском Биляре найден только один фрагмент аламбика в форме тыквы (тип 1 по билярской типологии), массово же представлены аламбики (тип 2) в виде цилиндрического колпачка с отходящей изогнутой трубкой, не имеющие складки. Этим сосудикам приписывают функцию кровотоносных банок, воронок и часто скептически оценивают возможность их участия в процедуре дистилляции. Однако в мастерской билярского алхимика такие аламбики и сфероконусы присутствуют вместе (Валиулина, 2005. С. 148).

Д. Крёгер, исходя из находок сфероконических сосудов и аламбиков-колпачков в домах горожан Нишапура IX–XI вв., предполагает их использование в домашнем про-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-31184 («Сфероконические сосуды Волжской Булгарии») и № 13-06-00686 («Средневековое стекло Среднего Поволжья как исторический источник»).

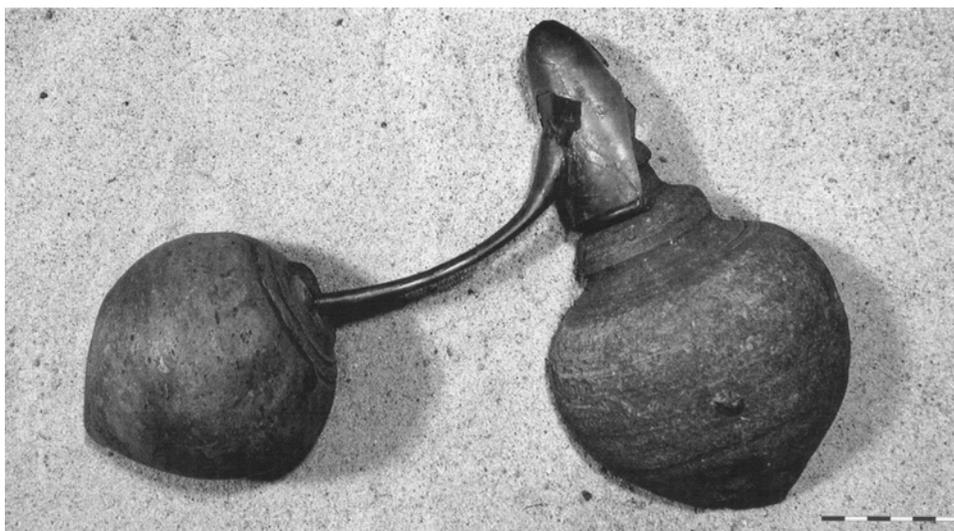


Рис. 1. Сфероконические сосуды и аламбик с раскопа ХІІ Биллярского городища (руководитель раскопа – С.И. Валиулина).

изводстве розовой воды, финикового вина или шербета. При этом автор не исключает возможность применения тех и других сосудов в алхимической практике (Köger, 1995. Р. 186–188). Для проверки гипотезы о возможном использовании сфероконусов и аламбиков (тип 2) вместе в качестве перегонного аппарата был проведен эксперимент.

Шаг 1. Для эксперимента были взяты: глиняный сфероконус, установленный на подставке, реплика аламбика, сосуд-приемник (вместо сфероконуса использовалась стеклянная колба, чтобы был виден полученный дистиллят) и спиртовая лампа. Сфероконус установили под углом в соответствии с изгибом трубки аламбика для удобства слива. В качестве перегонной жидкости использовалась вода.

Шаг 2. Была зажжена спиртовая лампа. В результате нагрева с первых минут на поверхности сфероконуса образовалась копоть.

Шаг 3. Далее в результате доведения воды до кипящего состояния стенки аламбика запотели.

Шаг 4. На стенках аламбика образовался дистиллят, который начал стекать вниз.

Шаг 5. По трубке аламбика продукт перегонки поступал в колбу.

Таким образом, в результате проведенного эксперимента была доказана гипотеза о возможности использования сфероконусов и аламбиков 2 типа вместе в качестве аппарата для дистилляции. Однако следует отметить, что эксперимент выявил образование копоти на поверхности сфероконуса. Вместе с тем на экземплярах, найденных на болгарских памятниках, следы копоти не обнаружены. Можно предположить наличие глиняной капсулы – подставки, которая позволяла установить сфероконус под нужным углом наклона и непосредственно соприкасалась с огнем, а значит, принимала нагар на себя. Подобная капсула – глиняная обмазка – описывается в трактате XII в. Абуль-Фазля Хобеййша ибн-Ибрагима Тифлиси «Описание технологий»: «Приготовление киновари. Пусть [мастер] возьмет глазурованную склянку в форме турунджа, то есть такую, чтобы основание было сужающееся, а горлышко узким, как кувшин для фокка, и поместит ртуть и добавит одну четверть [от нее] желтой серы, а лучше, если одну шестую. И пусть закроет горлышко медной пластиной, а потом хорошенько обмажет всю склянку глиной и поставит сохнуть на солнце. Если глина растрескается, пусть обмажет снова, чтобы было прочно, а затем хорошенько разожжет в печке овечий помет и оставит склянку на этом горне, замазав отверстие печи глиной. Так подержит сутки. Когда вынет [киноварь] получится красной и хорошей!» (Вильчевский, 1961. С. 211, 212). Находка фрагмента глиняной обожженной обмазки, повторяющей внешнюю сторону сфероконуса, на раскопе ХІІ Биллярского городища может служить иллюстрацией к описанному в трактате XII в. способу получения киновари.

- Аминджанова М.Г., 1961. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент. С. 241–255.
- Валиулина С.И., 2005. Стекло Волжской Булгарии. Казань. 280 с.
- Вильчевский О.Л., 1961. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. // СА. № 2. С. 210–212.
- Джанполадян Р.М., 1965. Лабораторная посуда армянского алхимика // СА. № 2. С. 210–216.
- Kröger J., 1995. Nishapur: glass of the early Islamic period. New York. 256 pp.

А.С. Проценко

*Башкирский государственный педагогический университет, Уфа
anton.procenko@mail.ru*

К ПРОБЛЕМЕ МИФОЛОГИЗАЦИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ¹

Сегодня мы становимся свидетелями масштабных этногенетических построений, основанных на использовании различных данных: археологических, антропологических, нарративных, фольклорных, лингвистических. При комплексном подходе они дают возможность реконструировать основные этапы истории края более или менее объективно. Однако часто они используются для попыток доказательства древности того или иного народа, давности его нахождения на рассматриваемой территории. Процесс этот вполне закономерен; начавшийся на волне перестройки с демократизацией страны рост национального самоопределения привел к созданию так называемых региональных историографий. По мнению М.И. Роднова, подобные историографии замкнулись в своих «скорлупках», в них оформились свои организационно-управленческие структуры, свои теоретические, методологические принципы изучения прошлого (Роднов, 2010. С. 32).

Л.С. Клейн выделяет три наиболее характерных проявления синдрома национальной уязвленности в археологических исследованиях: «всемерное отстаивание исконности, глубочайшей древности своего народа и обитания его всегда, испокон веков, на его нынешней территории»; «поиски “знатных предков”, происхождение от которых могло бы возвеличить уязвленный народ в собственных глазах и в глазах соседей»; «война на археологических картах, археологическая экспансия», когда «представители каждого уязвленного народа стремятся представить территорию своего народа или землю своих “знатных предков” как можно более пространной, покрывающей и земли нынешних соседей» (Клейн, 1993. С. 66–68).

На рубеже XX и XXI вв. в Республике Башкортостан был подготовлен и издан обобщающий труд – семитомная «История башкирского народа». Для нас интересен первый том этой серии, который получил отрицательную рецензию ведущих специалистов по древней истории Южного Урала. В рецензии отмечается, что при своих положительных качествах указанный том имеет и много изъянов, от недостаточной компетентности авторов до неудовлетворительной редактуры (Горбунов и др, 2012. С. 176–180). Замечания по этому поводу высказал и Н.А. Мажитов (Мажитов, 2010. С. 17).

Раздел «Мифологические представления древних башкир» в рассматриваемом издании написан В.Г. Котовым. В вышеупомянутой рецензии говорится, что раздел открывается главой «Башкирский героический эпос “Урал-батыр” как исторический источник»; автор повторяет свою любимую идею о «сходстве структуры, отдельных персонажей и их функций, мифологической основы эпосов “Урал-батыр” и “Акбузат” со структурой и семантикой изобразительных композиций в палеолитических пещерных святилищах», о «литературной обработке мифа в III–II тыс. до н. э.» и о превращении мифа в героический эпос (Горбунов и др., 2012. С. 179).

¹ Работа выполнена в рамках базовой части Государственного задания на проведение НИР Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (проект № 2936).

Несколько ранее работы В.Г. Котова (2001; 2006а; 2006б) подверг критике Л.Т. Яблонский, также за вольную трактовку изображений эпохи палеолита, априорное сопоставление их с отдельными эпизодами из башкирского эпоса «Урал-Батыр»; этногенез башкир в Приуралье «от верхнего палеолита до этнографической современности», где проблема межэтнических отношений стоит весьма остро, а любое неловкое движение в сфере межэтнических взаимоотношений грозит тяжелыми последствиями (Яблонский, 2010. С. 53).

В последние несколько лет археологи БашГУ под руководством Н.А. Мажитова выпустили ряд работ, в которых идет речь о так называемом городе Башкорт, существовавшем на месте городища Уфа-II (Мажитов и др., 2007. С. 33–37; Мажитов, 2011. С. 20–32; Мажитов, Султанова, 2010). Исследователи отмечают, что упоминание о древнем городе под названием Башкорт (Башкирд, Башкурт), расположенном на месте современной Уфы, и нескольких других башкирских городах встречается во многих иностранных источниках; эти сведения еще более актуализируют необходимость целенаправленных полевых работ по поиску других средневековых городов.

В.А. Иванов, оппонировав коллегам, тезисно отмечает, что башкирские города – еще один пример современного археологического мифотворчества; у Н.А. Мажитова и его соавторов отношение к письменным источникам своеобразное, они их не цитируют, а пересказывают, причем в достаточно вольной интерпретации; такое же вольное отношение наблюдается и к анализу археологических источников; город Башкорт – авантюра Н.А. Мажитова (Иванов, 2012. С. 404–414; Иванов, Антонов, 2013. С. 64–79).

На наш взгляд, охарактеризованная ситуация не просто отражает кризисные черты региональной археологической науки. Рассматриваемое археологическое «знание» выполняло сервильные функции – обслуживало интересы новых властных элит и по-своему понимаемые национальные цели титульного народа.

Горбунов В.С., Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Кореняко В.А., 2012. Рец. на кн.: История башкирского народа / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. I. М.: Наука, 2009. 400 с., ил. // РА. № 3. С. 176–180.

Иванов В.А., 2012. Четыре монеты, как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа II) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань. С. 404–414.

Иванов В.А., Антонов И.В., 2013. «Город Башкорт» и другие «города башкир» на средневековых и археологических картах // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 64–79.

Клейн Л.С., 1993. Феномен советской археологии. СПб. 128 с.

Котов В.Г., 2001. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш и мифология Южного Урала // Проблемы первобытной культуры. Уфа. С. 54–79.

Котов В.Г., 2006а. Проблема этнокультурной преемственности населения Южного Урала от верхнего палеолита до современности // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Матер. III научно-практич. конф. Челябинск.

Котов В.Г., 2006б. Башкирский эпос «Урал-Батыр»: историко-мифологические основы. Уфа. 408 с.

Мажитов Н.А., 2010. Где подлинная история народа? (Препринт). Уфа: АН РБ, Гилем. 27 с.

Мажитов Н.А., 2011. К вопросу о происхождении башкирского народа // Проблемы востоковедения. С. 20–32.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 2010. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап. 496 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н., Сунгатова Ф.А., 2007. Еще раз о городе Башкорт – столице средневекового Башкортостана // Вестник АН РБ. Т. 12. № 4. С. 33–37.

Роднов М.И., 2010. Уроки Любавского // Научное, педагогическое и просветительское наследие М.К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI–XX вв. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 31–33.

Яблонский Л.Т., 2010. Осторожно: Этническая археология! (Спички детям не игрушка) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 52–63.

**АМФОРЫ РЖЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О ХРОНОЛОГИИ
АМФОРНОЙ ТАРЫ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ**

Ржевский могильник салтово-маяцкой культуры (СМК) расположен в Шебекинском районе Белгородской области, в бассейне р. Нежеголь – левого притока Северского Донца. В 2004–2007 гг. памятник исследовался экспедицией Белгородского университета под руководством В.А. Сарапулкина. Изучены 85 захоронений в ямах, в двух погребениях выявлены амфоры (частичная публикация: Сарапулкин, 2006. С. 195–203).

Амфора из погребения 12 (рис. 1: 2) представляет собой сосуд яйцевидной формы с округлым дном, украшенный линейным зональным орнаментом, нанесенным по плечикам сосуда. Тулово в средней и нижней части имеет слабожелобчатую поверхность. Горло цилиндрическое, расширяющееся книзу, с рифлением в виде двух неглубоких желобков. Ручки овальные в сечении, прикреплены верхней частью к краю сохранившейся части горла, нижней – чуть выше плечиков сосуда, на которые они опускаются после плавного перегиба. Амфора изготовлена из плотного глиняного теста с незначительными включениями мелких карбонатов, черепок имеет оранжевый в изломе цвет. На поверхность сосуда нанесен тонкий слой ангоба в цвет черепка. Поверх процарапан двузубец с перпендикулярно отходящей от правого зубца небольшой линией. Амфора выявлена в комплексе с дирхемом 783–784 (85–86) г. н.э. Такие амфоры известны в различных типологических схемах как варианты 1 или 3 по А.Л. Якобсону, типы XIII, XIV по ХК-71, класс 24 или 27 (более точному определению препятствует отсутствие на рас-

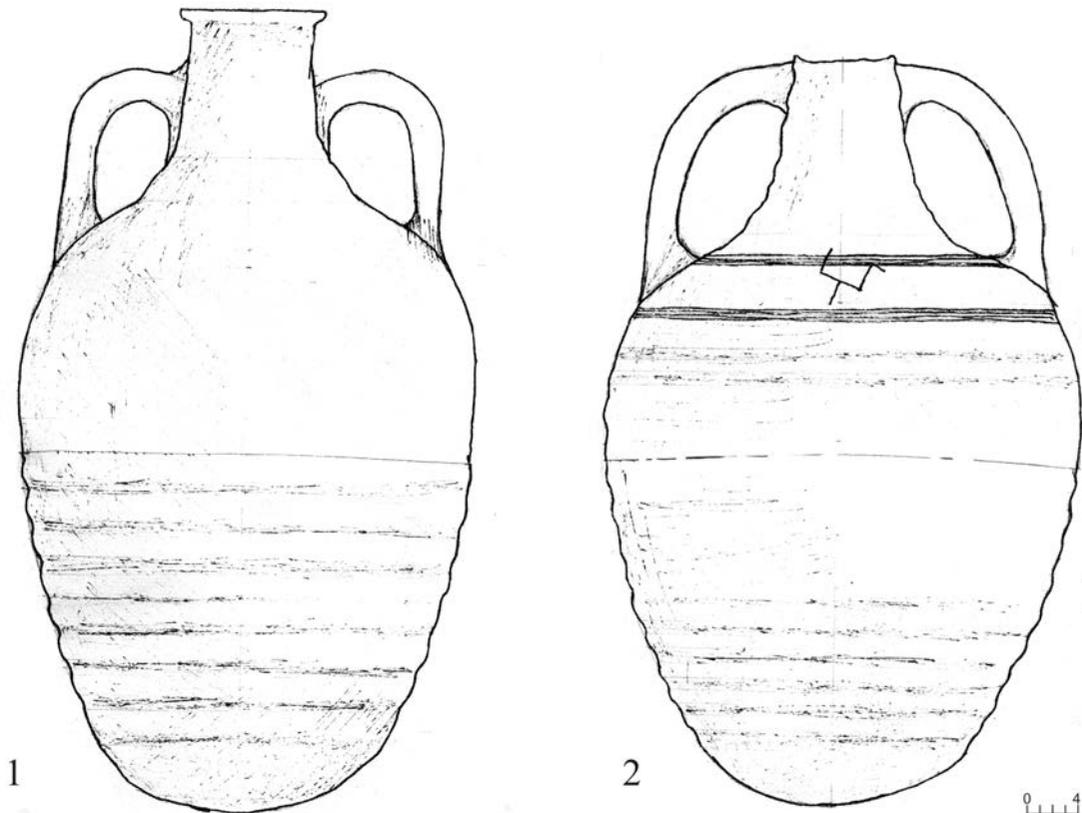


Рис. 1. Амфоры Ржевского могильника СМК (по: Сарапулкин, 2006).
1 – погребение 2; 2 – погребение 12.

смаатриваемой амфоре венчика) по ХК-95, тип 1 по В.Е. Науменко, тип 24 по А.В. Сазанову, тип XIV по В.Н. Чхаидзе (на основании морфологии ручек) (Якобсон, 1979. С. 29, 30; Антонова и др., 1971. С. 89; Романчук, 1995. С. 50–52. Таб. 20: 21; 22: 95; Зинько, 2009. С. 39–43; Sazanov, 1997. P. 92. Fig. 2: 24; Чхаидзе, 2012. С. 479. Рис. 89).

Амфора из погребения 2 (рис. 1: 1) имеет тулово яйцевидной формы со слабовыраженной желобчатостью в нижней части, округлое дно, высокое цилиндрическое горло, завершающееся отогнутым и срезанным по верхней плоскости венчиком. Ручки овальные в сечении, на них имеется сглаженный продольный валик и слабовыраженные боковые ребра. Верхним краем ручки крепятся к середине горла, нижним – к плечикам амфоры, на которые они опускаются после выраженного перегиба. Амфора изготовлена из плотного глиняного теста с включениями мелкой фракции шамота и известняка, покрыта тонким ангобом в цвет черепка. Выявлена в комплексе с дирхемом 770 г. н.э. Точных аналогий сосуду проследить не удалось. Определенное сходство (форма тулова, горловины, морфология ручек) имеется с амфорой из поселения Калос-Лимен (Кутайсов, 2004. С. 115. Рис. 1: 7), относимой В.Е. Науменко к типу III по его типологии (Зинько, Пономарев, 2009. С. 47).

Вопросам распространения, типологии и хронологии амфор хазарского времени посвящен обширный пласт научной литературы. Учитывая немногочисленность в Причерноморье закрытых комплексов с амфорами VIII–IX вв., находки Ржевки дают новые важные материалы к обсуждению вопроса о хронологии амфорной тары. Для нас же представляется первостепенным отметить, что наличие в погребениях Ржевки рассматриваемых сосудов в качестве импорта должно маркировать время наибольшего распространения такой тары и на территории расположения гончарных центров по ее производству. Причем, если в Крыму известны комплексы первой половины IX в., где преобладают амфоры с линейным зональным орнаментом (что, в ряде случаев, является основанием для датировки этого типа амфор указанным временем), то комплексы с преобладанием амфор, аналогичных сосуду из погребения 2, не выявлены. Это может быть связано с узким периодом их бытования, который хронологически предшествует времени распространения амфор с линейным орнаментом, вследствие чего такой тип амфор не имеет точных аналогий. Однако аргументов в пользу высказанного тезиса лишь два и, к сожалению, оба они косвенные. Во-первых, это наличие в погребении 12 угорских черт погребальной обрядности (Сарапулкин, 2006. С. 203, 204), что может иметь хронологическую обусловленность. Во-вторых, это хронологический разрыв между датами чекана монет из погребений 2 и 12: из погребения 2 происходит более ранняя монета, из погребения 12 – более поздняя. Придать абсолютное значение этим обстоятельствам препятствуют, в первом случае, слабая разработанность хронологии погребального обряда СМК, а во втором – феномен «запаздывания» монет, фиксируемый в восточноевропейских средневековых комплексах.

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И., 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. № 1. С. 81–101.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 2009. Тиритака. Раскоп XXVI. Киев: АДЕФ-Украина. 328 с.

Кутайсов С.В., 2004. Раннесредневековый слой Калос Лимена (по предварительным данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Ч. II. Киев; Судак. С. 113–121.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 169 с.

Сарапулкин В.А., 2006. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Воронеж: ВГПУ. С. 195–203.

Чхаидзе В.Н., 2012. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф-принт. 590 с.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука. 163 с.

Sazanov A., 1997. Les amphores de l'antique tardive et du moyen age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee. Actes du 6-e congres. Aix-en-Provence. P. 87–102.

СЯНЬБИЙСКАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ИНДИКАТОР ПРИСУТСТВИЯ СЯНЬБЭЙ (СЯНЬБИ) В ЮЖНОЙ СИБИРИ

Под сяньбийской общностью обычно понимаются отдельные племена, появившиеся в Северном Китае и вступавшие в тесное взаимодействие друг с другом и со своими соседями со II в. до н.э. до середины VI в. н.э. Исторические китайские источники сообщают о нескольких походах сяньбэй в Южную Сибирь, что позволяет ожидать обнаружение сяньбийских предметов на памятниках этой территории.

На протяжении XX в. отечественная археология на фоне активного изучения хуннских древностей несколько «пренебрегала» изучением древностей сяньбийских из-за отсутствия определяющих признаков для их выделения. «Прорыв» в сяньбийском вопросе наметился после публикации статьи Ю.С. Худякова, С.В. Алкина и С.-Х. Юй, в которой были атрибутированы бронзовые поясные пряжки с «крылатыми лошадьми» (другие названия образа, встречающиеся в литературе: «единорог», «олень в стилизованной позе») из могильника Аймырлыга XXXI как сяньбийские, а также был выделен ряд других сяньбийских предметов, выполненных в определенной изобразительной традиции (Худяков и др., 1999).

Описание сяньбийского «единорога» и выделение характерных изобразительных особенностей позволило провести параллели с наскальными изображениями (Миклашевич, 2004). Помимо образа единорога в сяньбийской торовитике присутствуют лошади и олени. Однако из-за распространенности этих мотивов выделить петроглифы с ними, принадлежащие именно к сяньбийскому пласту, очень сложно.

Наряду с уникальными сяньбийскими изображениями существуют более распространенные, ранее не связывавшиеся с сяньбэй, мотивы в металлопластике, интерпретируемые как хуннские. При этом одной из трудных задач является преодоление сложившегося стереотипа по отношению к предметам, которые в современной археологии узнаваемы как хуннские. К ним относятся так называемые ажурные бляхи хуннского типа (Дэвлет, 1980). Находки встречаются в таштыкской культуре в могильнике Салбык (Вадецкая, 1992. С. 447. Табл. 97. Рис. 36), эталонном хуннском памятнике в Забайкалье – Иволгинском городище (Давыдова, 1971. С. 95. Рис. 1), а также в могильнике Яломан II в Горном Алтае (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 32. Рис. 1: 22). Отсутствие близких аналогий пряжкам позволило в свое время отнести их к хуннским, хотя общая стилистика изображений не соответствовала хуннской традиции. При знакомстве с сяньбийскими памятниками был найден аналог пряжки в памятнике Лаохэшень (Худяков и др., 1999. С. 168. Рис. 2: 6), что позволяет пересмотреть этническую принадлежность бляшек.

Сяньбийская культура имеет в своей основе сильный хуннский компонент; она совместила свою собственную уникальную традицию с хуннской, частично переработав ее, частично сохранив. Одним из переходных мотивов стала распространенная хуннская змеевидная пряжка. Это прямоугольная прорезная пластина, украшенная параллельными косыми линиями, образующими правильные ромбы. Обломки этой пряжки были обнаружены в могильниках таштыкской культуры Новая Черная IV и V и отнесены Э.Б. Вадецкой к хуннской традиции (1999. С. 33: 19). В дальнейшем подобные мотивы встречаются в сяньбийских памятниках начала III в. н.э., однако орнамент подвергается сильной трансфигурации и упрощению (Sun Wei, 2007. P. 117. Fig. 17: 5, 6).

Новые сюжеты в изобразительной традиции, такие, как «единорог» и «оленок», могут интерпретироваться как сяньбийский компонент. Все эти находки укладываются в узкие хронологические рамки I–II вв. н.э. и встречаются в Китае на начальных этапах своего развития, когда племена сяньбэй совершали походы в Южную Сибирь. На основании этого можно говорить о непродолжительном по времени присутствии сяньбэй

на территории Южной Сибири. Использование наскальных изображений и отдельных находок в качестве источника определения сяньбийских памятников значительно расширяет известную нам область распространения сяньбийского влияния в I–II вв. н.э., позволяя реконструировать пути движения племен сяньбэй, охватывавшие Минусинскую Котловину, Туву и, возможно, Горный Алтай. Сосуществование в одном комплексе хуннских и сяньбийских предметов сигнализирует о возможной необходимости пересмотра в будущем атрибуций ряда вещей, что покажет более сложные процессы взаимодействия хунну, сяньбэй и местного населения Южной Сибири. Для изучения сяньбийского вопроса в дальнейшем необходимо составлять комплексное описание сяньбийской культуры и рассматривать вещи уже в контексте.

- Вадецкая Э.Б., 1992. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука. С. 236–247. (Археология СССР)
- Вадецкая Э.Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургского Востоковедения». 440 с.
- Давыдова А.В., 1971. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. № 1. С. 93–105.
- Дэвлет М.А., 1980. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. М.: Наука. 66 с. (САИ. Вып. Д 4-7.)
- Миклашевич Е.А., 2004. «Племя единорога» на Енисее (сяньбийские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 320–325.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. № 3. С. 31–40.
- Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй С.-Х., 1999. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 4 / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ. С. 163–169.
- Sun Wei, 2007. Xianbei kao gu xue wen hua yan jui (Archaeological study on the Xianbei culture). Beijing. 177 p.

А.М. Фатьков, Р.А. Федонин
Институт археологии РАН, Москва
fil1984@mail.ru mladoi@yandex.ru

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ СЕЛИЩА БОЛЬШОЕ САВРАСОВО-2

В 2013 г. ГИМ, Отделом охранных раскопок ИА РАН и ЦАИ «Куликово поле» проводились охранные археологические исследования на селище Большое Саврасово-2 в Ленинском районе Московской области. Оно расположено у восточной окраины д. Большое Саврасово, на левом берегу р. Пахра, в 100 м к северо-западу от русла, на высоте 4–9 м от уреза воды в р. Пахра, в 50–70 м к югу от коттеджной застройки д. Большое Саврасово. Селище занимает пологий склон первой надпойменной террасы левого берега Пахры. Склон террасы разрушается двумя пологими балками, выходящими в пойму реки. В настоящее время балки сильно выположены в результате активного смыва пахотного горизонта с более высоких долинных уровней.

По результатам разведочных работ памятник был датирован первой половиной XI – серединой XVII в. Установлено, что культурный слой распространяется неравномерно по всей площади селища. Выявлены три различные по площади скопления культурных напластований и подъемного материала (скопления 1, 2, 3).

Скопление подъемного материала 2 имеет площадь 8870 кв. м. Оно расположено между скоплениями 1 и 3 и отделено от них пологими балками, проточными в древности. На площадке этого скопления был заложен раскоп 2 площадью 8268 кв. м.

Заселение этого участка селища Большое Саврасово-2 приходится на конец XIV в. Активное функционирование поселка продолжается до второй половины XVI в. В данной статье речь пойдет о находках монет из скопления 2 (рис. 1).

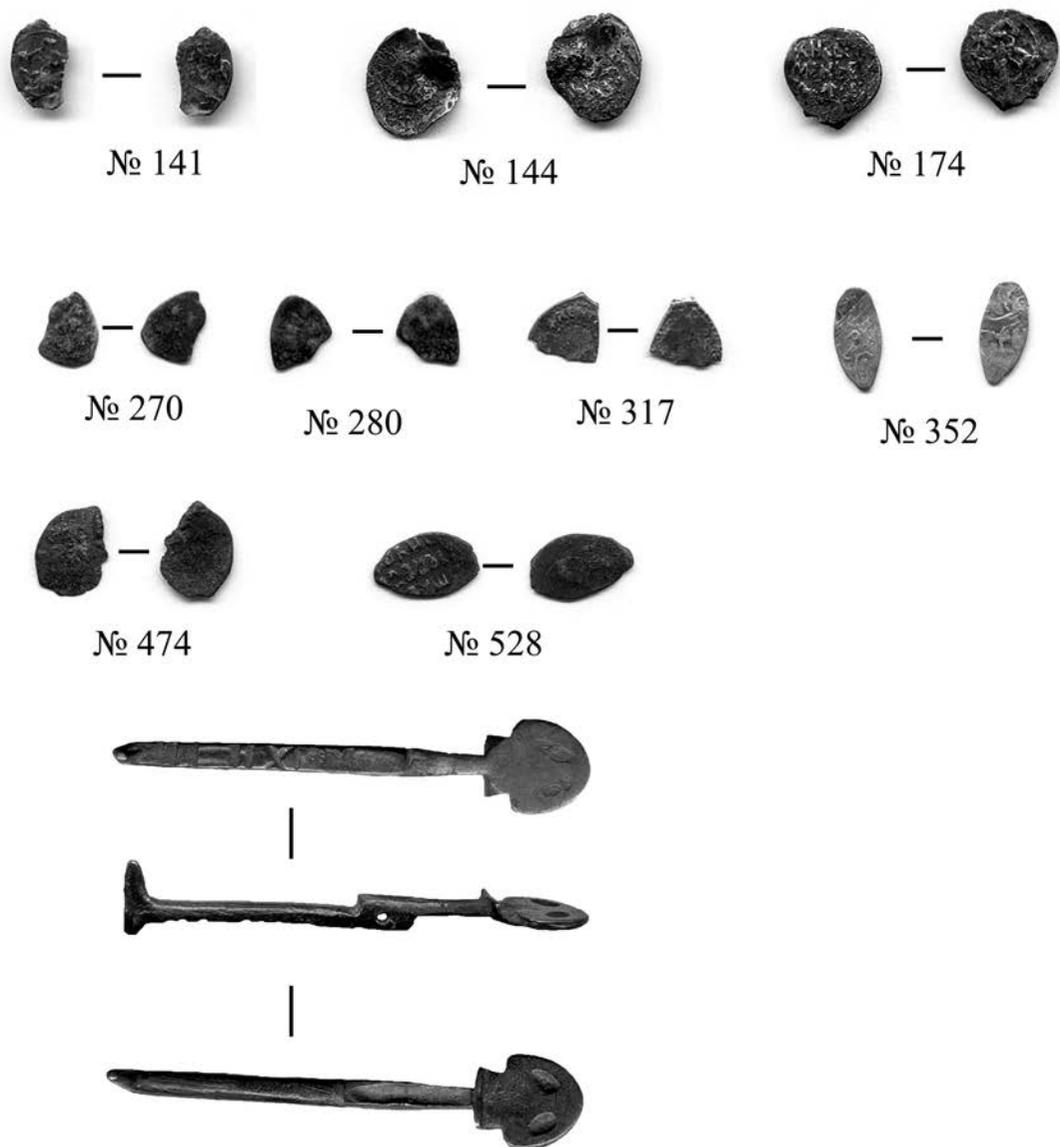


Рис. 1. Нумизматический материал средневекового селища Большое Саврасово-2.

В ходе раскопок обнаружены девять монет. Ниже приводится их описание в хронологическом порядке выпуска.

№ 141. Сектор 51. Объект 234. Глубина -320. Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич (1389–1425). Денга 1422–1425 гг. Вес 0,27 г (края обломаны). Л.с. Всадник с соколом. О.с. Самсон, борющийся со львом.

№ 144. Сектор 51. Объект 234. Глубина -262. Великое княжество Московское. Дмитрий Иванович (1362–1389). Денга 1380–1389 гг. Вес 0,76 г (край обломан). Л.с. Петух. О.с. Арабская легенда с именем хана Токтамыша.

№ 174. Сектор 51. Объект 234. Переборка. Боровское удельное княжество. Семен Владимирович (1410–1426). Денга 1415–1426 гг. Вес 0,61 г. Л.с. Всадник. О.с. Строчная надпись.

№ 270. Сектор 13/6. Объект 31. Глубина -332. Великое княжество Московское. Василий Васильевич (1425–1462). Денга 1456–1462 гг. Вес 0,22 г (обломана). Л.с. с розеткой. О.с. Пятилепестковый цветок.

№ 280. Сектор 6. Объект 31. Глубина -361. Великое княжество Московское. Иван Васильевич (1462–1505). Денга 1462–1470 гг. Вес 0,16 г (обрезана, обломана). Л.с. с розеткой. О.с. Пятилепестковый цветок.

№ 317. Сектор 22. Объект 104. Глубина -448. Великое княжество Московское. Иван Васильевич (1462–1505). Денга 1462–1470 гг. Вес 0,27 г (обломана). Л.с. с розеткой. О.с. Пятилепестковый цветок.

№ 352. Сектор 8. Объект 44. Глубина -426. Великое княжество Московское. Василий Иванович (1505–1533). Денга 1515–1533 гг. Вес 0,23 г (обрезана). Л.с. Всадник с саблей, вправо; под конем – голова человека. О.с. Надпись вязью.

№ 474. Сектор 9. Объект 49. Глубина -510. Великое княжество Московское. Иван Васильевич (1462–1505). Пуло 1480–1505 гг. Вес 0,34 г (край обломан). Л.с. Двуглавый орел. О.с. Строчная надпись.

№ 528. Сектор 4. Объект 27. Глубина -476. Великое княжество Московское. Иван Васильевич (1462–1505). Пуло 1495–1505 гг. Вес 0,51 г. Л.с. Грифон. О.с. Надпись.

Таким образом, хронологически монеты распределяются следующим образом: конец XIV – начало XV в. – 2, 20-е – 60-е годы XV в. – 2, вторая половина XV – первая треть XVI в. – 5.

Наиболее ранние монеты (№ 141, 144, 174) происходят из объекта 234, который, по-видимому, являлся центром хозяйственного комплекса XV в. Монеты второй половины XV – первой трети XVI в. происходят из наиболее поздней части раскопа, где, по-видимому, располагались несколько хозяйственных комплексов конца XV – первой трети XVI в.

Также в ходе раскопок скопления № 2 в заполнении объекта 308 было обнаружено коромысло монетных весов из цветного металла (№ 117) (рис. 1). Его длина – 6,5 см, длина противовеса – 1 см, размеры «лопаточки» – 1,3 x 1,4 см; на противоположной от рабочей поверхности стороне «лопаточки» имеются два овальных несквозных выреза размерами 0,2 x 0,4 см. На плече противовеса имеется ряд параллельных насечек и две пересекающиеся насечки. На плече «лопаточки» с нижней стороны имеется ложбинка глубиной не более 0,1 см.

Находки аналогичных предметов торгового инвентаря известны в Москве в слоях XV в. (Григорьев, Зайцев, 2000. С 130, 131. Рис. 8) Исследователями отмечалось, что конструкция таких весов была заимствована из Золотой Орды, однако там они, как правило, изготавливались из кости, тогда как в русских материалах присутствуют железные и бронзовые экземпляры. Весы данного типа применялись не для взвешивания монет, а для контроля за их полновесностью, так как имели строго фиксированный противовес для лопасти с окончанием в виде лопаточки, на которую помещалась монета, которым служила противоположная часть коромысла (Волков, 2003. С 35–43). Сохранность находки дала возможность установить опытным путем приблизительную весовую норму, под которую были изготовлены весы. Она составила 0,75–0,76 г, что соответствует весу московской деньги 1420-х годов.

Итак, рассмотренный комплекс монет в основном сложился в XV – первой половине XVI в. Судя по всему, именно к этому времени относится период наибольшей экономической активности на поселении, о чем, помимо монет и монетных весов, свидетельствует большинство археологических находок – нательные кресты, перстни, ножи, железные замки и ключи, пахотные орудия, пряслица из стенок круговых сосудов и известняка, мельничные жернова, наконечники стрел, редкие образцы керамической посуды (фрагменты от пяти кумганов). Найдены фрагменты белокаменных блоков со следами обработки, обломки архитектурных деталей, фрагменты надгробных плит с «треугольным» и «плетеным» орнаментом, которые вторично использовались при устройстве погребов-ледников.

Нумизматический комплекс раскопа 2 с большой долей вероятности позволяет утверждать, что Большое Саврасово – не рядовое средневековое сельское поселение. Находки, представленные выше, могут указывать на то, что оно имело торгово-производственный характер. Возможно, селище имело отношение к находившимся неподалеку Мячиковским каменоломням (об этом свидетельствуют находки заготовок белокаменных изделий и орудия для обработки камня).

Волков И.В., 2003. Средневековые монеты с селища Могутово-2 // Древняя Русь. № 2. С. 35–43.
Григорьев А.В., Зайцев В.В., 2000. О находках фрагментов костяных монетных весов XIV в. в Тульской области // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. М. С. 130–131.

У.Р. Халмунинов

Институт истории АН РУз, Ташкент

ula82-86@mail.ru

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Появление металла способствовало возникновению и формированию многих новых ремесел. Одни из них, такие, как изготовление орудий труда, оружия, предметов быта и т.д., напрямую связаны с обработкой металла, другие – косвенно, так как основаны на применении металлических орудий труда. К этим, вторым относятся строительство и плотницко-столярное ремесло, обработка кости, кожи, камня, изобретение колеса и круга, что привело к развитию гончарного, горнорудного, водоподъемного, ткацкого, прядильного и многих других производств. Результаты геологических исследований, археологические материалы, связанные с горным делом, и анализ письменных источников позволяют сегодня судить о богатстве отдельных регионов сырьевыми ресурсами. Разработка запасов способствует появлению специализированных поселений, перерастающих в городские центры, или разрастанию профессиональных кварталов в ранее сформировавшихся городах (Буряков и др., 1994. С. 24). Таким образом, добыча и обработка металла оказала влияние практически на все стороны жизни человека.

В последние годы появилось много исследований, посвященных производственной направленности железоделательного ремесла в раннеисламский период (IX – начало XIII в.): горному делу, металлургии, кузнечному ремеслу. Была изучена стратиграфия памятников с остатками металлургического производства и уточнена их хронология. Интересные данные получены при изучении тиглей для плавки стали (Пидаев и др., 2001. С. 110–112). Также стационарное археологическое изучение регионов Среднеазиатского Междуречья дало исследователям информацию о ряде конкретных пунктов добычи и переработки железорудного сырья.

Железо как важный для экономики Востока металл входит в историю с IX–VIII вв. до н.э. Переход от бронзового века к железному ознаменовал начало раннежелезного периода истории стран Востока. Активное использование орудий труда и оружия начинается с античного времени.

Расцвет железорудного производства происходит в эпоху средневековья, особенно в IX–XII вв. Основным материал предоставляют рудные и металлургические центры Мавераннахра. Железорудные центры этого времени выявлены в Шельджи и Фергане, Чаче и Илаке, Буттеме, Уструшане, Согде и Бадахшане. Исследованы пункты металлургии в Термезе и Ахсикете, Шаввазсае и долине Ахангарана, в Мугтепе, Нурате и других средневековых центрах Мавераннахра.

Стратиграфические раскопки городища Еркурган показали, что зарождение квартала металлургов в данной части города относится к рубежу н.э., а расцвет – к V–VI вв. Железообрабатывающее ремесло Еркургана специализировалось на производстве изделий с богатым декоративным оформлением (Пырин, 1961). Вывоз железных изделий как продукта товарного производства из горного согдийского селения Вешист в районе Кштута известен по документам архива Деваштича. М.А. Бубновой в горах этого района отмечены древние выработки, в которых, по определению геологов, добывали железо (Якубов, 1979. С. 94, 95). В литературе фигурируют железные рудопроявления в Согде в Ухумских горах. Пять рудопроявлений железа со следами древних промышленных работ выявлено на Нуратинском хребте.

Чач-Илак, включавший основные участки Чаткало-Кураминского хребта, в отличие от Уструшаны, был известен по данным восточных источников как крупный горно-металлургический центр. Здесь добывались, в основном, благородные металлы, золото и серебро, и отчасти цветные металлы и самоцветы. Вероятно, в сравнении с этими минералами добыча железа велась здесь не столь активно, поэтому и древние историки, и современные исследователи не уделили данному вопросу достаточного внимания. Между тем, систематические археологические и геологоразведочные исследования позволили выявить здесь центры специализированного извлечения железной руды, обладающей природной тугоплавкостью, пункты плавки металла и значительные скопления шлаков.

В бассейне Чирчика известны плавильные мастерские в Шахджуваре, Богбустане в долине Коксу. Обильно выступающие на поверхности железные шляпы¹ по Пскему и Чаткалу, осыпавшиеся в саи окатанные гальки магнетитовых руд, богатых железом и легко добывавшихся в речных отложениях, также составляли значительную часть сырьевой базы ремесленников-металлургов. Не случайно здесь наряду со специализированными центрами обработки руды, такими, как Шахджувар, Богбустан, открыты единичные плавильные печи, например, в пещере Пальтау с сопровождающим материалом XI–XII вв.

Более значительны железорудные пункты долины Ахангарана. Это выработки Шаугазая, печи Башучбау и Каттасая, на притоках Каракиясай, Дрешсае, Адрасмане, Долонабулаке, Майдантале, Джусалы, Кызылугуре в верховьях Чушкабулака, Такели, Чокадамбулаке (Буряков, 1974. С. 95, 96).

Характер образования железорудных месторождений в виде губчатых шляп облегчал добычу руды, но в настоящее время затрудняет выявление пунктов древних рудоразработок, т.к. следы их сохраняются незначительно. Тем большую ценность представляют хорошо сохранившиеся центры добычи и плавки этого металла. Один из древнейших пунктов по добыче и плавке руды подобного типа открыт в Южном Чаткале, в верховьях правого притока р. Ахангаран – Шаввазая. На его правом берегу, в устье притока Ащибулакская, геологами при строительстве базового поселка были потревожены плавильные горны, найдены скопления шлаков, поселок металлургов. При археологическом исследовании выявлены скопления горнов и жилые дома. Основное поселение металлургов в устье правого берега Ащибулакская (пункт 2) – небольшое поселение с плавильными печами; в низовьях Ащибулакская на его левом берегу (пункт 3), а также на левом берегу сая в 0,5 км обнаружены плавильные печи. В 1 км выше по правому берегу Шаввазая (пункт 4) находились плавильные горны и печь для выжигания древесного угля. Жилища рудокопов и металлургов частично концентрировались у впадения Ащибулакская в Шаввазай и поднимались уступами по берегам этих рек. Раскрыты каменные стены домов, наборы орудий труда, инструментов – каменные рудотерки и молоты, комплексы керамики.

Письменные источники отмечают в IV–VI вв. в производстве железа активную роль тюрков, у которых авары брали дань железом и железной продукцией, использовавшейся для вооружения войска и в торговле. Византийские источники сообщают, что тюркский каган Истеми предлагал византийскому послу в 568 г. покупать тюркское железо. Известно, что тюрки имели рудники по добыче железной руды, горны для плавки, торговали полуфабрикатами и готовыми изделиями. Данные археологии подтверждают функционирование рудников и плавильных горнов в Чаче с IV–VI вв., в Уструшане – с раннего средневековья. Исследованы металлургические кварталы Термеза, существовавшие с эпохи поздней античности, зафиксировано значительное производство стали в средневековом Термезе, Ахсикете, а также Папе, Куве, Чаче, Семиречье. Все это говорит о том, что Мавераннахр в средние века был крупным центром Востока по добыче железа, производству стали и изготовлению орудий труда, оружия и доспехов.

¹ Железная шляпа – верхняя часть рудных тел, выходящих на поверхность Земли и сложенных оксидами и гидроксидами железа; образуется вследствие химического разложения и окисления сульфидных руд под воздействием воды, углекислоты и кислорода; сопровождается выносом легкорастворимых соединений и накоплением оксидных соединений железа в виде остаточных продуктов. Важный поисковый признак.

- Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.
- Буряков Ю.Ф., Кошлаков И.О., Радидиловский В.В., 1994. Роль сырьевых ресурсов в урбанизации Средней Азии // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. Худжанд.
- Пидаев Ш.Р., Лериш П., Папахристу О.А., 2001. Новые данные о раскопках в старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане. 2000 г. Самарканд.
- Пырин В.А., 1961. Предварительные результаты изучения квартала металлостов Еркургана. Рукопись. Архив ИА АН РУз.
- Якубов Ю., 1979. Паргар в VII–VIII вв. н.э. Душанбе. С. 94, 95.

У.Т. Ховалыг

*Тувинский институт гуманитарных исследований, Кызыл
tokhus@ngs.ru*

НОВЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НАСКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА АЛАШ II

В 2014 г. во время археологической разведки (начальник экспедиции – У.Т. Ховалыг) сотрудниками ТИГИ исследованы рунические надписи на скале в Бай-Тайгинском районе Республики Тыва (правый берег р. Алаш). Найдены новые надписи и тамги.

Первым исследователем, зафиксировавшим надписи в долине р. Алаш, является известный тюрколог И.В. Кормушин. Он нашел их, руководствуясь сведениями, полученными от тувинского ученого-этнографа и писателя М.Б. Кенин-Лопсана, который указал на наличие рунической надписи вблизи с. Кара-Холь (местное название: Тапсы-Аксы) в сентябре 1990 г. В том году И.В. Кормушин в течение непродолжительного времени изучал и зарисовывал этот трудный для чтения памятник. В 2000 г. с экспедицией филологического факультета Тувинского университета он повторно исследовал надписи Алаш I и Алаш II и в рубрикации енисейских памятников дал им индексы Е-153 и Е-154 (Кормушин, 2008. С. 69).

Сотрудники ТНИИЯЛИ Ю.Л. Аранчын и И.У. Самбу 19 мая 1994 г. впервые составили охранные документы на стелу с руническими надписями Берт-Боом (Алаш I), расположенную в 8 км от с. Кара-Холь. Стела Берт-Боом стоит возле рукава р. Алаш, в верховьях которой, особенно в Кожээлиг-Хову, имеются большие скопления древнетюркских захоронений (Аранчын, 1995. С. 77).

Наскальные надписи, обозначенные И.В. Кормушиным как Алаш II, находятся в 1,5 км выше по течению от надписи Алаш I, на том же правом берегу р. Алаш (Кормушин, 2008. С. 72). Рунические надписи нанесены на разных скальных выступах, на высоте от 70 см до 2,5 м от земли. Географические координаты объекта: N – 51°16.711; E – 089°40.221. Высота над уровнем моря по GPS-приемнику – 1335 м.

По сведениям И.В. Кормушина, в Алаш II было не менее пяти записей, которые он пронумеровал. Ему удалось расшифровать и перевести с древнетюркского на русский язык слово «täŋgi» («небо», «бог», «божественный») во второй строке и полностью лишь третью (ДТС, 1969. С. 544; Кормушин, 2008. С. 72–74).

В результате наших исследований были найдены новые рунические надписи и тамги. Всего на памятнике Алаш II мы насчитали не менее 10 строк и 6 тамговых знаков.

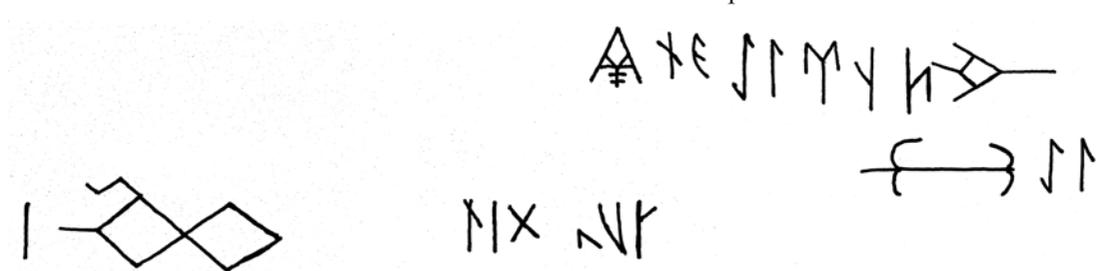


Рис. 1. Новые рунические надписи и тамги. Алаш II. Прорисовка.



Рис. 2. Новые рунические надписи и тамги. Алаш II. Фото.

В центральной части, на уровне 160–180 см от земли, нанесены четыре строки и одна тамга. В первой строке рунические знаки отличаются от рун орхон-енисейского алфавита. Во второй строке перед словом «täŋgi» выявились две руны, которые удалось перевести как слово «alaş». Таким образом, вторая строка начинается так: «Алаш божественный...». С переводом третьей строки И.В. Кормушиным мы полностью согласны: «Мое геройское имя Йелиз» (Кормушин, 2008. С. 74). Руны третьей строки частично перекрывают надпись четвертой строки, где, по нашей расшифровке, написано: «Täŋriken az» – «Божественный (народ) аз».

В 20–25 см выше центральной части расположен скальный выступ, на котором нанесены три короткие строки и четыре тамги (рис. 1). Первая строка написана с двумя тамгами. Перевод: «Täŋrilig az» – «Небесные азы».

Самый высокий скальный выступ с рунической надписью содержит надпись «Täŋriken» с тамгой, которая аналогична тамгам центральной части памятника Алаш II и стелы Алаш I. Основным конструктивным элементом сопоставляемых тамг – ромб; в обоих случаях, т. е. в Е-153 и Е-154, тамгу составляют два параллельно соприкасающихся ромба, причем левый, «отцовский» ромб выше и крупнее, тогда как правый, «сыновний» – ниже и мельче (Кормушин, 2008. С. 74).

В результате предварительных исследований памятника Алаш II мы пришли к выводу, что рунические надписи и тамги в данном районе Западной Тувы, скорее всего, принадлежат народу аз, который часто упоминается в древнетюркских и древнеуйгурских эпитафиях (Кляшторный, 2010. С. 63; Тугушева, 2008. С. 59; Ölmez, 2012. S. 201; Tekin, 2003. S. 51).

Аранчын Ю.Л., 1995. К истории открытия и изучения памятников орхон-енисейской рунической письменности // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. XVIII. С. 68–82.

Древнетюркский словарь (ДТС), 1969 / Ред. колл.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука. 676 с.

Кляшторный С.Г., 2010. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение. 328 с.

Кормушин И.В., 2008. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука. 342 с.

Тугушева Л.Ю., 2008. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. М.: ИИНСАН. 192 с.

Ölmez, Mehmet, 2012. Orhon-Uygur hanlığı dönemi Moğolistan'daki eski türk yazıtları. Ankara: BilgeSu. 328 s.

Tekin, Talat, 2003. Orhon Yazıtları: Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. İstanbul: Yıldız. 152 s.

КОМПЛЕКС НАХОДОК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА МАЛЛИ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (РАСКОПКИ 2010–2013 ГГ.)¹

Могильник Малли расположен на юго-западе Ленинградской области. Здесь, в западной части Ижорской возвышенности, в последние годы открыта новая группа памятников римского времени – могильники, единичные находки и клады, всего 14 пунктов. Они относятся к культуре каменных могильников с оградками (тарандов), основной ареал которой расположен в Эстонии, северной Латвии, юго-восточной Финляндии.

На двух могильниках Ижорской возвышенности начиная с 2008 г. проводились целенаправленные раскопки. Изучены цепочка каменных оградок в могильнике Керстово 1 (Юшкова, 2010а; 2010б; Юшкова, Кулешов, 2010; Yushkova, Kulešov, 2011) и каменные оградки в могильнике Малли (Юшкова, 2013; Ширококов, Юшкова, 2014).

Насыпь римского времени была выявлена в составе известного ранее курганного средневекового могильника Малли в 2010 г. Она имела подпрямоугольную форму, размеры не менее 12 x 20 м, высоту около 0,5 м. В ходе раскопок 2010–2011, 2013 гг. общей площадью 143 кв. м была исследована основная часть каменного могильника.

Могильник состоял из двух каменных оградок, стенки которых были сложены из известняка, а внутреннее пространство заполнено гранитными валунами и известняковой щебенкой. К стенкам оградок примыкала краевая насыпь, сложенная из известняковой щебенки и выкладки из гранитных камней.

Западная оградка имела мощные известняковые стенки, шириной до 1,75 м, высотой до 0,7 м. Общие размеры оградки: длина 9 м (по западной стенке), ширина 4,85 м (по северной стенке). Стены восточной оградки имели ширину до 0,8 м. Общие размеры оградки: длина 5 м (по западной стенке), ширина 2,0–2,3 м. У обеих оградок восточные стенки не сохранились. Взаимное расположение указывает на разновременность постройки оградок. Можно предполагать, что первой была построена западная оградка, затем ее восточная стена была разобрана и на ее месте сооружена восточная оградка.

Среди находок отчетливо выделяются две разновременные группы древностей. Первая относится ко времени сооружения оградок и датируется римским периодом, вторая – третьей четвертью I тыс. (эпохой Мерovingов).

Древности римского времени представлены украшениями из бронзы, оружием и орудиями из железа, керамикой. Всего найдено 12 фибул, 3 иглы и 15 спиралей от фибул. Среди фибул представлены находки следующих типов: Альмгрен-68 (рис. 1: 1), глазчатые эстонской серии (рис. 1: 2–4), щиткоголовые профилированные (рис. 1: 5–10), сильнопрофилированная (рис. 1: 11), сильнопрофилированная перекладчатая (рис. 1: 12).

Среди украшений из бронзы также найдены замкнутые и спиральные перстни, ленточные и желобчатые браслеты, браслеты типа армилла, спиральные пронизки, височные спиральные кольца, фрагменты гривен (?). Необычными украшениями являются бочонковидная пронизка из бронзы и литая прямоугольная бляха с зубчатыми орнаментом и двумя петлями на оборотной стороне. Эти изделия типичны для пьяноборской культуры и импортированы из Прикамья.

Оружие и орудия представлены железными наконечниками копий, секачами, ножами с изогнутой спинкой и плавным переходом от спинки к черенку, шильями, миниатюрной пешней и миниатюрным ножом. Также найдены два камня-терочника. К этому же периоду относятся фрагменты штрихованной и гладкостенной керамики.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 13-31-01223 «Прибалтийско-финские племена на Северо-Западе России: процессы расселения и культурного взаимодействия в раннем железном веке и раннем средневековье».

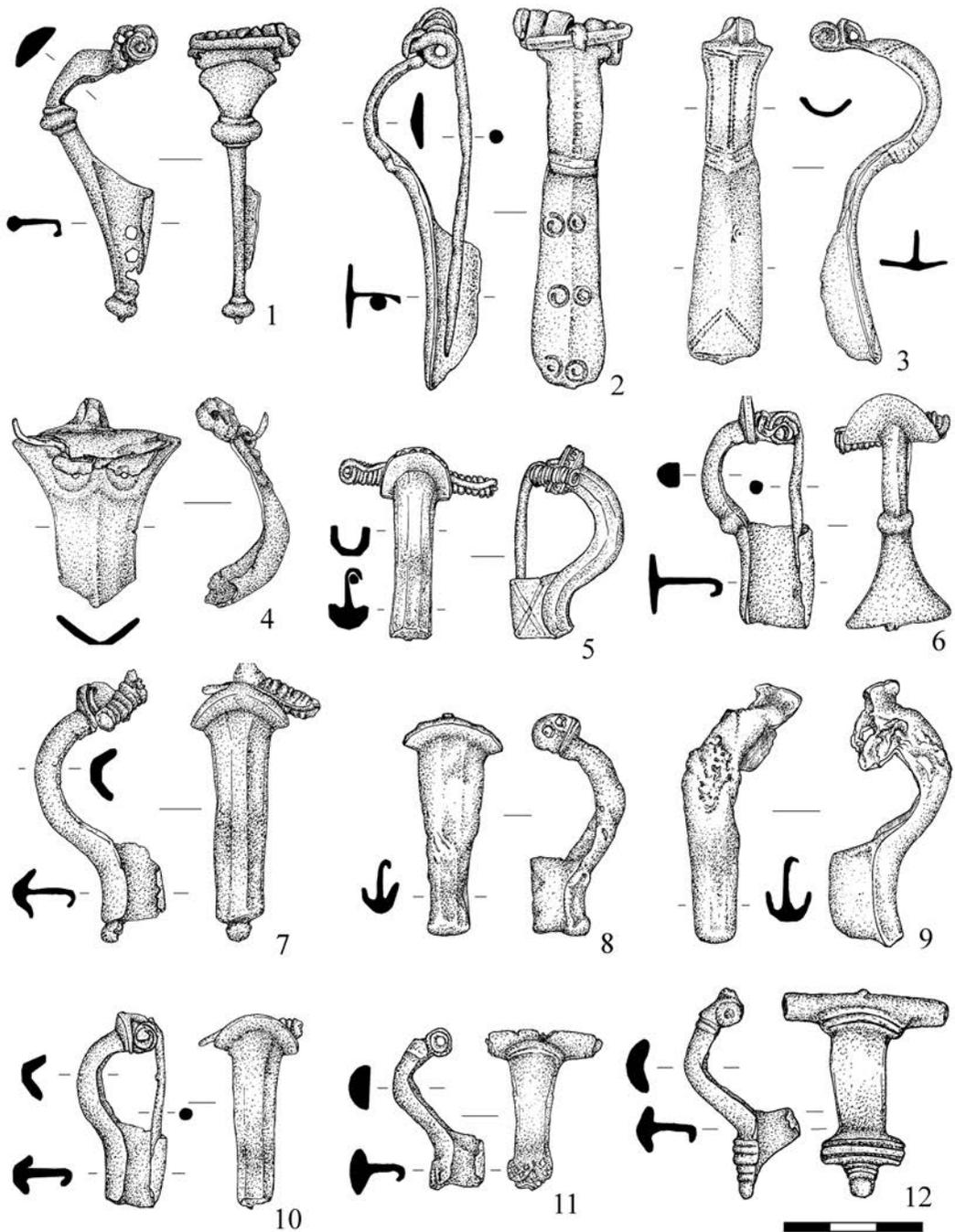


Рис. 1. Могильник Малли. Фибулы. Бронза.

Хронологические рамки исследуемых древностей определялись, в основном, по фибулам. Наиболее ранней находкой является профилированная фибула типа Альмгрен-68, наиболее поздней – сильнопрофилированная перекладчатая фибула. На основании их датировок в таких культурах, как вельбарская, Долькайм-Коврово, литовских могильников и др., а также исходя из хронологии культуры каменных могильников с оградками, этот горизонт находок соотнесен с последней третью I – III в. н.э. Хронология остальных предметов не противоречит такой датировке.

Могильник Малли в римское время функционировал одновременно с расположенным в 1 км к югу на другом берегу р. Солка могильником Керстово 1. Близкое соседство двух синхронных крупных могильников указывает на высокую плотность населения на западе Ижорской возвышенности в римское время. В этот же период продолжал исполь-

зоваться могильник Удосолово. К данному времени относятся единичные находки, вероятно, маркирующие разрушенные могильники, из Ратчино, Георгиевского, Войносолово, Ропши, клады в районе Копорья. Перечисленные памятники представляют локальную группу культуры каменных могильников с оградками.

Широбоков И.Г., Юшкова М.А., 2014. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малли (по результатам раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (25). С. 71–79.

Юшкова М.А., 2010а Могильник Керстово 1 – уникальный памятник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // Вестник Санкт-Петербургского Государственного Университета. Сер. 2. Вып. 3. СПб. С. 46–52.

Юшкова М.А., 2010б. Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgräberkultur) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб. С. 316–329.

Юшкова М.А., 2013. Раскопки могильников раннего железного века на Ижорской возвышенности в 2008–2011 гг. // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. СПб. С. 59–61.

Юшкова М. А., Кулешов В.С., 2010. Кёрстово 1 – новый могильник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2. Вып. 1. Тула. С. 231–253.

Yushkova M.A., Kulešov V.S., 2011. Kyorstovo 1: a new burial ground of the period of Roman influences in North-Western Russia // *Archaeologia Lituana*. T. 12. Vilnius. P. 99–121.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД: ОЖИДАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Е.Е. Антонов

*Институт археологии РАН, Москва
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
antonov.yegor@gmail.com*

СТРАТИГРАФИЯ «ЦИТАДЕЛИ» КАРА-ТОБЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «МАТРИЦЫ ХАРРИСА»

Позднескифская «цитадель» городища Кара-Тобе (строительный период II) – один из самых хорошо исследованных памятников Северо-Западного Крыма римского времени. Однако реконструкция ее планировки осложнена плохой сохранностью строительных остатков¹. Это потребовало применения специальной методики – так называемой «матрицы Харриса» (Harris, 1989) – схемы стратиграфической последовательности объектов. Между объектами, по Э. Харрису, возможны только три вида связей: (А) объекты не имеют прямых стратиграфических (физических) связей; (В) объекты находятся в суперпозиции (один из них образовался раньше, а другой позже); (С) объекты идентичны, являются частью друг друга (например, прерваны поздним перекопом) (Harris, 1989. Р. 34–39).

Каждый объект, независимо от его размера, положения и других характеристик, обозначается на схеме прямоугольником. Связи (В) между объектами показываются вертикальными линиями. В результате в схеме выстраиваются вертикальные последовательности объектов, отражающие относительную хронологию памятника. Горизонтальные последовательности при этом с большой долей вероятности говорят о синхронности (или близости по времени) объектов². Это позволяет выделять отдельные строительные горизонты и фазы³.

При построении «матрицы» «цитадели» Кара-Тобе⁴ учитывались следующие объекты: стены помещений и траншеи их выборок; изолированно сохранившиеся кладки; глиняные полы и прослойки, отмечающие жилые уровни, вымостки, галечные подсыпки улиц, загородки, печи, пороги дверных проемов и их заклады. В «матрицу» были включены также ямы и землянки, набросы и скопления камней, хотя их далеко не всегда удавалось надежно отнести к тому или иному горизонту⁵.

В результате анализа «матрицы» удалось выявить 12 фаз, объединенные в 4 строительных горизонта. Главным стратиграфическим репером для выделения горизонтов служили стены «цитадели».

Горизонт А отражает застройку центральной части поселения до возведения «цитадели». Горизонт В – время строительства стен «цитадели», ранее возведенные комплексы частично или полностью перестраиваются с целью «вписать» их в стены «цитадели». Появляются новые комплексы, вокруг башни устраивают улицы.

Начало горизонта С маркируется «ремонт» стен «цитадели». На востоке и юге к ней пристраивают дополнительные панцири, перекадывают участок северной стены, закладывают калитку в северо-восточном углу. С «ремонт» связаны и отдельные пере-

¹ Выражаю признательность С.Ю. Внукову за разрешение использовать неопубликованные материалы.

² Речь идет о синхронности строительства объектов, но не о синхронности функционирования.

³ В настоящей работе принята следующая терминология: строительный период – изменения планировки всего памятника, связанные, вероятно, со сменой населения; строительный горизонт – изменения планировки в масштабах отдельных кварталов и комплексов, с сохранением преемственности с предыдущим горизонтом. Выделялись также более мелкие единицы периодизации – фазы. Те или иные фазы показывают последовательность перестроек только для конкретного домохозяйства.

⁴ Для построения матрицы использовалась программа Stratify (<http://www.stratify.org/>).

⁵ Всего было учтено 395 объектов.

стройки в комплексах.

В горизонте D «цитадель» теряет свое первоначальное значение. На севере и юге с внешних сторон к стенам «цитадели» пристраиваются новые помещения, одно из помещений расширяется за счет северной стены «цитадели». Стена нового помещения перекрывает восточную стену «цитадели».

Начало строительного периода II хронологически маркируется появлением светлоглиняных амфор (рубеж 60-х и 50-х годов до н.э.: Внуков, 2006. С. 137–139, 151, 152). Верхняя хронологическая граница периода отмечается слоями разгрома на всей площади городища (Внуков, 1997. С. 41–46; 2006. С. 118). Амфоры варианта С Iб формально датируют нижнюю границу этого слоя 10-ми годами I в. н.э. (Внуков, 2006. С. 141, 142, 167). На дату верхней границы указывает отсутствие амфор подварианта С IVA1 (появляются со второй четверти I в. н.э.: Внуков, 2006. С. 160, 167). Эпиграфические источники позволяют соотнести слой разгрома с военной акцией боспорского царя Аспурга и сужают дату до 16–23 гг. н.э. (Антонов, 2007. С. 158–163).

Для датировки горизонтов использовались только полузакрытые комплексы – ямы, имеющие четкую стратиграфическую привязку, не потревоженные поздними перекопками, в которых присутствовали разновидности амфор, появляющиеся или выходящие из употребления в это время. Этим критериям соответствовали только 22 ямы. Полузакрытые комплексы горизонтов А и В по массовому материалу не различаются. Также нет различий между комплексами горизонта D и фаз С3–С4. Граница между горизонтами В и С маркируется появлением типа С III, которое С.Ю. Внуков датирует 20–15 гг. до н.э. (2006. С. 140–142, 154, 167).

Таким образом, применение методики Э. Харриса позволило получить подробную относительную периодизацию застройки «цитадели», проследить ее планировку в каждом горизонте, а также уточнить датировку некоторых из них.

Антонов Е.Е., 2007. Слой разрушения 20-ых годов н.э. на скифском городище Кара-Тобе и война боспорского царя Аспурга со скифами // Памятники культуры глазами студентов. Археология, искусствоведение, краеведение, реставрация. Вып. II. М.: Изд-во РГГУ. С. 158–163.

Внуков С.Ю., 1997. Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет) // Крымская археология. № 2. Симферополь. С. 37–47.

Внуков С.Ю., 2006. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя. 320 с.

Harris E., 1989. Principles of archaeological stratigraphy. London: Academic Press. 170 p.

А.В. Борисов, Е.В. Чернышева

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино
a.v.borisovv@gmail.com*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ ПОЧВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ¹

В настоящее время делаются только первые шаги в использовании методов почвенной микробиологии при изучении свойств культурных слоев археологических памятников. Имеется лишь ряд работ по изучению микробиоты древних антропогенно-преобразованных почв, вмещающих культурные слои поселений (Марфенина и др., 2001; 2008; Иванова и др., 2006; Marfenina et al., 2008). Кроме того, в этих работах показано, что удачным примером микологической индикации почв древних поселений может быть использование группы кератинофильных грибов. Активное и обильное заселение кератинсодержащих субстратов этими грибами позволяет дифференцировать участки культурного слоя, различные по интенсивности древнего хозяйственного использования, и в особенности выявлять места содержания скота. Авторами установлено, что в культурном слое аланских памятников Кисловодской котловины максимальная кератинолити-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 14-06-00200 и 15-06-05763).

ческая активность характерна для грунта пола жилых построек (Иванова и др., 2006). Также этот метод успешно применен при изучении поселений кобанской культуры на культурном слое, возраст которого превышал 3000 лет (Борисов и др., 2013).

В значительно меньшей степени исследовано влияние древнего сельскохозяйственного воздействия на почвы. По этой теме проводились работы по изучению микробиологических свойств окультуренных почв монастырей XVI–XVII вв., в которых была отмечена повышенная биологическая активность погребенного пахотного слоя и изменение таксономической структуры бактериального сообщества при окультуривании (Новиков, Степанов, 2000; Лысак и др., 2004). Установлено, что внесенные органические удобрения даже через 400 лет влияют на уровень амидазной активности почвы, выведенной из сельскохозяйственного оборота (Frankenberger, Dick, 1983). Что же касается изучения влияния более древнего сельскохозяйственного воздействия, то на этот счет имеется только одна работа, в которой показано, что в почве древней земледельческой террасы (около 1500 л.н.) сохранился высокий уровень фосфатазной и амидазной активности, превышающий уровень ферментативной активности ненарушенной современной почвы и почвы, культивируемой в настоящее время (Dick et al., 1994).

Кроме того, была продемонстрирована возможность использования показателя уреазной активности для восстановления инфраструктуры древних поселений (Борисов и др., 2013). В основе этого подхода лежит предположение, что мочевины являются одним из основных органических материалов, в большом количестве поступающим в антропогенно-преобразованные почвы. Варьирование значений уреазной активности культурного слоя на различных участках поселения дает возможность установить инфраструктуру памятника и выявить жилые и производственные зоны, места содержания скота, а также локализовать зону интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности, в некоторых случаях уточнить характер последней в связи с общей планировкой и расположением конкретных сооружений (Гак и др., 2014; Чернышева и др., 2014б). За пределами поселений высокие значения уреазной активности можно связывать с внесением навоза в почвы древних земледельческих угодий (Чернышева и др., 2014а). Другим перспективным методом выявления факта внесения навоза может быть метод определения численности термофильных бактерий. Термофильные бактерии – это специфическая группа микроорганизмов, которая попадает в почву в основном с навозом или компостами, богатыми этими микроорганизмами, и в почвах они могут сохраняться в покоящемся состоянии. Обилие термофилов в почвах зависит в первую очередь от степени их сельскохозяйственного использования (Мишустин, 1979). Так, в почвах древних длительно унаваживаемых полей сохранились жизнеспособные формы термофильных микроорганизмов, и их численность соответствует таковой для современных удобряемых почв (Чернышева, Борисов, 2014; Chernysheva et al., 2014).

Таким образом, основываясь на имеющихся литературных данных, а также на том положении, что в памяти почвы может сохраняться информация о факте поступления в нее какого-либо органического субстрата в виде количественных и качественных изменений свойств микробных сообществ, мы можем говорить о возможности реконструкции характера древнего антропогенного воздействия с использованием методов почвенной микробиологии. Для решения этой задачи успешно используются такие параметры микробного сообщества почвы, как биомасса и численность различных групп микроорганизмов, их соотношение, таксономическая структура, а также ферментативная активность почвы. Кроме того, показана перспективность поиска специфических групп микроорганизмов, таких, как фитопатогенные грибы, термофильные бактерии и т.д.

- Борисов А.В., Петерс С., Чернышева Е.В., Коробов Д.С., Рейнхольд С., 2013. Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры (XIII–IX вв. до н.э.) в окрестностях г. Кисловодска // Вестник археологии, антропологии, этнографии. № 4. С. 142–162.
- Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В., 2014. Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье // РА. № 4. С. 19–28.

- Иванова А.Е., Марфенина О.Е., Кислова Е.Е., Зазовская Э.П., 2006. Микологические характеристики культурного слоя средневекового поселения на дерново-карбонатных почвах // Почвоведение. № 1. С. 62–71.
- Лысак Л.В., Семенова Н.А., Буланкина М.А., Урусевская И.С., Матинян Н.Н., 2004. Бактерии в окультуренных почвах монастырей таежно-лесной зоны // Почвоведение. № 8. С. 976–985.
- Марфенина О.Е., Горбатовская Е.В., Горленко М.В., 2001. Микологические характеристики культурных слоев почв древнерусских поселений // Микробиология. Т. 70. № 6. С. 855–859.
- Марфенина О.Е., Иванова А.Е., Кислова Е.Е., Зазовская Э.П., Чернов И.Ю., 2008. Грибные сообщества почв раннесредневековых поселений таежно-лесной зоны // Почвоведение. № 7. С. 850–860.
- Мишустин Е.Н., Перцовская М.И., Горбов В.А., 1979. Санитарная микробиология почвы. М.: Наука. 304 с.
- Новиков В.В., Степанов А.Л., 2000. Биологическая активность древнекультурного агрозема с погребенными горизонтами (Иверский монастырь, XVII в.) // Микробиология. № 3. С. 441–446.
- Чернышева Е.В., Борисов А.В., 2014. Жизнеспособные термофильные микроорганизмы в почвах древних земледельческих угодий // Экология и почвы. «Почвоведение и смежные науки: методы и подходы; результаты и проблемы взаимодействия по вопросам экологии». Материалы XIX Всероссийской Школы. Программа, краткое содержание докладов. Том X. Пушкино: ИФХиБПП РАН. С. 46.
- Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С., 2014а. Уреазная активность почв и культурных слоев памятников аланской культуры в Кисловодской котловине // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Матер. Междунар. науч. конф. М.: ИА РАН. С. 286–287.
- Чернышева Е.В., Каширская Н.Н., Коробов Д.С., Борисов А.В., 2014б. Биологическая активность дерново-карбонатных почв и культурных слоев аланских поселений Кисловодской котловины // Почвоведение. № 9. С. 1068–1076.
- Chernysheva E.V., Borisov A.V., Korobov D.S., 2014. Impact of ancient manuring on soil microbial diversity. First Global Biodiversity Conference. Book of abstracts. P. 150.
- Dick R.P., Sandor J.A., Eash N.S., 1994. Soil enzyme activities after 1500 years of terrace agriculture in the Colca Valley, Peru // Agric. Ecosyst. Environ. Vol. 50. № 2. P. 123–131.
- Frankenberger W.T., Dick W.A., 1983. Relationships between enzyme activities and microbial growth and activity indices in soil // Soil Sci. Soc. Am. J. Vol. 47. P. 945–951.
- Marfenina O.E., Ivanova A.E., Kislova E.E., Sacharov D.S., 2008. The mycological properties of medieval culture layers as a form of soil “biological memory” about urbanization // J. Soils Sediments. Vol. 8. P. 340–348.

А.В. Долгих*, В.В. Мацковский*, К.В. Воронин**

* *Институт географии РАН, Москва*

** *Институт археологии РАН, Москва*

dolgikh@igras.ru

СРАВНИТЕЛЬНОЕ РАДИОУГЛЕРОДНОЕ И ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ДАТИРОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЪЕКТОВ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ¹

Русская средневековая икона как предмет исследования традиционно является объектом внимания историков искусства, работы которых основаны на анализе стилистики и историко-культурного контекста появления и бытования памятников иконописи. Искусствоведческий анализ памятников русской средневековой живописи и их химико-технологические исследования, касаясь вопросов датирования, оперируют эмпирически созданными относительными хронологиями, в качестве реперов для которых использованы немногочисленные исторически датированные или подписные памятники искусства. Как правило, они не позволяют получать конкретные даты создания для конкретных произведений или хотя бы узкие доверительные хронологические интервалы этих дат.

Вместе с тем русская средневековая икона представляет собой созданный в значительной степени из органических материалов объект возрастом в несколько сотен лет,

¹ Исследование поддержано грантом Президента РФ № МК-7865.2015.6.

сопоставимый по древности с археологическими артефактами, пригодный для датирования методами дендрохронологии и радиоуглеродного анализа, используемыми в археологии.

Комплексные исследования объектов живописи, используя большой набор методов радиоуглеродного и дендрохронологического датирования, искусствоведения и технологического анализа, позволяют детально рассмотреть возможности применения методов датирования для объектов II тыс. н.э.

Важной проблемой радиоуглеродного датирования является выбор метода датирования: жидкостно-сцинтилляционный (ЖС, большая навеска) или ускорительной масс-спектрометрии (УМС или AMS, малая навеска). Кроме того, интерпретация получаемых калиброванных дат создает дополнительные трудности. Особенности калибровочной радиоуглеродной кривой, наличие «изгибов» и «плато» (wiggle) на ней, когда калибровочные интервалы увеличиваются, является значительной проблемой радиоуглеродного датирования археологических объектов. Особенно сложен участок калибровочной кривой во II тыс. н.э., в котором вообще затруднительно датирование объектов XVII–XIX вв., а также имеется ряд сложных участков в XIII, XV, XVI вв.

Существенно сузить временной интервал вероятной радиоуглеродной датировки позволяет статистический метод согласования вариаций (метод стыковки флуктуаций, wiggle-matching), применяющийся к последовательности радиоуглеродных дат для (одного) объекта с известным временным интервалом (числом годовых колец) между ними (Bronk Ramsey et al., 2001).

Первые результаты радиоуглеродного датирования иконных досок получены Киевской радиоуглеродной лабораторией совместно с лабораториями Гроннингена (Нидерланды) и Упсалы (Швеция) для семи икон XII–XV вв. из собрания Национального Художественного музея Украины (Kovalyukh et al., 2001). Отмечается расхождение между радиоуглеродными датировками, полученными методами ЖС и УМС.

Нами датирована серия из трех русских икон XV в. Для иконы «Богоматерь Декиократусса», ранее датированной искусствоведами концом XIV – началом XV в., были получены даты для внешнего древесного кольца доски, на которой она была написана. С высокими статистическими характеристиками была получена дендрохронологическая дата – 1410 г. Расчетная смоделированная УМС радиоуглеродная дата для внешнего кольца – 1395–1409 гг. (1 σ , 68,2%) (Voronin et al., in press).

Для иконы «Богоматерь с младенцем типа Иерусалимской» (первая половина XV в., по данным искусствоведческой атрибуции, начало XV в., по данным технологического исследования) получены дендрохронологическая дата внешнего кольца иконной доски – 1524 г. (высокая статистическая достоверность), радиоуглеродная дата – 1524–1546 гг. (68,2%). В этом случае дендрохронологическое датирование весьма достоверно и является основой для анализа погрешностей в результатах радиоуглеродного датирования (Воронин и др., 2015).

Для иконы «Святитель Николай Чудотворец с житием» (вторая половина XV в., по данным искусствоведческой атрибуции, начало XV в., по данным технологического исследования) получены дендрохронологическая дата внешнего кольца – 1488 г. (низкая статистическая достоверность), смоделированная расчетная радиоуглеродная дата для внешнего кольца – 1488–1496 гг. (68,2%).

Сравнительное дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование иконных досок является перспективным и актуальным. Оба метода имеют свои ограничения. Так, дендрохронологический метод требует наличия региональной дендрошкалы, относительно которой ведется датирование, а также длинной непрерывной последовательности годовых колец. Радиоуглеродный метод, в свою очередь, увеличивает погрешность в периоды с высокой изменчивостью изотопа ^{14}C в атмосфере, а также чувствителен к обработке датированного материала. Совместное использование этих методов в ряде случаев помогает преодолеть ограничения каждого из них.

Воронин К.В., Долгих А.В., Мацковский В.В., в печати. Сравнительное радиоуглеродное и ден-

- дрохронологическое датирование иконы «Богоматерь иерусалимская» // КСИА.
Bronk Ramsey C., van der Plicht J., Weninger B., 2001. “Wiggle matching” radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 43 (2A). P. 381–389.
Kovalyukh N., van Der Plicht J., Possnert G., Skripkin V., Chlenova L., 2001. Dating of Ancient Icons from Kiev Art Collections // Radiocarbon. Vol. 43 (2B). P. 1065–1075.
Voronin K., Dolgikh A., Matskovsky V., Cherkinsky A., Skripkin V., Alexandrovskiy A., in press. Comparative dendrochronological and 14C dating of 15th century Russian icon // Radiocarbon.

Д.М. Каданцев

*Башкирский государственный университет, Уфа
renitom@mail.ru*

3D РЕКОНСТРУКЦИЯ КУРГАНА НА ПРИМЕРЕ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТЕМЯСОВО-1

3D технология, возникнув в конце XX в., постоянно развивается и все глубже входит в обиход археологической науки. Виртуальная (3D) реконструкция позволила сформировать новый подход к восстановлению прошлого, визуально представить артефакты, и является одним из инструментов популяризации науки.

К одной из областей применения 3D технологии в археологии относится реконструкция облика такой категории древних объектов, как курганы. Анализ имеющейся литературы (Дараган, 2013. С. 76.) позволил сделать вывод о нехватке специализированных трудов, посвященной этой теме. Цель ниже представленной работы – продемонстрировать опыт воссоздания в виртуальном пространстве насыпи и внутренней конструкции кургана III–IV вв. н.э. как в момент его создания в древности, так и на момент археологических раскопок. Данный курган расположен в курганном могильнике, открытом в 1963 г. М.Х. Садыковой в Баймакском районе Республики Башкортостан. В 1970–1972 гг. раскопки могильника проводил Н.А. Мажитов. Реконструированный курган (курган 9) исследован экспедицией ФГБОУ ВПО «БашГУ» в 2014 г. Его размеры – 12 x 0,5 м, погребение на основании сопровождающего материала (глиняный сосуд, бронзовая фибула, бусы, серьги, пряслице, бронзовый котел, железный нож) датируется концом III – началом IV в. н.э. (Сунгатов, 2014. С. 14.) Интерес к этому кургану вызван высокой степенью сохранности вещевого комплекса и костных останков.

Началу работы по виртуальной реконструкции предшествовала работа с археологическими данными, касающимися степи и сарматского мира в целом. Отправной точкой для нее послужила монография С.Г. Боталова. В ней автор выделяет группу «склепообразные курганы» подквадратной, почти округлой формы, размерами 22–30 x 15–25 м, высотой 0,5–0,8 м, и реконструирует создание насыпи (Боталов, 2008. С. 174).

Исследуемый курган соответствует вышеназванным параметрам выделенной группы. Таким образом, определены примерные размеры курганной насыпи в древности. Высота и диаметр кургана определены, исходя из предположения, что в данной местности слабо выражены воздействия природных факторов – степной засушливый климат позволяет минимизировать их влияние. Следовательно, можно предположить, что насыпи в древности имела размеры 10,5 x 1 м.

Дальнейшая работа была основана на применении компьютерных технологий, использовалось следующее программное обеспечение: «Adobe Photoshop CS4» графический редактор изображений и «Autodesk 3Ds Max» версии 2011 г. редактор 3D графики.

Процесс создания 3D реконструкции для рационализации работы был разделен на несколько этапов, которые являются общими для реализации обоих состояний кургана (древнего и на момент археологического исследования).

1. Воссоздана погребальная камера по размерам, зафиксированным во время раскопок: 2,45 x 2,80 м. Из конструктивных особенностей ямы была зафиксирована подстилка из коры, которая также была воссоздана.

2. В соответствии с натурным чертежом были размещены скелеты. Их базовая 3D



Рис. 1. 3D реконструкция кургана 9 могильника Темясово-1.

модель взята на сайте (tf3dm.com/3d-model) и трансформирована согласно имеющимся данным: подобран размер, расположение костяков, отредактирована их форма. Для воссоздания вида камеры в древности использована базовая 3D модель человека и аналогично скелетам отредактирована.

3. Реконструирован обнаруженный рядом с погребенными инвентарь. После создания 3D моделей предметов для них подобраны соответствующие текстуры (рис. 1).

4. Воссоздана насыпь кургана. Характеристики древнего состояния насыпи предполагать достаточно сложно, но имея определенные высоту и диаметр, а также данные о современном состоянии кургана, можно ее реконструировать. Ее виртуальное создание не представляло сложности, так как это – усеченный конус с известной высотой (0,5 м) и диаметром (12 м), установленным по замерам бровки раскопанного кургана.

5. Заключительным этапом стал вывод итогового изображения. В ходе него устранялись ошибки моделей, моделировался предполагаемый ландшафт в древности и нынешнее окружающее пространство.

В итоге была получена 3D реконструкция двух видов кургана: на момент его создания в древности и к началу раскопок. Проведенная работа позволила в целом отобразить конструкцию культового сооружения, его составные части, которые мы можем фиксиро-

вать при археологических раскопках.

Боталов С.Г., 2008. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция) / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей». 672 с.

Дараган М.Н., 2013. Курганы степной части Украины: Пространственный анализ и визуализация методом ГИС-технологий // Виртуальная археология (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции). Матер. первой междунар. конф. / Науч. ред. Д.Ю. Гук. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 202–210.

Сунгатов Ф.А., 2014. Научный отчет о раскопках объекта археологического наследия «Темясово-1, курганный могильник» в Баймакском районе Республики Башкортостан в 2014 г. Архив учебно-научной археологической лаборатории ФГБОУ ВПО «БашГУ». Ф. 4. Д. 9.

Д.А. Кириченко

*Институт археологии и этнографии НАНА, Баку
dmakirichenko@mail.ru*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В XX В.

В дореволюционном Азербайджане не было специального антропологического центра и не проводились обстоятельные антропологические исследования. В работах, посвященных народам Кавказа (труды Р.Ф. Эркерта, Е. Шантра, И.И. Пантюхова, А.А. Ивановского), встречаются только краткие сведения о физическом типе азербайджанцев. Впервые инициатором и организатором антропологических исследований в Азербайджане был врач Н.И. Ансеров, руководивший кафедрой анатомии Азербайджанского государственного университета. В 1927 г. под его руководством была создана комиссия при «Обществе исследования и изучения Азербайджана». Она существовала до 1934 г. (Касимова, 1971). За этот короткий промежуток времени комиссия организовала медико-антропологическую экспедицию для исследования азербайджанцев и тех этнических групп, с какими они находятся в непосредственном соприкосновении.

Наиболее обширный материал по изучению физического типа современных азербайджанцев содержится в трудах Н.И. Ансерова «Тюрки Советского Азербайджана», «Тальши» и статье об азербайджанцах Нахичеванской зоны (Касимова, 1971). Одним из исследователей населения Азербайджана был А.И. Ярхо, который описал азербайджанцев с. Дальмамедли Гянджинского уезда в 1932 г. (Касимова, 1971). В статье «Антропологический состав населения Кавказа» В.В. Бунак (1946) предложил классификацию антропологических типов Кавказа. Один из них, который преобладает в составе азербайджанского народа, назван им «каспийской расой». Большая заслуга в развитии антропологии Азербайджана принадлежит Г.Ф. Дебецу (1956). Под его началом получила подготовку известный в последующем азербайджанский антрополог Р.М. Касимова. В собирании антропологических материалов по современному населению Азербайджана следует отметить значительную роль анатома Р.Д. Муганлинского (Касимова, 1971).

Что же касается палеоантропологии Азербайджана, то вплоть до 50-х годов XX в. была известна лишь одна краниологическая серия черепов из «каменных ящиков», датированная эпохой поздней бронзы – раннего железного века, исследованная А.А. Ивановским еще в конце XIX в. Эти черепа относились к каспийскому антропологическому типу (Кириченко, 2009). Впервые после А.А. Ивановского изучением палеоантропологии Азербайджана занялась Р.М. Касимова (1960). Она исследовала палеоантропологические серии из Мингечаура от эпохи бронзы – раннего железа (грунтовые погребения со скорченными и вытянутыми скелетами, («скифские»)), античности (культура кувшинных погребений, срубные погребения, катакомбная культура) до средних веков. Из ее работ следует, что на рассматриваемой территории сохраняется антропологическая преемственность населения. Ею же был выявлен брахикранный антропологический тип, который несколько сближается с кавкасионским антропологическим типом, в котором отмечена также примесь каспийского антропологического типа.

В 1958 г. антропологические исследования проводились в еще не изученных южных

районах республики. В 1960 г. изучены женщины Шеки-Закатальской зоны (Касимова, 1966). В 1964 г. удалось собрать материал по антропологии южных азербайджанцев, переселившихся на территорию Северного Азербайджана из северных провинций Ирана в 1948 г. Установлено, что они также относятся к каспийскому антропологическому типу (Касимова, 1977).

Р.М. Касимова вслед за Ю.Г. Рычковым занималась вопросами влияния колыбели типа «бешик» в раннем детском возрасте на антропологический тип населения. Она пришла к выводу, что деформирующее воздействие бешика влияет лишь на форму головы и не изменяет антропологический тип (Касимова, 1980; Рычков, 1957). В 1964 г. она исследовала народы так называемой шахдагской группы (Касимова, 1964), в 1974 г. изучила палеоантропологические материалы из Гобустана. Эти материалы, относящиеся к эпохе мезолита, были обнаружены на стоянке Фируз. Они подтвердили древность и автохтонность каспийского и того брахикранного типа (кавказионский+каспийский), который был впервые выявлен в Мингечауре, а в настоящее время широко распространен в северо-западных, северо-восточных районах Азербайджанской республики (Касимова, 1974; 1980).

Антропологический материал по современному населению Азербайджана суммирован в монографии, вышедшей в 1975 г. В ней отмечено, что в формировании физического типа азербайджанцев участвовали главным образом два европеоидных антропологических типа. 1) Долихокефальный, относительно узколицый тип, с прямой спинкой носа, более сильным развитием волосяного покрова и темнопигментированный, характерен для азербайджанцев районов Малого Кавказского хребта, южных и центральных районов республики, а также для татов-мусульман, курдов и будугцев. Кроме того, элементы данного типа входят в состав талышей. Характерные черты дают основание отнести его к каспийскому антропологическому типу. 2) Брахицефальный тип с тенденцией к широколицести, несколько более слабым развитием волосяного покрова и относительно светлопигментированный, преобладает среди азербайджанцев северо-западных и северо-восточных районов республики, у народностей «шахдагской группы» и удин (Касимова, 1975).

Современный антропологический тип азербайджанцев соответствует типам древнего населения республики. В настоящее время эти типы смешиваются и границы между ними стираются.

Р.М. Касимова опубликовала также статью по этногенезу азербайджанского народа, в которой отражены основные итоги ее предыдущих исследований (1984). Палеоантропологические находки эпохи неолита – бронзы – античного времени – средневековья с территории Азербайджана отмечают все тот же каспийский антропологический тип, который присутствует у населения республики с эпохи мезолита вплоть до настоящего времени.

Р.М. Касимовой были изучены также останки «палеоантропа Азыхского», древнейшей к тому времени находки человека на территории бывшего Советского Союза. Данная находка состоит из нижней челюсти женщины, датируемой ранним палеолитом (ашель) (Касимова, 1983). Она свидетельствует, что территория Азербайджана входила в зону сапиентации и была одной из важнейших частей Ойкумены.

Исследования последних лет подтверждают ее мнение о преемственности населения Азербайджана с эпохи мезолита и до наших дней (Кириченко, 2012).

Бунак В.В., 1946. Антропологический состав населения Кавказа // Вестник Государственного Музея Грузии. Т. XIII А. С. 89–108.

Дебец Г.Ф., 1956. Антропологические исследования в Дагестане // Антропологический сборник. № 1. С. 204–237.

Касимова Р.М., 1960. Антропологические исследования черепов из Мингечаура. Баку: АН АзССР. 134 с.

Касимова Р.М., 1964. Антропологические исследования народностей так называемой «шахдагской группы» // Азербайджанский этнографический сборник. № 1. С. 107–125.

Касимова Р.М., 1966. Антропологические исследования женщин Нуха-Закатальской зоны // Азерб.

- байджанский этнографический сборник. № 2. С. 102–124.
- Касимова Р.М., 1971. Антропология Советского Азербайджана за 50 лет // Вопросы антропологии. № 37. С. 159–162.
- Касимова Р.М., 1974. Первые палеоантропологические находки в Кобыстане // Вопросы антропологии. № 46. С. 158–162.
- Касимова Р.М., 1975. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку: Элм. 99 с.
- Касимова Р.М., 1977. К изучению антропологии иранских азербайджанцев // Азербайджанский этнографический сборник. № 3. С. 212–224.
- Касимова Р.М., 1980. О влиянии различных типов колыбели на некоторые антропологические признаки в раннем детском возрасте. Баку: Элм. 84 с.
- Касимова Р.М., 1983. Находка самого древнего пещерного человека на территории СССР. Баку: Элм. 67 с.
- Касимова Р.М., 1984. К этногенезу азербайджанского народа по данным антропологии // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку: Элм. С. 68–101.
- Кириченко Д.А., 2009. Об антропологическом типе древнего населения Карабаха // *Qarabağın tarixi, arxeologiyası, etnoqrafiyası və Bərdə şəhərinin 3000 illiyi*. С. 122–126.
- Кириченко Д.А., 2012. Палеоантропология Азербайджана эпохи бронзы // *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası*. № 2. С. 77–89.
- Рычков Ю.Г., 1957. О деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми // КСИЭ. № XXVII. С. 64–82.
16. Qasimova R.M., 1997. *Azərbaycan xalqının etnogenezini paleoantropoloji və antropoloji (somatoloji) materialları əsasında*, Bakı. 55 с.

В.П. Колосов

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
tepavi@yandex.ru*

ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВАРИАЦИЙ ФОРМЫ АРХИТЕКТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ МЕТОДАМИ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ МОРФОМЕТРИИ (НА ПРИМЕРЕ ТРИГЛИФОВ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ)

Об античных ордерных сооружениях написано огромное количество работ, в частности, об этапах становления и развития дорического ордера. Тем не менее, часто возникают трудности с атрибуцией архитектурных фрагментов, обнаруженных в ходе археологических изысканий. Дошедшие до нас детали находятся во фрагментарном состоянии, практически всегда вырваны из архитектурного контекста и зачастую были подвергнуты вторичному использованию. В такой ситуации исследователь вынужден датировать и реконструировать сооружения, опираясь только на особенности формы сохранившихся фрагментов, находя аналогии в других надежно датированных постройках античного мира.

В исследовании представлены возможности использования метода геометрической морфометрии для дифференциации архитектурных памятников. Для статистического анализа было использовано 83 элемента дорического триглифо-метопного фриза, в число которых вошли как хорошо изученные архитектурные памятники, так и материалы из археологических раскопок. Исследуемые архитектурные детали происходят из различных регионов античного мира. Хронологические рамки охватывают длительный период от архаики до первых веков нашей эры (римский период). Подробное описание самих объектов и ссылки на источники будут приведены в развернутой статье, которая сейчас готовится к печати.

Использованная в исследовании методика основана на геометрическом подходе к анализу вариации формы, впервые предложенном еще в начале XX в. для изучения морфологии биологических объектов (d'Arcy, 1992). В последние годы появились первые попытки применения этих методов для изучения изменчивости форм предметов материальной культуры. Разумеется, речь идет об исследовании массового материала (Громов, Казарницкий, 2014).

Суть методики сводится к тому, что контуры формы анализируемого предмета

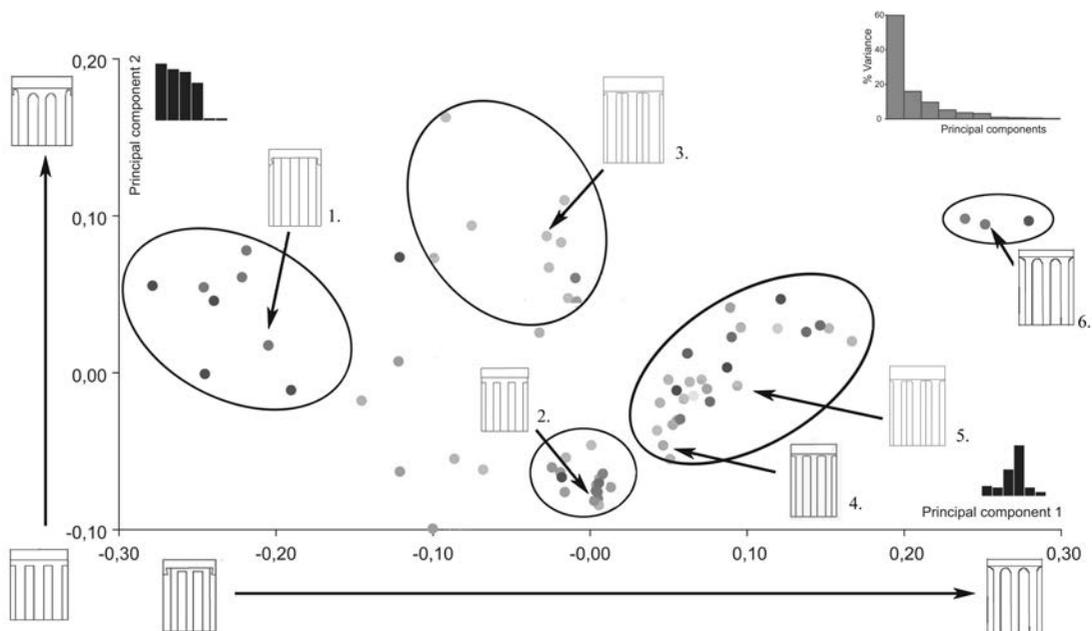


Рис. 1. Положение триглифов в пространстве двух первых главных компонент (анализа формы врезок-глифов). Триглифы, характеризующие специфику сгущений.

1 – Приена (около II в. до н.э.); 2 – Пергам (вторая половина IV в. до н.э.); 3 – Афины (вторая половина V в. до н.э.); 4 – Коринф (первая половина V в. до н.э.); 5 – Афины (вторая половина V в. до н.э.); 6 – Сиракузы (VI в. до н.э.).

выстраиваются автоматически по гомологичным точкам, отмечаемым на предметах самим исследователем. Эти преобразованные в число различия и сходства предметов далее анализируются при помощи классического многомерного статистического метода главных компонент. В результате исследуемые объекты распределяются в двухмерном пространстве графика, где расстояние от каждого объекта до всех остальных является отражением степени его сходства с ними.

Рассматривая более детально архитектурные элементы, в данном случае триглифы, мы можем взять за основу анализа достаточно большое количество метрических характеристик, начиная от общих пропорций и заканчивая формой мелких деталей (например, верхние части вырезок-глифов). Ввиду того, что указанные детали имеют сложные криволинейные формы, их изменчивость трудно уловить заданным набором измерений. Этим объясняется применение в настоящем исследовании геометрической, а не обычной морфометрии.

В пространстве главных компонент представлено распределение объектов на основе анализа формы глифов (рис. 1). По первой компоненте отразилось различие между оформлением завершения глифа и полуглифа. В левой части сосредоточены триглифы, у которых завершения полуглифов имеют «петлеобразную» форму. В правой части полуглифы имеют форму завершения, близкую к стрельчатой. По второй компоненте отразилась общая вариация завершения глифов и полуглифов. В нижней части графика расположились триглифы с прямоугольными врезками, в верхней – с завершениями криволинейных форм.

Образовавшиеся сгущения отражают региональные и хронологические характеристики объектов. В левой части графика расположена группа эллинистических памятников Пергама, Самофракии и Приены (группа 1). Для триглифов этой группы характерны «петлеобразная» форма бокового и плоское завершение основного глифа. В нижней центральной части находится очень компактный кластер с триглифами, имеющими врезки прямоугольной формы (группа 2). Группа характеризуется широким территориальным охватом (от памятников Великой Греции до Малой Азии) и датируется, по большей части, V–IV вв. до н.э. В центральной части графика сосредоточены объекты, также относящиеся к V–IV вв. до н.э., но происходящие в основном с территории

Аттики (группа 3). Специфика этих триглифов состоит в форме глифов, близкой к прямоугольной (с небольшими скруглениями углов), и слабой «петлеобразности» бокового полуглифа. Правее находится сгущение (группа 4–5), выделяющееся как количеством объектов, так и особенностями их расположения. Здесь сконцентрированы триглифы, у которых отсутствует «петлеобразность» боковых врезок, но наблюдается тенденция постепенного уплощения вершин. Выше и правее расположены памятники в основном архаического периода с территории Великой Греции (более округлые вершины глифов), ниже и левее – больше триглифов из материковой Греции (Аттика, Дельфы, Коринф), преимущественно позднеархаического или классического времени, верхняя часть их глифов имеет лишь небольшую кривизну. Наконец, в самой правой области расположены три объекта (группа 6), имеющие стрелчатую форму завершений глифов, происходящих из городов Южной Италии и относящиеся к VI – первой половине V в. до н.э.

Дальнейшее исследование позволит получить более точные представления о региональных и хронологических особенностях формы архитектурных элементов и приблизиться к решению некоторых вопросов атрибуции памятников, остающихся пока в поле дискуссии.

Громов А.В., Казарницкий А.А., 2014. Применение методов геометрической морфометрии при изучении форм керамической посуды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отчество. С. 140–142.

d'Arcy Th., 1992. On Growth and Form. N.Y.: Dover Publication. 1116 p.

Е.С. Мананкова

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
ekaterina.manankova@yandex.ru*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Настоящее исследование выполняется на материалах археологических памятников Удмуртского Прикамья. В начале 2000-х годов специалистами Управления по охране памятников истории и культуры при МК УР была инициирована работа по созданию баз данных археологических памятников и геоинформационному моделированию историко-культурного каркаса Удмуртии (Князева, Беглецова, 2005; Телегина, Князева, 2005). Результаты этой работы наглядно обозначили участки, требующие особого внимания со стороны археологов. Особая плотность в размещении памятников наблюдается вдоль камских берегов, к тому же, именно здесь они испытывают одну из серьезнейших внешних угроз. Источником настоящего исследования является изданная учеными Удмуртского университета карта самого насыщенного объектами археологического наследия района Удмуртии – Каракулинского, расположенного в Среднем и Нижнем Прикамье (Голдина, Черных, 2011). На ее основе автором выполняется разработка вывода данных в ГИС.

Внедрение ГИС-технологий в археологическую науку происходит уже более 20 лет, и с каждым годом интеграция возрастает. Благодаря картографическому материалу возможно решение ряда важных исследовательских задач, мониторинг, а также составление прогностических моделей и геоинформационный анализ конкретных ситуаций. Вопрос использования ГИС в систематизации археологических памятников не нов, но по-прежнему крайне медленно внедряется в практику археологических исследований, особенно в регионах России.

В ГИС пользователь рассматривает реальный мир через призму тематической базы данных. Выявление географических объектов и явлений и последующий выбор адекватного представления данных о них являются составной частью процесса, именуемого проектированием базы данных (Лурье, 2010). Основной целью составления БД является

систематизация и изучение имеющейся информации по археологическим памятникам, а также дальнейшее нанесение их на карту. Большинство современных БД, построенных на основе так называемых реляционных моделей, имеют табличную форму. Главным принципом организации таких БД является создание одной или совокупности взаимосвязанных между собой таблиц.

На первом этапе создания БД определяются включаемые в нее характеристики (Бугаевский, Цветков, 2000). Для построения тематической БД по результатам археологических исследований на территории Удмуртского Прикамья необходима компоновка и систематизация имеющихся данных памятников археологии, а именно, выделение оснований, по которым будет производиться дальнейшая классификация и выборка объектов. При проектировании БД были выделены следующие основания: 1) идентификационный номер объекта; 2) название памятника; 3) географическая широта; 4) географическая долгота; 5) тип памятника; 6) археологическая культура, к которой принадлежит данный тип памятника; 7) год открытия; 8) местонахождение; 9) ландшафтные особенности; 10) топографические особенности; 11) линейные и площадные размеры объекта и его частей; 12) степень изученности памятника; 13) мощность культурного слоя; 14) вскрытые объекты, обнаруженный вещевой материал; 15) место хранения коллекций; 16) номер коллекции.

По представленным основаниям материалы исследования переносятся в табличную форму, для чего используются программные средства Microsoft Office Excel или Microsoft Office Access. Выбор данных программных пакетов обусловлен их дальнейшим использованием в среде геоинформационной системы Mapinfo, а также базируется на таких требованиях, применяемых к базам данных, как легкая обновляемость и доступность для широкого круга пользователей. Таким образом, при обработке материала, необходимого для перевода в современную тематическую базу данных, необходимо учитывать ее дальнейшее использование в программной среде Mapinfo, в качестве таблицы с атрибутивными данными. При создании таблиц в Microsoft Access необходимо учитывать некоторые особенности их составления, чтобы в дальнейшем не возникало проблем с их открытием в Mapinfo.

При формировании оснований БД учитывался факт дальнейшего составления по ней тематических карт. Исходя из этого, необходимо четко и лаконично заполнять все поля БД, так как по ним будут создаваться дальнейшие запросы, на основе которых и будут формироваться карты необходимой тематики.

Таким образом, после обработки всей имеющейся информации и занесения ее в табличную форму готовым результатом является БД, готовая для дальнейшей интеграции в ГИС. Учитывая доступный исходный формат БД, ее использование возможно не только в среде ГИС Mapinfo, но и в других программных пакетах, поддерживающих указанный формат данных.

- Бугаевский Л.М., Цветков В.Я., 2000. Геоинформационные системы: Учебное пособие для вузов. М. 222 с.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М., 2011. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 18. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та. 168 с.
- Князева Л.Ф., Беглецова С.В., 2005. Археологическое наследие Удмуртии: возможности картографического анализа и представления // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск. С. 22–28.
- Лурье И.К., 2010. Геоинформационное картографирование. Методы геоинформатики и цифровой обработки космических снимков. КДУ. М. 428 с.
- Телегина М.В., Князева Л.Ф., 2005. Историко-культурный каркас территории Удмуртии: геоинформационное моделирование // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск. С. 61–64.

ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ФОРМ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В археологии эпохи Великого переселения народов Поволжья центральной проблемой является отсутствие критериев, по которым было бы возможно проследить динамику развития именьковской культуры на протяжении почти всего времени ее существования. Одним из основных источников в изучении данного населения является глиняная посуда. Исследование керамического комплекса именьковской культуры на предмет технико-технологических характеристик гончарного процесса уже проводилось. В ходе исследования было выявлено единообразие и сильная смешанность традиций (Салугина, 1985; 1988; и др.). В связи с этим мы обозначили целью исследования выявление гончарных традиций, связанных с навыками изготовления форм сосудов.

Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским на основании материалов археологии, этнографии и экспериментальных данных (1978; 1999). Целью подхода является изучение результатов применения определенных навыков труда, закрепленных в культурных традициях, передающихся по родственным каналам от мастера к его ученику. Гончарное производство имеет стабильную универсальную структуру, включающую 3 стадии (подготовительную созидательную и закрепительную) и 10 (11) ступеней. Нашей задачей является изучение ступени «придание сосуду формы» созидательной стадии. Методика изучения форм, разработанная А.А. Бобринским (1986; 1988; и др.), предполагает выявление структуры (т.е. качественного состава) форм и степени сформированности функциональных частей, из которых состоят сосуды.

В исследование были включены материалы нескольких поселений именьковской культуры: селища Ош-Пандо-Нерь и Бахилово и городища Кармалы Самарской Луки, городища Старая Майна Ульяновской области, селища Романовка-II в юго-западной Башкирии. Также к исследованию привлекались материалы городища Лбище лбищенского культурно-хронологического комплекса. В общей сложности отобрано 178 сосудов.

Табл. 1. Распределение составов форм сосудов по памятникам.

Структура	с. Ош-Пандо-Нерь	г. Кармалы	с. Романовка	г. Старая Майна	с. Бахилово	г. Лбище
Г+Ш+П+Т+Д	<u>20,8%</u>	<u>33,3%</u>	6,2%	5,2%	3,8%	5,3%
Г+Щ+П+Т+Д	6,2%	-	-	15,8%	19,2%	
Г+Щ+ПП+Т+Д	<u>20,8%</u>	16,0%	<u>25,0%</u>	<u>42,1%</u>	<u>46,2%</u>	<u>57,9%</u>
Г+Ш+ПП+Т+Д	<u>31,3%</u>	<u>25,0%</u>	12,5%	<u>34,2%</u>	<u>23,1%</u>	<u>34,2%</u>
Г+Т+Д	14,5%	9,0%	<u>29,0%</u>	-	3,8%	
Г+П+Т+Д	-	-	12,5%	-	3,8%	
Г+ПП+Т+Д	2,0%	9,0%	12,5%	2,6%		
Г+Ш+Т+Д	2,0%	-	-	-		
Г+Щ+Ш+П+Т+Д	2,0%	-	-	-		
Г+Ш+П+ПП+Т+Д						2,6%
Губа (Г), щека (Щ), шея (Ш), плечо (П), предплечье (ПП), тулово (Т), Дно (Д)						

Всего выявлено 10 типов костяков сосудов по составу функциональных частей: 1) Г+Ш+П+Т+Д – 11,2%; 2) Г+Щ+П+Т+Д – 7,9%; 3) Г+Щ+ПП+Т+Д – 37,1%; 4) Г+Ш+ПП+Т+Д – 29,2%; 5) Г+Т+Д – 7,9%; 6) Г+П+Т+Д – 2,2%; 7) Г+ПП+Т+Д – 2,8%; 8) Г+Ш+Т+Д – 0,06%; 9) Г+Щ+Ш+П+Т+Д – 0,06%; 10) Г+Ш+П+ПП+Т+Д – 0,06%. В таблице 1 представлено распределение этих вариантов по памятникам. Наиболее многочисленным – 85,3% – оказалось изготовление пятичастных сосудов. Сосуды с формами 1, 3–5 имеют массовое распространение. Наиболее близкие традиции встречены на городище Старая Майна (существовавшем на протяжении всей эпохи Великого переселения народов), селище Бахилово (V–VII вв.) и городище Лбище (II–IV вв.): основной традицией выступают сосуды 3 варианта и массово встречаются 4. На городище Кармалы VI–VII вв. основной традицией является группа 1, и кроме Кармалинского городища и селища Ош-Пандо-Нерь, массово она нигде не встречается. Так же основная традиция а селище Романовка – 5 – не встречается массово нигде, кроме селища Ош-Пандо-Нерь. Можно заметить, что комплекс Ош-Пандо-Нерь (VI–VII вв.), на котором 4 вариант основной, частично близок ко всем исследованным памятникам, что может свидетельствовать об активных контактах его населения. На нем же зафиксирован и наиболее широкий спектр вариантов изготовления формы (8), что говорит о сильной смешанности населения и связано с тем, что этот памятник – наиболее поздний из всех рассмотренных. Напротив, на городище Лбище имеет место наименьшее разнообразие (4), т.е. существование неких архаичных традиций без особого постороннего влияния, что подтверждается и ранними датировками памятника.

По степени сформированности функциональных частей данные носят еще более смешанный характер. Отметим лишь наиболее показательные данные: а) полностью сформированные традиции изготовления щек преобладают на селище Ош-Пандо-Нерь, городище Лбище; б) сформированные традиции изготовления шей массово распространены лишь для селища Романовка-II; в) сформированные традиции изготовления плеч встречаются массово только на городище Кармалы и селище Бахилово; г) традиции изготовления предплечий на всех памятниках, за исключением Бахиловского селища, находятся в частично сформированном состоянии; д) полностью сформированное тулово является общим признаком для всего материала.

Методика позволила выявить как общие массовые тенденции в традициях изготовления форм сосудов, так и особенности отдельных памятников, сочетающиеся частично и с хронологией, и с их локальными особенностями. При включении в исследование еще большего числа памятников эти данные смогут отразить динамику развития культур оседлого населения Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху Великого переселения народов.

Бобринский А.А., 1987. Гончарство Восточной Европы. М. 272 с.

Бобринский А.А., 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев. С. 137–157.

Бобринский А.А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев. С. 5–21.

Салугина Н.П., 1985. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев. С. 151–175.

Салугина Н.П., 1988. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев. С. 119–144.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГИС-МЕТОДОВ ДЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ¹

Применение геоинформационных технологий в археологии насчитывает около тридцати лет. За это время ГИС-методы заняли важное место в современной науке, что позволило не только значительно расширить тематику археологических исследований, но и дать ответы на ряд вопросов.

Географические рамки данного исследования ограничены центральной частью Барабинской лесостепи (Венгеровский, Здвинский, Чановский, Барабинский, Куйбышевский, Кыштовский, Татарский и Усть-Таркский районы Новосибирской области). С точки зрения археологии эта территория является одним из наиболее хорошо изученных регионов Западной Сибири. На ряде памятников начиная с 1960-х годов проводятся стационарные полевые работы, одним из результатов которых стали своды археологических памятников (Троицкая и др., 1980; Молодин, Новиков, 1998; Молодин и др., 2000; 2011).

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 12-06-00045.

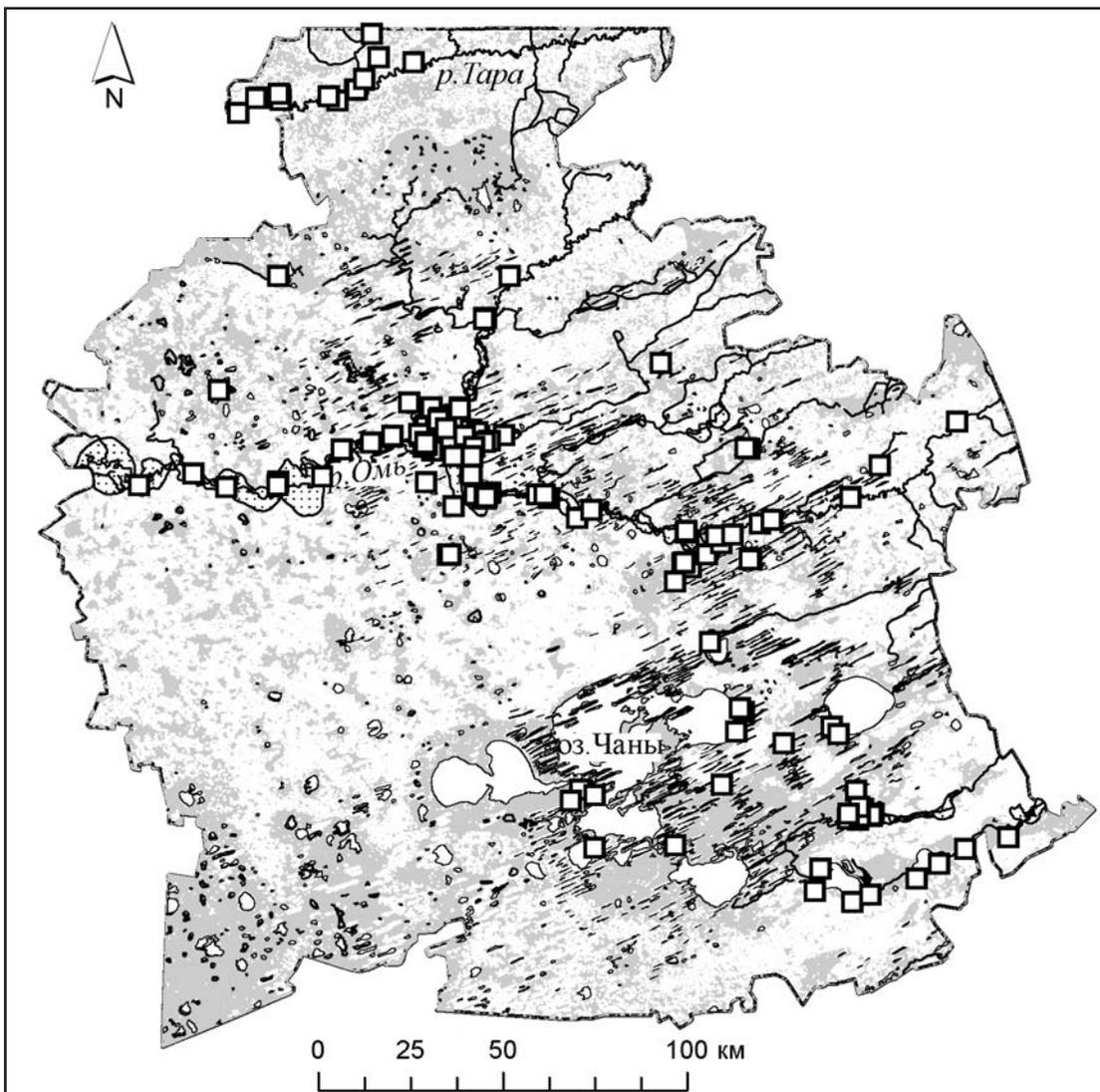


Рис. 1. Археологические памятники центральной части Барабинской лесостепи.

К настоящему времени для данной территории известно около 600 археологических объектов, занесенных в список объектов культурного наследия Новосибирской области.

Основной целью работы является апробация ГИС-методов для пространственного анализа археологических памятников на территории центральной части Барабинской лесостепи, а также выявление и объяснение закономерностей их расположения. Первые результаты проделанной работы были представлены в ряде статей (см., например: Кузьмин и др., 2014).

Данное исследование включает в себя несколько последовательных этапов: 1) составление перечня археологических памятников; 2) создание геоморфологической карты района исследования; 3) определение координат выбранных объектов и описание их геоморфологического положения; 4) создание базы геоданных.

Первый этап связан с составлением перечня археологических объектов, который содержит объекты, которые имеют хронологическую привязку (археологические эпоха или культура, точные даты или временные интервалы). Анализ памятников, имеющих временную атрибуцию, помогает выявить закономерности размещения объектов для каждой конкретной археологической эпохи. Очевидно, что в таком случае происходит существенное сокращение количества анализируемых памятников (примерно на 60%), однако именно датированные археологические объекты имеют гораздо большую информативность. Фактическим материалом для составления списка стали своды археологических памятников для данной территории, дополненные информацией, полученной от НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области.

Следующий этап исследования связан с созданием геоморфологической карты в программном пакете ArcGis, на основе цифровой модели рельефа SRTM (с пространственным разрешением около 90×60 м; точность по высоте $\pm 1-2$ м).

Определение координат выбранных памятников является важным этапом работы, поскольку ГИС-методы могут быть применены только для пространственно-координированных объектов. В ходе полевого обследования выбранных памятников были определены их географические координаты (с помощью GPS-приемника Garmin 76GSx), а также описано их геоморфологическое положение. В пределах центральной части Барабинской лесостепи выделяется два крупных класса рельефа: водораздельные пространства и речные долины. Водоразделы делятся на слабобрасчлененные поверхности и гривы.

В результате проделанной работы была составлена база геоданных, в которой содержится информация о 206 объектах (каждый культурный компонент памятника заносится в базу, как отдельный элемент) неолита, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья: 1) название памятника, 2) координаты, 3) геоморфологическое положение, 4) хронологическая атрибуция, 5) краткое описание артефактов, 6) источник информации.

Повышенная концентрация объектов (рис. 1) отмечается у бровки водораздела (44,3%). К плоским водоразделам и гривам приурочено примерно равное количество памятников: 23,9% и 24,4% соответственно. Отмеченные закономерности пространственного положения археологических объектов могут быть отчасти объяснены механизмами адаптации древнего человека к природным условиям. Повышенная концентрация памятников в зоне контакта речных долин и водоразделов, по-видимому, связана с общим увлажнением климата на рубеже бронзового и раннего железного веков (Косарев, 1991. С. 42), что привело к сокращению пойменных угодий и вынудило население данной территории продвигаться вглубь водораздельных пространств.

Косарев М.Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука. 302 с.

Кузьмин Я.В., Софеев О.В., Зольников И.Д., Чупина Д.А., Новикова О.И., Никулина А.В., Ануфриев Д.Е., 2014. Адаптация древнего населения центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) к природным условиям в голоцене: анализ на основе ГИС-технологий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситников, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 343–346.

- Молодин В.И., Новиков А.В., 1998. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия. 140 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В., 2000. Археологические памятники Звинского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия. 224 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И., Чемякина М.А., Сумин В.А., Ануфриев Д.Е., Евтеева Е.М., Князев А.О., Кравченко Е.В., 2011. Археологические памятники Чановского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия. 258 с.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука. 184 с.

В.В. Новиков*, Ф.С. Галеев, С.Ю. Каинов*****

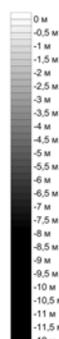
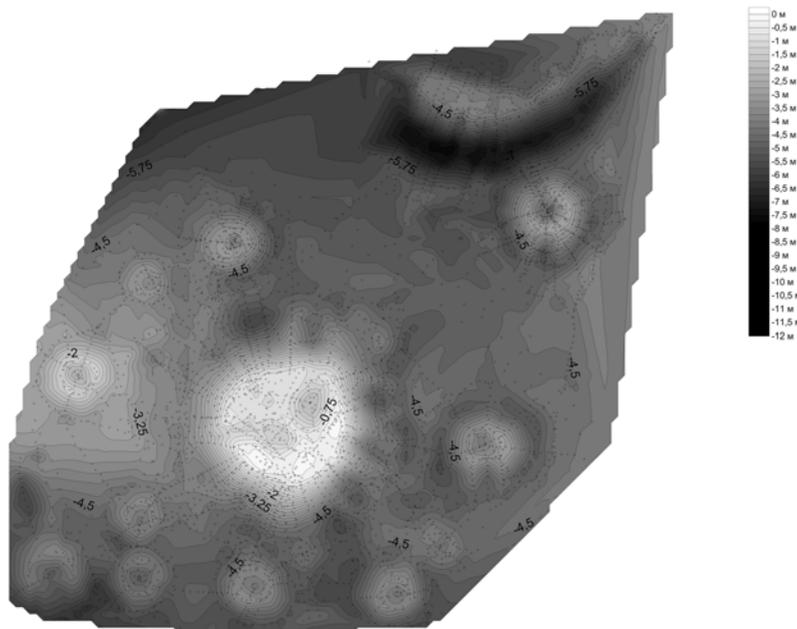
**Смоленская археологическая экспедиция МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
vasily.novikov@gmail.com*

***Учебно-научный Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Москва
f.galeev@gmail.com*

****Государственный Исторический музей, Москва
skainov@mail.ru*

МЕТОДИКА 3D-РЕКОНСТРУКЦИИ ЛАНДШАФТА И ВИЗУАЛИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШОГО КУРГАНА ИЗ РАСКОПОК В.И. СИЗОВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГРУППЕ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Гнёздовский археологический комплекс, располагающийся на обоих берегах Днепра в 12 км от г. Смоленск, является крупнейшим памятником эпохи образования древнерусского государства. Он включает в себя два городища, два селища и курганный могильник, насчитывавший не менее 4500 курганных насыпей (Пушкина и др., 2012. С. 243, 244). Могильник состоит из 8 курганных групп. Среди них по количеству курганов выделяется Центральная группа, в которой, по подсчетам А.Н. Лявданского, до начала активного разрушения (60-е годы XIX в.) было около 1 500 насыпей (Лявданский, 2002. С. 188). В Центральной группе находились и 5 так называемых Больших курганов – монументальных насыпей, в которых, как предполагают некоторые исследователи, были похоронены



члены княжеского рода. В 60-е годы XIX в. через Центральную группу была проложена железная дорога, разделившая ее на две части (северную и южную). В северной части в 1923 г. А.Н. Лявданским было зафиксировано 806 курганных насыпей (Лявданский, 2002. С. 188). С 1950 по 1981 г. экспедицией МГУ здесь исследовано 208 насыпей. Относительно большое количество курганов, раскопанных в этой части памятника, объ-

Рис. 1. Высотный план рельефа вокруг Большого кургана из раскопок В.И. Сизова в 1885 г. с точками съемки тахеометром Trimble M3.

ясняется ее нахождением на территории современной деревни Гнёздово в зоне активной хозяйственной и строительной деятельности. В результате этой бесконтрольной деятельности к настоящему времени общее количество насыпей, сохранившихся в северной части Центральной группы, сократилось до 100 и продолжает неуклонно уменьшаться. В зоне разрушения могут оказаться и два Больших кургана из трех, сохранившихся в Гнёздово.

В условиях угрозы уничтожения было принято решение о начале планомерных работ по фиксации сохранившегося исторического ландшафта Центральной курганной группы. Методика отработывалась на участке могильника, где располагался Большой курган, частично раскопанный В.И. Сизовым в 1885 г. (Сизов, 1902. С. 8–12).

Первоначально работы были сосредоточены на поиске и сведении максимального количества картографической и фотографической информации по указанной зоне. На основе геоинформационной системы удалось объединить в единой базе данных карты этой территории XVII–XX вв., аэрофотосъемку Luftwaffe 1942–1944 гг. (это наиболее ранние снимки памятника, обнаруженные одним из авторов данной статьи, В.В. Новиковым) и спутниковые снимки 2001–2013 гг. Полученная карто- и фотографическая база данных была дополнена информацией об исследованных курганах (номера, автор раскопок, обряд и пр.), что позволяет в активном режиме отслеживать объемы потерь исторического ландшафта, повреждений курганных насыпей и иных нарушений на территории курганной группы. Кроме того, эта информация служит основой для создания общей подробной карты территории с динамическим изменением застройки, границ курганной группы и пр.

В период летнего полевого сезона съемка территории осуществлялась при помощи электронного тахеометра Trimble M3. Это позволило создать наиболее точный топографический план местности и получить данные для последующей 3D-визуализации (вариант 1, «метод визуализации облака точек»). В весенний и осенний периоды для работы использовался трехлопастной квадрокоптер с подвешенной камерой GoPro для съемки на низких высотах (50–150 м). В результате получена серия фотоснимков, которая дополняет данные геоинформационной базы, а также становится основой для 3D-визуализации территории (вариант 2, «метод фотограмметрии»).

Оба варианта 3D-визуализации имеют свои преимущества и недостатки. Вариант 1 отличается возможностью съемки в труднодоступных местах (например, перекрытых деревьями), высокой точностью привязки объектов в рамках проекта, возможностью дополнять проект в любое время года, вариативностью для анализа в период постобработки и получения финального результата, но связан с значительным объемом временных затрат и высокой стоимостью оборудования. При необходимости получить высокоточную модель поверхности с деталями ландшафта требует очень дробной сетки съемки. К примеру, для построения модели участка площадью около 7000 кв. м, на котором расположен один большой курган высотой до 5 м и диаметром около 30 м, четверть большого кургана длиной 36 м с ровиком глубиной до 3 м, а также 7 курганов разной высоты от 1–2 м и диаметром от 8,5 до 13 м, было снято 5063 точек. В день наш тахеометр на одной батарее снимал около 800 точек. Таким образом, на подобный участок со сложным рельефом нам понадобилось около 6 рабочих дней (рис. 1). Вариант 2 отличает значительный по площади охват съемки, что позволяет в очень короткое время получить быстрый визуальный результат с фотографической точностью. Модель, полученная таким образом, может быть доработана, хотя и с определенными трудовыми затратами, так же как и модель, построенная на базе облака точек. Для примера, 3D-модель для аналогичной территории, но уже площадью до 29 000 кв. м, была получена за один световой день. Недостатки данного метода заключаются в необходимости съемки в единое время суток и года. Соединить снимки, полученные в начале лета и, например, осенью не получится. Съемка ландшафта с квадрокоптера предпочтительна ранней весной или поздней осенью, чтобы минимизировать потери изображения, перекрываемого листвой и травой. Проблемы при такой съемке будут на участках с высокой растительностью. Презентационные возможности модели снижены и требуют в большинстве случаев владения несколькими программными продуктами для получения оптимального результата. Метод также отличается относительной финансовой доступностью оборудования.

Таким образом, за время работы мы пришли к выводу о необходимости, по возможности, использовать оба метода для съемки и создания 3D-модели ландшафта, высотных карт местности, топографических карт и пр. Оба метода позволяют создавать 3D-модели ландшафта в масштабе 1:1 с точностью для варианта 1 до 2–5 см, а для варианта 2 до 10–20 см. Эти модели можно использовать в дальнейшей работе для полноценных и точных измерений ландшафта, создания профилей объектов, совмещений с базами данных и построений выводов о планиграфии участков.

Визуализация объектов – дополнительная задача, которая видится нам как необходимое приложение в работе современного археолога. Возможность 3D-визуализации целых объектов зависит от инструментов и умений, которыми располагает исследователь. Для получения быстрого и качественного результата по визуализации целых археологических объектов достаточно использовать метод фотограмметрии. Он широкодоступен и позволяет при определенных навыках получить качественный результат. 3D-модели можно использовать не только в презентационных и выставочных целях, но и работать с ними, имея возможность детального осмотра со всех сторон и пр. Фотограмметрия позволяет создавать полноценные реконструкции на всех этапах существования объекта: с момента нахождения в полевых условиях и до состояния после реставрации. Метод дает возможность делать масштабные модели 1:1, то есть в процессе дальнейшей работы с материалом можно осуществлять измерения объекта непосредственно по 3D-модели. Таким образом, создание коллекции 3D-объектов позволяет проводить полноценный научный анализ материала (типологии, выборки, технические иллюстрации, разрезы и пр.), наполнять электронные базы данных и готовить основу для научных публикаций.

Иной подход необходим к объектам, которые дошли до нас во фрагментах или сохранились только на фотографиях и отдельных иллюстрациях. Современное программное обеспечение позволяет реконструировать различные артефакты, опираясь только на рисунки, отдельные фотографии и привлекая аналогии. Здесь необходимо использовать более глубокое знание таких программных продуктов, как Zbrush, 3DS Max, Maya и пр.

Современная археология требует комплексных мер, направленных не только на изучение культурных напластований, но и на сохранение и восстановления объектов культурного наследия, а также их последующей демонстрации, в том числе и в образовательных целях. В этом современные методы фиксации и 3D-визуализации могут оказать необходимую помощь.

Лявданский А.Н., 2002. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Э. Модестов. Смоленск. С. 185–256.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В., 2012. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 243, 244.

Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1-й. Гнёздовский могильник близ Смоленска. СПб.: Типография Главного Управления Удѣлов (Моховая, 40). С. 8–12.

Е.С. Острирова

*Институт археологии РАН, Москва
maraveriza@gmail.com*

ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В ИЗУЧЕНИИ ДОКОЛУМБОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ АНДСКОГО РЕГИОНА ЮЖНОЙ АМЕРИКИ¹

Андский регион – один из крупнейших цивилизационных очагов Нового Света, расцвет которого в период империи инков был прерван европейским завоеванием. Перуанское и чилийское побережье Анд представляет собой пустыню, разделенную долинами

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-31-01294 «Неолитизация в Южной и Центральной Америке: новейшие исследования и подходы».

небольших рек, спускающихся со склонов гор. Тихоокеанская акватория региона исключительно богата морскими ресурсами, в то время как условия для развития земледелия здесь были неблагоприятными. Выдвинутая еще в 1975 г. теория «морских оснований Андской цивилизации» (MFAC) до сих пор является предметом обсуждений (Haas, Creamer, 2006).

На территории перуанского побережья Тихого океана были выявлены самые ранние монументальные сооружения в Южной Америке, относящиеся к IV–III тыс. до н.э. (Quilter, 2014. P. 64). Наибольшее число памятников с монументальной архитектурой обнаружено в регионе Норте-Чико и его центральной долине – Супе. Здесь, в прибрежной 25-километровой полосе, зафиксированы 30 памятников площадью от 10 до 200 га, среди которых самые изученные – Асперо и Караль. В других регионах тихоокеанского побережья Центральных Анд сходные синхронные памятники пока не обнаружены.

Ранняя фаза Докерамического периода (14000/12000 г. до н.э. – 7 000 г. до н.э.) начинает отсчет истории центральноандского региона, к этому времени относится появление палеоиндейцев. Особенности средней фазы Докерамического периода (7000 г. до н.э. – 3000 г. до н.э.) определяются изменением климатических условий и связанными с этим фактором новыми стратегиями адаптации древнейших жителей Анд. Появление первых церемониальных монументальных комплексов и ирригационных систем происходит в позднюю фазу Докерамического периода (3000 – 1800/1600 г. до н.э.) (Quilter, 2014. P. 64).

В последние десятилетия при исследовании ранних этапов становления Андской цивилизации и изучении стратегии приморской адаптации на Тихоокеанском побережье Южной Америки ученые обратились к данным палеоклиматологии и палеогеографии. Исследователи из Университета Флориды и Университета Мэн по результатам проекта «Береговые хребты, изменение климата и культурное развитие на севере центральной части Перуанского побережья» (2007–2009 гг.) предложили теорию особых экологических условий региона Норте-Чико, определивших раннее развитие и неожиданный упадок сложных обществ Докерамического периода (Sandweiss, 2008).

На протяжении временного интервала 7000–2000 гг. до н. э. на территории Центральных Анд не происходило глобальных изменений климата. В то же время даже небольшие локальные изменения климатических условий на побережье оказывали заметное влияние на хрупкий экологический баланс, условия жизни населения, особенно на ранних этапах перехода к оседлости (Башилов, 1999. С. 25).

Данные палеогеографических исследований подтверждают, что уровень моря стабилизировался примерно 7000 лет назад, определив, таким образом, природно-климатические особенности тихоокеанского побережья, повлиявшие на культурное развитие региона в Докерамический период.

Примерно 5800 лет назад, в среднюю фазу Докерамического периода, после перерыва в несколько тысячелетий к берегам перуанского побережья возвращается Эль-Ниньо – теплое течение, с которым связаны периодические катастрофы, игравшие огромную роль в жизни населения и прибрежной, и горной части Центральных Анд. Возвращение Эль-Ниньо, по всей видимости, вызвало несколько крупных наводнений, следы которых обнаруживаются на прибрежных и удаленных от берега памятниках долины Супе (Sandweiss et al., 2009. P. 1361). Раскопки Р. Шейди показали, что на финальных этапах позднего Докерамического периода происходили сильные оползни, вызванные не только наводнениями, но и землетрясениями (Shady et al., 2001. P. 725). Данные сейсмологов указывают на периодичность сильных землетрясений в регионе Центральных и Южных Анд (в среднем дважды в год).

Кроме явного экстремального природного фона, связанного с активизацией Эль-Ниньо и частыми землетрясениями, на природно-климатические условия в регионе Норте-Чико оказали влияние и опосредованные геологические процессы. Вероятно, в конце поздней фазы Докерамического периода возникает песчанно-галечный вал, протянувшийся вдоль северной части центральноандского побережья Перу примерно на 10 км, что привело к аридизации побережья в регионе Норте-Чико, появлению песча-

ных дюн под действием береговых ветров, исчезновению небольших бухт и заливов, превратившихся в песчаные равнины. Вал сформировался после наводнений и оползней, вызванных Эль-Ниньо, из речных наносов, блокировал ранее пригодные для жизни бухты долины Супе, которые до конца Докерамического периода вдавались вглубь континента примерно на 3 км. Изменение береговой линии привело к оскудению морских ресурсов (Sandweiss et al., 2009. P. 1362, 1363). Кроме того, аридизация и запесчанивание побережья привели к сокращению площади пригодной для сельского хозяйства земли.

Храмовые комплексы долины Супе приходят в упадок около 1800–1600 гг. до н.э., в культурном слое памятников прослеживается песчаная прослойка, перекрытая слоями уже Начального периода (1800–800 гг. до н.э.) (Quilter, 2014. P. 70, 71).

В дальнейшем изменение климатических условий играло в истории Андского региона не менее важную роль. Так, климатический фактор стал существенным в развитии государства Мочика (Березкин, 2014. С. 63). Однако для достоверного понимания взаимосвязи палеоклиматических изменений и особенностей развития ранних оседлых обществ Южной Америки необходим больший диапазон археологических и палеоэкологических исследований.

- Башилов В.А., 1999. «Неолитическая революция» в Центральных Андах: две модели палеоэкономического процесса. М.: Наука. 207 с.
- Березкин Ю.Е., 2013. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука. 256 с.
- Haas J., Creamer W., 2006. The crucible of Andean civilization // *Current Anthropology*. Vol. 47. PP. 745–775.
- Sandweiss D.H., 2008. Early Fishing Societies in Western South America // *The Handbook of South American Archaeology* / Eds. H. Silverman, B. Isbell. New York. P. 145–156.
- Sandweiss D.H., Shady R., Moseley M.E., Keefer D.K., Ortloff Ch.R., 2009. Environmental change and economic development in coastal Peru between 5,800 and 3,600 years ago // *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. Vol. 106. P. 1359–1363.
- Shady R., Haas J., Creamer W., 2001. Dating Caral, a Preceramic Site in the Supe Valley on the Central Coast of Peru // *Science*. № 292 (5517). P. 723–726.
- Quilter J., 2014. *The Ancient Central Andes*. New York: Routledge. 340 p.

А.С. Пахунов

*Институт археологии РАН, Москва
science@pakhunov.com*

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ФИКСАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Практически все новые фотографические методы апробируются в сфере культуры, особое значение они имеют для фиксации археологических объектов. Основной тенденцией в настоящее время является комбинирование различных видов съемок, что обусловлено необходимостью получения информации не только о форме предмета, но и о материалах и технике его изготовления. Все фотографические методы по размерности разделяются на три группы: 2d, 2.5d и 3d. К первой группе относится мультиспектральная и гигапиксельная фотосъемка, ко второй – многоугольная теневая фотосъемка, к третьей – фотограмметрия. Так, например, гигапиксельная съемка проводится в различных спектральных диапазонах, при многоугольной теневой фотосъемке используются инфракрасные осветители, карты нормалей импортируются в качестве текстур для 3d моделей.

Важное отличие методов фиксации, в основе которых лежит работа с фотоизображениями от 3d сканеров и мультиспектральных сканеров, состоит в возможности проводить работы в полевых условиях, используя только лишь единственный специально подготовленный фотоаппарат, что сокращает затраты на приобретение дополнительного оборудования, а также его общий вес.

Мультиспектральная фотосъемка предполагает использование источников освещения, испускающих свет разных длин волн. Выделяют три основных диапазона: ультрафиолетовый, видимый и инфракрасный.

При освещении источниками, работающими в УФ-А и УФ-С диапазонах, по цвету люминесценции возможно определение классового состава и локализации биопоражений (Veerman et al., 2013). Таким образом осуществляется объективный мониторинг сохранности предметов из любых материалов, по результатам которого принимаются решения о необходимости и виде консервационных мероприятий.

Съемка скал с петроглифами в инфракрасном свете позволяет различать изменение цвета поверхности в результате естественных процессов или же антропогенного воздействия. Фотографии в отраженных инфракрасных лучах применяются напрямую для классификации красок по их составу, например, по содержанию угля (Pakhunov et al., 2014).

Многоугольная теневая фотосъемка (МТФ) – метод, в основе которого лежит фиксация не только геометрии предмета и микрорельефа поверхности, но также отражательной способности материалов, что способствует обнаружению отдельных деталей микрорельефа по их комплексным характеристикам. Благодаря программному моделированию теневого рисунка появляется возможность распознавать детали рельефа, которые занимают на изображении менее пикселя. Все это существенно увеличивает информативность изображений.

С использованием данного метода съемки на поверхности каменных орудий из Губского ущелья были выявлены новые следы остатков материалов различной природы, невидимых при визуальном и микроскопическом анализе, а также проведена их первичная классификация.

Съемка петроглифов традиционно проводится либо при боковом освещении, что приводит к необходимости ожидать благоприятных световых условий, либо с использованием выносных источников освещения. Однако выбор оптимального положения источника не всегда возможно определить в момент съемки, что связано, прежде всего, со спецификой полевой работы. Применение МТФ позволяет сымитировать проход солнца с востока на запад под произвольным углом к горизонту и выбрать его положение, наиболее эффективное для выявления изображения.

Во многих случаях полученное фотографическое изображение является первым этапом создания научной иллюстрации с использованием цифровой обработки изображений. Для создания изображения, аналогичного прорисовкам монет, необходимо освещение, создающее ровные тени от всех элементов рельефа. Источник освещения в данном случае должен быть большого диаметра и располагаться строго перпендикулярно к плоскости монеты, то есть на месте фотокамеры. Моделирование такого источника позволяет решить данную задачу и приводит к сокращению операций по анализу изображений для получения аналогичного результата, без выполнения прорисовок вручную в графическом редакторе.

Усиление цветового контраста необходимо для поиска следов красочных материалов и успешно используется для анализа деструктировавших наскальных рисунков, но этот метод также находит применение для дифференциации различных, но имеющих близкий цвет материалов. Так, нами был проведен анализ стратиграфической системы раскопа в Каповой пещере и получены изображения с явно выделенными слоями, пригодные для сегментирования.

Процесс фотограмметрической реконструкции состоит в создании 3d модели объекта по серии фотографий. При соблюдении рекомендаций по съемке и использовании фотокамеры с высоким разрешением, детализация результирующей модели может быть выше, чем при применении некоторых моделей портативных сканеров, в то же время для работы с фотокамерой не требуется дополнительное электропитание и ноутбук, что позволяет работать на удаленных объектах и в сложных климатических условиях. Создание 3d моделей может носить и просветительский характер – нами была выполнена оцифровка гипсовых отливок с высокоточных контактных копий петроглифов с р. Пег-

тымель, что является одной из немногих возможностей показать их широкой аудитории ввиду их труднодоступности.

Современные фотографические методы фиксации археологических объектов характеризуются высокой скоростью выполнения работ, низкой себестоимостью, а также доступностью – для их реализации достаточно наличия недорогой полупрофессиональной фотокамеры и непродолжительного курса обучения. Сфера их применения постоянно расширяется, и приведенные примеры можно рассматривать лишь как базу для собственных экспериментов.

Bearman G., Doehne E., Beegle L., Hug W., Reid R., Bhartia R., 2013. Remote Detection of Biofilms on Stone [электронный ресурс]. Built Heritage 2013 Monitoring Conservation Management: online conference proceeding. P. 1027–1034. Режим доступа:

http://www.bh2013.polimi.it/papers/bh2013_paper_172.pdf (дата обращения 01.12.2014).

Pakhunov A., Brandt N., Chikishev A., 2014. Raman Microscopy and IR Imaging of the Palaeolithic Paintings from Kapova Cave, Southern Ural, Russia // The Conservation of Subterranean Cultural Heritage / Ed. C. Saiz-Jimenez. CRC Press. P. 275–280.

Д.А. Столярова

*Институт археологии РАН, Москва
ulibka.jojik@mail.ru*

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА УКРАШЕНИЙ ИЗ ТАРСКОГО (ОКТЯБРЬСКОГО) МОГИЛЬНИКА

Представленное исследование посвящено начальному этапу изучения коллекции Тарского (Октябрьского) могильника IX в. с целью реконструкции техники изготовления украшений.

Памятник расположен возле одноименного населенного пункта в Правобережном районе Северной Осетии, на правом берегу р. Камбилеевки (бассейн Терека). Исследование могильника было начато в 1977 г. в рамках охранных раскопок Э.С. Кантемировым, а в 1978 г. продолжено Н.И. Гиджрати. По результатам раскопок определено, что памятник относится к типичным аланским могильникам и вписывается в картину аланских памятников Северокавказского региона (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. С. 314).

Исследованная выборка составляет 110 экземпляров (из 10 погребальных комплексов), среди которых – предметы из цветных и драгоценных металлов: украшения, эле-

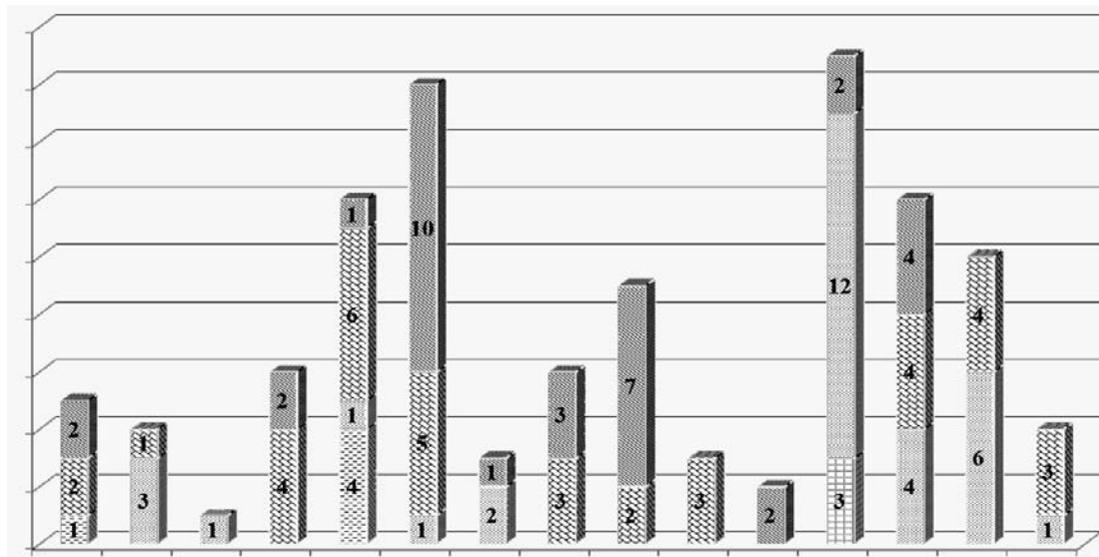


Рис. 1. Распределение категорий исследованных предметов по типам сплавов.

1 – бронзы; 2 – латуни; 3 – драгоценные металлы; 4 – «чистая» и «грязная» медь; 5 – прочие сплавы.

менты поясного набора, зеркала, обкладки рукоятей ножей и ножен. Изучен химический состав металла 124 образцов: для сложносоставных предметов было получено несколько проб.

Состав металла исследован с помощью неразрушающего энергодисперсного рентгено-флюоресцентного анализа¹. Для количественного анализа, проведенного в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ, были использованы полупроводниковые детекторы рентгеновского излучения: Si (Li)-детектор с энергетическим разрешением порядка 230 ЭВ в области энергий 15–20 КЭВ с регистрирующим многоканальным амплитудным анализатором (АИ-1024) и персональным компьютером.

Процентное соотношение сплавов, использованных при изготовлении исследованных украшений, говорит о том, что чаще всего ювелиры использовали многокомпонентные, свинцовые и двойные латуни (32%) и драгоценные металлы (32%), на втором месте изделия из свинцовой, оловянной и оловянно-свинцовой бронзы (29%), а изделия из «чистой» и «грязной» меди (3%), сплавов на основе свинца (3%) немногочисленны (рис. 1).

При соотношении типов сплавов с категориями вещей прослеживается определенная корреляция. Она, возможно, свидетельствует в пользу осознанного подбора металла или сплава для различных операций. Для литья в основном использовали сплавы, легирующие элементы которых значительно улучшали его жидкотекучесть и понижали температуру плавления, такие, как оловянные (CuSn), свинцовые (CuPb) и оловянно-свинцовые (CuSnPb) бронзы. А для изделий, подвергаемых операциям пластической деформации, использовали сплавы с хорошими механическими свойствами, такие, как многокомпонентная (CuZnSnPb), свинцовая (CuZnPb) и двойная (CuZn) латунь и драгоценные металлы (высокопробное, низкопробное серебро, серебро с позолотой и высокопробное золото).

Стоит также отметить присутствие в выборке серебра с позолотой. Из этого металла изготовлены три вещи, для которых сделано 6 анализов. Содержание золота в данных сплавах колеблется от 2,5% до 17,4%, а серебра – от 72,5% до 90%. В связи с определенными особенностями анализа и присутствием в сплаве в каждом случае значительной примеси ртути следует говорить об амальгаме, применяющейся при золочении металлических изделий (Плаксин, 1958. С. 46).

Отдельно стоит рассмотреть факт присутствия в большей части сплавов (в 82 из 124 анализов) мышьяка в концентрации от 0,02% до 5,5%. Кроме того, в 23 случаях в сплавах присутствует наряду с мышьяком сурьма в концентрации примерно от 0,11% до 2%. Низкая концентрация этих элементов в сплаве говорит, скорее всего, об их рудном происхождении. Но, возможно, наличие и сочетание именно таких микропримесей в сплавах может свидетельствовать о том, что источником сырьевого металла для производства этих предметов были так называемые блеклые руды – группа минералов, сложных сульфидов меди, мышьяка, сурьмы с примесями множества других элементов (Смолянинов, 1972).

По итогам проведенного исследования можно говорить о том, что содержание во всех сплавах большого количества микропримесей свидетельствует о различных источниках металла и может указывать на широкое применение в ювелирном производстве вторичного сырья – лома украшений, вышедших из употребления. Одновременно добавление свинца в сплавы в достаточно высоких концентрациях может свидетельствовать и о рациональном и бережном использовании сырьевого металла: свинец значительно снижал температуру плавления сплава, повышал его литейные качества и позволял экономить ценное бронзовое и латунное сырье.

Таким образом, разнообразие техник изготовления и сплавов, использование сложных технологических и декоративных приемов говорят о различных источниках поступления сырья и готовых украшений населению, оставившему исследованный памятник. Но делать выводы о местном изготовлении украшений невозможно из-за отсутствия археологических свидетельств ювелирного производства региона.

¹ Анализ выполнен заведующим рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ к.г.-м.н. Р.А. Митояном.

- Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г., 1995. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. // Аланы: история и культура. ALANICA. III. Владикавказ.
- Плаксин И.Н., 1958. Металлургия благородных металлов. М.
- Смолянинов Н.А., 1972. Практическое руководство по минералогии. Изд. 2-е, испр. и дополненное / Научн. ред. Б.Е. Карский. М.: Недра. 360 с.

И.М. Сумманен

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск
irina.potasheva@mail.ru*

ICP-MS АНАЛИЗ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ МЕТОДА

Использование аналитических методик, заимствованных из арсенала естественно-научных дисциплин, стало неотъемлемой частью современных археологических исследований. Масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой (ICP-MS) относится к новейшим методам геохимического исследования объектов и с недавних пор нашла применение в археологии, в частности, керамологии.

За рубежом метод ICP-MS активно привлекается для решения различных археологических задач, в том числе связанных с изучением керамического производства (Pillay, 2001; Hein et al., 2002; Robertson et al., 2002; Little et al., 2004). В отечественной науке методика масс-спектрометрического исследования керамики еще не получила широкого распространения и впервые была апробирована на гончарной керамике средневековой Карелии (подробнее см.: Поташева, Светов, 2013; 2014).

Успешный опыт исследований зарубежных коллег показал, что ICP-MS анализ позволяет надежно соотнести керамическую продукцию с местом ее изготовления. Таким образом, метод подходит для идентификации продуктов импортного производства в керамической коллекции. С его помощью можно установить источники сырья для производства керамики и, следовательно, определить центр производства изделий. Так, на примере коллекции средневековой керамики из раскопок городищ Северо-Западного Приладожья выделены продукты местного производства, составляющие основу керамического набора поселений, и привозные горшки, часть которых попала к древним карелам из крепости Орешек.

Вместе с тем при интерпретации результатов обозначились трудности, обусловленные как спецификой исследуемого материала, так и техническими возможностями самого метода.

Анализируя данные геохимии формовочных масс древней керамики, важно принимать в расчет гетерогенность объектов. Напомним, что один из этапов подготовки проб заключается в измельчении материала до тонкодисперсного состояния, что приводит к смешению химических составов глины и примесного компонента. Следовательно, в анализатор попадает уже валовой состав пробы, и минеральная примесь может существенно повлиять на концентрацию элементов, являющихся геохимическими маркерами, что непременно отразится на графическом анализе результатов¹ и, как следствие, их интерпретации.

Нередко оценка полученных данных оказывается затруднена из-за сходства геохимического состава глин и отощителей, используемых в гончарстве. Так, химические составы глин и примесей (к примеру, дресва, песок), взятых из разных месторождений, но на близко расположенных территориях, могут демонстрировать лишь незначительные различия.

Учитывая, что ICP-MS анализ позволяет определять элементный состав образца, отметим, что за пределами возможностей указанного метода остается фиксация органи-

¹ Графический анализ результатов, как правило, приводится на бинарных диаграммах, построенных для элементов, имеющих контрастное поведение в природных процессах (подробнее см.: Интерпретация геохимических данных, 2001).

ческой примеси, которая в небольшом количестве обнаружена в составе формовочной массы гончарной керамики.

Столкновение с упомянутыми трудностями закономерно и обусловлено введением новой методики в исследовательский инструментарий археологии. Преодоление возникших сложностей в интерпретации результатов видится в продолжении работ в обозначенном направлении с целью отработки метода. Первоочередная задача состоит в расширении базы данных геохимического исследования проб теста сосудов, сырья и образцов искусственно созданных эталонов формовочных масс с различной концентрацией составляющих их компонентов.

Интерпретация геохимических данных: Учебное пособие / Е.В. Складов и др. М., 2001. 288 с.

Поташева И.М., Светов С.А., 2013. Геохимические исследования в археологии: ICP-MS анализ образцов круговой керамики древнекарельских городищ // Труды КарНЦ РАН. № 3. Серия Гуманитарные исследования. С. 136–142.

Поташева И.М., Светов С.А., 2014. ICP-MS анализ древней керамики как метод определения источников сырья и места производства гончарной продукции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. № 4 (141). С. 71–77.

Hein A., Tsolakidou A., Piopoulou I. et al. 2002. Standardisation of elemental analytical techniques applied to provenance studies of archaeological ceramics: an inter laboratory calibration study // *Analyst*. 127 (4). P. 542–553.

Little N.C., Kosakowsky L.J., Speakman R.J., Glascock M.D., Lohse J.C., 2004. Characterization of Maya pottery by INAA and ICP-MS // *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. Vol. 262. № 1. P. 103–110.

Pillay A.E., 2001. Analysis of archaeological artefacts: PIXE, XRF or ICP-MS? // *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. Vol. 247 (3). P. 593–595.

А.А. Тарасова

*Институт археологии РАН, Москва
taa-volga@yandex.ru*

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ МОРФОМЕТРИЯ КАК МЕТОД СРАВНИТЕЛЬНОГО КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ФОРМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Основными исследовательскими методами в археологии, как известно, являются классификационный и сравнительно-типологический. Принципы этих методов по построению хронологических, типологических и классификационных систем для организации и изучения археологического материала были сформулированы еще в конце XIX в. В современной археологии и палеоантропологии для обработки накопленных данных все чаще обращаются к методике статистического анализа и новым информационным технологиям, которые позволяют количественно выразить некоторые свойства или качества изучаемых объектов, а также визуализировать полученные результаты. Цели настоящего исследования – обзор принципов относительно нового метода геометрической морфометрии и попытка его применения для анализа археологических и антропологических объектов.

Принципы и методы геометрической морфометрии, разработанные в конце 1970-х – 1980-х годах биологом Ф. Букштейном, статистиком и математиком Д. Кендаллом, биологом, статистиком и математиком Д. Рольфом и другими, на русском языке были изложены уже в 2000–2002 гг. (Павлинов, 2000; Павлинов, Микешина, 2002). Математический аппарат ГМ считается достаточно развитым для решения многих прикладных задач. Так, помимо изначальных исследований в области биологии и эволюционной антропологии метод геометрической морфометрии все чаще применяется зарубежными археологами для составления типологий и классификаций (Buchanan et al., 2010; Buxeda i Garrigos, Villalonga Gordaliza, 2011). В российской же археологии и палеоантропологии использование методологии ГМ на данный момент только набирает обороты (Евтеев,

2010; Громов, Казарницкий, 2014; Медникова, Тарасова, 2014). В немалой степени этому способствовало проведение в 2012–2013 гг. ряда лекций и семинаров, посвященных данному методу, на базе МАЭ РАН (Кунсткамера) и ИА РАН проф. Полом О'Хиггинсом (University of York) и проф. Германом Манрикезом (Universidad de Chile).

В отличие от классической морфометрии, т.е. количественного анализа, использующей для описания объекта линейные промеры, ГМ сочетает в себе метод трансформационных решеток и совокупность алгебраических методов многомерного айген-анализа координат меток, описывающих конфигурацию морфологических объектов вне зависимости от их размеров (Bookstein, 1986). Кроме того, все операции сравнения форм производятся относительно усредненной конфигурации – эталона, либо конфигурации меток специально выбранного реального или гипотетического объекта.

Данный подход применим к любым физическим телам, на поверхности которых можно осмысленно расставить метки (точки, landmarks). При этом метки должны быть расставлены не только сообразно целям исследования, но и в соответствии с определенными правилами. Для сравнимости разных объектов метки на каждом из них должны быть «гомологичны», т.е. взаимно соответствовать меткам на любом другом, а значит и их количество на каждом объекте будет одинаковым. В тех случаях, когда строгая фиксация меток не представляется возможной из-за отсутствия четких «привязок», допустимо использовать так называемые контурные точки (outline points) или полуметки (semilandmarks), которые расставляются равномерно вдоль контура (Bookstein, 1990; 1991; Павлинов, 2000). На практике при характеристике объекта, как правило, исследователь имеет дело с комбинацией типов точек.

Большим преимуществом метода, несомненно, является возможность обработки 2D или 3D изображений любых форматов, что позволяет работать как с архивными данными, так и с результатами современного лазерного сканирования. С помощью геометрического представления относительных деформаций трансформационных решеток наглядно демонстрируется локализация различий исследуемых объектов и их характер.

Наша работа посвящена апробации описанного метода применительно к археологическим и антропологическим морфологическим объектам. Так как основным массовым материалом в археологических изысканиях является, несомненно, керамика, в качестве материала была выбрана уже типологизированная и подвергавшаяся традиционному анализу серия керамических сосудов, любезно предоставленная сотрудниками лаборатории «История керамики» Отдела теории и методики ИА РАН Ю.Б. Цетлиным и О.А. Лопатиной. Данная серия является результатом инициированного сотрудниками лаборатории эксперимента и включает 10 горшков, сделанных одним мастером. При этом 5 из 10 сосудов современный мастер изготовил по «привычному» образцу, в то время как остальные были подражанием новой для него форме. Задачей исследования данной керамической серии явилась проверка соответствия результатов анализа методом геометрической морфометрии выводам, полученным исследователями на основании классического описательного метода.

Антропологическая выборка представлена графическими реконструкциями лица по черепу погребенных в центральной могиле Пепкинского кургана (одном из эталонных памятников эпохи средней бронзы), выполненными Г.В. Лебединской. Они были взяты из публикации (Халиков и др., 1966. С. 35–40). Некоторые особенные черты сходства, фиксируемые на вышеупомянутых реконструкциях, позволили предположить, что многие индивиды состояли в тесном кровном родстве (Халиков и др., 1966). Задачей изучения выборки методом ГМ явилась объективная количественная оценка внешнего сходства мужчин, одномоментно погребенных в коллективном захоронении кургана.

Основным результатом анализа методом главных компонент изображений исследуемых сосудов стала дифференциация выборки на 2 «кластера», отображающая различия в обстоятельствах их изготовления. Так, сосуды, произведенные мастером по «привычному» образцу, образовали достаточно монолитную группу в пространстве координат 1-й и 2-й главных компонент. Сосуды, изготовленные тем же мастером по образцу, с

которого он лепил впервые, в том же поле четко дифференцированы от первой группы и представляют собой более неоднородное образование. Тем самым наглядно продемонстрирована неустойчивость навыков гончара при изготовлении форм-подражаний.

Применение данного метода к реконструированным портретам представителей абашевской культуры, одновременно погребенных в Пепкинском кургане, показало его возможности в оценке морфологического сходства индивидуумов, указывающего в данном случае на возможное биологическое родство (Медникова, Тарасова, 2014). По результатам исследования среди погребенных молодых мужчин выделились не менее двух пар близких родственников.

Автор выражает искреннюю благодарность доктору Герману Манрикезу за неоценимую помощь в освоении метода геометрической морфометрии.

Громов А.В., Казарницкий А.А., 2014. Применение методов геометрической морфометрии при изучении форм керамической посуды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 140–142.

Евтуев А.А., 2010. Программа измерительных признаков для оценки изменчивости респираторного отдела лицевого скелета // Вестник Московского университета. Серия 23. № 2. С. 62–76.

Медникова М.Б., Тарасова А.А., 2014. Опыт применения метода геометрической морфометрии в определении степени сходства и биологического родства погребенных в Пепкинском кургане эпохи средней бронзы // КСИА. Вып. 234. С. 338–352.

Павлинов И.Я., 2000. Дополнительные материалы по использованию геометрической морфометрии при анализе изменчивости коренных зубов у полевок (род *Alticola*, Rodentia, Mammalia) // Зоологический журнал. Т. 79. № 1. С. 104–107.

Павлинов И.Я., Микешина Н.Г., 2002. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. Т. 63. № 6. С. 473–493.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 48 с.

Bookstein F.L., 1986. Size and shape spaces for landmark data in two dimensions (with discussion and rejoinder) // Statist. Sci. Vol. 1. № 1. P. 181–242.

Bookstein F.L., 1990. Introduction to methods for landmark data // Proceedings of the Michigan morphometric workshop / Eds. F.J. Rohlf, F.L. Bookstein. Ann Arbor (Michigan): Univ. Michigan Mus. Zool. Spec. Publ. № 2. P. 215–225.

Bookstein F.L., 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 198 p.

Buchanan B., Collard M., 2010. A geometric morphometrics-based assessment of blade shape differences among Paleoindian projectile point types from western North America // Journal of Archaeological Science. Vol. 37. P. 350–359.

Buxeda i Garrigos J., Villalonga Gordaliza A., 2011. Morphometrics and compositional classes. The study of anthropomorphic sculptures from Teotihuacan (Mexico) // Proceedings of the 4th International Workshop on Compositional Data Analysis. P. 2–21.

Г.В. Требелева*, З.Г. Хондзия, Г.Ю. Юрков*****

**Институт археологии РАН, Москва
trgv@mail.ru*

***Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, Сухум
zaza37273@mail.ru*

****Всероссийский научно-исследовательский институт
авиационных материалов, Москва
gy_yurkov@mail.ru*

ВЕЛИКАЯ АБХАЗСКАЯ (КЕЛАСУРСКАЯ) СТЕНА. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Келасурская стена – один из наиболее спорных и загадочных памятников средневековой Абхазии. Сведения о Келасурской стене имеются в работах Ф. Дюбуа де Монпере (1937. С. 147), П.С. Уваровой (1894. С. 34), Л.Н. Соловьева (1940), И.Е. Адзинба (1958).

С. 106–152), В.П. Пачулиа (1968. С. 125, 126), Ю.Н. Воронова (1971. С. 379; 1972а. С. 472; 1972б. С. 393 – 396; 1973а. С. 100–122; 1973б. С. 98–104), М.М. Гунба (1977. С. 137–151) и др. Но, несмотря на долгую историю изучения, до сих пор нет точных ответов на вопросы о ее датировке, и даже точной локализации всех ее башен. Ю.Н. Воронов, который, считается, прошел всю стену, упоминает 279 башен (1973а. С. 109), но при этом подробная схема их расположения заканчивается башнями 267 и 268, расположенными на левом берегу р. Моква, не доходя до р. Геджир (1973а. С. 107). Башню на р. Геджир Ю.Н. Воронов не указывает на своей схеме, но пишет: «поскольку дальше от Геджир до самого Ингура на протяжении 42 км никаких стен не прослеживается» (Воронов, 1973. С. 106). Вслед за И.Е.Адзинба (1958. С. 106–152) на общей схеме Ю.Н. Воронов продолжает общее направление стены до р. Ингур (1973. С. 102). Иной маршрут прохождения стены мы встречаем у И. Лихачева – от Отапской пещеры он поворачивает ее на юг на Бедию (1881. С. 245–248).

В связи с этим одной из целей нашего исследования была точная локализация местонахождения Келасурской стены с помощью приемника GPS. В 2013–2014 гг. был пройден участок от р. Келасур до р. Улыс, где зафиксировано 174 башни, некоторые – вместе с соединяющими их стенами. Кроме того, осмотрены укрепления Оджиху и Реч-абаа в Ткварчальском районе, которые исследователи вслед за И.Е. Адзинба традиционно относили к системе Келасурской стены (Адзинба, 1958. С. 129–133; Воронов, 1973а. С. 134; Пачулиа, 1969. С. 95; Трапш, 1975. С. 188, 204). Осмотр этих укреплений позволил сделать однозначный вывод, что к Келасурской стене они не относятся ни по планировке, ни по направленности, ни по технике строительства (Требелева и др., 2014а. С. 281; Требелева и др., 2014б. С. 314, 315; Требелева и др., 2014в. С. 250–253). Значит, искать восточный конец следует западнее этих укреплений.

В 2014 г. были проведены сплошные разведки по территории от р. Улыс до р. Окум. В результате вдоль р. Аалдзга (Галидзга) выявлены 9 башен, по ориентировке и планировке, а также технике строительства идентичных башням Келасурской стены. Таким образом, можно констатировать, что Келасурская стена действительно от предгорий шла к морю, но не по р. Ингур, а по р. Аалдзга (Галидзга), спускаясь к побережью в районе современного г. Очамчира, древнего городища Гюэнос. К сожалению, следов стены на

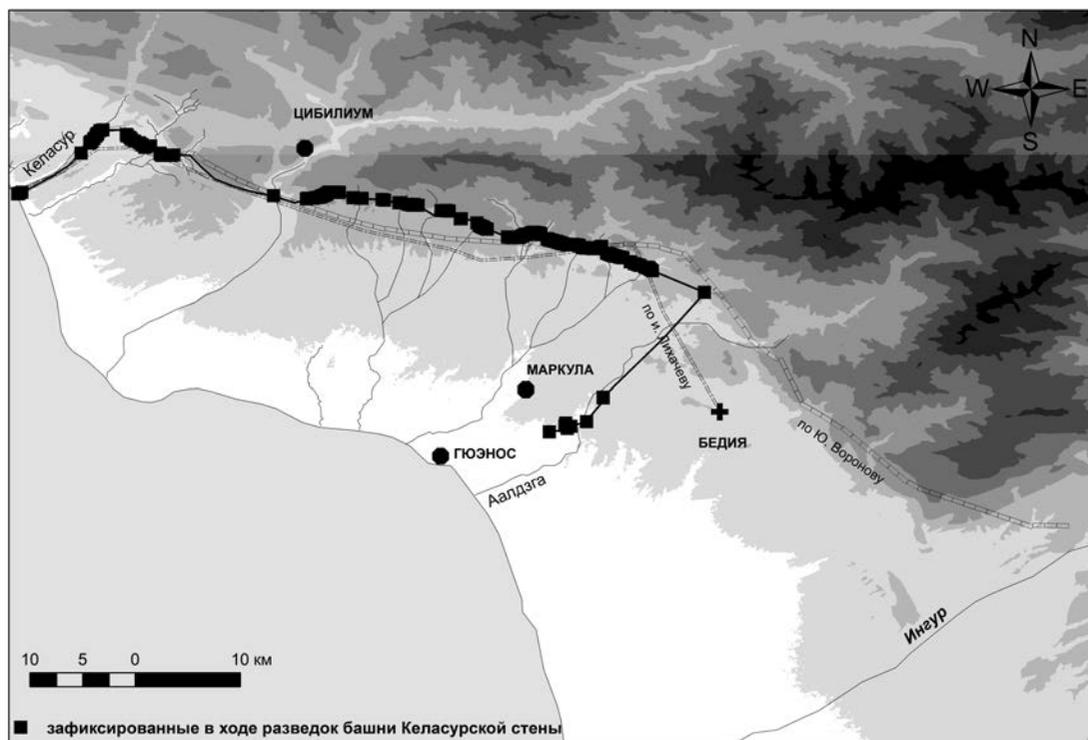


Рис. 1. Великая Абхазская (Келасурская) стена.

территории Очамчиры обнаружить не удалось, скорее всего, при застройке города они были уничтожены. Поэтому с уверенностью сказать, находился ли Гюэнос внутри стены или оставался снаружи, мы не можем.

- Адзинба И.Е., 1958. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми: Абгиз.
- Воронов Ю.Н., 1971. Разведки в Абхазской АССР // АО. С. 379.
- Воронов Ю.Н., 1972а. Разведочные работы в Абхазской АССР // АО. С. 472.
- Воронов Ю.Н., 1972б. К уточнению интерпретации одного сведения Прокопия Кесарийского о строительной деятельности Юстиниана в Причерноморье // Тезисы докладов XV научной конференции Института археологии Украины. Одесса. С. 393–396;
- Воронов Ю.Н., 1973а. Келасурская стена // СА. № 2. С. 100–122.
- Воронов Ю.Н., 1973б. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.
- Гунба М.М., 1977. Келасурская стена // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. VI. С. 137–151.
- Дюбуа де Монпере Ф., 1937. Путешествие вокруг Кавказа. Сухум.
- Лихачев И., 1881. Чловская пещера и легенда о Абласкире – Прометее // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М.
- Пачулиа В.П., 1968. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.
- Пачулиа В.П., 1969. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми.
- Соловьев Л.Н., 1940. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена). Рукопись. Сухум. Архив АБИГИ им. Д.И. Гулиа. № 344.
- Стражев В.И., 1926. Руинная Абхазия // Известия Абхазского научного общества. Т. 1. С. 25–28.
- Трапш М.М., 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Труды в 4-х томах. Т. 4 / Отв. ред. А.Х. Халиков. Сухуми: Алашара, 228 с.
- Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., Горлов Ю.В., Сангулия Г.А., Цвинария И.И., Сакания С.М., Кайтан Ш.Г., 2014а. Разведки по Восточной Абхазии 2013 г. Новые открытия // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Матер. Междунар. науч. конф. М. С. 280–282.
- Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., Горлов Ю.В., Сангулия Г.А., Сакания С.М., Кайтан Ш.Г., Цвинария И.И., Хондзия З.Г., 2014б. Оборонительные сооружения и храмы средневековой Абхазии: исследования археологических артефактов естественно-научными методами и историческое моделирование с применением ГИС-технологий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань. С. 314–317.
- Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., Сангулия Г.А., Кайтан Ш.Г., 2014в. Чхортольский храм и вопрос локализации великой абхазской (Келасурской) стены // IV «Анфимьевские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Матер. междунар. археологич. конф. Краснодар. С. 250–253.
- Уварова П.С., 1894. Материалы по археологии Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. IV.

А.А. Трошина

МБУ «Коломенский археологический центр»

alla-troshina89@rambler.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЛАНДШАФТОВ В ОКРУГЕ ЩУРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В I ТЫС. Н. Э.¹

Щуровский могильник (известный в литературе также как селище Щурово) – это многослойный памятник, расположенный на правом берегу Оки на окраине г. Коломна (Сыроватко, 2010; 2014; Syrovatko et al., 2012). На данном памятнике прослежены несколько этапов заселения на протяжении I тыс. н.э., что дает возможность исследовать отложения этого периода и проследить динамику ландшафтов в округе. Однако важно учитывать, что полученные реконструкции носят локальный характер и связаны с фитоценозами, непосредственно прилегающими к территории памятника. Чтобы избежать

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00423А «Реконструкция природного окружения поселений раннего железного века – раннего Средневековья в бассейне Средней Оки».

Табл. 1. Корреляция спорово-пыльцевых разрезов, выполненных на памятнике Щурово (серым цветом выделены теплые периоды; римские цифры обозначают номер спорово-пыльцевого комплекса в соответствующем разрезе).

Слой	Возраст	Палинологическая зона		Разрез 2009	Разрез 2010	Разрез 2011	Разрез 2013	Под керамикой
Аллювий	XVII-XIX вв.	Постепенное возрастание роли сосны, уменьшение широколиственных пород и березы / большая роль злаков / господство спор	7	IV – V	III			
Углистый слой	IX в.	Широколиственные породы с участием березы / высокая роль разнотравья	6	III	II			
Верх заполнения рва	Между VII и IX вв.	Сосна и широколиственные породы / господство спор	5	II				
Дно рва	VII в.	Береза с участием широколиственных пород / много разнотравья	4	I				
Серый слой	Третья четверть I тыс. н.э.	Широколиственные породы с орешником и участием березы / увеличение доли разнотравья	3				II	
Серый слой	IV-V вв.	Широколиственные породы с орешником / пик злаков	2			II	I	
Серый слой	III в.	Орешник, широколиственные леса с березой / много разнотравья	1			I		I

возможных ошибок при трактовке данных спорово-пыльцевого анализа, была исследована серия разрезов с разных участков памятника.

Стратиграфия Щуровского могильника непростая: памятник многослойный, однако разновременные отложения не всегда совпадают планиграфически. Слой позднедыяковского селища (IV–V вв.) связан с останцом надпойменной террасы; его перекрывают «домики мертвых» VII в. К северу в пойме расположен поселенческий слой третьей четверти I тыс. н.э., а к югу от останца – самый ранний участок с «нитчатой» керамикой. Могильник с кремациями IX в. имеет площадь не менее 2000 кв. м и частично перекрывает перечисленные более ранние участки. Исследованные разрезы содержали слои разного времени, и их корреляция проводилась на основе сопоставления археологических и палеоботанических данных.

К настоящему времени на памятнике изучены 6 разрезов на разных его участках, а также один образец из-под развала сетчатого сосуда. Результатом палинологических исследований явилась реконструкция палеоландшафтных изменений в округе могильника с первых веков н.э. до IX в. Корреляция полученных данных позволила выделить 7 палинологических зон, которые объединяют сходные спорово-пыльцевые комплексы из разных разрезов (табл. 1).

Среди особенностей спорово-пыльцевых диаграмм разрезов Щуровского могильника можно отметить доминирующую роль пыльцы липы, связанную, по всей видимости, с пойменными широколиственными лесами, которые, по данным некоторых авторов, в I тыс. н.э. достигли своего максимального развития (Хотинский и др., 1979. С. 72–74; Фоломеев и др., 1988. С. 189). Кроме того, данные анализа указывают на полуоткрытость ландшафтов в округе памятника, что, на наш взгляд, также связано с особенностями пойменной растительности.

Согласно нашим данным, практически все I тыс. н.э. было сравнительно теплым временем, в округе памятника произрастали широколиственные леса и разнотравные луга на открытых пространствах. Ухудшение климатических условий прослежено лишь в VIII в., причем наступившее похолодание отмечено во многих работах по другим регионам (Алешинская и др., 2008. С. 43; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 385.; и др.). В отличие от температурных условий, гидрологический режим не был таким стабильным: нам удалось проследить динамику увлажненности на этой территории в течение исследуемого периода. Первая половина I тыс. н.э. была довольно влажным временем. Это подтверждается и данными по топографии памятников указанного периода – все они приурочены к высоким точкам рельефа. Кроме того, наличие спикул губок и водорослей в одном из образцов из слоя середины I тыс. н.э. (табл. 1, палинологическая зона 2) указывает на то, что данный участок поймы некоторое время подтапливался. Однако уже в третьей четверти I тыс. н.э. здесь существовало селище, следовательно, увлажненность упала. Данные по четвертой четверти I тыс. н.э. указывают на более влажные условия и теплый климат.

При помощи спорово-пыльцевого анализа удалось получить данные и об уровне освоенности территории. Наиболее активно округа памятника осваивалась в первой половине I тыс. н.э. Воздействие на среду проявилось в вырубке широколиственных пород, что способствовало росту и пылению орешника в подлеске (пики которого отмечены в зонах 1 и 2 (табл. 1). В середине I тыс. н.э. отмечается наибольший уровень антропогенной нагрузки, проявившейся в падении кривой пыльцы древесных пород и пике кривой злаков, среди которых высокая доля приходится на пыльцу «типа культурных злаков». В дальнейшем антропогенная нагрузка на ландшафт снижается, что согласуется и с археологическими данными: на памятнике имеется поселенческий материал позднедьяковского времени, однако поселение, синхронное позднему могильнику IX в., пока не обнаружено. Возможно, поселение было сильно удалено от места совершения погребений, что и нашло отражение в спорово-пыльцевых комплексах этого времени.

- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Макаров Н.А., Спиридонова Е.А., 2008. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. № 1. С. 35–47.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История. 670 с.
- Сыроватко А.С., 2010. Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // КСИА. Вып. 224. С. 297–304.
- Сыроватко А.С., 2014. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // РА. № 4. С. 48–61.
- Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гуман М.А., 1988. Климентовская стоянка (к вопросу о хозяйственной деятельности человека и развитии природной обстановки в долине Средней Оки) // Труды ГИМ. Вып. 68. М. С. 168–191.
- Хотинский Н.А., Фоломеев Б.А., Гуман М.А., 1979. Археолого-палеогеографические исследования на Средней Оке // СА. № 3. С. 63–81.
- Syrovatko A., Zaretskaya N., Troshina A., Panin A., 2012. Radiocarbon chronology of the Schurovo burial mound cremation complex (the Viking Times, Middle Oka river, Russia) // Radiocarbon. V. 54. № 3, 4. P. 771–781.

М.А. Холкина

*Санкт-Петербургский государственный университет
tyttokulta@yandex.ru*

АНАЛИЗ СОСТАВА ФОРМОВОЧНОЙ МАССЫ КЕРАМИКИ ПАМЯТНИКА ПОДОЛЬЕ-1 (ЮЖНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ)

На рубеже IV–III тыс. до н.э. в регионе Восточной Балтики на смену типичной гребенчато-ямочной керамике приходят различные группы керамики с примесью асбеста и

со следами выгоревшей органической примеси. Разнообразие вариантов орнаментации и особенностей технологии изготовления такой керамики нужно, вероятно, рассматривать как следствие происходивших в это время сложных культурно-исторических процессов и активных контактов между отдельными группами населения. Изучение пористой и асбестовой керамики рассматриваемого региона представляет важность для попытки реконструкции данных процессов.

Целью исследования было выявление и анализ групп пористой и асбестовой керамики с различным составом формовочной массы и интерпретация полученных результатов в контексте региона Восточной Балтики.

Источником исследования послужила коллекция керамического материала стоянки каменного века – эпохи раннего металла Подолье-1. Памятник был открыт в 2009 г. в 4 км к югу от южного берега Ладожского озера в Кировском районе Ленинградской области (Гусенцова и др., 2014а. С. 189). За три года раскопок на площади 142 кв. м выявлены культурные отложения мощностью до 1,5 м, сложенные из торфа и дерева и содержащие множество крупных развалов сосудов (Гусенцова и др., 2014б. С. 128). На основании совокупности данных о технологии, форме и орнаментации было выделено 95 условных сосудов с примесью асбеста и/или следами выгоревшей органической примеси (всего 1917 крупных фрагментов).

Основы методики изучения состава формовочной массы и, в первую очередь, признаки разных видов отощителей, были освоены автором в Самарской экспериментальной экспедиции в 2014 г. под руководством д.и.н. Ю.Б. Цетлина, к.и.н. Н.П. Салугиной и к.и.н. И.Н. Васильевой. Анализ фрагментов проводился с использованием бинокулярного микроскопа МБС-2 и цифрового микроскопа Leica DVM5000 в ресурсном центре СПбГУ «Геомодель».

По итогам проведенного анализа в составе формовочной массы керамики памятника Подолье-1 выявлены следы таких отощителей, как раковина (88% сосудов), перо (64%), асбест (17%) и шамот (4%).

Было выделено девять рецептов состава формовочной массы. Среди них три несмешанных двухкомпонентных: глина+раковина (24%), глина+асбест (10%) и глина+перо (1%) и шесть смешанных, трех- и четырехкомпонентных: глина+раковина+перо (54%), глина+раковина+перо+асбест (4%), глина+раковина+перо+шамот (3%), глина+раковина+асбест (2%), глина+раковина+шамот (1%), глина+перо+асбест (1%).

Проведенный анализ показал, что основу керамического комплекса памятника Подолье-1 составляет керамика с примесью раковины. При этом 70% сосудов с раковинной примесью содержат также примесь птичьего пера. Шамот в качестве примеси встречается в единичных случаях – в дополнение к примеси раковины и/или пера. Примесь асбеста, напротив, чаще встречается в чистом виде, однако здесь, в отличие от керамики памятников Карельского перешейка (Холкина, 2013. С. 24), впервые зафиксированы случаи добавления в асбестовую керамику органической примеси.

Традиция использования дробленой раковины в качестве примеси была широко распространена в III тыс. до н.э. на памятниках лесной зоны от Восточной Прибалтики (Kriiska, 1995. Р. 86) до Волго-Окского междуречья, где носителями волосовской культуры она добавлялась в формовочную массу вместе с птичьими перьями и пометом (Цетлин, 2012. С. 72).

Находки асбестовой керамики, как правило, приурочены к месторождениям асбеста в Карелии и Финляндии. Преобладание керамики с примесью асбеста в чистом виде и ее яркие технологические особенности (Холкина, 2013. С. 24) свидетельствуют об особой традиции ее изготовления, а наличие смешанных рецептов – об объединении двух традиций. Единичные случаи добавления в формовочную массу шамота можно с некоторой долей вероятности отнести к влиянию со стороны культур шнуровой керамики.

Таким образом, на основании анализа состава формовочной массы можно заключить, что керамический комплекс стоянки Подолье-1 сочетает в себе следы нескольких керамических традиций. Это подтверждает вывод о том, что памятник находился в зоне

активных контактов групп древнего населения (Гусенцова и др., 2014б. С. 128). Дальнейший анализ керамики и, прежде всего, особенностей ее орнаментации, позволит уточнить и дополнить полученные выводы.

- Гусенцова Т.М., Сапелко Т.В., Лудикова А.В., Кулькова М.А., Рябчук Д.В., Сергеев А.Ю., Холкина М.А., 2014а. Археология и палеогеография стоянки Подолье-1 в Южном Приладожье // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.: ООО «Периферия». С. 127–134.
- Гусенцова Т.М., Кулькова М.А., Рябчук Д.В., Сергеев А.Ю., Холкина М.А., 2014б. Геоархеология памятников первобытной эпохи Приневского региона // Геология, геоэкология, эволюционная география. Т. XII. СПб.: РГПУ. С. 189–197.
- Холкина М.А., 2013. Исследования пористой и асбестовой керамики Карельского перешейка с использованием традиционных и современных методов // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тез. науч. конф. молодых ученых Санкт-Петербурга. СПб.: ИИМК РАН. С. 23–25.
- Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 379 с.
- Kriiska A., 1995. Narva jõe alamjooksu ala neoliitiline keraamika // Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Muinasaja teadus. 3. Tallinn. P. 54–115.

В.Л. Щербаков

*Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
Scherbakov-V-L@yandex.ru*

НЕКОТОРЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Сельскохозяйственный инвентарь в коллекциях археологических памятников центральных районов Северо-Восточной Руси X–XIV вв. представлен, в основном, косами, серпами, сошниками. Зачастую это сильно фрагментированные предметы, что затрудняет их характеристику с морфологической точки зрения.

Технология изготовления сельскохозяйственного инвентаря реконструируется на основании результатов металлографического анализа предметов (табл. 1). К настоящему времени опубликованы данные по восьми орудиям из коллекций памятников центра Северо-Восточной Руси: серп X–XIII вв. из Суздаля был изготовлен целиком из фосфористого железа, не уступающего по твердости термообработанной стали (Завьялов и др., 2012. С. 350), из пяти серпов XII – первой половины XIV в. Семьинского городища два имели наварное лезвие, один — сварное, еще по одному экземпляру было выполнено из пакетированного металла и целиком из стали (Завьялов и др., 2012. С. 356–358), серп XI–XII вв. из селища Введенское (Завьялов и др., 2012. С. 365) и орудие X–XII вв. из Владимирских курганов (Колчин, 1953. С. 92. Рис. 55; С. 93. Рис. 56) имели наварные лезвия.

Приведенные данные уместно дополнить результатами микроструктурного анализа еще 11 предметов. Насад косы из комплекса второй половины IX – X в. (селище Вель 5) был выкован целиком из сырцового железа. Изучение фрагмента косы или серпа конца X – первой половины XII в. (селище Ключково 2) выявило однородную структуру феррита, указывающую на изготовление орудия целиком из кричного железа. Датированная в пределах X–XIII вв. коса-горбуша из коллекции селища Шекшово 2 имела наваренное на основу из сырцового железа лезвие из стали со средним содержанием углерода. Сходная технологическая схема была зафиксирована на фрагменте косы, происходящем из культурного слоя IX–XIV вв. селища Налуцкое 1: на основу из пакетированного металла было наварено лезвие из сырцового железа, при изъятии образца отслоившееся; мастером был

допущен перегрев металла в процессе сварки. Из коллекции Пьянковского могильника XII–XIII вв. происходят четыре серпа и одна коса. Два серпа были откованы целиком из сырцово-й стали, один имел сварное стальное лезвие, пакетирование было использовано при производстве еще одного серпа и косы. Серп XII–XIII вв. из коллекции курганного могильника Погост был выполнен из пакетированного металла.

К одному из периодов функционирования селища Весь 5 – второй половине IX – X в. или второй половине XII – началу XIV в. относится найденный здесь сошник. При металлографическом анализе определено, что предмет был откован целиком из сырцово-й стали. Технологическую простоту сошников, найденных при раскопках в Новгороде, отмечал Б.А. Колчин (Колчин, 1959. С. 70).

Курганные материалы позволяют оценить возможную взаимосвязь формы серпов и технологии их изготовления. Серпы из курганов XII–XIII в., изученные металлографически, по форме относятся к типу так называемых новгородских (Колчин, 1953. С. 90). При анализе пяти серпов выявлены три разных технологических схемы: варка стального лезвия (1 экз.), пакетирование (2 экз.), изготовление целиком из стали (2 экз.). На основании имеющегося в нашем распоряжении материала трудно определить, не является ли случайным отсутствие среди серпов такой формы, датирующихся в пределах XII–XIII вв., экземпляров с наваренным стальным лезвием. Отметим, что пока проследить устойчивую связь формы и технологии не удается.

Косы и серпы, в силу своего функционального назначения, должны были иметь достаточно стойкую заточку. В этой связи представляются рациональными технологические схемы, предполагавшие выход на рабочую часть орудия стали. Маловероятно, что схема наварки лезвия на косах и серпах изучаемого региона, большая часть которых происходит из коллекций сельских памятников (селищ и курганных могильников), могла получить широкое распространение раньше, чем на ножах из сельских поселений, то есть ранее конца XI в. (Щербаков, 2014. С. 39). Данное технологическое решение Б.А. Колчин считал стандартным для кос (Колчин, 1959. С. 72, 73) и свойственным для древнерусских серпов, 65% которых, по его мнению, имели стальное лезвие, соеди-

Табл. 1. Технология изготовления средневекового сельскохозяйственного инструментария центральных районов Северо-Восточной Руси.

Памятник/датировка предметов	Целиком из железа	Целиком из сырцово-й стали	Пакетирование	Вварка	Наварка
Весь 5, сел. / вт. пол. IX – X в.		▲			
Клочково 2, сел. / кон. X – перв. пол. XII в.	▲				
Шекшово 2, сел. / X–XIII вв.					▲
Налуцкое 1, сел. / IX–XIV вв.					▲
Весь 5, сел. / вт. пол. IX – X, вт. пол. XII – нач. XIV в.		●			
Суздаль, город / X–XIII вв.	■				
Семьинское городище / XII – перв. пол. XIV в.		■	■	■	■ ■
Введенское, сел. / XI–XII вв.					■
Владимирские курганы / X–XII вв.					■
Пьянково, к.м. / XII–XIII вв.		■ ■	▲ ■	■	
Погост, к.м. / XII–XIII вв.			■		

Условные обозначения: ▲ - коса; ■ - серп; ● - сошник.

ненное с основой изделия при помощи кузнечной сварки (Колчин, 1953. С. 91). Зафиксированная на нескольких изученных орудиях структура пакетированного металла, в большинстве случаев с выводом стали на режущую кромку инструмента, указывает на сознательный подбор сырья мастером и рациональный характер использованной схемы, поскольку для производства крупных орудий требовалось значительное количество металла, при этом использование металлолома, определяемого металлографически по хаотичной ориентации полос металла в поперечном сечении предмета, могло негативно сказаться на прочности изделия.

Изучение средневекового сельскохозяйственного инструментария Волго-Клязьминского междуречья и прилегающих районов позволяет отметить характерную особенность наиболее представительной группы вещей — серпов. Менее чем на половине из них зафиксирована вварка или наварка лезвия. В целом при изготовлении сельскохозяйственного инвентаря в указанном регионе часто использовался прием пакетирования ($\frac{1}{4}$ предметов с учетом имеющих наваренное на пакетированную основу стальное лезвие) и реализовывались простые технологические схемы: ковка целиком из кричного железа и сырцово-стальной стали.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2012. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил. 376 с.

Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. № 32. М.: АН СССР. 259 с.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: АН СССР. С. 7–119. (МИА. № 65.)

Щербаков В.Л., 2014. О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополя) // РА. № 1. С. 32–39.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААНД ГНУ – Архив археологической научной документации Государственного научного учреждения
- АКР – Археологическая карта России
- ВАУ – Вопросы археологии Урала
- ВДИ – Вестник древней истории
- ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
- ЗИН РАН – Зоологический институт Российской академии наук
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
- ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры имени Н.Я. Марра
- ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
- КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- ЛОИИМК АН – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
- МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
- МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НА НЗХТ – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
- ОАК – Отчет Археологической Комиссии
- ПГНИАЦ – Псковский государственный научно-исследовательский археологический центр
- РА – Российская Археология
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СХМ – Сообщения Херсонесского музея
- ТКБАЭ – Труды Костёнковско-Борщевской археологической экспедиции

Научное издание

Новые материалы и методы археологического исследования:
Материалы III Международной конференции молодых ученых

Редактор *В.Е. Родинкова*
Дизайн и верстка: *Д.И. Киселев*

Подписано в печать 20.04.2015. Формат 60 x 84 ¹/₈
Усл.печ.л. 24,18. Уч.-изд.л. 19,74. Тираж 200 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-178-3



9 785943 1751783